

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства
Международный научный журнал

№5 (2011)

ВЯР

Москва 2011

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship
International Scientific Periodical

N^o5 (2011)

Moscow 2011

Редакционный совет:

Вяч. Вс. ИВАНОВ (Москва – Лос-Анджелес) / председатель

Х. АЙХНЕР (Вена)

М. Е. АЛЕКСЕЕВ (Москва)

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Санкт-Петербург)

М. ГЕЛЛ-МАНН (Санта-Фе)

А. Б. ДОЛГОПОЛЬСКИЙ (Хайфа)

Ф. КОРТЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

А. Ю. МИЛИТАРЕВ (Москва)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

К. В. БАБАЕВ

А. В. ДЫБО

А. С. КАСЬЯН

О. А. МУДРАК

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Advisory Board:

Vyach. Vs. IVANOV (Moscow–Los Angeles, Calif.) / Chairman

M. E. ALEXEEV (Moscow)

W. BAXTER (Ann Arbor, Mich.)

V. BLAŽEK (Brno)

A. B. DOLGOPOLSKY (Haifa)

H. EICHNER (Vienna)

M. GELL-MANN (Santa Fe, New Mexico)

F. KORTLANDT (Leiden)

A. LUBOTSKY (Leiden)

A. YU. MILITAREV (Moscow)

V. F. VYDRIN (Saint-Petersburg)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)

G. S. STAROSTIN (Managing Editor)

T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)

K. V. BABAEV

A. V. DYBO

A. S. KASSIAN

O. A. MUDRAK

Founded by Kirill BABAEV

УДК 81(05)
ББК 81я5

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2011. — № 5. — x + 156 с. — (Вестник РГГУ: Научный журнал; Серия «Филологические науки. Языкознание»; № 5(66)/11).

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2011. — No. 5. — x + 156 p. — (RSUH Bulletin: Scientific Periodical; Linguistics Series; No.5(66)/11).

ISSN 1998-6769

<http://www.jolr.ru>
journal@nostratic.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 17.01.2011. Формат 60×90/8.
Бум. офсетная. Гарнитура Палатино.
Печать офсетная. Тираж 1050 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в «Наша Полиграфия», г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	ix
Note for Contributors / Будущим авторам	x

Articles / Статьи

<i>Václav Blažek</i> . Indo-European laryngeals in Afro-Asiatic perspective	1
[<i>В. Блажек</i> . Индоевропейские ларингалы в афроазиатской перспективе]	
<i>A. И. Коган</i> . К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири	23
[<i>Anton Kogan</i> . On the nature of Indo-Aryan elements in the Kashmiri language]	
<i>C. В. Кулланда</i> . Уроки скифского	48
[<i>Sergey Kullanda</i> . Scythian lessons]	
<i>Alexander Militarev</i> . A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated: Items 35–44	69
[<i>А. Ю. Милитарев</i> . Новый вариант подробной этимологизации стословного списка семитских языков: элементы 35–44]	
<i>Kirill Reshetnikov, Mikhail Zhivlov</i> . Studies in Uralic vocalism II: Reflexes of Proto-Uralic *a in Samoyed, Mansi and Permic	96
[<i>К. Ю. Решетников, М. А. Живлов</i> . Исследования в области уральского вокализма II: отражение прауральского *a в самодийских, мансийском и пермских языках]	
<i>N. P. Сумбатова</i> . Грамматические особенности и проблема происхождения личных показателей в даргинском языке	110
[<i>Nina Sumbatova</i> . On some grammatical features and the issue of the origin of personal markers in Dargwa]	
<i>Søren Wichmann, Eric W. Holman, Dietrich Stauffer, Cecil H. Brown</i> . Similarities among languages of the Americas: An exploration of the WALS evidence	130
[<i>С. Вихманн, Э. Холман, Д. Штауффер, С. Браун</i> . Исследование данных WALS на предмет выявления и анализа сходств между языками Америки]	

Discussion Articles / Дискуссионные статьи

<i>Arnaud Fournet, Allan R. Bomhard</i> . Response to A. Kassian's review of <i>The Indo-European Elements in Hurrian</i>	135
[<i>А. Фурне, А. Р. Бомхард</i> . Ответ на рецензию А. Касьяна (<i>The Indo-European Elements in Hurrian</i>)]	
<i>Alexei Kassian</i> . More about the theoretical foundations of lexicostatistics (an answer to A. Fournet & A. Bomhard)	142
[<i>А. Касьян</i> . Еще раз к вопросу о теоретических основаниях лексикостатистики: ответ А. Фурне и А. Бомхарду]	

Announcements / Анонсы

Kirill Babaev. The Niger-Congo reconstruction project and the perspectives
of Niger-Congo comparative studies 146
[К. В. Бабаев. Проект реконструкции праязыка нигер-конго
и перспективы сравнительного изучения нигеро-конголезских языков]

Periodic reviews / Периодика

The Journal of Indo-European Studies. Vol. 37, 2009
(А. С. Крылова / *Nastya Krylova*) 151

Сведения об авторах

Бабаяев Кирилл Владимирович — канд. филол. наук, доцент Института восточных культур и античности РГГУ, научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва), babaev@yandex.ru

Блажек Вацлав — проф. Масарикова университета, Брно, blazek@phil.muni.cz

Бомхард Аллан Р. — Чарльстон, Южная Каролина, США, bomhard@aol.com

Браун Сесил — сотрудник Отдела антропологии, Университет Северного Иллинойса, brown.cecil@yahoo.com

Вихманн Сёрен — ст. науч. сотрудник Отдела языкознания, Институт Макса Планка, Лейпциг, wichmann@eva.mpg.de

Живлов Михаил Александрович — канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), zhivlov@yandex.ru

Касьян Алексей Сергеевич — канд. филол. наук, преп. Центра компаративистики ИВКА РГГУ (Москва), a.kassian@gmail.com

Коган Антон Ильич — канд. филол. наук, науч. сотрудник Отдела языков Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва), kogan_anton@yahoo.com

Крылова Анастасия Сергеевна — аспирант Центра компаративистики ИВКА РГГУ (Москва), krylova_anastasi@bk.ru

Кулланда Сергей Всеволодович — канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), kullanda@java.msk.ru

Милитарев Александр Юрьевич — доктор филол. наук, проф. Центра древневосточных исследований ИВКА РГГУ (Москва), amilitarev@gmail.com

Решетников Кирилл Юрьевич — канд. филол. наук, науч. сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), cyrilreshe@yandex.ru

Сумбатова Нина Романовна — канд. филол. наук, зав. отделением теоретической лингвистики Института лингвистики РГГУ (Москва), nina.sumbatova@gmail.com

Фурне Арно — Гарен-Коломб, Франция, fournet.arnaud@wanadoo.fr

Холман Эрик — профессор Калифорнийского университета, Лос-Анджелес, holman@psych.ucla.edu

Штауффер, Дитрих — профессор Кёльнского университета, stauffer@thp.uni-koeln.de

Contributors

Kirill V. Babaev — candidate of sciences (Philology), Associate Prof., Russian State University for the Humanities; researcher, Institute of Linguistics for the Russian Academy of Sciences (Moscow), babaev@yandex.ru

Václav Blažek — professor, Masaryk University, Brno, blazek@phil.muni.cz

Allan R. Bomhard — Charleston, South Carolina, bomhard@aol.com

Cecil H. Brown — Department of Anthropology, Northern Illinois University, brown.cecil@yahoo.com

Arnaud Fournet — La Garenne Colombes, France, fournet.arnaud@wanadoo.fr

Eric W. Holman — Professor Emeritus, University of California, Los Angeles, holman@psych.ucla.edu

Alexei Kassian — candidate of sciences (Philology), researcher, Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow), a.kassian@gmail.com

Anton I. Kogan — candidate of sciences (Philology), researcher, Department of Asian and African languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), kogan_anton@yahoo.com

Nastya Krylova — postgraduate student, Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow), krylova_anastasi@bk.ru

Sergey V. Kullanda — candidate of sciences (History), senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), kullanda@java.msk.ru

Alexander Yu. Militarev — doctor of sciences (Philology), professor, Center of Ancient Eastern research, Institute of Eastern Cultures and Antiquity, RSUH (Moscow), amilitarev@gmail.com

Kirill Yu. Reshetnikov — candidate of sciences (Philology), researcher, Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), cyrilreshe@yandex.ru

Dietrich Stauffer — professor, University of Cologne, stauffer@thp.uni-koeln.de

Nina R. Sumbatova — candidate of sciences (Philology), Head of Department of theoretical linguistics, Russian State University for the Humanities, nina.sumbatova@gmail.com

Søren Wichmann — senior scientist, Department of Linguistics, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, wichmann@eva.mpg.de

Mikhail A. Zhivlov — candidate of sciences (Philology), researcher, Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), zhivlov@yandex.ru

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute of Oriental Cultures and Antiquity
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: journal@nostratic.ru

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our Website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at journal@nostratic.ru.

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий, от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: journal@nostratic.ru

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прикладывается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. Вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru>, или же непосредственно обратившись к редакции по электронной почте (journal@nostratic.ru).

Indo-European laryngeals in Afroasiatic perspective¹

The paper represents an attempt to verify the reconstruction of laryngeal consonants in Proto-Indo-European through external comparison with Afro-Asiatic languages. Working from a standpoint of genetic relatedness between Indo-European and Afro-Asiatic, the author has assembled a set of 80 binary comparisons that contain laryngeals both in their Indo-European and Afro-Asiatic constituents. Analysis of the evidence leads to the conclusion that (a) Indo-European $*H_1$ generally corresponds to Afro-Asiatic $*ʕ$; (b) Indo-European $*H_2$ and $*H_3$ correspond to all the other Afro-Asiatic laryngeals, with the much rarer $*H_3$ possibly representing just a positional variant of $*H_2$.

Keywords: Indo-European, Afro-Asiatic, Nostratic, long-range comparison, laryngeal theory.

Dedicated to the memory of Hermann Møller (1850–1923)

The authorship of the Laryngeal Theory has been ascribed to Ferdinand de Saussure, who presented his ideas in the book *Mémoires sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*. The monograph was published in Leipzig 1879, when he was 22, and a year before the end of his study at Leipzig University. He proposed that the traditionally reconstructed $*ē$ and $*ā$ should represent a sequence $*eA$ (but without any explanation of the conditions differentiating between $*ē$ and $*ā$) and that the long vowel $*ō$ had to reflect $*eQ$ (sic).

Already in the following year the Danish scholar Hermann Møller (in his review of the study on Germanic conjugation published in *Englische Studien* III, 1879[80], 151), introduced the third *coefficient sonantique* — the term used for the first time by de Saussure — namely $*E$, causing $*eE \rightarrow *ē$, as opposed to $*eA \rightarrow *ā$. He characterized these three *coefficients* as ***konsonantische Kehlkopflaute***. A year later (1880) Møller wrote even more concretely: *die fragliche Laute seien “wahrscheinlich Gutturale von der Art der semitischen” gewesen*. Møller did not abide by these words alone. In 1906 he published the study *Semitisch und Indogermanisch*, I, following it up with the comparative dictionary *Indoeuropæisk-semitisk sammenlignende glossarium* (Kjøbenhavn: Schultz 1909), its German version *Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch* (Göttingen 1911), and, finally, the study *Die semitisch-vorindogermanischen laryngalen Konsonanten* (København: Høst & Søn 1917).

Thus it was Møller who first formulated the idea of “trilaryngealism” for the early Indo-European protolanguage. He also tried to identify the Semitic laryngeals with their hypothetical counterparts in Indo-European (Møller 1917, 3–4):

¹ This study originated in cooperation with the Centre for the Interdisciplinary Research of Ancient Languages and Older Stages of Modern Languages (MSM 0021622435) at Masaryk University, Brno, and thanks to the grant No. IAA901640805. I owe John Bengtson his valuable corrections of my English and typos. The first presentation of the results was at the conference “The Sound of Indo-European”, held in Kobenhavn in April 2009. A shortened version of this paper has been prepared for the Proceedings of this conference.

de Saussure <i>coefficients</i>	Semitic counterparts
<i>E</i>	*ʔ (aleph)
<i>A</i>	*ḥ (& *ʔ)
<i>Q</i>	*ʕ (ayin)

Pedersen (1905) preferred to identify the *coefficient* **A* with a γ or *ʕ*-type sound.

The ideas of de Saussure and Møller were accepted and developed by Albert Cuny, Louis Hjelmslev and others.

In recent times two more attempts to identify the Indo-European laryngeals with specific sounds have been made, both on the basis of internal reconstruction and some typological features:

Rasmussen (1983)	$H_1 = h$	$H_2 = x$	$H_3 = \gamma^w$
Beekes (1995, 126)	$H_1 = ʔ$	$H_2 = \xi$	$H_3 = \xi^w$

In the 1960s a seriously new approach was presented by the founders of the so-called Moscow Nostratic school, Vladislav M. Illič-Svityč (1934–1966) and Aaron Dolgopolsky (1930–; since 1975, residing in Israel). In contrast to others, they held an opposite point of view: rather than thinking of laryngeals as responsible for “coloring” the vowels, they proposed that it was the vowels of the Nostratic protolanguage that were primary and that they later influenced the quality of the IE laryngeals. This view can be summarized as follows:

IE laryngeals after Illič-Svityč	standard symbols	Nostratic vowels
* <i>H</i>	* <i>H</i> ₂	* <i>a</i>
* <i>Ĥ</i>	* <i>H</i> ₁	* <i>ä</i> , * <i>e</i> , * <i>i</i> , ?* <i>ü</i>
* <i>H</i> ^w	* <i>H</i> ₃	* <i>o</i> , ?* <i>ü</i>

This scenario is in agreement with the interpretation of the system of velars, proposed by the same scholars — the coloring of the velars reflects the primary Nostratic vowels that originally followed these velars:

IE velars	Nostratic vowels
* <i>k</i> / * <i>g</i> / * <i>g</i> ^h	* <i>a</i>
* <i>ĥ</i> / * <i>ĝ</i> / * <i>ĝ</i> ^h	* <i>ä</i> , * <i>e</i> , * <i>i</i> , ?* <i>ü</i>
* <i>k</i> ^w / * <i>g</i> ^w / * <i>g</i> ^{wh}	* <i>o</i> , ?* <i>ü</i>

This idea, strictly speaking, implies only one laryngeal in the Indo-European protolanguage, colored by the old vowels before their restructuring during the introduction of apophony. But the actual picture is more complex. Already in the mid-1920s three scholars, Kellog (1925), Kuryłowicz (1927) and Cuny (1927), identified de Saussure’s virtual *coefficients* with an actual sound discovered in Hittite, namely *ḥ*. The same reflex was recognized in two other languages of Asia Minor in the 2nd mill. B.C., recorded in Akkadian cuneiform: Palaic and Cuneiform Luwian. The correspondence in Hieroglyphic Luwian was *h*, and in the Ana-

tolian languages in the 1st mill. B.C. — *k/q/γ/χ*, written with alphabetic symbols of Greek origin. But, apart from these consonantal reflexes of the laryngeals that are particularly well preserved in the initial position, in the same position we occasionally find zero reflexes as well. The easiest solution is that this double reflexation was caused by at least two different laryngeals.

At the present time it is possible to define four main ‘Nostratic’ schools:

(1) ‘Old Moscow’ — represented by V. Illič-Svityč, early work by A. Dolgopolsky, V. Dybo, E. Helimski.

(2) ‘Young Moscow’ — represented by A. Dybo, S. Starostin and his disciples. The solution of the problem of laryngeals is still more complex if Afro-Asiatic data are omitted, in agreement with the idea of Starostin and his followers that Afro-Asiatic should be detached from proper Nostratic.

(3) ‘Haifa-Michigan’ — represented by recent work by A. Dolgopolsky, followed by V. Shevoroshkin, M. Kaiser.

(4) ‘Charleston’ — represented by Allan Bomhard.

The representatives of the ‘Old Moscow’ school, including the present author, reconstruct the basic pattern of Nostratic appellatives in the canonical form **CV(C)CV*. Their ‘younger’ colleagues do not adhere to this model and reconstruct much more complex protoforms, including complicated clusters of consonants. Both ‘Old’ and ‘Young’ Muscovites in principle agree on the correspondences for the three basic series of stops between Afro-Asiatic and Indo-European (although for Starostin and his followers, Afro-Asiatic was not directly a member of the Nostratic club, but rather a sister macrofamily with a comparable time depth of divergence), while Bomhard proposed a different system of correspondences, conforming to the ‘glottalic’ reinterpretation of Indo-European consonantism. With a certain degree of simplification, the principal differences between the Moscow and Charleston schools can be illustrated in the following table, summarizing the correspondences between dentals:

Nostratic = Afroasiatic	<i>*ṭ</i>	<i>*t</i>	<i>*d</i>
Indo-European counterparts after Illič-Svityč	<i>*t</i>	<i>*d</i>	<i>*d^h</i>
Indo-European counterparts after Bomhard	<i>*d [= d²]</i>	<i>*t</i>	<i>*d^h</i>

Concerning the Indo-European laryngeals and their Nostratic predecessors, it is not possible to speak about any consistent system in any of the Nostratic schools. For this reason, it is necessary to return to IE reconstructions and try to verify them from the point of view of external comparison.

The main purpose of the present contribution is to summarize the most promising lexical correspondences and, with their aid, to map the IE counterparts of the Afro-Asiatic laryngeals, best preserved in Semitic and Egyptian. I use the standard symbols **H₁*, **H₂*, **H₃* in IE reconstructions and accept the point of view of the Leiden school, proposing the elimination of laryngeal reflexes before IE **o* in Anatolian (cf. Beekes 1995, 144).

The present list of 80 lexical comparisons between Afro-Asiatic and Indo-European has been chosen according to two criteria: (i) The phonetic correspondences are in agreement with the phonetic rules established by V. M. Illič-Svityč and A. Dolgopolsky (with the exception of laryngeals, which represent the weakest point of the ‘Old’ Moscow Nostratic school); (ii) The

² Reinterpreted in agreement with the glottalic theory.

cognates actually contain laryngeals (in AA — laryngeals, pharyngeals and glottal stops). Preliminary conclusions are based on the following figures (asterisks indicate comparisons for which alternate solutions are possible):

- (1) AA *ʔ ~ IE *H₁ (## 1*, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 60*, 76; i.e. Σ 17 or 17 or 18×).
- (2a) AA *ʕ ~ IE *H₂ (## 17, 18, 19, 20, 21*, 22*, 24, 25, 26, 31, 32, 33, 34, 35, 36; i.e. Σ 13 or 14 or 15×), plus 3 cases of uncertain laryngeal presence in IE (##29, 37, 38).
- (2b) AA *ʕ ~ IE *H₃ (##23, 27, 28, 30, 33*; i.e. Σ 4 or 5×).
- (3a) AA *h ~ IE *H₂ (##39, 40, 42, 43, 44, 48; i.e. Σ 6×), plus 2 cases of uncertain laryngeal presence in IE (##45, 47).
- (3b) AA *h ~ IE *H₃ (##1*, 41, 46; i.e. Σ 2 or 3×).
- (4a) AA *ḥ ~ IE *H₂ (##22*, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 60*, 61, 62, 63, 67, 68, 70; i.e. Σ 14 or 15 or 16×), plus 4 cases of uncertain laryngeal presence in IE (##55, 64, 65, 69).
- (4/5a) AA *ḥ / *ḥ ~ IE *H₂ (#56; i.e. Σ 1×).
- (4/5b) AA *ḥ / *ḥ ~ IE *H₃ (#66; i.e. Σ 1×).
- (5a) AA *ḥ ~ IE *H₂ (##72, 73, 74, 75, 76*, 78; Σ 5 or 6×), plus 1 case of uncertain laryngeal presence in IE (#77).
- (5b) AA *ḥ ~ IE *H_{2/3} (#71; i.e. Σ 1×).
- (6a) Semitic *γ ~ IE *H₂ (#80; i.e. Σ 1×).
- (6b) Semitic *γ ~ IE *H₃ (#79; i.e. Σ 1×).

It is possible to conclude:

- (i) The correspondence of AA *ʔ and IE *H₁ looks relatively secure.
- (ii) It seems that AA *ʕ, *h, *ḥ, *ḥ, *γ merged in IE *H₂.
- (iii) IE *H₃ seems to be only a rarer (positional?) variant of *H₂.

There are certain typological parallels in the process of reduction of laryngeals in Semitic:³ Semitic *ʔ, *h, *ʕ, *ḥ, *γ > Akkadian ∅ (the deletion of *ʕ, *ḥ, *γ caused the change *a > e, not total, however, in the case of *γ; in unique cases ḥ is written instead of the expected ∅ < *ḥ or *γ); Semitic *ḥ > Akkadian ḥ (von Soden 1995, 13, 28, 31; Lipiński 1997, 149).

Semitic *h, *ḥ, *ḥ > Harari h; Semitic *ʔ, *ʕ, *γ > Harari ∅.

Semitic *ʔ > Hebrew, Aramaic, Soqotri ∅; Semitic *ʕ, *γ > Hebrew, Aramaic, Soqotri ∅; Semitic *h > Hebrew, Aramaic, Soqotri h; Semitic *ḥ, *ḥ > Hebrew, Aramaic, Soqotri ḥ.

A similar process of reduction is attested in Cushitic (See Sasse 1979; Blažek 1997, 172; 2007, 135–37):⁴

Cushitic *ʔ, *ʕ > Beja, Arbore ∅. Cushitic *h, *ḥ > Beja, Arbore h.

Cushitic *ʔ, *h > Rendille ∅; Cushitic *ḥ, *ʕ > Rendille *ḥ.

³ See SED I, LXVIII–LXIX for regular phonetic correspondences between Semitic languages.

⁴ Dolgopolsky 1991, 336 has discussed the change *a > e after or before an original *ʕ or *ḥ in East Cushitic languages such as Bayso, Arbore, Elmolo, Dasanech or Yaaku, which is typologically comparable with situation in Akkadian.

Afroasiatic *ʔ

1. Semitic $\sqrt{b-y}$: Hebrew *ʔābā* “to want, desire”, Arabic dial. *ʔabā* id., usually “to refuse” (Leslau 1987, 6) ||| Egyptian *ʔbj* “wünschen, begehren” (WPS 66; Cohen 1947, #6)

IE **Hyeb^h-/*Heib^h-*: Vedic *yābhati* “futuit”; Greek *οἶφω, οἶφω* “futuō”; Czech *jebati* “futuere” (Pokorny 1959, 298; LIV 309: **yeb^h-* or **H₃yeb^h-*; **H₃-* is compatible with **h* in Semitic $\sqrt{h-b}$ “to love” compared with IE by Møller 1911, 109–10).

2. AA **(ʔan-)ʔaku* “ʔ”: Semitic: (i) Soqotri *ho(h)*, Mehri *hóh*, Jibbali *he*; (ii) **ʔanāku*: Tell Amarna *anuki*, Phoenician *ʔnky*, Hebrew *ʔanōkī*, Samaritanian *anāki*, Old Aramaic *ʔnky* with **-ī* after **ʔan-ī* “ʔ”; (iii) **-aku* ‘1sg. ending of stative (Akkadian) / perfect (West Semitic)’, cf. Akkadian *šalmāku* “valeo < **šalima* + **ʔaku* “valens ego” (Dolgopolsky 1984, 68) ||| Egyptian *ʔnk* “ʔ” = **ʔanāku*, cf. Coptic *anok*; plus old perfect in *-k(j)*, later *-kwj* ||| Berber **ʔnakkw* “ʔ” : 1sg. perf. **-ku* (Blažek 1995, 44–47):

IE **H₁eĝ(Hom)* “ʔ”: Vedic *ahám*, Avestan *azəm, az*, Old Persian *adam*; Armenian *es* < **ec*; Hittite *ug, ugka*; Greek *ἐγώ(v)*, ?Messapic *ik* (Huld); Albanian *unë*; Venetic *ego*, Latin *ego*; Gothic *ik*, Old Runic *ek(a)*, Old Norse *ek*, Old English *ic*, Old High German *ih*; Prussian *es ~ as*, Lithuanian *aš*, Latvian *es*; Old Church Slavonic *azv*; Tocharian A *ñuk*, B *ñas* id. (Pokorny 1959, 291; Adams, EIEC 454).

3. AA $\sqrt{m-m/y}$: Egyptian (Old Kingdom) *ʔmm* “mit der Faust ergreifen” (Wb. I, 10) ||| Berber: Shilha *ämi* “to contain (of vessel)” ||| Chadic: (Central) Tera *oom* “to catch, seize”; Musgu *íma, imē* “fangen, ergreifen, nehmen, empfangen” | (East) Lele *ōm* “to seize, take”, Kabalai *am* “to catch” (EDE I, 67)

IE **H₁em-*: Latin *emō, -ere* “nehmen”, Oscan *em-* id.; Old Irish *-eim* “nehmen”; Lithuanian *imù* : *iñti* “nehmen”, Old Church Slavonic *imō* : *jeŕi* id.; Tocharian A *yomär* “erlangten” (LIV 236; Pokorny 1959, 310–11).

Lit.: Dolgopolsky 1964, 9; Illič-Svityč I, #133: AA+IE.

4. Semitic **ʔin-a*: Akkadian *in(a)* “in, on, by; from”, Eblaite *in* “in, on”; Syriac *emmaṭ* “when” = Akkadian *ina mati* id.; Geez *ʔnbala* “without, except for” = Akkadian *ina bāla* “without” (Brockelmann 1908, 496; Leslau 1987, 27) ||| Berber: Nefusi *in, ěn*, Siwa *in* “à, vers” ||| Egyptian *ʔn* “durch, seitens” (Wb. I, 89) ||| Cushitic: (East) Rendille *ʔn-* “place”, Gedeo *-nvi* “in, on”.

IE **H₁en-i*: Greek *ἐν*, poet. *ěvi* “in”; Messapic *in*; Oscan & Old Latin *en*, Latin *in*; Old Welsh *en, in*; Gothic *in*; Prussian *en* id. (Pokorny 1959, 312).

Lit.: Bomhard 1984, 251: Semitic+IE; Dolgopolsky, p.c. & Blažek 2004, 3–5: AA+IE.

5. Semitic **ʔap-*: Ugaritic *ʔp* “also”, Hebrew *ʔp* “(and) also”, Syriac *ʔāp* “also”; cf. also Geez *ʔafa* “out(side), beyond”

IE **H₁ep-i /*H₁op-i*: Vedic *ápi* “auch, ferner; bei, in”, Avestan *aipī* “auch, späterhin”, Hittite *appizziya-* “afterwards”, Armenian *ew* “und, auch”, Greek *ἐπι* “auf, zu, an”, Oscan *úp, op* “bei”, Lithuanian *apiẽ* “around” (Pokorny 1959, 323–24).

Lit.: Bomhard 1984, 252: Semitic+IE.

6. Semitic **ʔarwiy-*: Akkadian *arwīu, arwū* “gazelle”; Eblaite *a-wi-um /ʔarwiyum/* “goat”; Arabic *ʔurwīyyat*, pl. *ʔarwā* “mountain goat”; Sabaic *ʔrwy-n* pl. “mountain goat, ibex”; Mehri *ʔarí* “goat” ||| Cushitic: (East) **ʔaray-*: Somali *ari, eri* “sheep or goat”, Burji *aráy* “sheep”, Yaaku *erer* “antelope” || (South) **ʔari*: Iraqw *ari* “goat”, Burunge pl. *ara* id. (SED II, 26–28)

IE **H₁er-(i)-*: Old Indic *āreya-* “Widder”; Armenian *erinj* “Färse”; Greek *ἔριφος* “young goat/buck”; Latin *ariēs*, Umbrian acc. sg. *erietu* “Widder”; Old Irish *eirp* “Ziege, Hirschkuh” (Pokorny 1959, 326; Irslinger, NIL 233–35).

Lit.: Bomhard 2008, 593–94: AA+IE.

7. AA $\sqrt{t-y/w}$ & $\sqrt{t-y/w}$: Semitic $\sqrt{t-y/w}$: Akkadian *tarû(m)* “to eat” (CDA 402); Mehri *tawû*, Harsusi *tawō*, Jibbali *té*, Soqotri *té*, Jahn: *towú* “to eat” (Johnstone 1987, 404) ||| ?Egyptian *t* “bread” (Cohen 1947, #315: Semitic+Egyptian) ||| Cushitic: (North) Beja *tiyu* “food” || (East) Bayso *eede* “to eat” (Hayward); Oromo *ito* “food”; Sidamo, Kambatta, Gedeo, Hadiya, Burji *it-* “to eat” (Hudson 1989, 55; Sasse 1982, 108) ||| Chadic: (West) Hausa *ci*; Fyer *et*, Tambas, Kulere *ci*; Tangale *edi*, Dera *twi*; Gerumai *tiya*; Warji *ta*, Mburku *ti*; Guruntum *či*; Ngizim *tá* || (Central) Zime Batna *tí*, Masa *tíná* || (East) Lele *dí*; Dangla *tèè*, Migama *tíyáw*; Mubi *túwà/tiyá* “to eat” (Jungraithmayr & Ibrizimow 1994, 120–21) ||| Berber $\sqrt{w-t-t}$: South Berber habitative **tattaH* “to eat” (Prasse 1973, 110; Militarev 1991, 257, #22.3.; on the other hand, Berber $\sqrt{k-s-H}$ “to eat” (Prasse 1973, 109–10; Militarev 1991, 257, #22.1. & 22.2.) represents another root, cf. Chadic: (West) Tal *gūse*; (Central) Nzangi *gos* id. (Jungraithmayr & Ibrizimow 1994, 120–21) ||| ?Semitic: Soqotri $\sqrt{g-š-}$ “manger” (Leslau 1938, 116–17).

IE **H₁ed-* “beissen, essen”: Vedic *átti*, *adanzi* “essen”; Hittite *ēdmi*, *adanzi* “essen”; Greek fut. *ἔδομαι* “werde essen”; Latin *edō*: *ēsse* “essen”; Old Irish *ithid* “isst”; Gothic *itan* “essen”; Lithuanian *ėsti*, Old Church Slavonic *jasti* id. (LIV 230; Pokorny 1959, 287–89).

Lit.: Illič-Svityč I, #136: AA+IE. Møller 1911, 65: IE+Arabic *hataa* “edit (cibum)”.

8. Semitic $\sqrt{w-n}$: Arabic *rāna* “he was/became at rest, rested, enjoyed a state of repose or tranquillity”, *rāun* “commoditas”, Thamudic *n* “tranquillité”; Geez *tarayyana* “to live well and comfortably” (DRS 12–13; Leslau 1987, 50)

IE **H₁wen-*: Greek *εὐνη* “Lager, Bett, Ehebett”; Albanian *vë* “setzt, stellt, legt”; Old Norse *una* “to dwell, be content, enjoy”; Old English *wunian*, Old Frisian *wunia*, Old Saxon *wonōn*, Old High German *wonēn* “to dwell, remain” (cf. LIV 682–83 otherwise).

Lit.: Møller 1909, 36; Id. 1917, 9: Arabic + Greek.

9. AA **rāyl-*: Semitic **rāyyal-* “stag, deer”: Akkadian *ayalu* “stag, deer”; Ugaritic *āyl* “deer”, *āyilt* “hind”; Phoenician *ryl* “stag”, Hebrew *rāyyāl* “fallow deer”, *rāyyālā* “doe of a fallow deer”; Old Aramaic *ryl* “deer, stag”, *rylth* “hind”, Judeo-Aramaic *rāyyālā* “hart”, *rāyyaltā* “hind, roe”, Syriac *rāylā* “cervus”, *rāylatā* “cerva”, New Syriac *ēlā* “hart”; Arabic *rīyyal* “bouc de montagnes, cerf”; Sabaic *ryl* “mountain goat, ibex”; Jibbali *ayyól* “Steinbock”; ?Geez *hayyal* “ibex, mountain goat” ||| Cushitic: (East) Somali *eelo* “a kind of gazelle”; Gollango *yiiló* “Wasserbock / Kobus defassa”, Harso *yilicakkó* “Grimms Ducker / Sylvicapra grimmia abyssinica” (Amborn, Minker, Sasse); Kambatta *elliéti* “antelope nana” (Cerulli) || Dahalo *rèèle* “hartebeest” || (South) Gorowa *eletemo* “bushbuck” ||| Chadic: (East) Kabalai *yile* “antelope” (SED II, 39–40, #25)

IE **H₁el(y)-en-* “stag, deer”: Hittite *aliyan-* “roe(buck)” (Puhvel, HED 3, 139); Armenian *eth*, gen. *ethin* “hind”; Greek Homeric *ἔλαφος* “stag; hind”, cf. Mycenaean *e-ra-pi-ja* “pertaining to deer”, further *ἔλλός* “young of (red) deer, fawn”, *ἔνελος* id. < **elenos*; Gaulish *ELEMBIV* ‘month-name from the Calendar of Coligny, perhaps devoted to “deer”’, Welsh *elain* “hind”, Breton *élan* id. < **elanī*, Middle Irish *ell* “herd” < **elnā*; Old Lithuanian *elenis* “elk, moose; red deer”, Lithuanian *ėlnis* “elk, moose”, *ėlnė*, *álnė* “hind”, Latvian *ālnis* “elk”; Prussian *alne* ‘Tyer’, correctly probably “deer” or “hind”; Old Church Slavonic *jelenb* “deer”, *lani* “hind” < **olnī*; Tocharian A *yäl*, B *yäl* “gazelle” (Adams & Mallory, EIEC 154–55).

Lit.: Illič-Svityč I, 272–73, #135 (following Trombetti): Semitic + IE.

10. AA \sqrt{y} -s: Semitic $*i\check{s}/\check{t}$:- Old Akkadian inf. *išû*, in the suffixal conjugation *iš-āku* “I have”, in the prefixal conjugation *tīšu* “you have” < **ti-išu*, lit. “tibi est”, *išu* “he has” < **yi-išu*, lit. “ei est” (→ “there is”); other forms are derivable from **iṭay* “there is”: Ugaritic *iṭ*; Biblical Hebrew *iš*; Biblical Aramaic *iṭay*, Syriac *iṭ*; the enigmatic $*-t-$ was probably caused by the infix $*-t-$, while the continuants of the original $*-š-$ are preserved in the negative form: Akkadian *laššu(m)* “non existing” < **lā ṛayšu*; predicative in $*-a$ continues in Old Aramaic *lyš*, Arabic *laysa* “there is not” vs. *ṛaysa* “there is” (Dolgopolsky 1995; DRS 18) ||| Cushitic: (East) Afar *ase*, Saho *as-* “to spend the day”; ?Sidamo, Gedeo, Kambatta, Hadiyya *hos-* “to spend or pass the day” (Hudson 1989, 110) ||| Omotic: (North) Zayse *yes-* “esserci” (Cerulli).

IE $*H_1es-$ “to be”: Vedic *ásti* “ist”, Avestan *astī* id.; Armenian *em* “bin”; Hittite *ēszi*, Hieroglyphic Luwian *asti* “ist”; Greek *ἐστί* id.; Albanian *jam* “bin”; Latin *est* “ist”; Old Irish, Old Welsh *is*; Gothic *ist*; Old Lithuanian *ēsti* id., Old Church Slavonic *jesmь* “bin”; Tocharian *star°* “ist” (LIV 241–42; Pokorny 1959, 340–41).

Lit.: Dolgopolsky 1964, 10: Semitic+IE; Illič-Svityč 1971, #132 and Dolgopolsky 1995: AA+IE.

11. Semitic $*b^{\check{r}}r-$ ~ $*bu^{\check{r}}r-$: Akkadian *būru*; Punic pl. *bhrm*, Hebrew *bēṛer*, *bōr*; Old Aramaic *byr*, Empire Aramaic *bṛ*, Syriac *beṛā*; Arabic *bīr*, *burat*; Sabaic *bṛ*; Soqotri *ṣēbehor* “puits” (DRS 41) ||| Egyptian *bʿy(t)* “Wasserloch”, *bʿbʿt* id., while \check{r} in *bṛ* “Brunnen” is enigmatic (WPS 293)

IE $*b^hr_1u_1r$, gen. $*b^hr_1u_1n_1s$: Armenian *ałbiwr* “well”; Greek *φρέαρ* id.; Old Irish *bruinnid* “wells up”, perhaps also Middle Irish *tipra*, gen. *tiprat* f. “well”, if it is derivable from $*to-ess-brū-nt-$; Germanic $*brunnōn$ m. “well” > Gothic *brunna*, Old High German *brunno*, Old Saxon *brunno*, Old Frisian *burna*, Old English *brunna*, Old Nordic *brunnr* id. (Kluge 1999, 139–40; Pokorny 1959, 144; Beekes, EIEC 539).

Lit.: Witczak, p.c.: Semitic+IE.

12. Semitic \sqrt{r} -y: Hebrew *rāā* “to see, look at, understand”; Syriac *rāhā* “to observe”; Arabic *raā* “to see”; Geez *rāya* “to see, observe, look” (Leslau 1987, 458–59)

IE $*reH_1$: Albanian *ruej*, *ruaj* “to mind, guard”, *ré* “attention”; Latin *reor* : *rērī* “berechnen, meinen”; Gothic *raþjo* “Zahl; Rechnung” (LIV 499; Pokorny 1959, 59; Mann 1984–87, 1068–69)

Lit.: Møller 1909, 113; 1911, 207: Semitic+Latin.

13. Semitic \sqrt{r} -d-: Arabic *radāa* “to give support to, help, assist; take good care of camels”; Sabaic *rd* “to dedicate, offer”, *h-rd* “to help, aid”; Geez *radā* “to give help, assist, protect” (Leslau 1987, 462; Biella 1982, 480; Steingass 1988, 409)

IE $*reH_1d^h-$ > Vedic *rādhati* “wird zustande bringen”; Old Irish *-ráidi* “überlegt, sagt”, Middle Welsh *ad-rawd* “erzählt”; Gothic *rodjan* “reden”; Old Church Slavonic *raditi* “beachten, sich kümmern” (LIV 499; Pokorny 1959, 59–60).

14. Semitic \sqrt{s} -l-: Hebrew \sqrt{s} -l- “to pay with fine gold”; Arabic *salāa* “to pay”; Sabaic *sl* “to pay, offer as tribute, dedicate” (HAL 756; Biella 1982, 505–06)

IE $*selH_1-$: Greek *εἶλον* “nahm”; Latin *cōn-sulō,-ere* “versammeln, beraten, befragen”; Old Irish *selb*, Welsh *helw* “possession”; Gothic *saljan* “to sacrifice”, Old Norse *selja* “to hand over, deliver”, *sal* “payment”, Old High German *sal* “property” (Pokorny 1959, 899; LIV 529).

15. Semitic \sqrt{w} -d-: Sabaic *wd* “to achieve”; Geez *waddāa* “to finish, complete, bring to a conclusion, make an end”, Tigre *wode* “to make”, Tigray *wādve* “to finish” (Leslau 1943, 14; Id. 1987, 604) ||| Egyptian *wdj* “setzen, stellen, legen; geben, darbringen; einsetzen, ernennen” (WPS 92; Wb. I, 384–87).

IE $*d^heH_1$ - “stellen, legen, setzen; herstellen, machen”: Vedic *dádhati* “setzt, schafft hin, macht”; Hittite 1 sg. *tēhhi*, 3 sg. *dāi* “einsetzen, legen”, Luwian *tuwa-* “setzen, errichten”; Armenian *ed* “setzte”, med. *edaw* “wurde gesetzt”; Greek τίθημι, -εμεν “setzen, legen”; Latin *condere* “gründen”, Umbrian conj. *feia* “soll machen”; Old English *dōn* “tun, machen”; Old Lithuanian 1 sg. *demi*, 3 sg. *dest(i)* “legen, setzen, machen”; Old Church Slavonic *děti* “setzen, legen; sprechen”; Tocharian A *tā-* “setzen, legen” (LIV 136; Pokorny 1959, 235–39).

Note 1: Illič-Svityč (1971, 224, #75) compared IE $*d^heH_1$ - with Semitic $\sqrt{w-d}$ “to put”, but IE $*H_1$ probably does not correspond to Semitic/AA $*\varsigma$. On the other hand, Egyptian *-j-* is one of the regular continuants of AA $*\varsigma$ (EDE I, 81–84).

Note 2: Egyptian *wdj* has been traditionally compared with Semitic $\sqrt{w-d-y}$ “to throw; send”, but the meaning “to put, add, place, set” in addition to “throw, cast” is attested only for Geez *wadaya* (EDE I, 241).

16. Semitic $\sqrt{w-r}$: Ugaritic *y-r-* “to be afraid, frightened”; Hebrew *yārē* perf. “fürchten”; Arabic *wawara* “to frighten” (DUL 977; DRS 615).

IE $*wer(H_1)$ - “to warn” > Latin *vereor*, inf. *verērī* “to regard, revere”; Latvian *vēru* : *vērt* “schauen, bemerken”; Serbo-Croatian *verati se* “to keep a lookout, be furtive” (LIV 685; Kümmel reconstructs the essive $*wr\text{-}H_1y\acute{e}$ -, but it is possible to accept an alternate morphological segmentation with the present tense extension $*wr\text{-}H_1y\acute{e}$ -; Pokorny 1959, 1164; Mann 1984–87, 1516).

Lit.: Möller 1909, 142: Hebrew+Latin.

Afroasiatic $*\varsigma$

17. Semitic $\sqrt{\varsigma-d-w}$: Ugaritic *dy* “to remove, make disappear”; Hebrew *śādā* “to stride”; Aramaic *śādā* “to pass by”; Arabic *śadā* “to run, pass”; Sabaic *śdw* “to move, march; Soqotri *dy* “to cross”; Geez *śadawa* “to cross, pass over” (DUL 152; Leslau 1987, 56–57)

IE $*weH_2d^h$ - “durchschreiten” > Latin *uādō*, *-ere* “gehen, schreiten”; Old Norse *vaða* “waten” (LIV 664; Pokorny 1109).

18. Semitic $\sqrt{\varsigma-k-w}$: Arabic *śakā* “to rise, be big and fat” (Steingass 1988, 717)

IE $*H_2eug-$ “stark werden”: Vedic *ójas-*, Avestan *aojah-* “Kraft”; Latin *augeō*, *-ēre* “vermehrten”; Gothic *aukan* “sich mehren”; Lithuanian *áugu* : *áugti* “wachsen” (LIV 274–75; Pokorny 1959, 84–85).

19. Semitic $\sqrt{\varsigma-l-y}$: Akkadian *elū* “to travel uphill, rise, grow”; Ugaritic *ly* “to go up”; Hebrew *śālāh* “id., ascend”, Arabic *śalā* “to be high”, Mehri *śālēw* “at the top” (Leslau 1987, 60, 303–04) ||| Egyptian (Old Kingdom) *sr* ~ *śr* “to mount up, ascend”, Coptic *ale* id. (Wb. I, 41) ||| Berber $\sqrt{H-l-y}$: (E) Nefusa *āli* “to mount” | (N) Iznacen-Senhaja *aley* “to rise, mount”, Qabyle *ali* “to mount” | (W) Zenaga *ěllēh* “monter, être en haut” | (S) Ahaggar *ali* “to suspend” ||| Chadic: (W) Angas *yaal* “to get up, rise”, Mupun *yool* “stand up”; Tangale *ile* “to stand up, rise, start”, Dera *yil* “to stand up”; Geji *hilya* “to stand up” | (E) Kwang *aalé-*, Ngam *alé*; Sumray *àyl-* “to climb”; Dangla *aale* “to step, jump over” ||| Cushitic: (E) $*\varsigma al-$: Saho *sal* “mountain”; Somali *sal* “coastal range of mountains”, Rendille *hal* “mountain”; Arbore *el* “stone”; Sidamo *ale* “top” (Sasse 1979, 35–36; EDE I, 94).

IE $*H_2el-$ “to grow, nourish”; cf. the derivative $*al-to-$ “high, old” > Latin *altus* “high”, *adulus* “adult”; Middle Irish *alt* “height; shore”, Old Irish *altae* “adult”, Welsh *allt* “forested hill”; Gothic *alpeis* “old”; Old English *eald*, Old Saxon *ald* id. (Pokorny 1959, 26; Lehmann 1986, 29–30; LIV 262).

20. Semitic: Ugaritic *ʿl* “next, in addition” (DUL 157: originally from “height”) = “second” (Segert 1984, 196)

IE **H₂el-* in **alyo-* > Armenian *ayl*, Greek ἄλλος, Latin *alius*, Old Irish *aile*, Gothic *aljis*, Tocharian B *alye-k* “other”; cf. further **ali-tero-* > Latin *alter*, Oscan dat. *altrei* “(an)other” (Pokorny 1959, 24–26).

21. Semitic: Arabic *ʿanan* “side”, *ʿan* “from, for; upon; in”, Sabaic *ʿan* “away from”, Soqotri *ʿan* “de, pour” (Steingass 1988, 729; Leslau 1938, 315) ||| Cushitic: (East): Somali *ʿan* “cheek, chin” || Dahalo *ʿani* “head” ||| Egyptian *ʿnʿn* “chin; neck” (Wb. I, 191)

IE **H₂en-H₂el-u-*: Vedic *ánu*, Avestan *anu* “nach”, *ana* “entlang”, Greek ἄνα “auf, in die Höhe, entlang”, Gothic *ana* at, on”, Lithuanian *anót(e)* “entsprechend” (Pokorny 1959, 39–40; Rasmussen 1989, 188).

Lit.: Bomhard 1984, 251: Akkadian+IE. Blažek 2004, 8–9: AA+IE, where alternate *comparanda* in Semitic **[h]ana* > Akkadian *an(a)* “to, for” (CDA 16) ||| Egyptian *hn* “Kopf; bis hin nach..” (Wb. II, 492, 495) ||| Cushitic: (East) Harso-Dobase *ana* “on”, Hadiyya, Gedeo *hana*, Sidamo *aana* “over, on”, are also discussed.

22. Semitic **ʿa/ing-(at-)* > Eblaite *in-gu /ingu(m)/* “neck”; Arabic *ʿunḡūḡ* “qui a un long cou, une longue enclosure”; Gurage & Amhara *angät* “neck” > Tigre & Tigray *ʿangät* id. (SED I, 18) and / or Arabic *hanḡarat* & *hunḡūr* “larynx” ||| Egyptian *hngg* “Schlund” (Wb. III, 121).

IE **H₂enḡ^hu-* > Armenian *awj* “Kehle”, *awjik* “Halskragen”; Greek Aeolic ἄμφων & αὐφων “Nacken”; Gothic *hals-agga* “Nacken”; Old Prussian *winsus* “Hals”; (or <) Slavic **vezьb* > Czech *vaz* “Genick, Nacken”, Ukrainian *vjazь* pl. “Genick” (Pokorny 1959, 43, 87).

Lit.: Bomhard 2008, 661–62: AA+IE.

23. Semitic: Ugaritic *ʿaq* “eyeball”; Hebrew *ʿāqā* id. (HAL I, 873); maybe Geez *ʿoqa* “to know, understand, observe”, Amharic *awwäqä* “to know”, Harari *āqa* id. (Leslau 1987, 78–79), although it is possibly borrowed from Cushitic: (Central) **ʿaq-* “to know” > Kemant *ax-*, Awngi *aq-/yaq-*, Kunfäl *ah-* || (East) Somali *-aq* id. (Appleyard 2006, 89–90)

IE **ok^w-* (***H₃ek^w-*) “eye” > Vedic *ákṣi* “eye”, *íkṣate* “sieht”; Avestan *aši* “eyes” (after du. *uši* “ears” from **axšī*), *aīβīīāxštar-* “Aufseher”; Armenian *akn*, gen. *akan* “eye”; Greek du. ὄσσε “eyes” (**H₃ek^wiH₁*), ὄψομαι “ich werde sehen”, ὄπωπα “habe gesehen”, ὄμμα “eye” (**opma* < **ok^w-mḡ*), ὄφθαλμός “eye”, Boeotic ὄκταλλος id., gloss. ὄκκον : ὄφθαλμός; Albanian *sy* “eye”; Latin *oculus* id.; Old Irish *enech*, Middle Welsh *enep* “face”, cf. Old Indic *ánīka-* “Vorderseite”, Avestan *ainīka-* “Antlitz”; Germanic **augan-* > Gothic *augo*, Old Norse *auga*, Old High German *ouga*, besides *awi-zoraht* “augenscheinlich”, Old English *ēawan* “zeigen, offenbaren” (**awjan* < **agwjanan* < **ok^w-*); Lithuanian *akis* “eye”, Latvian *acs*, Prussian pl. *ackis*; Old Church Slavonic *oko*, gen. *očese*, dual. *oči*; Tocharian A *ak*, B *ek* id. (Pokorny 1959, 776–77). The root **H₃ek^w-* also has a verbal function in IE: Vedic *íkṣate* “nimmt wahr, erblickt”; Greek ὄπ-ωπα “beobachte, nehme wahr, betrachte”, fut. ὄψομαι “werde sehen” (LIV 297).

24. Semitic *ʿ√-q-q-*: Arabic *ʿaaq* “to make the cloud to rain”, *ʿ√-q-y-*: Arabic *ʿaqa* “to give to drink” (Steingass 1988, 710, 714) ||| ?Egyptian place name *ʿq?* ‘Pehhu-waters’ (WPS 292) ||| Cushitic (Central) **ʿaq^w* “water” > Bilin *ʿ/ak^w*, Khamtanga *aq^w*, Kemant *ax^w*, Awngi *ayyu* || (East) Konso *haqa*, D’irayta *haḡa* id. ||| Omotic: (North) Yemsa *akà* id. (Appleyard 2006, 144)

IE **H₂ek^w-* “water”: Latin *aqua* “water”; Celtiberian *akua* in *tar akuai* “through water” (de Bernardo Stempel 2007, 58); Gothic *ahva* “Fluss, Gewässer”, Old Norse *ó*, Old English *ēa*, Old Saxon, Old High German *aha*, German *aha* id. (Pokorny 1959, 23).

Lit.: Trombetti apud Dolgopolsky 1964, 8; Illič-Svityč I, #139: AA+IE.

25. Egyptian *sr* “Binse”, maybe also *sr̥* “Schilfrohr”, if it is a partial reduplication from **sr̥sr̥* (WPS 240; Wb. I, 208; Takács in EDE I, 94–95 connects it with the Semitic-Chadic isogloss **salaw-* “leaf”)

IE **H₂ero-* > **aro-*: Greek *ἄροσ* “Art Schilfrohr, Natterwurz”; Latin *harundō* “Rohr” (Pokorny 1959, 68). Of interest is Hittite *arisanda-* “Art Rohr?” (Tischler 2001, 22); the absence of the laryngeal indicates the root vowel *o*: **H₂or^o*.

26. Semitic $\sqrt{r-g}$: Hebrew *sārag*, Arabic *saraḡa* “to ascend”, Geez *sarga* “to ascend, go up” (Leslau 1987, 70)

IE **H₂erg^h-*: Armenian *arg-* “first-”; Greek *ἀρχή* “beginning, origin”, *ἄρχος* “leader”; Middle Irish *arg* “outstanding” (Mann 1984–87, 33).

Note: Cf. Bomhard 2008, 706–07: Semitic+Dravidian.

27. Semitic $\sqrt{r-k}$: Ugaritic *sr-k* “to prepare” (DUL 182), Hebrew *sr-k* “to lay out, set in rows; get ready, set out in order; confront; draw up a battle formation” (HAL 884–85); Arabic *saraka* “to make wise”, *sarkat* “experience” (Steingass 1988, 689).

IE **H₃reḡ-* “gerade richten, ausstrecken” > Old Indic *rñjate* “bewegen sich in gerader Linie rasch vorwärts”, *rñjati* “herrscht”, *irajyāti* “richtet, leitet”; Young Avestan *-rāzaiiēte* “richtet”, Khotanese *rays-* “lenken”, Greek *ὀρέγω* “strecke”, Latin *regō*, *-ere* “richten, lenken”; Old Irish *a-t:raig*, *a-ta:regat* “sich erheben”; Gothic *-rakjan* “rechen”; Lithuanian *režti* “spannen, straffen”; Tocharian B *reksa* “breitete aus”, conj. *rāsām* “soll austrecken, -breiten” (Pokorny 1959, 854–57; LIV 304–05).

Lit.: Möller 1917, 27: Hebrew + IE.

28. Egyptian (OK) *sw.t* “small cattle (goats and sheep)” (Wb. I, 170–71) ||| ?Cushitic: (North) Beja *ay*, *äy*, *ey* f., pl. *éeya* “Ziege”, *eyáa-t-éega* “Ziegenhirt” (Reinisch 1895, 37 who connected it with Tigre *äyēt* “Ziege, Zicklein”). It is perhaps compatible with some Cushitic parallels: (East) Burji *ayáan-e* “gazelle” (Sasse 1982, 29) || (South) Qwadza *arato* “sheep” (Ehret).

IE **H₃ewi-* “sheep”: Vedic *ávi-* “sheep”, Wakhi *yobc* “ewe” < **āvi-či-*; Armenian *awdik* “sheep” : *hoviw* “shepherd”; Cuneiform Luwian *hāwī-*, Hieroglyphic Luwian *hawali-*, Lycian *χawa-* “sheep”; Greek *ἄις*, Argolide acc. pl. *οφις* “sheep”; Latin *ovis* “sheep”, Umbrian *uven* “ovem”; Old Irish *ói* “sheep”; Old Norse *ær* “ewe”, Old Saxon *euui* etc., Gothic *awistr* “sheep-cote”; Lithuanian *avis*, Latvian *avs* “sheep”; Slavic **ovbca* “sheep” < **owikā*; Tocharian B *āiwo*, pl. *awi* “sheep” (Wodtko, NIL 335–39).

Lit.: Möller 1909, 105: Egyptian + IE.

29. Semitic **sayan-* “eye” (SED I, 28) ||| Egyptian *sn* “eye” (reconstructed on the basis of the hieroglyph depicting “eye” — Wb. I, 189) ||| Cushitic: (E) *in(H)-t-* “eyes” > Saho-Afar *intii*; Somali & Rendille *inḏo*, Boni *innē*; Arbore *iyndā*, Dasenech *inni*; D’irayta *inda* (ECushitic **in-t-* with **r-* instead of expected **r-*, was possibly caused by contamination with **nil-(at-)* “eye”) || Dahalo *seen-aad-* “to see from afar” ||| Berber $\sqrt{n-H-y}$: (S) Taneslemt *ənhy*, impf. intens. *ihannay*, Tadghaq *ənhy*, Ahaggar *əny*, impf. intens. *ihānnay* | (N) Semlal, Zayan *annay* “to see” ||| Chadic: (W) Angas *nee* “to see, understand”, Mupun *náa* “to see, look”; Bole *innáa-* “to see, think”; Ron: Daffo-Butura *yen* “to see”; Sbauchi: Geji *yenî*, *yèni* “to see” || (E) Jegu *inn-* “to know, can” (EDE I, 125, 126)

IE **neiH-* > Old Indic (cl., ep.) *nayana-/ā-* n./f. “Auge”, (Manu, Kauś.) *netrá-* n. id.; Latin *renideō* “erglänzen”, *niteō*, *-ēre* “glänze, strahle”; Middle Irish *níam* “Glanz, Schönheit” (Pokorny 1959, 760).

30. Semitic $\sqrt{d-r-s}$: Arabic *ḍarasa* “he stretched forth (extended) his arm, *ḍarrasa* “he spread himself out widely, stretched forth his forearms (in swimming)”, besides *ḍirās* “forearm” with numerous Semitic counterparts: Akkadian *duraru* “bras, patte antérieure”; Ugaritic *ḍr̄s*; Hebrew *zēroʿs*; Biblic Aramaic *redras*, Syriac *dērāsā*; Jibbali, Soqotri *ḍeras*; Tigre *zāras* “bras, avant-bras” (DRS 341)

IE $\ast\text{sterH}_3$ -: Avestan *starāna-* “hinbreitend”; Greek *στόρνυμι* “breite aus”; Latin *sternō*, *-ere* “hinstreuen, breiten” etc. (LIV 599; Pokorny 1959, 1029–30)

Lit.: Møller 1909, 129–30: Semitic+IE.

31. Semitic $\ast\text{nasar-}$: Ugaritic *n̄sr* “boy, lad”; Phoenician *n̄sr*, Hebrew *násar* “young man; lad, adolescent; fellow, servant” (DUL 616; Segert 1984, 194; HAL I, 707) ||| ?Chadic: (East) Sumray *nārje* “people” (Lukas).

IE $\ast\text{H}_2\text{ner-}$: Vedic *nár-*, Avestan *nar-* “Mann, Mensch”, cf. Vedic *sūnára-* “voll von Lebenskraft, jugendlich”; Hittite *innarahh-* “kräftig machen”, *innaru-* “rüstig, kräftig”, Luwian *annari-* “rüstig, stark, kräftig”, *annarawar* “Männlichkeit”; Armenian *air*, gen. *airn* “Mann, Mensch”; Phrygian *αναρ* “Mann”, Greek *άνήρ*, gen. *άνδρός* “Mann”, but the gloss *νορεῖ : ἐνεργεῖ* (Hes.); Alban *njer* “Mann, Mensch”; Oscan gen. pl. *nerum* “vir, procer”, Umbrian acc. pl. *nerf* “principes, proceres”; Welsh *ner* “Held”, *nerth* “Mannhaftigkeit”, Old Irish *nert* id., *nár* “edel, grossherzig”; Gaulish *Nāria* f.; Old Germanic goddess *Nerthus* (Tacitus) ~ Old Norse god *Njōrðr*; Lithuanian *nóras* “Wille”; Slavic $\ast\text{norv}$ > Old Church Slavonic *nravъ* “Sitte” (Pokorny 1959, 765; Tischler 2001, 61, 16).

32. Egyptian *pʿw* “fire” (Wb. I, 503) ||| South Berber $\ast\bar{e}\text{-fiHiw}$, pl. $\ast\bar{i}\text{-fiHiw-ān}$ “fire” (Prasse 1974, 125–26) ||| Chadic: (Central) Gidar *afá*; Logone *fo*; Musgu *afu* “fire” (JI II, 139)

IE $\ast\text{peH}_2\text{w-}(r/n-)$ “fire”: Armenian *hur* “Feuer”, *hnoc* “Ofen”; Hittite *pahhur*, dat. *pahhueni* “Feuer”; Greek *πῦρ*; Umbrian *pir*, acc. *porom-e*; Old Nordic *fúrr*; Old High German *fuir*; Gothic *fon*; Old Prussian *panno* id., Old Czech *pýř* “glühende Asche”; Tocharian A *por*, B *puwar* “Feuer” (Pokorny 1959, 828).

Lit.: Dolgopolsky 1964, 13 & Illič-Svityč 1967, 352: AA + IE + other Nostratic.

33. Semitic $\sqrt{p-r-s}$: Ugaritic *pr̄s* “first” (Segert 1984, 198; Gordon 1965, 471 also mentions ordinal usage in *ym.pr̄s* “the first day”) or “chief; excellent, the best one” (Aistleitner 1965, 261), Hebrew *peras* “chief” (cf. German *Fürst*), Arabic *far̄s* “top (of branch)”, *far̄sat* “vertex montis”, *far̄as* “firstling”, *far̄siyy* “first-born, first” etc.

IE $\ast\text{perH}_2$ -: $\ast\text{pr̄H}_2\text{ós}$ “before” (originally gen.) > Old Indic *purás*, Greek *πῶρος*; $\ast\text{preH}_2\text{i}$ “at the front” (originally loc.) > Oscan *prai*, Latin *prae*, Gaulish *are-*, Old Irish *air*, Old Church Slavonic *prě-dъ*; $\ast\text{pr̄H}_2\text{-éH}_1$ (originally perhaps instr.) > Old Indic *purá* “formerly”; Gothic *faura* “in front (of)” (so Beekes 1995, 221; Rasmussen 1989, 272: $\ast\text{preH}_3$ -). Cf. further $\ast\text{pr̄H}_2\text{wo-}$ > Old Indic *púrva-* “prior”, Avestan *paouruiia-* “first” : *pauruua-* “prior”, Old Church Slavonic *prъvъ* “first”, Tocharian B *parwe* “at first”.

Lit.: Møller 1909: 110; 1911, 205: Semitic+IE.

34. Semitic $\sqrt{s-m-}$: Old Akkadian & Assyrian *šamāru(m)*, Akkadian *šemû(m)* “to hear, listen, understand”; Ugaritic *šmr̄s* “to hear, listen (to), notice”; Hebrew *šāmas* “to hear, listen to, understand”, *šōmeʿs* “witness”, *šāmas* “song, melody”; Jewish Aramaic *šēmas*; Arabic *samisa* “to hear”; Sabaic *sm̄s* “id.; witness”; Geez *sam̄sa* “to hear, listen, understand” (CDA 366; DUL 823; HAL 1570–74; Leslau 1987, 501–02)

IE $\ast\text{sH}_2\text{em-}$ “song”: Vedic *sām-an-* “song”; Hittite *ishamai-* c. “song, melody”; Greek *οἶμη* “song, lay”, *οἶμος* id. (Benveniste, *BSLP* 50/1, 1954, 39–40; Puhvel, *HED* I–II, 394–95).

Lit.: Brunner 1969, 189, #1028: Semitic+Hittite.

35. Semitic $\sqrt{w-s-k}$: Arabic *wasaka* “être très chaud (jour d’été)” (DRS 577)

IE $*H_2eug-$: Greek $\alpha\upsilon\gamma\eta$ “Glanz, Strahl, Tageslicht”; Albanian *agume* “Morgenröte, Morgen”. (Pokorny 1959, 87; Mann 1984–87, 41).

36. Semitic: Syriac *yaṣā* “avis quadem, pterocles al. coturnix”; Tigre *wise* “sorte de passereau” (SED II, 312, #243: $*wV\text{-}$) || Egyptian rws “ein Vogel”, rjw “Graukranich – Jungvogel / Grusgrus juv.” (WPS 211).

IE $*H_2woi-s$ nom. : $*H_2wei-s$ gen. “bird” (Schindler) > Armenian *haw* and Latin *avis* “bird”, Greek $\alpha\iota\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ “eagle” < $*awyet\acute{o}-$, cf. $\alpha\iota\beta\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$: $\acute{\alpha}\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ · Περγαῖοι (Hesych.), etc.

Lit.: Schindler, Sprache 15, 1969, 158f; Pokorny 1959, 86.

37. Semitic $\sqrt{w/y-d-s}$ “to know” > Old Akkadian *wadû*, Akkadian *edû*, *idû*; Ugaritic, Phoenician *yds*, Hebrew *yādas*, Aramaic *yədas*, Syriac *īdas*, Mandaic *yda* “to know”; Arabic *raydasa* “to inform”; Sabaic *yds* “to find out”, *h-yds* “to inform”; Šheri *redas* “to know”, Soqotri *redas* id.; Geez *raydasa* “to make know, inform, tell” (Leslau 1987, 626) ||| Egyptian *yds* “klug” (WPS 365) ||| Cushitic: (East) Afar *das-* & *ḍas-* “to know”, Saho *dis-* & *des-* “to know, understand, can”; Somali *das-* “to may, understand” (Dolgopolsky 1973, 316: East Cushitic+Semitic)

IE $*d^heih-/*d^hyeh-$ > Vedic *abhí* ... *dīdhaya* “ich überdenke”, *prāti* ... *dīdhima* “wir erwarten”; Avestan 3sg. *ā-didaiia* “betrachtet”, Khotanese *daiyā* “sees”; Albanian *di* “knows” (Pokorny 1959, 243; LIV 141–42).

38. Semitic $\sqrt{w-l-s}$: Arabic *walasa* “to grow frivolous”, *walisa* “to be greedy for”, *walas* “violent desire, passion, love” (Steingass 1988, 1232); Tigray *wäläsa* “allumer” (DRS 553) ||| Chadic: (West) Sura *wal*, Mupun *wāl* “aimer” (Orel & Stolbova 1995, 526)

IE $*welH-$: Avestan *-varatā* “wählt”; Latin *uolui* “wollte”; Gothic *wili* “will”; Old Lithuanian *velmi* “wünsche, will”; Old Church Slavonic *veljō* : *velēti* “wollen; befehlen” (LIV 677–78; Pokorny 1959, 1137).

Lit.: Cf. Möller 1911, 265–66 & Illič-Svityč 1967, 340: Arabic $\sqrt{w-l-s}$ + IE.

Afroasiatic $*h$

39. AA: Semitic *h*-plural of biradical nouns: Hebrew מַגְדֵּי “Mägde” = Syriac *amhātā*; Syriac *šēmāhē* “Namen”, *abāhē* & *abāhātā* “Väter” = Arabic *abahāt*, Sabaic *ʾbhy*; Arabic *sitāh* “Ärsche”, *šifāh* “Lippe”, *šiyāh* “Schafe”, *miyāh* “Gewässer”; further *ilāh* “Gott” (originally pl.) = Hebrew *lōhīm*, Syriac *allāhā* (Brockelmann 1908, 455). It is tempting to add the Cushitic plural ending $*-a$, attested in Beja and East Cushitic: Arbore, Elmolo, Oromo, Konso, Dirayta (Zaborski 1986, 298).

IE $*(e)H_2$ > $*-ā$ ‘inanimate plural / collective’: Vedic *yugā*, Greek $\zeta\upsilon\gamma\acute{\alpha}$, Latin *iuga*, Gothic *juka*, Old Church Slavonic *iga* “yokes”, Hittite *genuwa* “knees”, besides $*-H_2$ in the consonant stems, e.g. Vedic *nāmāni*, Avestan *nāmani*; Greek $\acute{\omicron}\nu\acute{\omicron}\mu\alpha\tau\alpha$ “names”, but $*-ā$ in Latin *nōmina*, Gothic *namna*, Old Church Slavonic *imena* (Brugmann 1911, 231–38).

40. Biblical Aramaic *hāk* in *yahāk* “he goes” (Leslau 1987, 220); Arabic dial. (Maghreb) *hāk* “être bon marcheur, rapide (cheval)”; Arabic *hayyaka* “se dépêcher, aller vite” (DRS 387, 401).

IE $*H_2eḡ-$ > Old Indic *ājati* “drives”, Avestan *azaiti* “drives, leads away”; Armenian *acem* “I lead, bring”; Greek $\acute{\alpha}\gamma\omega$ “I lead”; Latin *agō* “I lead, drive, deal with, be engaged in”, Oscan *acum* “agere”; Old Irish *ad-aig* “adigit” ($*ad-aget$), Old Welsh *agit* “goes” ($*agīti$); Old Nordic *aka* “to travel”; Tocharian AB *āk-* “to lead, drive, guide” (Pokorny 1959, 4f; Adams 1999, 36).

41. Semitic **harar-* “mountain”: Emar Akkadian *harru*; Ugaritic *hr* “mountain”; Phoenician-Punic *hr*; Hebrew *har* “mountain” (DUL 345; HAL 254; DRS 459) ||| Egyptian *hr* “Waldgebirge” (WPS 285)

IE **H₃er-/ *Hor-*: Hittite *aru-* “high” (: *arai-* “to rise, lift, raise” — so Puhvel 1–2, 177–78; cf. LIV 238 and 299–300: **H₁er-* or **H₃er-*); Greek ὄρος “Berg, Anhöhe”, ὀρέστερος “auf den Bergen lebend”; Middle Irish *or*, acc. pl. *uru m.* “coast, bank”, *airer* “coast, haven” < *air-* + *or*, Welsh *ôr*, pl. *oroedd* “limit, edge, brim, margin”, Old Breton *or*, pl. *-ion* “edge”, Cornish *or*, pl. *-yon* id. (Mann 1984–87, 890; Pedersen I, 207 & II, 51).

42. Egyptian (Old Kingdom) *hrw* “day” (Wb. II, 496–97) ||| Berber: (South) Ahaggar *tarut*, pl. *tirutîn*, Ayr *tarut* & *terut*, Taneslemt *tārāhut* “heures du milieu du jour” < **tā-ruHūH-t* & **tā-raHūH-t* respectively (Prasse 1974, 177, 213–15) ||| Chadic: (Central) Buduma *yīrōw*, *yērāu*, *īrau* “day” (Lukas) || (East) Dangla *eriyo* “noon” (OS #1173: Egyptian + Chadic); cf. Semitic $\sqrt{w-h-r}$ & $\sqrt{n-h-r}$ “to shine”: Mandaic *ywr* “light, brightness, brilliance”, Hebrew *nəḥārā* “light of day”; Arabic *wāḥir* “shining, white” & *nahār* “clear day, morning” < Aramaic (HAL 397, 676–77; Cohen 1947, #500bis.: Egyptian + Semitic; EDE I, 139: plus Chadic)

IE **H₂reu-*: Old Indic *ravi-* m. “sun, god of the sun”; Armenian *arew* “sun”, cf. also the compound *areg-akn* id., lit. “sun-eye” (Pokorny 1959, 873). Related could also be Old Irish *ré* “interval, (time) space”, sometimes about the lunar phases, from here also “moon” & “month”; pl. *inna rei* “(sky) space”. The Celtic protoform **rewiā* (Vendryes, LEIA 1974, R–10) is compatible with the preceding forms (MacBain 1911, 288). The key to the etymology could be found in Hittite *harwanai-* “to be clear; to dawn” (Eichner 1978, 156; EWAI II, 440).

43. Semitic $\sqrt{h-w-y}$: Ugaritic *hwy* “to want”; Hebrew *ḥawwā* n. “(evil) desire”; Arabic *ḥawīya* “to love, desire”, *ḥawā(-n)* “desire, passion, love”; Mehri *šəhwū* “aimer” (DRS 386; DUL 350)

IE **H₂eu-*: Vedic *āvati* “is pleased”, *āvi-* “favorable”; Armenian *awiwn* “libido, fury, enthusiasm”; Greek ἐνήης “kind, gentle”, ἄητας “jeune homme aimé”; Latin *auēō*, *-ēre* “to long for, desire”; Welsh *awyddu* “to desire”; Old Runic *auja* “good fortune”, Gothic *awi-liuþ* “thanks” (Pokorny 1959, 77–78; LIV 274).

Lit.: Illič-Svityč I, 241–42, #100.

44. Semitic $\sqrt{b-h-w/y}$: Arabic *bahiyy* “beautiful, shining, resplendent”, *bahā* “to be beautiful, shine with beauty” (Steingass 1988, 148); Amhara *bāha* “sorte de pierre blanche”, *buha bag* “mouton qui a une tache sur le front” (DRS 47)

IE **b^heH₂-* “glänzen, leuchten, scheinen”: Vedic *bhāti* “glänzt, strahlt”, Avestan *frauuāiti* “leuchtet hervor”; Greek φάντα : λάποντα (Hesych.) “leuchtend” (LIV 68; Pokorny 104–05).

Lit.: Brunner 1969, 126, #704: Arabic + IE.

45. Semitic $\sqrt{g-h-y}$: Syriac *gəhā* “to flee, escape”, Mandaic *gha* “to flee from”; Soqotri *ge* “to flee, escape”; Geez *g^wayya* “to run (away)” (Leslau 1987, 209)

IE **g^heH(y)-* > Old Indic *jihīte* “springt auf, begibt sich zu”; Armenian *gam* “I come”; Greek κίχάνω “ich erreiche, erlange, treffe an”, aor. κίχήτην “kamen heran”; Old High German *gān* & *gēn* “to go” < **gai-* (LIV 196: **H₁*; Kluge & Seebold 1999, 307).

46. Semitic $\sqrt{k-h-n}$: Arabic *kahana* & *kahuna* “to foretell the future” (Steingass 1988, 899); nominal formations usually designate the “priest”: Ugaritic *khn*; Hebrew *kohen*; Aramaic *kāhnā*; Arabic *kāhin*; Geez *kāḥən* (Leslau 1987, 278; HAL 461–62) ||| Cushitic: (North) Beja *kwinh* “to tell” or *kehun* “to like, have affection for” (R. Hudson)

IE * $\hat{g}neH_3-$ > Vedic *jānāti* “kennt, weiss”, Avestan *-zānənti* “erkennen”; Armenian *caneaw* “erkannte”; Hittite *ganess-* “erkennen, herausfinden”; Greek $\xi\gamma\nu\omega\nu$ “erkannte”; Albanian *njoh* “ich kenne”; Latin (*g*)*nōuī* “erkannte, weiss”; Gaulish *gníiu* “I know” (Châteaubleu), Old Irish *ad-gnin* “kennt”; Gothic *kunnan* “kennen”; Lithuanian *žinoti* “kennen, wissen”, Old Church Slavonic *znati* id.; Tocharian A *knānat* “erkennst” (LIV 168; Pokorny 1959, 168–69).

47. Semitic **nahar-* “river”: Akkadian *nāru* “river”; Ugaritic *nhr*; Hebrew *nāhār*; Old Aramaic *nhr*, Syriac *nahrā* id.; Arabic *nahar* & *nahr* id., *nahara* “to gush, flow”; Sabaic *nhr* “river” (Møller 1909, 94; HAL 676) ||| Egyptian *nhr* “laufen, rennen, fliehen (*hinwegströmen)” (WPS 702).

IE **nerH-* “untertauchen” (LIV 454; Pokorny 1959, 766, 975–76); cf. Old Indic (Manu 1, 10) pl. *nārāḥ* “waters” (KEWA II, 154–55); Lithuanian *narà* “rivulet, brook” (Nevskaja 1977, 54)

48. Semitic $\sqrt{\text{š-h-r}}$: Hebrew *šōhēr* “seeker, searcher” (Klein 1986, 644), Jewish Aramaic *šāhar* “suchend” (Møller 1911, 212), Arabic *sahara* “to be awake, watch over” (Steingass 1988, 514)

IE **serH₂(w)-*: Avestan *ni-šanharatū* “soll Acht haben”, *nī haraitē* “bewahrt sich”, Lydian *sarēta-* “Beschützer”, cf. Hittite *sarhuwant-* “Fötus” = “geschützt”, Greek $\rho\omicron\nu\nu\tau\alpha\iota$ “haben Acht auf” (Rasmussen 1989, 98; LIV 524: **ser-*).

Lit.: Illič-Svityč II, 107, #348: Semitic+IE.

Afroasiatic **ḥ*

49. Egyptian *ḥspj* “Nil; Überschwemmung” (WPS 295–96); maybe related to Arabic *ḥaffat* “edge, border, rim, side” (Steingass 1988, 285), if this was originally “rim of the river” vel sim. (cf. the same semantic dispersion in Latin *rīpa* “Ufer” : Spanish *ribera* “Ufer, Strand, Bach”, French *rivière* “Au”)

IE **H₂e(H)p-/*H₂(H)ep-*: Vedic *áp-* f. “water”, nom. pl. *ápas*; Avestan nom. sg. *āfš* id., acc. pl. *apas-čā*, Old Persian *apiyā* “ins Wasser”, Sogdian *ḥp*, Middle Persian *āb* id.; Old Prussian *ape* “Bach, kleiner Fluss”; Tocharian AB *āp* “water, stream, river” (Pokorny 1959, 51; EWAI 81). There is also a variant **H₂eb^(h)-* (Pokorny 1959 1; Beekes, EIEC 486): Hittite *hap(a)-* “river”, Cuneiform Luwian *hāpa-* ~ *hapā-* “river, stream”, Palaic *hāpnas* “river”; Latin *amnis* f., later m., abl. *amne* “river, stream” < **abni-*; Old Irish *a(u)b* f. < **abū*, acc. sg. *abinn* < **aboneN*, gen. sg. *abae* “river” < **abens*, dat. pl. *aibnib* < **abenobi*); further Old Irish *abann* id., Middle Welsh *afon* id., Old Cornish, Middle Breton *auon* (**abonā*). The difference **-p-* vs. **-b-* was explained by Eric Hamp (1972, 36–37) who identified here the influence of the possessive suffix **-H₃on-*: **H₂ep-H₃on-* “having flowing water”. A similar process **-pH₃-* > **-b-* has been supposed for the verb “drink”, where the root **peH₃-* is reconstructed, redupl. **pi-pH₃o*: Vedic *pībati* “drinks”, Latin *bibō* “I drink”, Faliscan *pipafo* “I will drink” /*bibāfō*/ (regressive assimilation from **pibō*), Old Irish *ibid* “drinks” < **pibeti*, Cornish *evaf* “I drink”, st̥rbret. *euaff* id. < **pibami* etc. (Pokorny 1959, 840; LIV 462–63).

50. AA: Cushitic: (East) **ḥam-/*ḥum-* > Saho-Afar *uma*, Somali *ḥun, ḥum-* “bad, evil, worthless”, Oromo *hamaa* id. (Sasse 1979, 38) | (South) Burunge *ḥam-*, Alagwa *hamu* “hardship, distress” (Ehret 1980, 379, 334)

IE **H₂eumo-* or **Houmo-*: Old Icelandic *aumr* “poor, miserable”, Tocharian A *omāskem* “evil”, B *aume* “misery”, *aumiye* “fever” (Adams 1999, 132).

51. Semitic $\sqrt{\text{ḥ-m-r}}$ “be red”: Akkadian *emēru* “to become red”; post-Biblical Hebrew *ḥāmarmar* “to become red” (figurative meaning shift from “to be hot, parched”); Arabic *ḥammar*

“red”; Sabaic *ḥmr-t* “red”; Geez *ḥamar* “red berry”, Tigre *ḥamär* “red-brown”, Tigray *ḥamray*, *ḥamär* “red” (Leslau 1987, 234)

IE **H₂m̥r-u-* /**H₂m̥rwo-*: Luwian *marway(a)-* “rot”, *maruwai-* “röten, rot färben”, participle *marussam(m)a-* “rot (gefärbt)”, cf. the hydronym *Marassantiya-*, written also *ÍD.SA₅* “Red River”, corresponding to the antique river name Halys and today’s *Kızıl Irmak*, in Turkish “Red River” (Tischler 2001, 102); Greek *ἀμαυρός* “dunkel, trübe, schwach”; ? Latin *umbra* “shadow, shade” which is derivable from **omrā*.

52. Cushitic: (North) Beja *herka* “upper arm, shoulder” (Roper) = *hárka*, *hérka* “Arm, Oberarm, Schulter, Achsel” (Reinisch) || (East) **ḥar[q]-* “arm, hand” > Afar *ḥaray* “upper arm”, Saho *ḥaray* “arm”; Oromo *harka* “hand, lower arm”, Konso-Mashile *harka*, Dirayta *hark* “hand”; Harso-Dobase *ḥarkó*, pl. *ḥárqe*, Gollango *ḥarqó*, Gawwada *ḥarkó* “arm, hand”, Tsamakko *ḥaarko* id. (Savà) — see Lamberti 1987, 536; East Cushitic > Gurage *aräq*, Harari *ḥaräq* “arm above elbow” (Leslau 1963, 86 & 1979, 90) || (South): Mbugu *mharéga* / *mharéya* “arm” (Ehret)

IE **H₂erk-* “to hold, keep”: Hittite *hark-* “to hold, keep, have”; Armenian *argel* “hindrance”; Greek *ἀρκέω* “I ward off”; Latin *arceō* “I hold in, shut up, keep at a distance”, *arx* “stronghold, fortress” (Puhvel, HED 3, 145–57; Pokorny 1959, 65–66; LIV 273)

53. Semitic $\sqrt{h-s-w}$ & $\sqrt{h-s/\acute{s}-s/\acute{s}}$: Tigre *ḥašäwä* “to be dry (foliage)” (Leslau 1958, 22); Arabic *ḥašša* “to mow”, *ḥašīš* “dried grass or foliage”; Hebrew *ḥāšāš* id. (HAL I, 363) ||| Berber: Tamashek (Tuareg of Mali) *hùs* “be dry!” (Heath)

IE **H₂s-(H)eus-*: Vedic *śúśyati* “wird trocken”, Avestan conj. med. *haošātaē* “soll austrocknen”; Greek Attic *αῦος* “dürr, trocken”; Albanian *thanj* “trockne”; Latin *sūdus* “trocken, heiter”; Old English *sēar*, Middle Low German *sōr*, Norwegian *søyr* “trocken”; Lithuanian *saūšas*, Latvian *sàuss*, Old Church Slavonic *suxv* “trocken”, *sušq* : *sušiti* “trocken machen” (LIV 285: **H₂seus-*; Pokorny 1959, 880–81).

54. Semitic: Arabic *ḥatta*, *ḥattay-* “until, as far as” ||| Cushitic: (East): Dobase, Gollango *ḥayto* “aussen”

IE **H₂et-* / **H₂ot-*: Vedic *áti* “überhinaus; überaus, sehr”, *átas* “von hier”, Khotanese *ata* “excessively”; Hittite *addu* “further”; Greek *ἀτάρ* “nevertheless, but”; Latin *at* “but; whereas”; Old Irish *aith-* “again”; Gothic *aþ-þan* “but”; Lithuanian *at(a)-* “back”; Old Church Slavonic *otb* “from” (Pokorny 1959, 70).

Lit.: Blažek 2004, 9–10: AA+IE.

55. Semitic **ḥal/iṭw-* “arrow” > Akkadian *ūšu*, *uṣṣu*; Ugaritic *ḥz*; Phoenician *ḥš*, Hebrew *ḥeš*; Aramaic *ḥṭ*; Arabic *ḥazwa* & *ḥuzwa*, pl. *ḥizāʾ* “arrow”; Sabaic *ḥzy-n* “archer”; Geez *ḥašš* “arrow”, Harari *ḥināč* id. (Leslau 1987, 247)

IE **(H)isw/u-* > Old Indic *iṣu-*, Avestan *išu-*, Greek *ἰός* “arrow” < **iσfός*; cf. Hittite *ishuwa(i)-* “to shed, throw, scatter, pour” (Puhvel 3, 404–09).

Note: Dolgopolsky (p.c.) thinks about borrowing from Semitic into IE.

56. Semitic $\sqrt{h/h-w-ṣ}$: Arabic *ḥāwaṣa* “to consider, examine”; Geez *ḥawwaṣa* “to look on/after, peep, visit, watch, observe” (Leslau 1987, 250)

IE **H₂ueis-* “to hear” > Greek *αἰσθάνομαι* “wahrnehmen”, *ἐπάϊστος* “gehört, bekannt, ruchbar”, Homeric *ἄϊον* “hörte”, Latin *audiō* : *audīre* “hören” < **auiz-d^h-iō* (LIV 288; Pokorny 1959, 78).

57. Egyptian (Pyr) *ḥw.t*, *ḥy.t*, (MK) *ḥwy.t* n. “rain”, *ḥ(w)y* “to rain”, *ḥwy* “to flow, flood”, (Pyr) *ḥ(w)y* n. “flood (of river)” ||| Chadic: (West) Siri *h^wi* “rain” (Skinner) || (East) Sumray *ro* “to rain” (Jungrauthmayr)

IE **H₂eu-*: Hittite *he(w)u-*, *he(y)aw-* “rain” (Puhvel, HED 3, 301–04; he rejects the comparison of Hittite with other IE items proposed by Shevoroshkin, *Orbis* 17, 1968, 467); further **H₂eu(o)nt-* (Pokorny 1959, 78; Beekes, EIEC 539) > Vedic *avatá-* “well, spring; cistern”, cf. also the river-name *Avantī-* recorded only by lexicographers (EWAI I, 130–31); ?Gaulish: river nymph *Aventia*; Latvian *avuōts* “fountain, spring” (Nevskaja 1977, 18) < **auontos*; cf. Lithuanian river *Avantà*. Related are probably also the Indo-Iranian forms without *-t-*: Vedic *aváni-* f. “bed of river, river, stream”; Sogdian *ʾwʾnh* [*āwān*] “river”, Khotanese *vañi* “streams” (EWAI I, 131).

Lit.: Cuny, *Revue Hittite et Asiatique* 6, 1942–43, 101: Egyptian + Hittite; Dolgopolsky p.c.: AA + Hittite.

58. Semitic $\sqrt{h-y-w}$: Ugaritic *ḥyy* “to live”; Phoenician *ḥwy* id., *ḥy* “living”, *ḥym* “life”, Hebrew *ḥāyāw* “to live”; Syriac *ḥayā* id.; Arabic *ḥay(i)ya* id., *ḥayāh* “life”; Sabaic *ḥyw/y* “to live”; Mehri *ḥayōt* “life”; Geez *ḥaywa* “to live” (Leslau 1987, 252)

IE **H₂ey-u-*: Vedic *āyu* “Leben, Lebenszeit”, Old Avestan *āiiū*, gen. *yaoš* id. (**H₂oyus* : **H₂yous*); Greek *αἰών* id., *αἰεί* “immer”, Cypriotic *αἰφει* id.; Latin *aevum* “a long time, an age”; Gothic *aiws* “time, eternity”, Old Norse *ævi* “life, age” (Pokorny 1959, 17f; Wodtko, NIL 277–78).

Lit.: Møller 1909, 3: Semitic + IE; Illič-Svityč I, 242–43, #101: AA+IE.

59. Cushitic $\sqrt{h-y-w}$ / $\sqrt{h-w-y}$ “to give”: (North) Beja $\sqrt{h-y-w}$ id., cf. the negative imp. *ba-hiiwa* | (Central) **aw-* id. (Appleyard) | (East) $\sqrt{h-iw-}$ / $\sqrt{h-uw-}$ / $\sqrt{h-uy-}$ id.: Saho *-ḥoy-*, Afar imp. *aḥuw / aḥuy*; Sidamo *uw-*, (*w*)*oy-*, Hadiyya, Gedeo, Burji *uww-* id. (Sasse 1982, 185–86, 230) || Berber $\sqrt{H-w-y}$: (South) Ahaggar *awi* “to bring, carry”, Ghat *awi d* “bring”; (North) Iznacen, Rif *awi* “to carry (away)”; Zenaga *yuwa-ddāh* “brings” (Dolgopolsky, p.c.: Cushitic + Berber)

IE **H₂ey-/*H₂oy-*: Hittite 1sg. *pēhhi* < **pe-H₂oy-H₂ei*, 3sg. *pāi* < **pe-Hoy-*, Cuneiform Luwian *pīya-* “to give”, Hieroglyphic Luwian *iyasa-* “to buy”, Lycian *ijetē* “kaufte”; Greek *αἴνυμαι* “greife, nehme”; Umbrian *aitu* “soll aussondern” < **ay-ye-tōd*, Oscan *aiti-* “Anteil”; Tocharian B conj. *āyu*, A *em* “werde geben”, B *āyor* “gift” (LIV 229: *H₁ai-*; Adams 1999, 100: **H₄ei-*).

60. Semitic $\sqrt{b-w-h}$: Arabic *bāḥa* “to be known, become public; make known, publish, divulge”, *būh* “root, origin; pudenda, sexual intercourse” (Steingass 1988, 150); Geez *boḥa* “to be seen, revealed” (DRS 51; Leslau 1987, 115)

IE **b^hweH₂-*: Vedic *ābhūt* “ist geworden”, Old Avestan conj. *buuaitī* “wird werden”; Grk *ἔφωv* “wuchs, wurde, entstand”; Latin *fūi* “war”; Old Irish *boí*, Middle Welsh *bu* “war”; Old English *bēom* “bin”; Lithuanian *būvo* “war”; Old Church Slavonic *byti* “sein” (Pokorny 146–50; LIV 98–101).

Lit.: Møller 1911, 36–37: Semitic+IE; he also thought about Semitic $\sqrt{b-w-}$ “to come, enter” (DRS 50). In this case the IE reconstruction should be **b^hweH₁-* (cf. Rasmussen 1989, 146).

61. Semitic $\sqrt{g-h-f}$: Arabic *jaḥafa* “to gather, take out”; Šxeri *ḡaḥaf* “to take everything”; Geez *gaḥafa* “to take away, remove, carry off” (Leslau 1987, 186–87; DRS 113; Steingass 1988, 220)

IE **(ḡ)^heH₂b-* “ergreifen, nehmen”: Latin *habēō*, *-ēre* “haben, halten”, Umbrian *habetu* “soll halten”; Gaulish *gabi* “nimm!”, Old Irish *-gaib* “nehmen” (LIV 195; Pokorny 1959, 407–09).

Lit.: Møller 1909, 54: Arabic+IE.

62. Semitic $\sqrt{l-h-h}$ & $\sqrt{l-h-l-h}$: Hebrew *lah* “moist, fresh”, post-biblic Hebrew *lihle^ah* “to moisten”, Aramaic *lahlah*, Palestinian Syrian *lh* “moisture”, Arabic *ṣalahḥa* “to give continuous rain”, Geez *lahaha* “to be humid” (Leslau 1987, 310)

IE **leH₂-(w)-*: Hittite *lah(h)u(wa)-* “to pour”, *lilhu(wa)-*, Cuneiform Luwian *liluwa-* id. (LIV 401). Cf. also IE **leiH-* “to pour” (LIV 405–06) and / or **leuH₃-* “to wash, bathe” (LIV 418).

63. Semitic $\sqrt{l-p-h}$: Arabic *lafaha* “to burn, scorch” (Steingass 1988, 923)

IE **leH₂p-*: Hittite *lāpta* “glühte”; Greek *λάμπω* “leuchte”; Old Irish *lassaim* “flamme” < **lH₂p-sk-*; Lithuanian *lópė* “Licht”, Latvian *lāpa* “Fackel”, Prussian *lopis* “Flamme” (LIV 402; Pokorny 1959, 652–53)

Lit.: Brunner 1969, 22: IE+Arabic.

64. Semitic $\sqrt{m-l-h}$: Ugaritic *mlh* “good, pleasant” (Segert 1984, 192) or “beauty” (DUL 548), Arabic *milh* “beauty, grace”, *malih* “pleasant, beautiful, fair” (Steingass 1988, 1054, 1059)

IE **melH-*: Greek *μάλα* “very”, *μᾶλλον* “more”, *μάλιστα* “mostly”, Latin *melior* “better”, *multus* “numerous”, Lithuanian *malonūs* “nice”, Latvian *milns* “very much” (Pokorny 1959, 720; Salmons & Adams, EIEC 236 — they add Hittite *malā(i)-* “to be favorable”).

Lit.: Illič-Svityč II, 41, #278: Arabic+IE.

65. Semitic $\sqrt{n-h-y/w}$: Hebrew *nāhā* “to lead”; Arabic *nahā* ($\sqrt{n-h-w}$) “to turn and move in a certain direction; go aside, across” (HAL 685; Steingass 1988, 1107)

IE **neiH-* > Vedic *náyati* “führt”, Avestan *naieiti* “leitet, führt”; Hittite pres. sg. *nehhi*, *naitti*, *nāi* “führen” (LIV 450; Pokorny 1959, 760).

Lit.: Møller 1909, 92: Semitic + IE.

66. Semitic: Akkadian *puhālu* “male animal, stud” (of ram, bull, stallion, elephant, duck) (CDA 277); Ugaritic *p̄hl* “ass, jackass, stallion”, *p̄hlt* “mare”; Arabic *fahl*, pl. *fiḥāl*, *fuḥūl*, *fiḥālat* “stallion” (DUL 668; Steingass 1988, 777)

IE **poHl-/*peH₃l-*: Greek *πῶλος* “foal, filly”; Albanian *pelë* “mare”; Germanic **folan-* > Old English *fola*, Old Saxon & Old High German *folo* “foal” (Mann 1984–87, 973).

67. Semitic $\sqrt{p-r-h}$: Arabic *faraha* “to be cheerful, merry, content”, *farah* “joy, cheerfulness, merriment, contentment”, *farih* “rejoice” (Steingass 1988, 782); Mehri *fīrəḥ* “to be happy”, Jibbali *fērəḥ* id. (Johnstone 1987, 99).

IE **preiH₂-/*preH₂y-* “to be beloved”: Vedic *priṇāti* “erfreut, befriedigt”, Old Avestan *fri-ianmahī* “wir befriedigen”; ?Greek *πραῦς* “gentle”; Old Irish *riar* “will, wish” Gothic *frijon* “to love”, *fri(j)apwa* “love”, *frijonds* “friend”; Latvian *priēks* “friend”; Old Church Slavonic *prijati* “to be favorable”, *prijatelb* “friend”, *prijaznb* “love” (Pokorny 1959, 844; LIV 490).

Lit.: Brunner 1969, 187, #997: Arabic + IE.

68. Semitic $\sqrt{p-t-h}$ “to open”: Akkadian *petû* & *patû*; Ugaritic *p̄th*; Hebrew *pātaḥ*; Syriac *pataḥ*; Arabic *fataḥa*; Šxeri *fetaḥ*; Geez *fatha* id. (Leslau 1987, 170). Illič-Svityč (1968, 319, #1.32) adds Hebrew $\sqrt{t-p-h}$ “to spread”. There are other parallels that confirm **t* as well as Illič-Svityč’s proposal that it is the result of metathesis from **√p-t-h*, namely Arabic *fataḥa* “to spread”, besides *tafaha* “to be overfull”; Syriac $\sqrt{t-p-h}$ “to flatten out”; Akkadian *tepu* “to lay open”; Tigre *tafha* “to be flat, wide” (see HUL 378).

IE **petH₂-*: Greek *πετάσσειμι* “breite aus, öffne”; Latin *pateō*, *-ēre* “offenstehen, sich erstrecken”, Oscan *patensins* “sie mögen öffnen” (LIV 478–79; Pokorny 1959, 824–25)

Lit.: von Raumer apud Delitsch 1870, 55 & Møller 1909, 112: Semitic + IE; Dolgopolsky 1964, 10 & Illič-Svityč 1967, 372: AA+IE+ other Nostratic.

69. Semitic $\sqrt{r-w-ḥ}$: Hebrew *rāwāḥ* “to extend, spread oneself out”; Syriac *rəwāḥ* “to be spacious”; Sabaic *h-rwḥ* “to expand”; Arabic *rawiḥa* “to be wide”; Tigre *rayaḥa* “to revive” (HAL 1195–96) ||| ?Egyptian *wʕḥ* “dauer” (Wb. I, 255; EDE I, 396: Semitic + Egyptian)

IE **reuH-*: Avestan *rauuaḥ-* “freier Raum”; Latin *rūs, rūris* “Land”; Germanic **rūma-* “Raum”; Tocharian B conj. *rewät* “du sollst/wirst öffnen” (LIV 510–11: **reuH₁-*, but without any unambiguous evidence for **H₁*; Pokorny 1959, 874).

Lit.: Dolgopolsky 1964, 4; Illič-Svityč 1967, 373; Brunner 1969, 133, #748: Semitic+IE.

70. Semitic $\sqrt{\check{s}-k-ḥ}$: Ugaritic *nškh* “which was found” > “which happened”, Aramaic $\sqrt{\check{s}-k-ḥ}$ “to find” (Segert 1984, 202)

IE **seH₂(ḡ)-*: Hittite *sākiya-* “offenbaren”, Latin *sāgiō, -īre* “spüren, wittern”, Old Irish *-saig* “geht nach, sucht”, Gothic *sokjan* “suchen” (LIV 520).

Afroasiatic **ḥ*

71. Semitic $\sqrt{ḥ-l-q}$: Akkadian *ḥalāqu(m)* “to be lost; be destroyed”, *ḥulqu(m)* “lost property” (CDA 101); Ugaritic *ḥlq* “to perish, destroy; ruined” or “bad”; Geez *ḥalqa* “to perish, be wasted” (DUL 393–94; Segert 1984, 186; Leslau 1987, 261)

IE **H_{2/3}elk-*: ?Armenian *alkatk* “poor, bad”; Latin *ulcīscor* “to take revenge”; Old Irish *olc* “bad” (LEIA O–20; LIV 264: **H₂elk-* “abwehren”).

72. Semitic $\sqrt{ḥ-l-y}$: Mehri (*n*)*ḥáli* “sous”, Soqotri $\sqrt{ḥ-l-y}$ “être assis sous quelque chose” (Leslau 1938, 175) ||| Cushitic: (East): Burji *hal-* “to fall (down), to set (of sun)”, Sidamo *halalla* “lowland”, *halliyyá* “deep” (Sasse 1982, 90)

IE: Hittite *haliya-* “to kneel down”, *halinu-* “to make kneel”, *halihlali-* “to genuflect” is derivable from **H₂l-oi-* : **H₂l-i-*, plus reduplicated **H₂li-H₂oi-* : **H₂li-H₂i-* (Kloekhorst 2008, 273–74). Possibly related: Tocharian A pl. *lyyā*, B *lyiyo* “member (of body)” (Adams 1999, 567).

Lit.: Illič-Svityč 1967, 351: Semitic+Hittite.

73. Semitic $\sqrt{ḥ-n-ṭ}$: Jibbali *xanṭi* “front (part)”, *xanṭún* “out, absent”, Mehri *xanṭāy* “front part of a camel”; cf. also Arabic *ḥunṭūl* “long horn or penis” ||| Egyptian *ḥnt* “face, front part; in front of”, Coptic *šant* “nose” (Wb. III, 302–06)

IE **H₂ent-*: Vedic *ánti* “before”, *ánta-* “end, limit”; Hittite *hanza* “front (part)”, *hanti* “in front of, before”; Greek *ἀντί* “opposite”; Latin *ante* “before”; Lithuanian *antà* “on, upon”; Tocharian B *ānte* “surface, forehead” (Pokorny 1959, 48–50).

Lit.: Illič-Svityč 1967, 354: Egyptian+IE; Dolgopolsky apud Bomhard 2008, 665–66: AA+IE.

74. Semitic $\sqrt{ḥ-ṭ-w}$: Arabic *ḥaṭā* “to walk, step” (Steingass 1988, 331) ||| Egyptian *ḥtj* “to retire, retreat”

IE **H₂et-*: Sanskrit *ataṣi* “wanderst”; Latin *annus* “year”; Gothic *aþnam* id. (LIV 273; Pokorny 1959, 69).

Lit.: Illič-Svityč 1967, 337: AA+IE.

75. Semitic $\sqrt{ḥ-w-ʔ/y}$: Arabic *ḥawiya* “to be empty, bare, desolate, waste”, *ḥawā* “empty space” (Steingass 1988, 344) ||| Cushitic: (East): Oromo *hiyyeesa* “poor”, Dirayta *hiyy-akko / -ayt* id., Burji *hiyy-áyšil-áytee* id. (Sasse 1982, 98) || (South): Asa *-ḥaṛeta* “cheap, easy” (Ehret 1980, 308).

IE $*H_1ueH_2-$: Vedic *vāyati* “schwindet dahin, wird leer”; Greek *έώω* “lasse”; Latvian *vājēt* “schwach werden” (LIV 254)

Lit.: Bomhard 2008, 688–90: AA+IE.

76. Semitic $\sqrt{h-n-h/h/h}$: Akkadian *anāhu* “respirer difficilment, soupirer”; Ugaritic *anh* “complaining”; Hebrew *ne^hnāhā* “soupirer”, *ānahā*; Syriac *enah* “gémir”; Arabic *anaḥa* “breathes hard or violently”, *anaha* “haleter” (DRS 25; DUL 79) ||| Egyptian *nh* “to live”

IE $*H_2enH_1-$: Vedic *ániti* “atmet”; Albanian *ënj* “blase (auf)”; Gothic *-anan* “atmen”; Tocharian B *anāṣṣām* “atmet ein” (LIV 267; Pokorny 1959, 38–39)

Note: The etyma are compatible, assuming metathesis of the laryngeals in one of the families.

Lit.: Møller 1909, 6: Semitic+IE; Illič-Svityč 1971, #125: Semitic+Egyptian+IE+Svan *qan-* “to smell” with *q-* corresponding to AA $*h$ (Illič-Svityč I, 149).

77. Semitic: Arabic *naḥšūš* “nostril”; Mehri *naḥšís* “nose” (Leslau 1945, 239)

IE $*(H)neHs-/*Hne(H)s-$? “nose”: Vedic nom. du. *nāsā*, gen. du. *nasoh*, loc. sg. *nasi*; cf. the compound with the preceding lengthening *urū-nasa-* “having a wide nose”; Avestan *nāh-*, Old Persian acc. sg. *nāham*; ?Greek *νήσος*, Doric *νᾶσος*, Rhodos *νᾶσσος* “island” (cf. Old Nordic *nes* “headland”); Latin *nāsus* “nose”, *nāres* “nose; nostrils”; Old High German *nasa*, Old English *nosu*, Old Nordic *nōs* “nose”, besides Old Swedish *nōs* “snout”; Lithuanian *nósis*, Latvian *nāss* “nose”; Old Church Slavonic *nosъ* id. (Pokorny 1959, 755; EWAI I, 31: $*Hnās-$; Kortlandt, *Baltistica* 21, 1985, 119: $*neH_2s : *nH_2sos$).

78. Semitic $\sqrt{s-l-h}$: Ugaritic *slh* “forgiveness (of soul)” (DUL 761); Hebrew *sālah* “to forgive” (HAL 757)

IE $*selH_2-$ “gnädig werden”: Armenian *alačem* “bitte”; Greek Homeric *ἴλαμαι* “stimme gnädig”, Aeolic *ἔλλαθη* “seid gnädig” (Pokorny 1959, 900; LIV 530)

Lit.: Brunner 1969, 105, #573: Semitic + IE.

Afroasiatic $*\gamma$

79. Semitic $*\gamma ar-(an-)$: Akkadian *erû* ~ *arû* “eagle”, *urinnu* “eagle”; Old Aramaic *ar* “bearded vulture”, Jewish Aramaic *ar* “sp. of eagle”; Arabic *γaran-* id. (SED II, 59, 131)

IE $*H_3er-(n-)$: Hittite & Palaic *hāras*, gen. *hāranas* “eagle”; Greek *ὄρνις* “bird”; Old Irish *ilar/irar* “eagle” (metathesis from $*arilo-$?); Old Norse *ari* ~ *orn* id.; Old Prussian *arelie*; Old Church Slavonic *orьlv* id. (Pokorny 1959, 325–26; Greppin, EIEC 173).

Lit.: Illič-Svityč 1967, 352: Semitic+IE.

80. Semitic $*\gamma awr-$: Ugaritic *γyr* “hollow, pit, depth” (DUL 328); Arabic *γawr* “depth, cavity, cave, valley” (Steingass 1988, 766); Soqotri *éyreh* “lake” (Leslau 1938, 308)

IE $*H_2eur-$: Greek *ἄναυρος* “waterless”; Old Norse *aurr* “Nass, Wasser”, Old English *éar* “sea” (Pokorny 1959, 80–81).

Lit.: Illič-Svityč 1967, 341: Semitic+IE.

Abbreviations

AA: Afroasiatic, C: Central, IE: Indo-European, N: North, O: Old, S: South, W: West.

Literature

- ADAMS, Douglas Q. 1999. *Dictionary of Tocharian B*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi.
- APPLEYARD, David L. 2006. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*. Köln: Köppe.
- BEEKES, Robert. 1995. *Comparative Indo-European Linguistics. An Introduction*. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins.
- BIELLA, Joan C. 1982. *Dictionary of Old South Arabic: Sabaean Dialect*. Chico: Scholars Press.
- DE BERNARDO STEMPEL, Patrizia. 2007. Clb. *auzu* 'hausio', *auzeti* 'haurit', *auzanto* 'hauriant': water in the Botorrita bronzes and other inscriptions (K.0.8, 1.1, 1.3, 2.1, 5.1). *Palaeohispanica* 7, 55–69.
- BLAŽEK, Václav. 1995. The Microsystems of Personal Pronouns in Chadic, compared with Afroasiatic. In: *Studia Chadica et Hamitosemitica* (Fs. Herrmann Jungraithmayr), ed. by D. Ibrizimow & R. Leger. Köln, 36–57.
- BLAŽEK, Václav. 1997. Cushitic Lexicostatistics: The Second Attempt. In: *Afroasiatica Neapolitana. Papers from the 8th Italian Meeting of Afroasiatic (Hamito-Semitic) Linguistics* (Naples, January 1996), ed. by A. Bausi & M. Tosco. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 171–188.
- BLAŽEK, Václav. 2004. Indo-European and Afroasiatic prepositions and related words: Common heritage or a result of convergence? In: *Nostratic Centennial Conference: the Pécs Papers*, ed. by Irén Hegedűs & Paul Sidwell. Pécs: Lingua Franca Group, 1–25.
- BLAŽEK, Václav. 2007. Beja historical phonology: Consonantism. In: *Omotiic and Cushitic Language Studies. Papers from the Fourth Cushitic Omotic Conference* (Leiden, April 2003), ed. by Azeb Amha, Maarten Mous & Graziano Savà. Köln: Köppe.
- BOMHARD, Allan R. 1984. *Toward Proto-Nostratic: A New Approach to the Comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic*. Amsterdam: Benjamins.
- BOMHARD, Allan R. 2008. *Reconstructing Proto-Nostratic. Comparative Phonology, Morphology, and Vocabulary*, Vol. 2. Leiden-Boston: Brill.
- BROCKELMANN, Carl. 1908. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, Bd. I: *Laut- und Formenlehre*. Berlin: Reuther & Reichard.
- BRUGMANN, Karl. 1911. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, II.2. Strassburg: Trübner.
- BRUNNER, Linus. 1969. *Die gemeinsamen Wurzeln des semitischen und indogermanischen Wortschatzes. Versuch eine Etymologie*. Bern – München: Francke.
- CDA — *A Concise Dictionary of Akkadian*, by Jeremy BLACK et al. Wiesbaden: Harrassowitz 2000.
- COHEN, Marcel. 1947. *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*. Paris: Champion.
- CUNY, Albert. 1913. Notes de phonétique historique: Indo-Européen et sémitique. *Revue de phonétique* 2, 101–132.
- CUNY, Albert. 1927. Réflexions sur le type $\chi\rho\eta$ ($\zeta\eta\nu$, etc. ...) et le type $\eta\chi\omega$. In: *Symbolae Grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski*. Cracoviae: Uniwersytet Jagielloński, 85–94.
- CUNY, Albert. 1946. *Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques*. Bordeaux: Éditions Bière.
- DELITSCH, Friedrich. 1870. *Studien über indogermanisch-semitische Wurzelverwandtschaft*. Leipzig.
- DOLGOPOLSKY [DOLGOPOESKIJ], Aron B. 1964. *Gipoteza drevnejšego rodstva jazykov severnoj Evrazii (problemy fonetičeskix sootvetstvij)*. Moskva: Nauka (VII Meždunarodnyj kongress antropologičeskix i etnografičeskix nauk).
- DOLGOPOLSKY [DOLGOPOESKIJ], Aron B. 1973. *Sravnitel'no-istoričeskaja fonetika kušitskix jazykov*. Moskva: Nauka.
- DOLGOPOLSKY, Aron. 1984. On Personal Pronouns in the Nostratic Languages. In: *Linguistica et Philologica*, ed. O. Gschwantler. Wien: Braumüller, 65–112.
- DOLGOPOLSKY, Aron. 1991. Two problems of Semitic historical linguistics. In: *Semitic Studies in honor of Wolf Leslau on the occasion of his eighty-fifth birthday*, ed. by Alan S. Kaye. Wiesbaden: Harrassowitz, 328–339.
- DOLGOPOLSKY, Aron. 1998. *The Nostratic Macrofamily and Linguistic Palaeontology*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.
- DOLGOPOLSKY, Aron. 2008. *Nostratic Dictionary*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge (quoted as p.c.; a preliminary publication accessible on-line at <http://www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/196512>).
- DRS — *Dictionnaire des racines sémitiques*, by David COHEN et al. Paris-La Haye: Mouton 1970f.
- DUL — *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*, by Gregorio DEL OLMO LETE & Joaquín SANMARTÍN, translated by Wilfred G.E. Watson. Leiden-Boston: Brill 2003.

- EDE — *Etymological Dictionary of Egyptian*, Vol. I: *A Phonological Introduction*, by Gábor TAKÁCS. Leiden-Boston-Köln: Brill 1999.
- EICHNER, Heiner. 1978. Die urindogermanische Wurzel *H₂reu- 'hell machen'. *Die Sprache* 24, 144–162.
- EIEC — *Encyclopedia of Indo-European Culture*, ed. by J. P. MALLORY & D. A. ADAMS. Chicago: Dearbon.
- EWAI — *Etymologisches Wörterbuch des Altindoiranischen*, I–II, by Manfred MAYRHOFER. Heidelberg: Winter 1986f.
- HAL — *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*, 1–2, by Ludwig KOEHLER & Walter BAUMGARTNER. Leiden-Boston-Köln: Brill 2001.
- HAMP, Eric P. 1972a. Palaic *ḥa-a-ap-na-aš* 'river'. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 30, 35–37.
- HED — *Hittite Etymological Dictionary*, by Jaan PUHVEL. Berlin — New York: Mouton de Gruyter 1984f.
- HUDSON, Grover. 1989. *Highland East Cushitic Dictionary*. Hamburg: Buske.
- ILLIČ-SVITYČ, Vladislav M. 1967. Materialy k sravnitel'nomu slovarju nostratičeskix jazykov. *Étimologija* 1965, 321–373.
- ILLIČ-SVITYČ, Vladislav M. 1968. Sootvetstvija smyčnyx v nostratičeskix jazykax. *Étimologija* 1966, 304–355.
- ILLIČ-SVITYČ, Vladislav M. 1971/76/84. *Opyt sravnenija nostratičeskix jazykov*, I–III. Moskva: Nauka.
- JOHNSTONE, T.M. 1987. *Mehri Lexicon and English-Mehri word list*. London: School of Oriental and African Studies.
- JUNGRAITHMAYR, Herrmann & IBRISZIMOW, Dymitr. 1994. *Chadic Lexical Roots, II: Documentation*. Berlin: Reimer.
- KELLOG, Robert J. 1925. Some new Indo-European Coincidences in Hittite. *Ottawa University Quaterly Bulletin* 23/4 (unpublished ms.).
- KEWA — *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, I–IV, by Manfred MAYRHOFER. Heidelberg: Winter 1956–80.
- KLEIN, Ernest. 1987. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the Hebrew Language*. New York-London: MacMillan.
- KLOEKHORST, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden-Boston: Brill.
- KLUGE, Friedrich & SEEBOLD, Elmar. 1999. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*₂₃. Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- KURYŁOWICZ, Jerzy. 1927. *ə* indoeuropéén et *ḥ* hittite. In: *Symbolae Grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski*. Cracoviae: Uniwersytet Jagielloński, 95–104.
- LAMBERTI, Marcello. 1987. Some Konsoid Etymologies. *Anthropos* 82, 529–541.
- LEIA — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien*, by Joseph VENDRYES et al. Dublin: Institute for Advanced Studies — Paris: CNRS 1959f.
- LESLAU, Wolf. 1943. South-East Semitic (Ethiopic and South-Arabic). *Journal of American Oriental Society* 63, 4–14.
- LESLAU, Wolf. 1945. The parts of the body in the modern South Arabic languages. *Language* 21, 230–249.
- LESLAU, Wolf. 1958. *Ethiopic and South Arabic Contributions to the Hebrew Lexicon*. Berkeley — Los Angeles: University of California Press.
- LESLAU, Wolf. 1963. *Etymological dictionary of Harari*. Berkeley-Los Angeles: University of California Press.
- LESLAU, Wolf. 1979. *Etymological dictionary of Gurage*, Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz.
- LESLAU, Wolf. 1987. *Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- LIPÍŃSKI, Edward. 1997. *Semitic Languages outline of a Comparative Grammar*. Leuven: Peeters & Departement oosterse studies.
- LIV — *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*, by Helmut RIX, Martin KÜMMEL, Thomas ZEHNDER, Reiner LIPP, Brigitte SCHIRMER. Wiesbaden: Reichert.
- MACBAIN, Alexander. 1911. *An Etymological Dictionary of the Gaelic Language*. Stirling: Mackay.
- MANN, Stuart E. 1984–87. *An Indo-European Comparative Dictionary*. Hamburg: Buske.
- MØLLER, Hermann. 1909. *Indoeuropæisk-semitisk sammenlignende glossarium*. Kjøbenhavn: Schultz.
- MØLLER, Hermann. 1911[70]. *Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- MØLLER, Hermann. 1917. *Die semitisch-vorindogermanischen laryngalen Konsonanten*. København: Høst & søn.
- NEVSKAJA, Lidija. 1977. *Baltijskaja geografičeskaja terminologija*. Moskva: Nauka.
- NIL — *Nomina im Indogermanischen Lexikon*, by Dagmar S. WODTKO, Britta IRSLINGER, Carolin SCHNEIDER. Heidelberg: Winter.
- OS — OREL, Vladimir & STOLBOVA, Olga. 1995. *Hamito-Semitic Etymological Dictionary*. Leiden-New York-Köln: Brill.
- PEDERSEN, Holger. 1905. Les pronoms démonstratifs de l'ancien arménien. *Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Skrifter*, 6. R., Historisk og filosofisk Afdeling VI.3, 303–353.

- PEDERSEN, Holger. 1909–13. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*, I–II. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- POKORNY, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern-München: Francke.
- PRASSE, Karl-G. 1973. *Manuel de grammaire touaregue*, VI–VII: *Verb*. Copenhagen: Akademisk Forlag.
- PRASSE, Karl-G. 1974. *Manuel de grammaire touaregue*, IV–V: *Nom*. Copenhagen: Akademisk Forlag.
- PUHVEL, Jaan. 1984/91/97. *Hittite Etymological Dictionary*, 1–2, 3, 4. Berlin-New York: Mouton de Gruyter.
- RASMUSSEN, Jens E. 1983. Determining Proto-Phonetics by Circumstantial Evidence: The case of the Indo-European laryngeals. In: *Papers from the Seventh Scandinavian Conference of Linguistics*, ed. by F. Karlsson. Helsinki, 371–384, reprinted in Rasmussen 1999, 67–81.
- RASMUSSEN, Jens E. 1989. *Studien zur Morphophonemik der indogermanischen Grundsprache*. Innsbruck: IBS 55.
- RASMUSSEN, Jens. 1999. *Selected Papers on Indo-European Linguistics*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press — University of Copenhagen.
- REINISCH, Leo. 1895. *Wörterbuch der Beḍauiye-Sprache*. Wien: Hölder.
- SASSE, Hans-Jürgen. 1979. The consonant phonemes of Proto-East-Cushitic (PEC): A first approximation. *Afro-Asiatic Linguistics* 7/1, 1–67.
- SASSE, Hans-Jürgen. 1982. *An Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg: Buske.
- SED — *Semitic Etymological Dictionary* I–II, by Alexander MILITAREV & Leonid KOGAN et al. Münster: Ugarit-Verlag 2000–05.
- VON SODEN, Wolfram. 1995. *Grundris der akkadische Grammatik*₃. Roma: Editrice Pontificio Istituto Biblico.
- STEINGASS, F. 1988. *A learner's Arabic-English Dictionary*. Jalandhar City: Gaurav.
- TISCHLER, Johann. 2001. *Hethitisches Handwörterbuch*. Innsbruck: IBS 102.
- Wb. — *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, by A. ERMAN & H. GRAPOW, I–VI. Berlin: Akademie-Verlag 1957–71.
- WPS — *Wortschatz der Pharaonen in Sachgruppen*, by Rainer HANNIG & Petra VOMBERG. Mainz: von Zabern 1999.
- ZABORSKI, Andrzej. 1986. *The Morphology of Nominal Plural in the Cushitic Languages*. Wien: Beiträge zur Afrikanistik, Bd. 28.

Статья является попыткой верифицировать реконструкцию для праиндоевропейского языка ларингальных согласных через внешнее сравнение с языками афразийской семьи. Автор, исходя из гипотезы дальнего родства между праиндоевропейским и праафразийскими языками, представляет набор из 80 бинарных сопоставлений, содержащих ларингальные согласные как в индоевропейской, так и в афразийской части. Анализ данных показывает, что (а) праиндоевропейский $*H_1$ в целом соответствует праафразийскому $*$; (б) праиндоевропейские $*H_2$ и $*H_3$ могут соответствовать любому из остальных афразийских ларингалов, причем $*H_3$ встречается значительно реже, чем $*H_2$ и, возможно, отражает какой-то старый позиционный вариант.

Ключевые слова: Индоевропейские языки, афразийские языки, ностратика, дальнее родство языков, ларингальная теория.

К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири

Индоарийские элементы составляют весьма значительную часть словарного состава языка кашмири. При этом, однако, надежные формальные критерии их выделения (отделения от исконной дардской лексики) до сих пор не выработаны. Поэтому источник таких слов (индоарийский язык-донор) в большинстве случаев остается неясным. В статье делается попытка выявить специфические черты исторической фонетики индоарийских заимствований в языке кашмири. Автор приходит к выводу о том, что целый ряд историко-фонетических изоглосс позволяет классифицировать язык-источник этих заимствований как индоарийский язык подгруппы пахари, близкородственный ряду языков Западных Гималаев, но не идентичный ни одному из них. Некоторые факты позволяют предположить, что индоарийское влияние на кашмири носило субстратный характер.

Ключевые слова: кашмири, дардские языки, индоарийские языки, заимствование, историческая фонетика, субстрат.

Одной из характерных черт кашмирского словаря является весьма высокая доля заимствований. По мнению ряда исследователей [Захарьин, Эдельман 1971, 52] она составляет не менее 80%. Несмотря на это заимствованная лексика кашмири до сих пор остается слабо изученной. Для некоторых ее пластов все еще неясен непосредственный источник заимствования. Само выделение этих пластов также представляет проблему ввиду отсутствия (или недостатка) столь необходимых исследователю-компаративисту надежных формальных критериев.

С сожалением следует признать, что данный круг проблем остается в настоящее время без должного внимания лингвистов. В новейших исследованиях, посвященных иноязычной лексике кашмири¹, рассматриваются (причем, главным образом, в социолингвистическом аспекте) либо позднейшие заимствования из английского, либо многочисленные иранизмы и проникшие через персидское посредство арабизмы. Арабско-персидский² лексический пласт действительно представляет определенный интерес. В одной из наших недавних работ [Коган 2009] мы продемонстрировали важность иранизмов и арабизмов для датировки некоторых историко-фонетических процессов в кашмири. Однако при всей своей многочисленности³ персидские и арабские заимство-

¹ См., например, [Koul 2005; Koul 2008].

² Данный термин, широко употребляемый в исследованиях по индоарийским языкам, представляется нам вполне адекватным и для кашмири, поскольку все арабизмы, имеющиеся в последнем, проникли через персидское посредство. Их появление, следовательно, является результатом того же процесса, что и появление собственно иранизмов, а именно, процесса интенсивного усвоения языком кашмири лексики классического новоперсидского литературного языка.

³ Персидская и арабская лексика составляет наиболее значительную в количественном отношении группу, причем не только среди заимствований, но и в кашмирском словаре в целом. На нее приходится, вероятно, не менее половины словарного состава кашмири.

вания обычно легко выделимы, и проблема отличия их от исконных слов, как правило, не стоит⁴. Совершенно иначе обстоит дело с лексикой индоарийского происхождения. Ее наличие в кашмири отмечалось во многих работах, начиная с трудов Дж. Грирсона [Grierson 1906, 2; 1919, 3, 235]. Однако детальное исследование ее в сравнительно-историческом аспекте не только не продвинулось сколько-нибудь значительно, но даже еще не начиналось. Поэтому историко-фонетические особенности индоарийских заимствований, а следовательно, и критерии для их выделения все еще остаются неопределенными. Неясен и язык-источник. Можно, впрочем, с уверенностью утверждать, что таких языков было несколько. Одним из них, несомненно, был и остается урду — официальный язык штата (а в прошлом — княжества) Джамму и Кашмир. Заимствования из урду в кашмири многочисленны, и их количество продолжает расти, однако, подобно иранизмам, они выделяются достаточно легко. Основная причина тому — их относительно поздний характер и, как следствие, незатронутость историко-фонетическими процессами, характерными для кашмири. Данное обстоятельство обусловило весьма значительные различия в исторической фонетике исконной кашмирской лексики и слов, усвоенных из урду. В выявлении этих последних существенную помощь может оказать и филологический метод. Язык урду был объявлен официальным языком княжества Джамму и Кашмир в 1889 году. До того эту функцию выполнял персидский язык. Он же являлся и основным литературным языком Кашмира. Тем не менее, кашмири во 2-ой половине XIX в. уже обладал довольно значительным корпусом текстов, в том числе и датированных. Это позволяет нам широко применять материал, зафиксированный в этих текстах, для верификации гипотез о заимствовании кашмирских лексем индоарийского происхождения именно из урду. Наличие того или иного слова в текстах, например, XVIII или 1-й половины XIX в. будет однозначно свидетельствовать против такой возможности⁵.

Между тем, число вероятных индоарийских заимствований, то есть, лексем, общих для кашмири и индоарийских языков, но не обнаруживающих соответствий в других языках дардской группы, в этих текстах весьма велико. Непосредственный источник таких слов, как уже говорилось, не установлен, однако, сам факт их многочисленности позволил некоторым исследователям говорить о некоем «смешанном» или «пограничном» характере языка кашмири⁶. Дж. Грирсон считал кашмирско-индоарийские лексические изоглоссы следствием межъязыковых контактов и объяснял их появление влиянием санскрита, предположительно имевшим место в домусульманскую эпоху [Grierson 1919, 241]. Такое объяснение, однако, не представляется нам приемлемым: огромное большинство предположительных индоарийских элементов в кашмири обнаруживает более позднюю по сравнению с древнеиндийским стадией историко-фонетического и семантического развития. В «индусском кашмири»⁷ име-

⁴ Единственным исключением, с которым нам пришлось столкнуться, является каш. āb 'вода'. Это слово могло бы представлять собой иранизм (ср. кл.-перс. āb то же). Однако оно обнаруживает исконные соответствия (рефлексы общеарийск. *āp- 'вода') в других дардских языках. Это, а также несомненная принадлежность обозначения воды к базисной части словаря, делает более вероятной гипотезу об имевшей место в прошлом контаминации исконно кашмирской и персидской лексики (регулярный кашмирский рефлекс общеарийск. *āp- выглядел бы как *āw). Подробнее см. [Коган 2005, 162—163].

⁵ Следует также отметить, что урду окончательно сложился как литературный язык (первоначально, в районе Дели и на прилегающих территориях) лишь во второй половине XVIII века.

⁶ См., например, [Morgenstierne 1973]. «Смешанным языком» иногда называл кашмири и Дж. Грирсон [Grierson 1927, 112—113], никогда, впрочем, не отрицавший принадлежность этого языка к дардской группе.

⁷ Особый диалект, используемый небольшой общиной кашмирцев, исповедующих индуизм. Носители этого диалекта составляют не более 5% говорящих на кашмири. В настоящее время они проживают дисперсно за пределами Кашмира.

ется определенное количество прямых заимствований из санскрита, однако доля их в словаре в целом невелика. Более или менее значительна она только в написанных кашмирцами-индусами текстах религиозного содержания. Большую часть санскритизмов «индусского кашмири» составляет индуистская религиозная терминология.

Отсутствие надежных формальных критериев для выделения основной массы индоарийских заимствований в кашмири объясняется не только неизученностью последних, но и имевшим место до самого недавнего времени крайним недостатком знаний об исторической фонетике дардской группы в целом, об общедардских историко-фонетических инновациях и архаизмах. Однако в последние годы в сравнительно-историческом изучении дардских языков замечен определенный прогресс. В частности, удалось выявить целый ряд историко-фонетических явлений, свидетельствующих с одной стороны о генетическом единстве дардской группы, с другой — о невозможности возведения дардских языков к древнеиндийскому, то есть классификации их как индоарийских [Коган 2005]. Это, например, характерное для всех дардских языков совпадение звонкой придыхательной серии со звонкой, затронувшее и рефлексы общеарийских двухфокусных аффрикат⁸, специфическое, отличное от индоарийского, отражение в языках дардской группы индоевропейских консонантных кластеров, содержащих палатовелярные, сохранение на протодардском уровне и особое, «неиндоарийское» развитие в части более поздних дардских языков общеарийских кратких дифтонгов. Индоевропейские сочетания *k's и *k'r отразились в протодардских диалектах в виде *čh. Развитие данной прафонемы в восточндардских языках, включая кашмири, требует отдельного исследования. Отражения же древнего краткого дифтонга *ai и аффрикаты *j, напротив, вполне ясны. В кашмири это a⁹ и z соответственно¹⁰. Рефлексация, как можно видеть, заметно отличается от индоарийской. Поэтому отличительными признаками индийских заимствований, несомненно, можно считать гласный переднего ряда (прежде всего ě, но возможно также ĭ¹¹), соответствующий др.-инд. e и общеир. *ai¹² (и продолжающий один из индоевропейских кратких i-дифтонгов), и ларингальный h, соответствующий др.-инд. h и общеир. *j. Примеры обоих типов обнаруживаются в языке кашмири: kīh 'hair pulled out in combing' [Grierson 1932, 39] при др.-инд. keśa-, авест. gaēsa- 'волос'; liwī- 'обмазывание, оштукатуривание' при др.-инд. lera- 'намазывание, мазь, штукатурка', limpati 'мажет' < и.-е. *leip- 'липнуть, быть липким'¹³; tēh 'страстность, высокомерие' при др.-инд. tejas- 'острый край; пыль', хинди teh(ā) 'гнев, страсть', ср. общеир. *taija- 'заострять' > кл.-перс. tēz 'острый'; wīh 'облик, наряд' при др.-инд. veṣa- 'наряд, обманчивая внешность, личина' < veṣ- 'работать, действовать, исполнять', ср. общеир. *waiš- 'быть занятым, озабоченным, стремиться к чему-либо' [Cheung 2007, 416]; yiki- '1' в композите yikiwaṭi 'одновременно, вместе'¹⁴ при др.-инд. eka- '1', авест. aēva-; han- 'оскорблять, унижать; препятствовать, мешать' при др.-инд. hanti 'бьет, убивает'¹⁵, ср. авест. jāinti to

⁸ Обе общеарийские звонкие двухфокусные аффрикаты (*j и *jʰ) отражаются в дардских языках в виде аффрикаты j или ее закономерных более поздних рефлексов. В индоарийском, как известно, общеарийск. *jʰ переходит в ларингальный h.

⁹ Данный рефлекс характерен для неконечной позиции.

¹⁰ Примеры см. в [Коган 2005, 19—22, 29—46].

¹¹ Такую возможность следует учитывать ввиду широкого распространения перехода ě > ĭ в различных языках мира. К таким языкам мог относиться и индоарийский язык — источник заимствований в кашмири.

¹² Общеир. *ai > авест. aē, др.-перс. ai.

¹³ Не исключено, хотя и не очевидно, наличие общеир. *raip- 'мазать' [Cheung 2007, 308].

¹⁴ Ср. waṭi 'in full original form (i.e. not divided up or incomplete)' [Grierson 1932, 1152].

¹⁵ См. [Turner 1966, 807].

же¹⁶; *sr̥h* ‘влага, сырость; любовь, привязанность’ при др.-инд. *snih-* ‘быть влажным, маслянистым; любить’, *sneha-* ‘жир, маслянистость; любовь, учтивость’, пали *sineha-* ‘сырость, жир; любовь, привязанность’, пракр. *siṇeha-* ‘иней, снег, туман’, *ṇeha-* ‘масло; любовь, привязанность’, лахнда *sinnā* ‘влажный, сырой’, пандж. *sinnhā* то же < и.-е. **sneig^wh-* ‘снежить’, ср. авест. *snaēža-* то же.

Следует отметить, что число примеров, подобных приведенным выше, невелико. Достаточно мала и их доля в общем массиве вероятных индоарийских заимствований в кашмири. Поэтому нужно признать, что сравнение предполагаемого общедардского праязыкового состояния с древнеиндийским хотя и необходимо, но отнюдь не достаточно для решения поставленной нами проблемы. Однако весьма полезным может, на наш взгляд, оказаться привлечение более поздних индоарийских данных. Как уже говорилось, проникновение индоарийских элементов в кашмири происходило в эпоху, более позднюю, чем древнеиндийская. Известно, что многие фонетические изменения в истории индоарийского были общими или близкими для весьма обширных ареалов Северной Индии. Следовательно, есть основания предположить, что индийский язык (или языки), оказывавший влияние на кашмири, мог разделять целый ряд общих историко-фонетических инноваций (генетического или ареального характера) с языками регионов, непосредственно примыкающих к Кашмиру — Северного Панджаба и Западных Гималаев.

Особый интерес в этом смысле представляет развитие древнеиндийских сибилантов. Это тот фрагмент фонологической системы древнего индоарийского, который, подвергшись весьма существенным изменениям, не сохранился в первоначальном виде ни в одном из языков-потомков. То же можно сказать и о некоторых консонантных группах.

Древнеиндийская система сибилантов, включавшая три фонемы — *s*, *ś* и *ṣ*, уже в среднеиндийскую эпоху подверглась редукции¹⁷. Следы этого процесса обнаруживаются во всех новых индоарийских языках, хотя протекал он в разных ареалах неодинаково. В основной массе языков произошло совпадение трех сибилантов в один — *ś* в языках востока Индостана (в частности, в бенгали)¹⁸, *s* в большинстве остальных индоарийских языков. Исключение составляет цыганский язык и часть языков, традиционно относимых к группе пахари, где трехфонемная система трансформировалась в двухфонемную (*s*, *ś*) вследствие совпадения среднеязычного и церебрального сибиланта. Языки группы пахари, характеризующиеся данной особенностью, распространены в Западных Гималаях непосредственно к югу и юго-востоку от кашмирского языкового ареала. Таким образом, индоарийские заимствования могли проникать в кашмири как из языков с одним исконным сибилантом (догри, пунчи, чибхали и, возможно, какие-либо неописанные близкородственные им языки), так и из языков с двухсибилантной системой (некоторые языки группы пахари).

Выявление заимствований из последних сопряжено с некоторыми трудностями и требует ряда предварительных замечаний. В самом кашмири древняя система сибилантов была затронута историко-фонетическим процессом, названным нами кашмирским передвижением сибилантов [Коган 2009]. Этот процесс заключался в том, что при сохранении старой трехчленной системы оппозиций (в данном отношении кашмири резко отличается от новоиндийских языков) сам характер этих оппозиций претерпел изме-

¹⁶ Ср. также исконный рефлекс того же корня в кашм. *bizan-* ‘вбивать’ < **abi-ḷan-* < общеар. **abhi-ḷhan-*.

¹⁷ Исключениями являются язык ряда наскальных надписей царя Ашоки и среднеиндийский язык документов из Ния. Оба языка сохраняют древнеиндийскую трехсибилантную систему.

¹⁸ Система с одним сибилантом *ś* отмечена уже в пракрите магадхи [Елизаренкова 1974, 151; Woolner 1917, 15].

нения: ранний палатальный сибиллянт *š (рефлекс общеиндоир. и общедард. *ś, и.-е. *k') перешел в ларингальный *h*, а более ранний церебральный сибиллянт *ṣ (рефлекс общеиндоир. *ṣ¹⁹, а также ряда консонантных групп) — в палатальный ś. Не исключено, что по крайней мере часть индоарийских элементов проникла в кашмири до передвижения сибиллянтов и была впоследствии затронута последним. В этом случае в ранних заимствованиях из языков с двухсибилянтовой системой кашм. *h* будет соответствовать двум древнеиндийским фонемам — ś и ṣ. Поскольку соответствие кашм. *h* — др.-инд. ś характерно не только для заимствований, единственным надежным формальным признаком иноязычного (индоарийского) происхождения того или иного слова следует считать соответствие кашм. *h* — др.-инд. ṣ, действительно, нерегулярное и идущее «вразрез» с кашмирским передвижением сибиллянтов. В случае же если заимствования из языков пахари (или близких к ним) были усвоены после перестройки кашмирской сибиллянтной системы, их можно будет отличить только по наличию соответствия кашм. ś — др.-инд. ś, поскольку соответствие кашм. ś — др.-инд. ṣ регулярно и для исконной лексики кашмири.

Кашмирский языковой материал дает основание предполагать наличие обоих типов заимствований. Примеры соответствия кашм. *h* др.-инд. ṣ (вероятные ранние заимствования, усвоенные до передвижения сибиллянтов): *hār* (в диалектах также *hāṛ*) 'название летнего месяца' при др.-инд. *āṣāḍha*- то же; *kaḥwəṭ* 'пробирный камень' при др.-инд. *kaṣaraṭṭikā*- то же; *maḥār*- 'растирать в порошок, крошить (рукой)', ср. пракр. *masāra* 'камень для размалывания', неп. *musār*- 'поглаживать', гудж. *masal*- 'тереть, толочь, месить', хинди *masal*- 'растирать' < др.-инд. *maṣ*- 'тереть' [Turner 1966, 570]; *wahar* 'год', если связано с др.-инд. *varṣa*- 'дождь; год', ср. пракр. *varisa*-, хинди *baras*, *barsā*, пандж. *varah*, *varhā*, лахнда *varhā*, неп. *barsa*, зап. пах. (котгархи) *borś* 'год'²⁰; *haṇḍāl* 'дурная женщина' при др.-инд. *ṣaṇḍālī* то же [Turner 1966, 742]; *māh* 'маш (вид бобовых)' при др.-инд. *māṣa*- 'бобы', ср. пандж., лахнда *māḥ* 'маш', зап. пах. (котгархи) *maś* 'черные бобы'; *tuh* 'рубленая солома, сечка' при др.-инд. *tuṣa*- то же, ср. синдхи *tuḥu*, пандж. *tuh* 'сечка', хинди *tūs* 'рисовая шелуха, солома'; *roh* 'название зимнего месяца' при др.-инд. *rauṣa*- то же, ср. лахнда *rōh*, пандж. *roh*, зап. пах. (котгархи) *roś* то же; *wīh* 'наряд, облик' при др.-инд. *veṣa*- 'наряд; обманчивая внешность, личина', ср. пракр. *vēsa*- 'одежда и украшения', хинди *besā*, *bhes* 'одежда, обличье', зап. пах. (котгархи) *bheś* 'наряд; обманчивая внешность, личина'; *gah* 'размалывание, растирание в порошок' при др.-инд. *gharṣa*- 'трение', ср. лахнда *ghas* 'истирание, трение', гудж. *ghās* 'износ'. К данной группе примеров примыкает также пример нерегулярного соответствия кашм. *h* др.-инд. группе *śr*²¹: *hēr* 'лестница' при пракр. *siḍḍhi*-, пандж., хинди *siṛhī*, гудж. *sīḍī*, зап. пах. (котгархи) *śiṛh* то же < **śrīḍhi*- или (часть форм, напр., пандж.) < **średhi*- [Turner 1966, 737]. Часть приведенных примеров, а именно, те, в которых церебральный ṣ в древнеиндийском находился в интервокальном положении, могла бы представлять собой заимствования из языков или диалектов, близких к лахнда, где в данной позиции более ранний *s* (в том числе *s* < ṣ) регулярно переходил в *h*. Однако наличие случаев соответствия др.-инд. ṣ кашм. *h* в начале слова (кашм. *haṇḍāl* 'дурная женщина' при др.-инд. *ṣaṇḍālī*), в составе группы *rṣ* (кашм. *gah* 'размалывание, растирание в порошок' при др.-инд. *gharṣa*- 'трение'), а также соответствия кашм. *h* др.-инд. группе *śr* (см. последний пример) однозначно свидетельствует

¹⁹ Основной (хотя и не единственный) источник последнего — и.-е. *s в позициях действия правила RUKI.

²⁰ Для кашмири в данном случае можно предположить метатезу **warah* > *wahar*.

²¹ Регулярное соответствие этой группе в кашмири — ś (вероятно, из более раннего *ṣ). См. [Коган 2009].

о том, что язык-донор обладал системой из двух сибиллянтов. Вероятнее всего, это был один из языков группы пахари.

Некоторые примеры соответствия кашм. *h* др.-инд. *ṣ* требуют отдельных комментариев. Так, кашмирское прилагательное *kruḥun*, *krēhon* ‘черный’, родственное др.-инд. *kr̥ṣṇa-* то же, хотя и обнаруживает данное соответствие, едва ли может являться индийским заимствованием. Как известно, рефлексы др.-инд. *kr̥ṣṇa-* в качестве обозначений черного цвета повсеместно вытесняются в более позднем индоарийском отражениями др.-инд. *kāla-* ‘черный’²². С другой стороны, кашмирское слово обнаруживает этимологические параллели с тождественной семантикой в целом ряде дардских языков: шина *kinu*, пхал. *kiṣiṇu*, сави *kṣenī*, май. *kiṣū*, торв. *kəṣən*, башк. *kiṣin*, кал. *kriṣṇa*, тир. *kəgən* ‘черный’. Все это заставляет признать наиболее вероятным именно исконное происхождение рассматриваемого примера из кашмири. В этом случае, однако, требует объяснения нерегулярное развитие *h* из более раннего **ṣ*. Оно, несомненно, не может быть связано с соседством носового, на что указывают такие примеры, как кашм. *wuṣun* ‘теплый, горячий’ при др.-инд. *uṣṇa-* то же. Из двух приведенных кашмирских форм — *kruḥun* и *krēhon* — последняя, возможно, является более архаичной. Она практически вышла из употребления в современном языке, уступив место форме *kruḥun*, однако послужила основой для некоторых отадъективных образований (*krēhanēr* ‘чернота’, *krēhanun* ‘чернеть’), а кроме того прослеживается в некоторых композитах: *krēhṇibraz* ‘сорт риса с темной соломой и шелухой’, *krēhṇimāz* ‘печень’ (букв. ‘черное мясо’). Гласный *ē* в данной форме может продолжать более старый краткий *i*, а ее раннекашмирский прототип, таким образом, мог выглядеть как **kriṣanu*. Непосредственное соседство с гласным *i*, возможно, стало причиной децеребрализации сибиллянта *ṣ* и передвижения его в палатальный ряд. Возникший таким образом палатальный *ṣ* должен был в соответствии с кашмирским передвижением сибиллянтов регулярно отразиться в современном языке в виде *h*.

Аналогичный процесс можно предположить и для таких примеров, как *pih-* (инфинитив *pihun*) ‘размалывать’ (ср. др.-инд. *piṃṣati*, *piṇaṣṭi* ‘размалывает’) и *wih*, *wēh* ‘яд’ (ср. др.-инд. *viṣa-* то же). В первом случае, впрочем, специфическое историко-фонетическое развитие могло быть связано также с наличием в прошлом носового элемента перед сибиллянтом. Таким образом, оба приведенных примера не обязательно считать индоарийскими заимствованиями.

Примеры соответствия кашм. *ṣ* др.-инд. *ś* (вероятные заимствования, усвоенные после кашмирского передвижения сибиллянтов): *śōd* ‘чистый’ при др.-инд. *śuddha-* ‘чистый, очищенный, белый, яркий’, ср. пракр. *suddha-* то же, лахнда (диал. аванкари) *suddhun* ‘быть чистым’, пандж. *suddhā* ‘простой, прямой, честный, преданный’, неп. *sudho* ‘честный, простой’, хинди *sūdhā* ‘чистый, истинный’, зап. пах. *śudhī* ‘чистота’, догри (диал. области Бамхар) *śuadh* ‘чистый’ [Gosvāmī 2000, 707]; *šēstar*, *šēstar* ‘железо’ при др.-инд. *śastra-* ‘режущий инструмент, железо’, ср. цыг. *šastir*, *saster* ‘железо’; *šēkh*, *šēkh* ‘сомнение, колебание’ при др.-инд. *śāṅkā-* ‘страх, недоверие’, ср. пали *sankā-* ‘страх, подозре-

²² Редкие продолжения др.-инд. *kr̥ṣṇa-* в новоиндийских языках обычно обнаруживают изменение значений (ср. синдхи *kiṇo* ‘грязный, вонючий’, лахнда (диал. аванкари) *kinṇā* ‘уродливый’, мар. *kānhī* ‘головня (болезнь зерна)’, а также разные варианты имени бога Кришны: пракр. *kaṇha-*, *kiṇha-*, синдхи *kāno*, пандж. *kānh*, бенг. *kāna*, ория, майтхили *kānha*, бходжпури *kānhā*, авадхи *kādhaiyā*, хинди *kānh*, мар. *kānhū*). Рефлексы со значением ‘черный’ еще сохраняются в среднеиндийских языках (праkritах и пали), однако там они обнаруживают следы более поздних фонетических изменений, не затронувших кашмирский пример, в частности, следы полной вокализации слогового *ṛ*. Форма с переходом *ṣ* > *ś* не засвидетельствована ни в одном известном нам индоарийском языке.

ние', синдхи *sanga*, лахнда *sāg* 'робость', пандж. *sang* 'стыд', зап. пах. (диал. джаунсари) *śāg* 'сомнение'; *śōṭh* '(сушеный) имбирь' при др.-инд. *śuṇṭhī* 'сушеный имбирь', ср. пракр. *suṇṭhī-*, синдхи *suṇḍhi*, лахнда *sūḍh*, пандж. *suṇḍh*, зап. пах. (диал. джаунсари) *śūṭh*, хинди *sūṭh*, *sōṭh* то же, неп. *soṛo* 'дикий имбирь'; *āś* 'надежда, ожидание, желание' при др.-инд. *āśas-*, им.пад. ед.ч. *āśāḥ* 'желание, ожидание', ср. лахнда, пандж., хинди, неп., гудж., мар. *ās* 'надежда'.

Как и в случае с разобранным выше соответствием кашм. *h* др.-инд. *ṣ*, имеются отдельные примеры, отнесение которых к индоарийским заимствованиям представляется проблематичным. Такие кашмирские слова, как *śūb* 'красота, изящество', *śūbun* 'быть красивым; подходить, быть впору', *śūbīwun* 'красивый; подходящий, подходящий', несомненно, этимологически неотделимы от др.-инд. *śobhate* 'сияет, красиво выглядит' и при этом обнаруживают соответствия в ряде дардских языков: сави *śobaṇo* 'красивый', вот. *śubyeu* 'красивая (ж.р.)'. Предполагать для кашмирских примеров индоарийское происхождение нет оснований. В ряде индоарийских языков имеются глаголы, семантически близкие к кашм. *śūbun* и восходящие к производным от древнеиндийского корня *śubh-*, но в этих глаголах др.-инд. *bh* обычно отражается как *h* (ср. синдхи *suhāiṇu* 'приличествовать', пандж. *suhāiṇā* 'быть приятным', гудж. *suhāvī* 'хорошо выглядеть', хинди *suhānā* 'приличествовать', неп. *suhānu* 'подходить, быть впору'), причем переход, по видимому, имел место еще в среднеиндийскую эпоху. Древний смычный сохраняется лишь в редких производных от древнеиндийской основы *śubhya-*: неп. *subhnu* 'подходить, согласовываться', майтхили *subhab* 'выглядеть красивым'. Однако форма подобного типа вряд ли могла послужить непосредственным источником вышеприведенных кашмирских: без объяснения остается долгий гласный *ī* в кашмири. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что наличие у кашмирского глагола семантики 'подходить, быть впору' сближает его именно с индоарийскими формами и отличает от дардских, у которых данный круг значений не засвидетельствован. Это позволяет предположить наличие в прошлом процессов семантического сближения, вероятнее всего, обусловленных межъязыковыми контактами. Те же контакты могли обусловить и фонетическое сближение, выразившееся в восстановлении (или, возможно, сохранении) начального *ś* в кашмирском глаголе. Иными словами, есть основания полагать, что рассматриваемая здесь историко-фонетическая нерегулярность связана с влиянием на кашмири какого-либо языка (или языков) с двухсибилянтной системой, однако не является при этом результатом прямого лексического заимствования. Существительное *śūb* следует в этом случае рассматривать как отглагольное образование.

Изменением по аналогии может объясняться и начальный *ś* в кашм. *śōch* 'чистка, очистка, очищение', *śōcar* 'чистота' (ср. др.-инд. *śuci-* 'очищение', *śocyate* 'очищается'). Не исключено, что сибилант в этих примерах восстановился или сохранился под влиянием рассмотренного выше прилагательного *śōd* 'чистый' и его производных (ср. *śōzar* 'чистота', *śōzagan* 'очищение'). Возможно, впрочем, и другое объяснение: отсутствие перехода *ś > h* может быть связано с необходимостью сохранения формального отличия кашм. *śōch* от своего антонима *hōch* 'нечистота, загрязнение'. Иными словами, в данном случае можно предположить явление, обратное контаминации. У кашм. *śōch* имеется вариант *śrōch* с неэтимологическим *r*. Происхождение последнего неясно.

В кашмири имеются заимствования и из индоарийских языков с одним исконным сибилантом. Число таких заимствований, впрочем, невелико. При этом большинство из них может с немалой долей вероятности считаться усвоенными из урду и потому особого интереса не представляет. Есть, однако, и отдельные примеры, проникшие из какого-то другого источника, на что указывают данные исторической фонетики (ср. *gas* 'разма-

ывание, растирание’ при др.-инд. *gharṣa-* ‘трение’²³; *sōc-* ‘думать’ при синдхи, лахнда, пандж., хинди, неп. *soc-* то же, если новоиндийские формы связаны с др.-инд. *śucyati* ‘медитирует’²⁴).

Как уже говорилось, немалый интерес при выявлении индоарийских элементов в кашмири представляет рефлексация ряда консонантных групп. Древнеиндийская группа *kṣ*, развившаяся, как известно, из нескольких разных индоевропейских источников²⁵, отражается в более позднем индоарийском главным образом в виде (k)kh. Такое развитие отмечается уже в среднеиндийскую эпоху и присуще подавляющему большинству новоиндийских языков. В дардских языках, включая кашмири, общеарийские и общеиндоиранские прототипы др.-инд. *kṣ* развиваются совершенно по-иному — в виде глухих аффрикат [Коган 2005, 75—94; 2009]. Таким образом, еще одним надежным формальным признаком индийского заимствования в кашмири можно считать наличие соответствия кашм. *kh*²⁶ др.-инд. *kṣ*. Примеры подобного соответствия действительно существуют: *khāri* ‘солёный, засолённый (о почве)’ при др.-инд. *kṣāra-* ‘едкий, едкое вещество, щелочь’, ср. синдхи *khāro*, лахнда, пандж. *khārā* ‘солёный’, хинди *khār* ‘зола, поташ, щелочь, солончак’, *khāri* ‘морская вода’, гудж. *khār* ‘соль’, *khārū* ‘солончак’, майтхили *khariā* ‘солончак’; *khīr* ‘рисовая каша’ при др.-инд. *kṣīrī*, *kṣīrikā* ‘молочное блюдо’, ср. пандж., хинди, гудж. *khīr*, неп. *khir* ‘рисовая каша’; *khūr* ‘бритва’ при др.-инд. *kṣura-* ‘бритва’, *kṣaura-* ‘бреющий’, ср. пали *khura-*, зап. пах. (бхалеси) *khuro*, бенг. *khur*, бихари *khūr* ‘бритва’; *khīt* ‘возделанное поле, пахотная земля; земледелие, сельское хозяйство’ при др.-инд. *kṣetra-* ‘земля, поле’, ср. пракр. *khetta-* ‘поле’, *khetia-* ‘относящийся к полю, полевой’, пандж., хинди, гудж. *khet* ‘поле’, *kheti* ‘земледелие, сельское хозяйство’, лахнда (диал. аванкари) *khētrī*, неп. *kheti* ‘посев’²⁷; *lakhñ* ‘знак, признак, примета’ при др.-инд. *lakṣaṇa-* ‘знак; цель’, ср. пали, пракр. *lakṣhaṇa-* ‘отличительный признак’, пандж. *lakṣhaṇ* ‘знак, примета’; *rakh* ‘крыло, сторона’ при др.-инд. *raṁkṣa-* ‘перо, крыло, сторона’, ср. пали, пракр. *rakkha-* ‘крыло, сторона, половина месяца’, синдхи *rakhu* ‘перо’, пандж. *rakkh* ‘сторона, половина месяца’, *rhangh* ‘крыло’, хинди *rākh* ‘сторона’, *rākh* ‘крыло’, зап. пах. (бхалеси) *rākh* ‘крыло птицы или бабочки’, неп. *rwākh* ‘крыло’ гудж. *rākh* ‘сторона’, *rākh* ‘крыло’, мар. *rākh* ‘крыло, сторона крыши, половина месяца’, цыг. *rhak*, *rakh* ‘крыло’; *rākh*’us (основа косв. пад. — *rākhēs-*) ‘демон, злой дух’ при др.-инд. *rākṣasa-* то же, ср. пали, пракр. *rakkhasa-*, пандж., хинди, гудж., *rākhas*, неп. *rākas* то же; *sākhī* ‘свидетельство, свидетель’ при др.-инд. *sākṣin-* ‘свидетель’, *sākṣya-* ‘свидетельство, улика’, ср. пали *sakkhi-* ‘свидетель’, *sakkha-* ‘свидетельство’, пракр. *sakkhi-* ‘свидетель’, *sakkhijja-* ‘свидетельство’, синдхи, лахнда, хинди *sākhī* ‘свидетель’, гудж. *sākhī*, хинди *sākh* ‘свидетельство’, пандж. *sākhī* ‘свидетель, свидетельство’; *tr’ukh* (основа косв. пад. м.р. *trikh-*) ‘быстрый, умный, остроумный’, ср. лахнда *trikkhā* ‘острый, быстрый’ < др.-инд. *tīkṣṇa-* ‘острый’ с неэтимологическим *r* [Turner 1966, 332—333].

До сих пор речь шла исключительно об историко-фонетических особенностях, специфичных для всех или для большинства индоарийских языков разных эпох. При всей

²³ Параллели из новоиндийских языков см. выше под кашм. *gah* ‘размалывание, растирание в порошок’. В случае заимствования из урду в кашмири ожидался бы долгий *ā*. Кроме того, рефлекс др.-инд. *gharṣa-* в урду не сохранился.

²⁴ Обсуждение этимологии приведенных новоиндийских форм см. [Turner 1966, 725, 732, 763]. Предположение о заимствовании в кашмири из урду оставляет без объяснения назализацию в кашмирской форме.

²⁵ В частности, из сочетаний **ks*, **k^ws*, **k’s* и кластеров, содержащих спиранты Бругмана.

²⁶ Гемината *kkh*, характерная для ряда индоарийских языков, в кашмири отсутствует.

²⁷ В кашмирском примере нерегулярно также отражение древней группы *tr* в виде *t*. Обычно эта группа сохраняется в кашмири без изменений [Grierson 1906, 106; Эдельман 1965, 25].

неоспоримой важности этих особенностей следует признать, что обнаруживающая их лексика кашмири, вероятнее всего, представляет собой лишь часть, определенное подмножество индоарийских заимствований в этом языке. Действительно, нет никаких оснований исключить наличие значительного (притом, возможно, весьма значительного) числа подобных заимствований, не обнаруживающих ни одного из рассмотренных выше историко-фонетических явлений. Такая ситуация может объясняться немногочисленностью самих этих явлений, связанной в свою очередь не только с тем, что дардские и индоарийские языки, будучи объединены общеиндоиранским родством, достаточно близки друг к другу генетически, но и с тем, что уже после распада индоиранской общности между двумя группами долгое время могли существовать союзные отношения²⁸. Препятствует выявлению индоарийских элементов в кашмири и все еще невысокий уровень этимологической изученности лексики средне- и новоиндийских языков. Это можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Кашм. *mōṭ* ‘толстый, полный (о человеке), тучный’ имеет многочисленные соответствия в новоиндийских языках (ср. лахнда, хинди *moṭā*, пандж. *moṭṭā*, зап. пах. (джаунсари) *mōṭō*, неп. *moṭo*, гудж. *moṭū* ‘полный, толстый’), однако строгих формальных критериев для отнесения этого слова к индоарийскому лексическому пласту нет, поскольку его древнеиндийский прототип неизвестен, внеиндийские этимологические связи неясны, и потому вопрос о его историко-фонетической регулярности в кашмири остается без ответа. Существенным, однако, представляется нам тот факт, что, имея вероятные параллели во многих новоиндийских языках, приведенный кашмирский пример не обнаруживает таковых в дардских. Это, на наш взгляд, делает весьма высокой вероятность заимствования и весьма низкой — вероятность сохранения общего дардско-индоарийского архаизма²⁹.

Данная методика выявления индийских элементов в дардских языках³⁰ уже применялась нами в недавней работе [Коган 2005]. С ее помощью были выявлены вероятные индоарийские заимствования в стословном списке кашмири и в кашмирских текстах, использовавшихся при этимостатистических подсчетах. Мы будем прибегать к ней и впредь, поскольку в условиях слабой разработанности новоиндийской этимологии она представляется нам незаменимой. Вместе с тем нельзя не признать, что наличие надежных аргументов в виде определенных типов звукосоответствий могло бы существенным образом подкрепить наши гипотезы. Поиск таких аргументов вовсе не представляется нам безнадежным делом. Необходимо с максимальной тщательностью исследовать историческую фонетику предполагаемых (т.е. предварительно выделенных с применением описанного выше метода) индоарийских заимствований на предмет наличия у них особенностей фонетического развития, противопоставляющих их исконной кашмирской лексике. Возможен и другой подход: в случае наличия в кашмири более чем одного типа историко-фонетического развития в одинаковой позиции следует обратить внимание на долю возможных заимствований среди примеров на каждый из типов. Такая процедура может не только дать ценный дополнительный материал для проверки гипотезы об иноязычном происхождении того или иного слова, но также, вероятно, помочь выявить некоторые не установимые иным способом особенности исторической фонетики индоарийского языка — источника заимствований в кашмири.

²⁸ Об этом см. [Коган 2005, 196—203].

²⁹ В этой связи немаловажно, что единственный дардский язык, объединенный данной изоглоссой с индоарийскими языками, является одновременно и наиболее подверженным влиянию последних.

³⁰ Следует сказать, что проблема выявления индоарийских заимствований помимо кашмири стоит и для некоторых других дардских языков, в частности, кохистанских и пхалура.

Изучение кашмирской лексики в рамках обоих вышеописанных подходов дало некоторые интересные результаты. Так, отдельные (хотя и довольно малочисленные) вероятные индоарийские заимствования обнаруживают нерегулярное для кашмири отражение древних групп *rt и *rd в виде дентальных *t* и *d* соответственно (ср. katar- ‘нарезать ломтями’ при синдхи katir-, лахнда, неп. katr-, пандж., хинди katar-, гудж., мар. kātar- ‘резать, обрезать’ < др.-инд. kartari- ‘ножницы, нож’ [Turner 1966, 145]; wath (основа косв.пад. wat-) ‘дорога’ при др.-инд. vartman- ‘след колеса, путь’, пракр. vaṭṭa-, vaṭṭā- ‘путь, дорога’, синдхи vāṭa, пандж. vāt, bāt, догри batta, зап. пах. (бхалеси, бхадарвахи, чамеали, пангвали) batt, зап. пах. (падари) bat, неп. bāṭo ‘дорога’; lad- ‘нагружать (напр. корабль), возлагать бремя на кого-либо’³¹ при др.-инд. lardayati ‘грузит, нагружает’, синдхи laḍ-, лахнда laḍḍ-, ladd- (диал. аванкари), пандж. ladd-, неп., хинди, гудж., мар. lād- ‘грузить, нагружать’). В исконной лексике кашмири несомненных случаев такого развития не отмечено. Регулярными кашмирскими рефлексам указанных древних кластеров являются церебральные *ṭ* и *ḍ* соответственно [Коган 2010].

Среди примеров нерегулярного историко-фонетического развития особый интерес в связи с проблемой индоарийских заимствований представляют кашмирские отражения некоторых консонантных групп с начальными носовыми. Кластеры типа «носовой + глухой» обнаруживают в кашмири две серии рефлексов. К первой (пожалуй, более частотной) относятся рефлексы типа «носовой + звонкий», иногда с некоторыми дополнительными фонетическими изменениями, регулярными для кашмири (утрата придыхания глухими придыхательными при озвончении, развитие *z* из более раннего *ḷ*): tromb- ‘колоть иглой’, ср. др.-инд. trumpati ‘причиняет боль’, синдхи ṭrumb- ‘колоть, втыкать’; and ‘край, конец, предел’, ср. др.-инд. anta- то же, синдхи andī ‘край’, асс. āt ‘конец клубка ниток’, синг. ata ‘конец’; andar ‘внутри, в’, әndīr ‘кишка, кишечник’, әndrīm ‘внутренности’, ср. др.-инд. antar- ‘внутри’, antara- ‘внутренний’, кховар andren ‘внутри’, торв. andarē ‘в доме’, шина (диал. кохистани) dura ‘в’, паш. andāš, г.-б. andēc ‘кишки’; dand ‘зуб’, ср. др.-инд. dant-, danta- то же, паш. dan(d), тир., башк. dandә, нинг., вот. dan, шум. dand-, г.-б. dant, кал., торв. dḷn, кхов. don, май., пхал. dān, шина dḷn; gond ‘пучок, букет’, gand ‘узел’, gand-³² ‘связывать, завязывать’, ср. др.-инд. grantha-, granthi- ‘узел’, granthayati ‘связывает, завязывает’, кал. ghrēṇ, ghrēṇḍ-, пхал. grhēṇḍ, шина gḷṇ ‘узел’, паш. gaṭh-, шум. gaṭ-, вот. gaṭh-, г.-б. gēṇṭh- башк. gāṇḍ-, торв., май., gaṇḍ-, пхал. ghāṇḍ-, шина gaṇ- ‘связывать, завязывать’; grand ‘счет, подсчет, перечисление’ < *gr̥nti- [Turner 1966, 227]; khond ‘небольшой ров’ < *khanta- ‘выкопанный’, ср. др.-инд. khanati ‘копает’, авест. kan- ‘копать’³³; mand- ‘сбивать (напр. масло), взбивать; расплескиваться’, ср. др.-инд. manthati ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, паш. mand-, башк. mad- ‘сбивать масло’, шина man- ‘растирать, сбивать пахту’; sund, sond послелог принадлежности < *santa-, ес-

³¹ Кашмирский глагольный корень lad- ‘посылать’ вследствие различия в семантике следует, вероятнее всего, рассматривать как омонимичный (вопреки [Grierson 1932, 59]).

³² Церебрализация в кашмири и других дардских языках (а также и в отдельных индоарийских), вероятно, вызвана влиянием рефлексов древних образований от того же корня, выступавшего в виде *garth-. Церебральный ṭh в этом случае следует рассматривать как регулярное отражение древнего сочетания *rth, а церебральный ḍ в ряде языков (включая кашмири) — как позднейшее развитие более раннего ṭh в позиции озвончения. Нет никаких оснований вслед за Р. Тернером [Turner 1966, 233] считать какие-либо из приведенных дардских примеров индийскими заимствованиями.

³³ Ср. также общеиранское перфективное причастие *kanta- ‘выкопанный’, образованное аналогично предполагаемому нами древнему дардскому прототипу (но иначе, чем др.-инд. khāta-) и послужившее прототипом для основ прошедшего времени глагола ‘копать’ во многих новоиранских языках: кл.-перс., курд., пушту kand-, шугн. čīnt- и др.

ли связано с др.-инд. *santaka* 'принадлежащий кому-либо', синдхи *sando*, кати *-ste*, дамели *sā* генитивный показатель, лахнда *sandā* 'богатство', пандж. *sandā* 'движимое имущество'; *wandī* 'зима', ср. др.-инд. *hemanta-*, тир. *ēman*, нинг. *ēmand*, паш. *yemān*, г.-б. *hemand*, кховар *yomun*, кал. *heman(d-)*, башк. *hāman*, торв. *himān*, сави *hemand*, шина *yōṅ*, *yōḍ* то же³⁴; *yendar* 'прялка', ср. др.-инд. *yantra-* 'устройство, приспособление; ручная мельница', паш. (диал. лауровани) *žantr*, шум. *žō*, шина *yōṅ* 'водяная мельница', вот. *yaṅ*, г.-б. *žāl*, кал. *žōtr*, башк. *yāl*, пхал. *yāndr* 'мельница'; *koṅḍ* 'шип, колючка', ср. др.-инд. *kaṅṭa(ka)-*, пхал. *kāṅḍu*, шина *koṅ* то же; *ginz-* 'убегать, скрываться', ср. др.-инд. *giṅcanti* 'опустошают, опорожняют', пали *giṅcati* 'оставляет'; *nahang* 'беззаботный; смелый, бесстрашный', ср. др.-инд. *niḥśaṅka-* 'бесстрашный', *śaṅkā-* 'страх, недоверие', синдхи *nisangu*, лахнда *nisang*, зап. пах. (котгархи) *nəḥḥg*, хинди *nisāk* 'бесстрашный', кховар *šang* 'страх, подозрение', шина *šon* 'осторожность, предосторожность, забота'; *hangun* 'висок', ср. др.-инд. *śaṅkha-* 'височная кость'; *inz* 'гусь', ср. др.-инд. *haṃsa-*, шина *hānza* то же; *māz* 'мясо', ср. др.-инд. *māṃsa-*, тир., вот., торв. *mās*, кал., шина *mos*, пхал. *m(a)hās*, башк. *mās* то же³⁵.

Вторая серия рефлексов рассматриваемых сочетаний включает рефлекс типа «назализация предшествующего гласного + глухой». При этом если предшествующим гласным является краткий *a*, он претерпевает количественные и качественные изменения, переходя в долгий *ā*: *ākh* 'цифра, номер', ср. др.-инд. *aṅka-* 'крюк, кривая линия; знак', синдхи *angu*, лахнда, пандж. *ang* 'цифра, знак', хинди *āk(ṛā)*, гудж. *āk* 'цифра'³⁶; *āth* 'конец', ср. др.-инд. *anta-* 'край, конец, предел', параллели приведены выше под кашм. *and*; *dāth* (основа косв.пад. *dāth-*) 'слоновая кость', ср. др.-инд. *danta-* 'зуб, бивень, слоновая кость', хинди *hāthī kā dāt* 'слоновая кость (букв. «зуб слона）」, неп. *hātī ko dāt* то же³⁷; *dāthun* 'зубочистка', ср. др.-инд. *dantapavana-*, синдхи *dandaṇu*, лахнда *dādvaṅ*, хинди *dātan*, *dātun*, гудж. *dātaṅ* то же; *dāth-* 'выказывать ненависть; завидовать', ср. хинди, майтхили *dāth-* 'угрожать; ругать, порицать, отчитывать'³⁸; *hākal* 'цепь', ср. др.-инд. *śṛṅkhala-*, синдхи *sanghara*, лахнда (диал. аванкари) *sangul*, пандж. *sangal*, зап. пах. (бхалеси) *śangli*, зап. пах. (джаунсари) *śāngal*, неп. *sānlo*, хинди *śākal*, гудж. *śākaḷ*, шина *šānālī*, *šinālī* то же; *hāth* 'бесплодная (о женщине или самке животного)', *hāth-* 'быть бесплодным, неплодоспособным', ср. др.-инд. *śaṅṭha-* 'импотент', синдхи *saṅḍhi*, лахнда, пандж. *saṅḍh* 'бесплодный', зап. пах. (бхалеси) *śann*, *śāḍ* 'бесплодная корова или буйволица'³⁹; *kākun* 'браслет'⁴⁰, *kākaṅ* 'золотой или серебряный браслет', ср. др.-инд. *kaṅkaṅa-* 'браслет', пали *kankana-*, синдхи *kangaṇu*, лахнда, пандж. *kangaṅ*, зап. пах. (бхалеси) *kankaṅ*, хинди

³⁴ В кашмирской форме *w* < *m* вследствие диссимиляции по соседству с другим носовым как в *pāw* 'имя' < **nāman-*.

³⁵ Исчезновение носового в дардских примерах, включая кашмирский, объясняется, вероятнее всего аналогией с формами, образованными от основы *mās-* [Коган 2009].

³⁶ К той же древней основе в значении 'крюк' возводят также названия серпа в части дардских языков: г.-б. *hanko*, башк. *ēng*, торв. *āeng*, пхал. *āngu*. Однако эти слова стоят явно дальше семантически к кашмирскому примеру, нежели приведенные индоарийские параллели. Значение «цифра» ни в одном дардском языке (кроме кашмири) у рефлекса древнего **anka-* не обнаруживается.

³⁷ Дардские соответствия др.-инд. *danta-* в значении 'зуб' см. выше под кашм. *dand*.

³⁸ Новоиндийские формы возводятся Р. Тернером к др.-инд. *daṣṭa-* 'ужаленный, укушенный' [Turner 1966, 357].

³⁹ Р. Тернер [Turner 1966, 711] отделяет от древнеиндийской формы новоиндийские, возводя последние к прототипу *saṅḍha-*. Такое разделение представляется нам совершенно не оправданным, поскольку все приведенные здесь примеры из новоиндийских языков вполне регулярно возводятся к др.-инд. *śaṅṭha-*. С другой стороны, возведение к *saṅḍha-* сопряжено с определенными трудностями: в лахнда и панджаби в этом случае следовало бы ожидать перехода *ṅḍh* > *nnh*.

⁴⁰ Отмечен только как часть композита.

kaṅnā, гудж., мар. kākāṅ то же⁴¹; kṅr- ‘дрожать’, ср. др.-инд. kaṅpate ‘дрожит’, синдхи, лахнда, пандж., зап. пах. (котгархи) kaṅb-, неп. kām-, хинди, гудж., мар. kṅr- ‘дрожать’, пхал. kaṅbūm ‘вздрагиваю’; kṅṅi ‘булавка’, ср. др.-инд. kaṅṅa(ka)- ‘шип, колючка’, ср. также семантически близкое развитие в хинди kṅṅā ‘вилка’ (из того же источника); kṅṅh ‘горло, передняя часть шеи’, ср. др.-инд. kaṅṅha- ‘шея, горло’, пали kaṅṅha- то же, хинди (поэт.) kṅṅhā ‘горло’, мар. kṅṅhē ‘шея’, зап. пах. (бхалеси) kaṅṅh ‘ворот рубашки’, сави, г.-б. kaṅṅi ‘горло’; lṅkaraṅ ‘украшение, орнамент’, ср. др.-инд., пали alaṅkaraṅa- то же; mṅṅthaṅ ‘заклинание, магическая формула’, ср. др.-инд. mantra-, пали manta-, синдхи maṅṅṅu, лахнда mandar, пандж. mand, зап. пах. maṅṅṅ! то же⁴²; rṅṅch (основа косв.пад. rṅṅc-) ‘сход, третейский суд’, ср. хинди raṅc то же < др.-инд. raṅca ‘5’; rṅṅthan ‘путник, путешественник; дальнее и трудное путешествие’, ср. др.-инд. ranthā ‘путь, дорога’, пали ranthan- то же, синдхи randhu ‘путешествие’, лахнда randh ‘дорога, расстояние, поездка, перегон’, пандж. randh ‘дорога, поездка’, тир. rand, паш. (диал. лауровани) ran(d-), нинг. rāṅ, шум. rōṅ, вот. ruenth, г.-б. phōnt, кал. phon(d-), кховар ron, башк., пхал. rand, торв. rān, май. ran, шина rōn ‘дорога, тропинка’; wṅṅch (основа косв.пад. wṅṅc-) ‘обман, надувательство’, ср. др.-инд. vaṅcate ‘обманывает’, хинди bāc- ‘обманывать’.

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении двух приведенных списков — наличие позиционно немотивированных различий в историко-фонетическом развитии в этимологически тождественных словах (ср. and и ṅṅh; dand и dṅṅh; koṅṅṅ и kṅṅṅi). Данный факт не оставляет сомнений в том, что в одном из случаев речь идет о заимствовании. Более вероятным иноязычное происхождение представляется для примеров из второго списка. Такой вывод легко сделать на основании анализа семантики. В тех случаях, когда налицо различия в значении, первое слово из пары (т.е. то, в котором обнаруживается озвончение глухого) относится к базисной лексике, а второе (т.е. то, в котором глухой сохраняется и появляется долгий ṅ) к культурной: ср. значения ‘зуб’ и ‘слоновая кость’⁴³, ‘шип’ и ‘булавка’. Не будет преувеличением сказать, что данное семантическое различие противопоставляет не только отдельные этимологически родственные слова из двух списков, но и (с определенными оговорками) эти списки в целом. Действительно, примеры с озвончением относятся как к культурной, так и к базисной лексике⁴⁴, а примеры без озвончения — практически только к культурной⁴⁵. Это дает все

⁴¹ Ср. также кашм. kaṅṅun ‘браслет’ с исконным развитием или же, возможно, заимствованное из диалектов лахнда или панджаби.

⁴² Этимологически с приведенными индоарийскими формами связано также кал. mondr, mandr, mantr (наряду с mun, mon) ‘слово, речь, язык’ [Morgenstierne 1973₂, 123]. Однако эти примеры из калаша, по всей видимости, представляют собой синхронные вторичные образования от глагола mātr- ‘говорить’ (< *mantr-, ср. др.-инд. mantrayati ‘говорит’). Во всяком случае, возведение их непосредственно к общеарийск. *mantra- ‘заклинание, заговор’ (> др.-инд. mantra-, авест. maṅṅra- то же) затруднительно ввиду различий в семантике. Поэтому есть основания считать, что общеарийск. *mantra- не отразилось в современных дардских языках.

⁴³ Последнее значение особенно показательно. Ввиду отсутствия в Кашмире слонов (последних невозможно разводить в условиях сурового кашмирского климата с продолжительными морозными и снежными зимами) и ограниченности контактов с североиндийскими равнинами, обусловленной физико-географическими факторами, слово dṅṅh могло обозначать только предмет роскоши, доставляемый по международным торговым путям.

⁴⁴ Примечательно, что среди них имеется два слова стословного (dand ‘зуб’ и māz ‘мясо’) и 4 слова двухсоставного (ṅṅṅṅim ‘внутренности’, gaṅṅṅ- ‘связывать’ grand ‘счет’ (как компонент сложного глагола grand kaṅṅṅ ‘считать’), andar ‘в’) списка Сводеша.

⁴⁵ Пожалуй, единственным исключением является kṅṅṅh ‘горло, передняя часть шеи’. Следует отметить, что это слово в кашмири периферийно, в то время как основным обозначением горла является hoṅ. Последняя лексема имеет этимологические параллели в других дардских языках (ср. шина soṅṅ ‘горло, шея’).

основания полагать, что первый из разобранных выше типов звукосоответствий характерен для исконной лексики кашмири, а второй — для заимствований.

Еще одним заметным различием двух рассмотренных списков является повышенная концентрация во втором из них вероятных индоарийских лексических элементов⁴⁶. Из 16 составляющих его слов 11 (*ākh* ‘цифра, номер’, *dāth* ‘слоновая кость’, *dātun* ‘зубочистка’, *ḍāṭ-* ‘выказывать ненависть; завидовать’, *hāth* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’, *kākup* ‘браслет’, *kār-* ‘дрожать’, *kāṭi* ‘булавка’, *māthar* ‘заклинание, магическая формула’, *rāch* ‘сход, третейский суд’, *wāch* ‘обман, надувательство’) не обнаруживают надежных соответствий ни в каких дардских языках⁴⁷, за исключением (в случае с *kār-*) языка пхалура, для которого также предполагается наличие значительного индоарийского лексического пласта. Новоиндийские же этимологические параллели этих слов всегда имеются, причем иногда в значительном количестве (см. выше). Данное обстоятельство дает все основания полагать, что развитие фонемных цепочек типа «*a* + носовой + глухой согласный» в цепочки типа «*ā* + глухой согласный» является одним из отличительных признаков индоарийских заимствований в языке кашмири. Не исключено, что аналогичным образом отражались в таких заимствованиях среднеиндийские геминированные носовые. Такое предположение делает возможным вполне удовлетворительное объяснение наличия в кашмири двух разных рефлексов древней основы **karman-* ‘дело, работа’ — *kam* и *kām*. Первый рефлекс, отражающий регулярное историко-фонетическое развитие, должен быть признан исконным. Второе же слово было, вероятно, заимствовано из индоарийского источника⁴⁸.

Предложенная нами гипотеза наталкивается на одну существенную трудность: ни в одном известном нам индоарийском языке цепочки типа «*a* + носовой + глухой согласный» не дают рефлексов абсолютно идентичных таковым в предполагаемых индийских заимствованиях в кашмири. Следует, однако, отметить, что фонема *ā* сама по себе, возможно, возникла в результате сравнительно недавних «внутрикашмирских» историко-фонетических процессов. Во всяком случае, это верно для ее неназализованного коррелята — гласного *ā*. У последнего отмечается два более ранних источника — долгий *ā* в позиции *i*-умлаута и дифтонг *ai*. Как было показано в нашей недавней работе [Коган 2009], развитие кашмирского умлаута — явление относительно позднее. Оно, несомненно, имело место после усвоения языком кашмири основной массы персидских и арабских заимствований. То же можно сказать и о переходе *ai* > *ā*, также нередком в иранизмах и арабизмах (ср. *mādān* ‘площадь’ < кл.-перс. *maidān* то же, *rādi* ‘порожденный, произведенный; добытый; обнаруженный’ < кл.-перс. *paidā* то же, *khār* ‘добро’ < кл.-перс. *χair* то же < араб., *bāth* ‘песня, стих’ < кл.-перс. *bait* ‘стих’ < араб. Логично предположить, что гласный *ā* в кашмири развился в результате аналогичных по времени и характеру фонетических изменений, затронувших более ранние назализованные *ā* и *ai*. Поскольку ни в одном кашмирском примере из второго списка не обнаруживается пози-

⁴⁶ Показательным является уже тот факт, что во втором списке совершенно отсутствуют слова, не имеющие соответствий в средне- и/или новоиндийских языках.

⁴⁷ В данную группу слов включены также и те, что имеют в самом кашмири (и в других дардских языках) этимологические параллели с исконным развитием (о них см. выше). Иноязычное происхождение таких слов, как уже говорилось, можно считать доказанным. Основанием для включения их в число рассматриваемых 11 лексем явилось отсутствие у них дардских параллелей с близкой семантикой.

⁴⁸ Наличие срединного гласного *ā* — явление весьма частое у существительных ж.р. По-видимому, именно по этой причине слово *kām*, восходящее в конечном итоге к древнеиндийской основе с.р., перешло в кашмири в ж.р.

ция *i*-умлаута⁴⁹, для вероятных индоарийских прототипов этих примеров можно предположить наличие дифтонга *aĩ*.

Развитие назализованного дифтонга *aĩ* на месте более ранней последовательности «*a* + носовой» перед глухим согласным, по-видимому, характерно для некоторых индоарийских языков, распространенных в Западных Гималаях к югу от Кашмира. Аналогичным образом ведут себя там и цепочки типа «*ā* + носовой + глухой», а также «*āĩ* + глухой» и «*āĩ* + глухой». Примеры всех этих типов развития обнаруживаются, например, в языке догри⁵⁰ (ср. *aĩcal* ‘край одежды’ < др.-инд. *aĩcala-* то же; *aĩtaṛī* ‘кишки, внутренности’, ср. др.-инд. *āntra-*, хинди *āṭ, āṭī* то же; *aĩtam* ‘последний’ < др.-инд. *antima-* то же; *aĩtar* ‘со-весть’ < др.-инд. *antara-* ‘внутри; то, что внутри, внутренняя часть’; *aĩtar* ‘разница, расстояние’ < др.-инд. *antara-* ‘другой, отличный’; *aĩtt* ‘конец’ < др.-инд. *anta-* то же; *aĩśś* ‘часть, доля’ < др.-инд. *aṃśa-* то же; *kaĩkar, kaĩkṛā* ‘гравий, щебень’, ср. хинди *kaĩkar* то же, гудж. *kāṅkr* ‘галька’ < др.-инд. *karkara-* ‘камень’; *kaĩkhyā* ‘желание, намерение’ < др.-инд. *kāṃkṣā* то же; *kaĩcā* ‘стеклянный шарик (детская игрушка)’, ср. хинди *kāc* ‘стекло’ < др.-инд. *kāca-*; *kaĩṭṭh* ‘горло’, *kaĩṭhā* ‘бусы’, ср. др.-инд. *kaṇṭha-* ‘горло, шея’, *kaṇṭhaka-* ‘бусы’; *kaĩt(t)* ‘муж’ < др.-инд. *kānta-* ‘муж, возлюбленный’; *ghaĩṭā* ‘час’, *ghaĩṭū* ‘вид бубенчика’, ср. др.-инд. *ghaṇṭā* ‘колокол’, хинди *ghaṇṭā* ‘колокол, часы, час’; *saĩcal* ‘игривый, беспокорный’ < др.-инд. *saĩcala-* ‘дрожащий, трепетный; непостоянный, переменчивый’; *saĩṭṭ* ‘сообразительный, хитрый, пронырливый’, ср. хинди *saṇṭ* то же; *jaĩtar* ‘амулет’ < др.-инд. *yantra-* ‘устройство, приспособление; амулет’; *jaĩtt* ‘насекомое-вредитель’ < др.-инд. *jantu-* ‘живое существо, червь, насекомое’; *ṭaĩṭā* ‘суматоха; ссора, раздор’, ср. хинди *ṭaṇṭā* то же; *taĩtar* ‘заговор, заклинание’ < др.-инд. *tantra-* то же; *raĩcc* ‘глава деревенского совета, староста’, ср. хинди *raĩc* то же < *raĩca* ‘5’; *raĩcḥī* ‘птица’, ср. хинди *raĩkhī, ranchī*, зап. пах. (котгархи) *rañcī* < др.-инд. *raṅśin-* то же; *raĩth* ‘религиозная секта, вероисповедание’ < др.-инд. *rañthā* ‘путь, дорога; секта, учение’; *baĩh* ‘бамбук’ < др.-инд. *vaṃśa-* то же; *maĩtar* ‘заклинание’ < др.-инд. *mantra-* то же; *śaĩkā* ‘опасение, озабоченность’ < др.-инд. *śaĩkā-* ‘страх, недоверие’; *saĩkh* ‘раковина моллюска’ < др.-инд. *śaĩkha-* то же, *saĩkhlo* ‘веревка в маслостойке’ < др.-инд. *śṛĩkhala-* ‘цепь’; *saĩtt* ‘святой’ < др.-инд. *sant-* ‘сущий, подлинный, верный’, ср. хинди *sant* ‘святой’; *saĩśā* ‘волнение, неуверенность’ < др.-инд. *saṃśaya-* ‘опасность; сомнение’; *haĩsalī* ‘ключица’, ср. др.-инд. *aṃsa-* ‘плечо, лопатка’, хинди *hāś, hāślī* ‘ключица’; *haĩśś* ‘лебедь’ < др.-инд. *haṃśa-* то же).

Историко-фонетическое развитие, обнаруживающееся в приведенных примерах, по-видимому, не является исконным для языка догри. Подобно стандартному панджаби, диалектам лахнда и (если выйти за пределы индоарийской группы) ряду дардских (включая кашмири) и иранских языков, он отражает глухой согласный после носового как звонкий: *andar* ‘внутри’ < др.-инд. *antar-*; *dand* ‘зуб’ < др.-инд. *dant-*; *gaṇḍh* ‘узел’ < др.-инд. *granthi-*; *rañj* ‘5’ < др.-инд. *rañca*; *baṇḍ-* ‘делить’, ср. др.-инд. *vaṇṭati* ‘делит’. Показательны в этом отношении также отдельные рефлексy древних причастий настоящего времени (ср. *khāndā* ‘кушающий’ < **khānantaka-*). Таким образом, вопрос о конкретном индоарийском источнике рассмотренных выше кашмирских примеров остается открытым: считать таковым именно догри нет весомых оснований.

⁴⁹ Такую позицию можно было бы предположить для прилагательного *hāñh* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’, поскольку оно обычно выступает в форме ж.р., оканчивавшейся в прошлом на долгий *ī*. Показательно, однако, сохранение гласного *ā* в отагъективном глаголе *hāñhun* ‘быть бесплодным, неплодоносным’. Такие глаголы всегда образуются от чистых основ, лишенных родочисловых показателей. Поэтому предполагать в данном случае умлаутное изменение корневого гласного нет никаких оснований.

⁵⁰ Все приводимые ниже примеры взяты нами из догри-хинди словаря О. Госвами [Gosvāmī 2000].

В этой связи чрезвычайно важно еще одно обстоятельство. Догри — язык с одним исконным сибилантом *s*, в то время как в двух приводившихся нами кашмирских примерах (*hãṭh* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’ и *hãkal* ‘цепь’) обнаруживается соответствие кашм. *h* др.-инд. *ś*, указывающее на источник заимствования, различавший сибиланты *s* и *ś*. Из подобного же языка, вероятно, идут и некоторые догрские примеры (*śaĩkā* ‘опасение, озабоченность’; *aĩśś* ‘часть, доля’), в которых нерегулярным образом сохраняется др.-инд. *ś*. Из всех индоарийских языков региона двухсибилянтной системой, как уже говорилось, характеризуются только некоторые языки группы пахари. Именно их и можно предположительно считать источниками разобранной выше лексики в кашмири и догри. В случае с последним представляется несомненным, что такой источник был не один. На это указывают такие примеры, как *saĩkh* ‘раковина моллюска’, *saĩkhlo* ‘веревка в маслобойке’ и *saĩsã* ‘волнение, неуверенность’, обнаруживающие переход др.-инд. *ś* > *s*⁵¹. Следовательно, развитие назализованного дифтонга *aĩ* из последовательностей типа «*ã* + носовой» перед глухим согласным характерно для нескольких (во всяком случае, для более, чем одного) индоарийских языков западногималайского региона. К великому сожалению, этот регион все еще слабо изучен полевыми лингвистами, и многие языки все еще ждут своего описания. Появление таких описаний в будущем, скорее всего, позволит существенно уточнить границы ареала распространения выявленной нами историко-фонетической изоглоссы.

Сейчас же хотелось бы подвести некоторые предварительные итоги. Наличие рассмотренных выше кашмирских примеров с *h* < *ś* и *ã* < *a* перед носовым представляется нам весьма показательным. Оно дает основания с определенной степенью уверенности свести некоторые выявленные нами разрозненные историко-фонетические изоглоссы в один пучок и тем самым составить более полное представление о фонетических особенностях одного из индоарийских языков, оказавших влияние на кашмири. Различение рефлексов *s* и *ś* само по себе, разумеется, еще не означает принадлежности этого языка к языкам с двухсибилянтной системой, поскольку теоретически существует возможность наличия языка, сохранившего все три древнеиндийских сибиланта — *s*, *ś* и *ṣ*. Однако такие языки совершенно неизвестны среди новоиндийских, а среди среднеиндийских они крайне редки⁵², причем ни один из них не был распространен в интересующем нас ареале Западных Гималаев к югу от Кашмира. Между тем именно на данный ареал указывает развитие долгого назализованного гласного *ã* в кашмирских примерах. Поэтому следует считать наиболее вероятным (хотя и не доказанным до конца), что две из разобранных нами выше историко-фонетических особенностей, а именно совпадение древнеиндийских сибилантов *ś* и *ṣ* в виде *ś* и переход последовательностей типа «*a* + носовой + глухой» в последовательности типа «*aĩ* (> *ã*) + носовой + глухой» характеризовали один и тот же индоарийский язык. При этом можно предположить генетическую близость этого языка к языкам западной подгруппы группы пахари.

Не вполне ясно, характеризовался ли тот же самый язык переходами *rt* > *t* и *rd* > *d* (примеры см. выше). Особенностью этих переходов в индоарийских заимствованиях в кашмири является отсутствие компенсаторного удлинения предшествующего гласного в односложных словах. Эта особенность свойственна также языкам группы пахари и догри, а отдельные примеры такого развития обнаруживаются в диалектах Северного (аванкари) и Центрального Панджаба (см. приведенные выше рефлексы др.-инд. *vart-*

⁵¹ Отдельные примеры такого рода имеются и в кашмири. Ср., напр., *bãś* ‘бамбук’ при др.-инд. *vaṃśa-*.

⁵² Как уже говорилось, к ним относится язык документов из-под г. Ния в Восточном Туркестане и язык некоторых надписей царя Ашоки.

man- ‘след колеса, путь’ и lardayati ‘грузит’). Широкое распространение данного явления в языках пахари позволяет предположить, что в случае если обсуждавшийся выше индоарийский язык, сохранявший древнеиндийский сибилант ś, действительно относился к этой группе (что представляется весьма вероятным), примеры с рассмотренным нами развитием кластеров типа «r + дентальный» вполне могли быть заимствованы в кашмири именно из него⁵³.

На наш взгляд, проведенный выше анализ материала и его результаты, в будущем могут оказаться весьма полезными при исследовании кашмирской диахронии. При этом, однако, ряд установленных нами фактов ставит новые вопросы, ранее не поднимавшиеся или, по крайней мере, не формулировавшиеся в явном виде. Главные из этих вопросов — вопрос о времени усвоения языком кашмири индоарийских заимствований и вопрос о конкретных исторических условиях, в которых это усвоение происходило. Как уже говорилось, в прошлом появление большей части индийских элементов в кашмири связывали с влиянием санскрита. Принятие такой точки зрения само по себе предполагает определенные решения указанных проблем. Санскрит был официальным и основным (а вероятнее всего, и единственным) литературным языком Кашмира в доисламский период. Поэтому появление в кашмири индоарийских заимствований было бы логично относить именно к этому периоду и объяснять воздействием суперстрата. Однако мы уже указывали, что огромное большинство слов индоарийского пласта из санскрита выведено быть не может⁵⁴. Поэтому и приведенный здесь сценарий их усвоения должен быть отвергнут как невероятный. О времени кашмирско-индоарийских контактов позволяют судить некоторые факты исторической фонетики. Выше было показано, что сибилант ś в индийском языке-доноре, продолжающий др.-инд. ś и ṣ, может отражаться в кашмири либо как h, либо как ṣ̣. Это означает, что процесс заимствования начался до кашмирского передвижения сибилантов, а завершился после него. В свою очередь кашмирское передвижение сибилантов, возможно, было синхронным кашмирскому передвижению аффрикат [Коган 2009]. Последнее же датируется средними веками, на что указывают следы этого процесса в персидских и арабских заимствованиях [Ibid.]. Таким образом, по крайней мере, завершающий этап проникновения индоарийских элементов в кашмири есть основания относить к новоиндийской эпохе. Что же касается начального этапа, то хотя его сколько-нибудь точная датировка не представляется возможной, все же можно утверждать, что вряд ли время, отделявшее его от кашмирского передвижения сибилантов, могло исчисляться многими столетиями. Если бы это было так, следовало бы говорить о чрезвычайно продолжительном влиянии на кашмири одного и того же живого индоарийского языка, что как будто плохо согласуется со всем, что мы знаем о языковой ситуации в древнем и средневековом Кашмире.

Эти общие соображения находят подтверждение в виде целого ряда языковых фактов. Приводившиеся выше многочисленные примеры заимствований не обнаруживают никаких историко-фонетических или семантических архаизмов, которые могли бы противопоставить их родственным новоиндийским формам. Необходимо еще раз сказать,

⁵³ В данной связи, как нам представляется, небезынтересны также некоторые лексические изоглоссы. Так, наиболее близкие по фонетике этимологические параллели кашм. wath ‘дорога’ обнаруживаются в догри, близкородственном ему кангри, а также во многих языках группы пахари. Это дает основания утверждать с уверенностью по крайней мере то, что язык — источник кашмирского слова либо генетически, либо ареально примыкает к языкам западногималайского региона (включая территорию современного округа Джамму).

⁵⁴ На несомненность данного утверждения указывают все приведенные нами выше кашмирские данные.

что различие двух древнеиндийских сибилантов к таким архаизмам не относится, поскольку оно характерно и для некоторых новоиндийских языков, в частности, для части языков группы пахари. Не является сколько-нибудь показательной и такая черта, как отсутствие следов перехода др.-инд. $v > b$ (ср., напр., *waḥar* ‘год’ при др.-инд. *varṣa-*, *wath* ‘дорога’ при др.-инд. *vartman-*, *wīh* ‘наряд, облик’ при др.-инд. *veṣa-*). Дело в том, что наличие/отсутствие бетацизма — черта, противопоставляющая нередко наиболее генетически близкие индоарийские диалекты (ср., напр., в различных диалектах панджаби *vīh* и *bīh* ‘20’ < др.-инд. *viṃśati*, *vaddā* и *baḍā* ‘большой’ < др.-инд. *vaḍra-*, *vaḍdhā* и *baḍdhā* ‘разрез, засечка’ < др.-инд. *vardha-* ‘резание’; в северных диалектах лахнда: *vī* (диал. аванкари), *bīh* (диал. кагани) ‘20’; *waddā* (диал. аванкари), *baṛā* (диал. кагани) ‘большой’; *waṇḍ-* (диал. аванкари), *baṇḍ-* (диал. кагани) ‘делить’ < др.-инд. *vaṇṭ-*). Это заставляет нас считать переход $v > b$ в определенных ареалах (в частности, в Северо-Западной Индии) весьма поздним явлением, относящимся, несомненно, к новоиндийской эпохе, причем не к раннему ее периоду. С другой стороны, индоарийские заимствования в кашмири разделяют такие новоиндийские инновации, как падение в именах существительных конечных гласных — остатков древнеиндийской падежной флексии⁵⁵ и стяжение ряда среднеиндийских фонемных сочетаний в инлауте (ср. пали *dantarōṇa-*, пракр. *daṃta-vaṇa-* ‘зубочистка’ < др.-инд. *dantaravana-*, но кашм. *dētun* с кратким гласным во втором слоге как в новоиндийских языках). Показательны и некоторые семантические инновации, характерные для новоиндийских языков (или, во всяком случае, не зафиксированные в среднеиндийских): развитие значения ‘цифра’ у рефлекса др.-инд. *aṅka-* ‘крюк, кривая линия; знак’ (продолжения этой основы в пракритах и пали сохраняют древнеиндийскую семантику), образование вторичной глагольной основы от древнеиндийского перфективного причастия *daṣṭa-* ‘ужаленный, укушенный’ (> пали, пракр. *daṭṭha-* то же) и появление у этой основы семантики ‘упрекать, ругать, высказывать ненависть’⁵⁶ (ср. *ḍāṭ-* ‘высказывать ненависть; завидовать’, хинди, кум., майтхили *ḍāṭ-* ‘угрожать; ругать, порицать, отчитывать’). Последнее изменение сопровождалось нерегулярными фонетическими переходами (назализация гласного, утрата придыхания у более раннего (среднеиндийского) придыхательного), общими для кашмирского примера и его новоиндийских соответствий.

Таким образом, наиболее вероятными источниками индоарийского влияния на кашмири следует считать новоиндийские языки, среди которых, как уже говорилось, ведущую роль, по-видимому, играли языки западногималайского региона. Вопрос о причинах этого влияния представляется нам весьма важным и требующим специального обсуждения. Связи кашмирцев с жителями горных областей к югу и юго-востоку от Кашмирской долины (в пределах современного округа Дхамму и штата Химачал-Прадеш) существовали с давних времен и не прервались до сих пор, однако данный факт не представляется нам достаточным для объяснения существования в языке кашмири огромного индоарийского лексического пласта. Кашмир ограничен с юга мощным природным рубежом — горным хребтом Пир-Панджал, относящимся к Малым Гималаям. Перевалы через этот хребет закрыты в холодное время года, когда Кашмирская долина становится практически отрезанной от своих южных соседей. Кроме того, по Пир-

⁵⁵ Эти гласные сохраняются не только в среднеиндийских, но и в некоторых новоиндийских языках.

⁵⁶ [Turner 1966, 357]. В том же словаре приводится альтернативная этимология: новоиндийские формы возводятся к гипотетическому корню **draṭ-* ‘давить’ [Turner 1966, 377]. Если принять эту этимологию в качестве предпочтительной, все равно приходится предполагать семантическую инновацию в новоиндийских языках, характерную также и для кашмирского глагола.

Панджалу очень часто проходила и политическая граница кашмирского государства. Все это не могло не ограничивать существенно интенсивность контактов, и нам представляется маловероятным, что они могли носить массовый характер, необходимый для интенсивного заимствования лексики. Следует также иметь в виду, что Кашмир никогда не уступал соседним гималайским государствам в экономическом или культурном отношении, а обычно, наоборот, превосходил их. Индоарийские языки Западных Гималаев никогда не обладали каким-либо престижем. Почти все они были бесписьменными вплоть до нового времени, а в большинстве своем остаются таковыми и сегодня. Принимая все это во внимание, нельзя не признать, что массовое заимствование из этих языков в кашмири едва ли возможно.

Все высказанные здесь, как нам кажется, вполне обоснованные соображения входят, однако, в явное противоречие с языковыми фактами: индоарийские элементы в кашмири чрезвычайно многочисленны, они обнаруживаются в самых разных областях культурной лексики, а некоторые из них попали даже в стословный список⁵⁷. Поскольку трансграничные межэтнические контакты не являются убедительным объяснением этих фактов, вполне уместной представляется иная постановка вопроса: не мог ли индоарийский язык, оказывавший влияние на кашмири, бытовать в самой Кашмирской долине? Если это было так, этот язык должен был на определенном историческом этапе быть вытесненным кашмири или его более ранним предком, поскольку в современном Кашмире новоиндийские языки, характеризующиеся выявленными выше историко-фонетическими характеристиками, не отмечены. Таким образом, поставленный нами вопрос можно было бы сформулировать иначе: не могло ли индийское влияние на кашмири носить не суперстратный (как это предполагали ранее) или адстратный, а субстратный характер?

Мы видим некоторые основания ответить на этот вопрос положительно. На возможность распространения в прошлом в Кашмире индоарийского языка указывают, например, отдельные факты кашмирской топонимики. Интересной чертой последней является относительная малочисленность топонимов с надежными дардскими этимологиями. С другой стороны, многие географические названия Кашмирской долины имеют засвидетельствованные в текстах⁵⁸ древнеиндийские прототипы, что позволяет думать об их индоарийском происхождении⁵⁹. Некоторые из этих названий обнаруживают следы историко-фонетического развития, характерного для индийских заимствований. Следует отметить, в частности, примеры совпадения сибиллянтов *ś* и *ṣ* в виде *ś* с дальнейшим переходом в *h* (Нṛgwan название населенного пункта близ Сринагара < др.-инд. Ṣaḍarhadvana⁻⁶⁰; Kaumuh < др.-инд. Katīmuṣa-, Rāmuh < др.-инд. Rāmuṣa- название дере-

⁵⁷ В стословном списке кашмири выделяются три индоарийских заимствования: wath ‘дорога’, rāth ‘ночь’ и zāl- ‘жечь’. В первом слове имел место переход *rt* > *t*. Это, а также географическое распространение индоарийских этимологических параллелей данного слова дает основания считать его источником один из языков западногималайского ареала (см. выше). В слове rāth ‘ночь’ обнаруживается характерная для индоарийских языков, но не для кашмири утрата второго компонента древней группы *tr* (ср. др.-инд. rātrī). Третье же заимствование (глагольный корень zāl- ‘жечь’) выделено нами предположительно, хотя и с большой степенью вероятности, на основании отсутствия соответствий в других дардских языках, кроме кохистанских и гавар-бати (также подвергавшихся значительному индоарийскому влиянию), и наличия многочисленных новоиндийских параллелей (ср. пандж., хинди jāl-, зап. пах. (бхалеси)jā-, зап. пах. (котгархи) jāl-, мар. jāl-, майтхили jāg- < др.-инд. jvālayati ‘поджигает’).

⁵⁸ Среди таких текстов наиболее богатый материал дает придворная хроника XII в. «Раджатарангини».

⁵⁹ В отдельных случаях можно допустить заимствование из языка доиндоевропейского населения через индоарийское посредство.

⁶⁰ Буквально «лес шести архатов».

вень юго-западнее Сринагара на левом берегу реки Вешау) и нехарактерного для кашмири отражения группы *śr* в виде *h* (ср. элемент *-hōm*, соответствующий др.-инд. *āśrama* в таких названиях, как *Khuyehōm* округ на севере Кашмира < др.-инд. *Khoyāśrama* и *Kiśihōm* населенный пункт близ г. Барамула на севере Кашмира < др.-инд. *Kṛtyāśrama*⁶¹). Отмечаются и случаи развития гласного *ā̃* из более раннего *a* перед сочетанием типа «носовой + глухой»: *Rā̃cāl* ‘хребет Пир-Панджал; один из перевалов через этот хребет’ < др.-инд. *rañcāla* – название страны и народа на севере Индии; *Rā̃rag* название города (древняя Падмапура) < **Ramrup* < др.-инд. *Radmapura*-. Приведенные примеры интересны не только как свидетельство наличия в Кашмире в прошлом индоязычного населения. Они также позволяют внести определенную ясность в некоторые проблемы исторической фонетики индоарийских заимствований, поставленные нами выше, в частности, в вопрос о возможности приписать несколько выявленных историко-фонетических характеристик одному языку. Такие географические названия как *Nārwan*, *Burzihōm* и *Rā̃rag* относятся к одному району – области вокруг Сринагара. Этот район, расположенный на пойме реки Джелам, весьма невелик по площади и отличается ровным рельефом, что позволяет с немалой долей вероятности предполагать его языковую монолитность в прошлом⁶². Таким образом, развитие двухсибилянтной системы и развитие гласного *ā̃* перед глухими, вероятнее всего, характеризовало один и тот же индоарийский язык.

Поскольку влияние субстрата, как известно, не ограничивается только словарем, проверка гипотезы о субстратном характере индоарийского влияния на кашмири предполагает анализ языковых уровней, отличных от лексического. Хотя такой анализ представляется в значительной степени делом будущего, некоторые интересные факты обращают на себя внимание уже сейчас. Так, фонологическая система кашмири обладает одной особенностью, резко отличающей ее от систем большинства дардских языков и, вместе с тем, роднящей ее с новоиндийскими фонологическими системами. Речь идет об отсутствии церебральных аффрикат и сибилантов. Как было показано в специальном исследовании [Коган 2009], данная черта кашмирской фонологии появилась в результате относительно недавних историко-фонетических процессов, названных нами передвижением сибилантов и передвижением аффрикат. Выше нам удалось установить, что усвоение индоарийских лексических заимствований происходило синхронно этим процессам. Показательно, что такие яркие особенности фонологической системы кашмири, как наличие развитого среднего ряда в вокализме и противопоставление согласных по признаку палатализованности, совершенно не характерные для индоарийских языков, развились уже после обоих передвижений [Ibid.], то есть в эпоху, когда индийское влияние в лексике уже успело зайти достаточно далеко. Это означает, что в период тесных кашмирско-индийских контактов существовал некий исторический момент, когда кашмирская фонология стала типологически максимально близкой к фонологическим системам индоарийских языков западногималайского региона⁶³. Данный факт прекрасно согласуется с нашей гипотезой о субстрате. Если же принять во внимание приведенные выше данные топонимики, свидетельствующие в пользу этой гипотезы, можно утвер-

⁶¹ Тот же элемент *-hōm* встречается и в некоторых не засвидетельствованных в древних текстах названиях (ср., напр., *Burzihōm* местность в 5 км от Сринагара < **Bhūrjāśrama* – ‘березовая обитель?’).

⁶² Это справедливо и для настоящего: сегодня в области Сринагара говорят на одном диалекте кашмири.

⁶³ Наиболее близкими оказываются некоторые языки группы пахари с их двухсибилянтной системой и противопоставлением зубных и среднеязычных аффрикат. Сведения о фонологии этих языков взяты нами прежде всего из работ [Grierson 1916; Hendriksen 1976–86; Varma 1948]. Единственным существенным различием фонологической системы кашмири и языков пахари является наличие в последних звонкой придыхательной серии.

ждать, что на раннем этапе перестройка кашмирской фонологии, скорее всего, была связана именно с воздействием индоарийского субстрата.

С последним, возможно, связаны и некоторые кашмирско-индийские изоглоссы в семантике, как лексической так и грамматической. Так, в системе имени обращает на себя внимание одна интересная особенность в функционировании оппозиции имен существительных по роду, объединяющая кашмири с рядом новоиндийских языков. В парах неодушевленных однокоренных кашмирских существительных, различающихся родом, эта оппозиция иногда указывает на разницу в размере обозначаемых объектов, причем существительные мужского рода обозначают предметы большего размера, а существительные женского рода — меньшего: *kul* (м.р.) ‘дерево’ — *kuḷ* (ж.р.) ‘деревце, куст’; *drōt* (м.р.) ‘серп’ — *dr̥s* (ж.р.) ‘маленький серп’; *aḍ’ul* (м.р.) ‘большая кость (напр., кость ноги)’ — *aḍi* (ж.р.) ‘кость’; *gōgul* (м.р.) ‘репа крупного размера’ — *gōgi* (ж.р.) ‘репа’. В ряде индоарийских языков также отмечена данная особенность категории рода⁶⁴: синдхи, зап. пах. (бхалеси) *ghaṛo* (м.р.), пандж., хинди *ghaṛā* (м.р.) ‘большой глиняный горшок’ — синдхи, пандж., хинди *ghaṛī* (ж.р.), зап. пах. (бхалеси) *ghaṛalli* (ж.р.) ‘горшок для воды’; пандж., хинди *palā* (м.р.) ‘ковш’ — *palī* (ж.р.) ‘ковшик’; синдхи *machu*, пандж., догри *masch*, хинди *māch* (м.р.) ‘большая рыба’ — синдхи, пандж., догри *maschī*, хинди *machī* (ж.р.) ‘рыба’; синдхи *bīṛo* (м.р.) ‘большая пуговица’ — *bīṛī* (ж.р.) ‘пуговица’; догри *pattā* (м.р.) ‘лист’ — *pattī* (ж.р.) ‘листик, листочек’; зап. пах. (котграхи) *śīrhō* (м.р.) ‘большая лестница’ — *śīrhi* (ж.р.) ‘лестница’. В дардских же языках (кроме кашмири) надежных свидетельств данного явления нет⁶⁵, что дает основания объяснять его наличие в кашмирской грамматике индоарийским влиянием.

В кашмирском именном склонении представляет интерес форма косв. пад. I м.р. на *-as*, *-is*, восходящая к общеарийской форме генитива на *-asya*. В современном кашмири эта форма в беспослеложном употреблении может выполнять генитивную и дативную функции, причем последняя отмечается гораздо чаще первой⁶⁶. Данное семантическое

⁶⁴ О данном явлении в хинди см., напр., [Липеровский 1978, 42].

⁶⁵ Отмеченные в некоторых дардских языках примеры однокоренных неодушевленных существительных, относящихся к разным родам, не позволяют сделать какой-либо однозначный вывод о характере семантических различий между членами конкретной пары (ср. г.-б. *ḍunga* (м.р.) ‘колено’ — *ḍungī* (ж.р.) ‘локоть’; пхал. *phutto* (м.р.) ‘муха’ — *phutti* (ж.р.) ‘комар’). В отдельных случаях можно предположить, что противопоставления по роду могут служить для различения частного и общего (ср. пхал. *phalūṛi* (ж.р.) ‘зерно’ — *phalūṛu* (м.р.) ‘зерно (единичное), зернышко’). Такое функционирование категории рода характерно также для некоторых иранских языков, входящих в Центральноазиатский языковой союз и связано, возможно, с влиянием субстрата, близкого к бурушаски [Эдельман 1980, 28–30]. Один пример использования показателя женского рода для образования деминутива приводит Г.Будрусс в грамматическом очерке сави(диалекта пхалура): *kuṣeṛī* (ж.р.) ‘Hemd’ — *koṣara* (м.р. мн.ч.) ‘Anzug, Kleid’ [Buddruss 1967, 29]. Следует, однако, отметить, что, во-первых, пхалура (включая и диалект сави), также как и кашмири, обнаруживает следы заметного индоарийского влияния, а во-вторых, интерпретация Г.Будрусса не представляется бесспорной: непонятно, почему рубашку следует рассматривать как «маленькую одежду». Неясна ситуация в гавар-бати. Здесь такая пара примеров, как *kaṭāra* (м.р.) ‘большой нож’ — *muṣkaṭārī* (ж.р.) ‘кинжал’ могла бы рассматриваться как аналог приведенных выше кашмирских пар. Неясно, однако, с чем в данном случае связаны различия в семантике, с разницей в роде или же с начальным элементом второго слова (*muṣkaṭārī* < **muṣkaṭārī*, ср. *muṣṭ* ‘(plough-)handle’ [Morgenstierne 1950, 44]). Второе решение представляется нам, по крайней мере, не менее обоснованным, чем первое. В этом случае название кинжала возникло из композита с буквальным значением ‘нож с особого вида рукояткой’.

⁶⁶ Кроме того, данная форма маркирует прямой объект, если последний выражен существительным, обозначающим определенный в данном контексте предмет [Захарьин, Эдельман 1971, 57, 122]. Появление у косв. пад. I этой функции, вероятно, также связано с индоарийским влиянием. Во многих новоиндийских

развитие обнаруживает полную аналогию в истории индоарийского, где уже в среднеиндийскую эпоху отмечается отмирание древней формы датива и появление у формы генитива дативной функции [Woolner 1917, 31]. В пракрите шаурасени падежный показатель -assa (< др.-инд. -asya) функционирует как окончание датива-генитива. В некоторых новоиндийских языках, сохранивших это окончание, оно маркирует только датив. К таким языкам относятся, в частности, отдельные языки группы пахари, например, распространенный в округе Джамму падари (ср. *ghōr-as* ‘коню’, *badhēl-as* ‘волу’, *bābb-as* ‘отцу’). Следует, впрочем, отметить, что подобное развитие древнего генитива характерно не только для индоарийских языков, но и для некоторых иранских, например, для древнеперсидского, согдийского и хотаносакского [ОИТИЯ, II, 124, 136—137; Эдельман 1990, 148, 153]. Однако в языках дардской группы, сохраняющих древнее генитивное окончание (в шумашти, пашаи, калаша), у последнего не возникает дативного значения, и кашмири является в этом отношении единственным известным исключением. Это дает основания полагать, что нехарактерное для дардских языков семантическое развитие кашмирского падежного показателя может быть связано именно с влиянием индоарийского субстрата.

В местоименной системе воздействием индоарийских языков, возможно, вызвано расширение функций вопросительного местоимения *kus* (м.р.)/*kəs* (ж.р.) ‘кто?’. Это местоимение широко употребляется также в значении ‘который?’ (ср. *kus kul?* ‘которое дерево?’, *kəs kitāb?* ‘которая книга?’). Для большинства прочих дардских языков⁶⁷ такая ситуация не характерна. Вопросительные местоимения ‘кто?’ и ‘который?’ являются там разными на синхронном уровне словами, хотя и восходят в конечном итоге к производным одного индоевропейского корня (ср. вост. *kā*, *kā* ‘кто?’, *kaṁēk* ‘который?’; тир. *kāma* ‘кто?’, *kī* ‘который? что?’; кховар *kā* ‘кто?’, *kī*, *keṣa* ‘который?’; шина (кохистанский и гурезский диал.) *kōi* ‘кто?’, *khañ* ‘который?’)⁶⁸. Напротив, в новоиндийских языках оба указанных значения нередко выражаются одним словом (ср. зап. пах. (бхалеси) *kañi*, зап. пах. (гадди) *kuṇ*, гархвали *kō*, брадж *kaun*, авадхи *kawan* ‘кто? который?’). В отдельных случаях местоимение ‘который?’ является производным от местоимения ‘кто?’ (ср. хинди *kaunsa* ‘который?’ < *kaun* ‘кто?’ + *sā* частица, выражающая подобие).

В кашмирской глагольной системе имеется ряд аналитических конструкций (главным образом, с видовыми и модальными значениями), имеющих полные аналоги во многих новоиндийских языках. Среди них можно отметить, например, конструкции долженствования со вспомогательными глаголами *āsun* ‘быть’ и *r’op* ‘падать’, инхоативную конструкцию со вспомогательным глаголом *lagun* ‘присоединяться, приставать, касаться’⁶⁹. Вполне возможно, что, по крайней мере, часть этих конструкций обязана своим

языках прямой объект, обладающий признаком определенности, маркируется послелогом с дативным значением (напр., в хинди-урду — послелогом *ko*).

⁶⁷ Речь идет о тех языках, где засвидетельствовано как местоимение ‘кто?’, так и местоимение ‘который?’.

⁶⁸ Ситуация в некоторых дардских языках требует отдельных комментариев. Местоимение ‘кто?’ в торвали и башкарик (торв. *kām*, башк. *kaṁ*) сравнивают с др.-инд. *katama-* ‘который?’ [Morgenstierne 1940, 238]. Однако даже если данная этимология верна, общая картина в этих языках остается неясной, поскольку местоимение ‘который?’ в них не зафиксировано. Ср. тирахи, где местоимение ‘кто?’ восходит к тому же прототипу, а значение ‘который?’ выражается другим словом. В гавар-бати у местоимения *kara* отмечаются значения ‘who?’ и ‘which?’ [Morgenstierne 1950, 39], однако второе значение отмечено только в 1 примере, где данное местоимение относится к одушевленному объекту (*wōi kara mānuṣ thana?* ‘which man is this?’ [Ibid.]). Это дает основания полагать, что ситуация в гавар-бати не идентична кашмирской.

⁶⁹ Об этих и некоторых других аспектуальных и модальных формах, сближающих кашмири с индоарийскими языками, см., напр., [Захарьин 1981, 138—163].

появлением в кашмири влиянием индоарийского субстрата. Некоторые из них, впрочем, могли возникнуть в значительно более позднюю эпоху под влиянием языка урду⁷⁰. Есть, однако, еще одна черта кашмирской глагольной морфологии, несомненно, достаточно старая и при этом опять же объединяющая кашмири с новоиндийскими языками. Это широкое распространение презентных и имперфектных аналитических форм, образованных от причастия настоящего времени в сочетании с глаголом-связкой. Во многих новых индоарийских языках Северной Индии⁷¹ формы презенса и имперфекта образуются (синхронно или исторически) именно таким образом. Для большинства языков дардской группы наличие подобных форм не характерно. Исключение (помимо кашмири) составляют лишь кохистанские языки и язык пхалура⁷², как уже говорилось, также подвергавшиеся индоарийскому влиянию. Все это заставляет признать вероятным, что именно с последним связано появление данных форм. Поскольку эти формы фиксируются в кашмири на протяжении всей его письменной истории, образование их по соответствующим моделям урду исключается. Поэтому есть все основания видеть в данном случае следы воздействия индоарийского субстрата.

Подытоживая сказанное выше, следует еще раз констатировать наличие с одной стороны, многочисленных фактов разных уровней языка (фонологического, морфологического, синтаксического, лексического), свидетельствующих о былом индоарийском влиянии, а с другой — достаточно надежных данных топонимики Кашмира, указывающих на то, что это влияние, по крайней мере, отчасти исходило от субстрата. Датируется усвоение субстратных элементов, как уже было сказано, вероятнее всего, новоиндийской эпохой. С точки зрения абсолютной хронологии речь должна идти о средних веках, поскольку контакты кашмири в новое и новейшее время (начиная с XVIII в.) достаточно хорошо известны.

Проблема индоарийского субстрата в кашмири, разумеется, выходит за рамки чистой лингвистики. Уже сам факт ее наличия предполагает существование целого ряда вопросов, касающихся языкового и этнического состава населения Кашмирской долины в прошлом и этнических процессов, некогда протекавших в данном районе. В этой связи нельзя не указать на некоторые «темные места» средневековой истории Кашмира. В средние века в Кашмирской долине произошли радикальные перемены в различных сферах культуры. Результатом их стало, с одной стороны, распространение ислама, по стремительности и по масштабу, не имевшее аналогов ни в одном другом регионе Северной Индии⁷³, а с другой — значительные изменения в материальной культуре, в частности, смена покрова одежды [Bamzai 1973, 511]. Этим процессам, вероятно, сопутствовало изменение господствовавшего в Кашмире физико-антропологического типа. Во всяком случае, современные кашмирцы в расовом отношении заметно отличаются от населения Кашмирской долины в доисламское время, что уже пытались объяснить этническими миграциями [Пуляркин 1956, 104]. В исторических источниках имеются отдель-

⁷⁰ Это, вероятнее всего, относится, например, к конструкциям с континуативным и прогрессивным значением [Захарьин 1981, 144–145].

⁷¹ Среди них хинди-урду (как стандартный, так и часть диалектов), панджаби, диалекты лахнда, языки группы пахари.

⁷² В пхалура, майян и башкарик форма презенса равна причастию настоящего времени. В торвали — образуется от последнего добавлением связки.

⁷³ Исламизация Кашмира, несмотря на сравнительно позднее начало (первая известная из исторических источников мусульманская династия пришла к власти в XIV в.), была практически тотальной. Хотя во многих других районах Северной Индии распространение ислама началось значительно раньше (в Синде — в VIII в., в Панджабе — в XI в.), нигде оно не достигало масштабов, сопоставимых с кашмирскими.

ные указания на существовавшие в ранний мусульманский период связи с Кашмиром с областью Сват (ныне в Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана). Этот район населен в наши дни преимущественно пуштунами, однако до XVI в. там, вероятно, говорили на дардских языках, а жители труднодоступных районов Горного Свата дардоязычны и в настоящее время. Известно, что именно из Свата происходила первая династия кашмирских султанов [Bamzai 1973, 168, 310]. Кроме того, как сообщает анонимный автор кашмирской персоязычной хроники «Бахаристан-и-шахи», последний индусский правитель Кашмира Удьянадева скрывался в мусульманском Свате от вторгшихся в Кашмирскую долину монголов [Baharistan-i-Shahi]. Учитывая, что история Кашмира в XIII и первой половине XIV в. известна крайне фрагментарно, нельзя исключить, что в это время Кашмир и Сват могли быть каким-то образом связаны политически, что, несомненно, должно было благоприятствовать массовым переселениям. Значительная по масштабам иммиграция жителей Свата, области в рассматриваемую эпоху, несомненно, исламизированной⁷⁴ и, вероятно, дардской по языку, и последующая ассимиляция иммигрантами индоарийского населения Кашмирской долины могла бы вполне удовлетворительно объяснить как упомянутые выше явления культурной и этнической истории, так и вероятные следы индоарийского субстрата в языке кашмири. Однако пока такое объяснение можно считать лишь гипотетическим. Полноценная проверка этой гипотезы представляется нам делом будущего. Она станет возможной лишь в ходе междисциплинарных исследований и при условии активного сотрудничества представителей различных наук.

Сокращения

авест. — авестийский	мар. — маратхи
асс. — ассамский	неп. — непали
башк. — башкарик	нинг. — нингалами
бенг. — бенгали	общear., общearийск. — общearийский
вот. — вотапури	общедард. — общедардский
г.-б. — гавар-бати	общеиндоир. — общеиндоиранский
гудж. — гуджарати	общеир. — общеиранский
др.-инд. — древнеиндийский	пандж. — панджаби
др.-перс. — древнеперсидский	паш. — пашаи
зап. пах. — языки западной подгруппы	пракр. — пракриты
группы пахари	пхал. — пхалура
и.-е. — индоевропейский	синг. — сингальский
кал. — калаша	тир. — тирахи
кашм. — кашмири	торв. — торвали
кл.-перс. — классический персидский	цыг. — цыганский
курд. — курдский	шугн. — шугнанский
кхов. — кховар	шум. — шумашти
май. — майян	

⁷⁴ Имеются бесспорные свидетельства распространения ислама в Свате уже в XI в. К ним, в частности, относятся обнаруженные археологами руины мечети этого времени [HSSA, 560].

Литература

- Елизаренкова 1974 — Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА. *Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков*. М., 1974.
- Захарьин 1981 — Б. А. ЗАХАРЬИН. *Строй и типология языка кашмири*. М., 1981.
- Захарьин, Эдельман 1971 — Б. А. ЗАХАРЬИН, Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Язык кашмири*. М., 1971.
- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М., 2005.
- Коган 2009 — А. И. КОГАН. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке // *Аспекты компаративистики IV*. М.: РГГУ, 2009. С. 25—54.
- Коган 2010 — А. И. КОГАН. К вопросу о языке несанскритских фрагментов памятника Mahānayaṅprakāśa. Ранний кашмири или поздний апабхранша? // *Вопросы языкового родства*, №3, 2010.
- Липеровский 1978 — В. П. ЛИПЕРОВСКИЙ. *Именные части речи языка хинди*. М., 1978.
- ОИТИИЯ — *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. I—II. М., 1975.
- Пуляркин 1956 — В. А. ПУЛЯРКИН. *Кашмир*. М., Географгиз, 1956.
- Эдельман 1965 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Дардские языки*. М., 1965.
- Эдельман 1980 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // *Вопросы языкознания*, 1980, № 5.
- Эдельман 1990 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М., 1990.
- Baharistan-i-Shahi — Baharistan-i-Shahi. A Chronicle of Mediaeval Kashmir translated by K. N. PANDIT. <http://www.kashmir-information.com/Baharistan/>
- Bamzai 1973 — P. N. K. BAMZAI. *A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day*. New Delhi, Metropolitan Book Co. (Pvt.) Ltd., 1973.
- Buddruss 1967 — G. BUDDRUS. *Die Sprache von Sau in Ostafghanistan* (Beiträge zur Kenntnis des Dardischen Phalura). München, 1967.
- Cheung 2007 — J. CHEUNG. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden Indo-European etymological dictionary series. Brill, 2007.
- Grierson 1906 — G. A. GRIERSON. *The Piśāca languages of North-Western India* (“Asiatic Society Monographs”, vol. VIII). L., 1906.
- Grierson 1916 — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. IX, pt. IV. Specimens of the Pahari Languages and Gujuri. Calcutta, 1916.
- Grierson 1919 — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. VIII, pt. 2. Specimens of the Dardic or Piśāca Languages (including Kāshmirī). Calcutta, 1919.
- Grierson 1927 — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. I, pt. 1. Introductory. Calcutta, 1927.
- Grierson 1932 — G. A. GRIERSON. *A Dictionary of the Kashmiri Language*. Vol. I—IV (“Bibliotheca Indica”. Work No. 229) Calcutta, 1932.
- HCCA — *History of Civilisations of Central Asia*. Vol. IV. The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part Two. The achievements. Multiple History Series. UNESCO Publishing. Paris, 2000.
- Hendriksen 1976—86 — H. HENDRIKSEN. *Himachali studies*. Vol I. Vocabulary. Vol. II. Texts. Vol. III. Grammar. København, 1976—86.
- Koul 2005 — O. N. KOUL. *Persian Lexical Borrowings* // *Studies in Kashmiri Linguistics*. Delhi, Indian Institute of Language Studies, 2005.
- Koul 2008 — A. K. KOUL. *Lexical Borrowings in Kashmiri*. Delhi, Indian Institute of Language Studies, 2008.
- Morgenstierne 1940 — G. MORGENSTIERNE. Notes on Bashkarik. // *Acta Orientalia*. Vol. XVIII, pt. 3—4. Leiden, 1940.
- Morgenstierne 1950 — G. MORGENSTIERNE. Notes on Gawar-Bati // *Skifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo*. II. Hist.-Filos. Klasse, 1950, No. 1, Oslo, 1950.
- Morgenstierne 1973₁ — G. MORGENSTIERNE. Dardic Languages // *The Encyclopedia Americana*. Vol. 8, p. 498. New York, 1973.
- Morgenstierne 1973₂ — G. MORGENSTIERNE. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. IV. The Kalasha Language. Oslo, 1973.
- Turner 1966 — R. L. TURNER. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. L., 1966.

- Varma 1948 — S. VARMA. *The Bhalesī Dialect*. The Royal Asiatic Society of Bengal. Monograph Series. Vol. IV. Calcutta, 1948.
- Woolner 1917 — A. C. WOOLNER. *Introduction to Prakrit*. Calcutta, 1917.
- Gosvāmī 2000 — *Dogari-hindī śabdkoś*. Mukhya sampādak Om GOSVĀMĪ. Jammū, J&K Academy of Art, Culture and Languages, 2000.

Words of Indo-Aryan origin make up a very considerable proportion of Kashmiri vocabulary. Despite this fact, however, no rigorous formal criteria, fit for distinguishing them from genuine Dardic lexical items, were worked out so far. That's why the exact source of such words (i.e. the Indo-Aryan donor language) in most cases remains unknown. In the present article an attempt is made to find specific features in historical phonology of Indo-Aryan loanwords in Kashmiri. The author comes to the conclusion that quite a few historical phonological isoglosses make it possible to classify the source of these loanwords as an Indo-Aryan language of the Pahari subgroup. It is closely related to a number of languages spoken in Western Himalaya, but not identical to any of them. There are also some facts which enable us to believe, that Indo-Aryan influence on Kashmiri was in fact the consequence of substratum interference.

Keywords: Kashmiri, Dardic languages, Indo-Aryan languages, borrowing, historical phonology, substratum.

Уроки скифского¹

В статье анализируются фонетические соответствия между скифским и прочими иранскими языками. Обзор существующих данных о скифском языке подтверждает гипотезу о его принадлежности к юго-восточной группе восточноиранских языков. Установленные фонетические особенности скифского дают возможность искать скифские заимствования в иных языках и иноязычные заимствования в скифском и исследовать этногенез скифов не только с археологических позиций.

Ключевые слова: иранские языки, скифский язык, скифы.

Господствующее мнение о скифском языке гласит, что «на современном уровне развития языкознания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т. д. к какому-либо из них невозможно» (Полин 1992: 88). Некоторые скифологи идут еще дальше, прямо заявляя или имплицитно подразумевая, будто определение места скифского языка среди прочих иранских, если бы и было возможно, не имело бы никакого значения для исследования этнической истории: «Данные о языке скифов крайне скудны. Дошедшие до нас имена скифских царей, названия рек, топонимы и прочие подобные сведения позволяют лишь утверждать, что он принадлежал к числу иранских... Впрочем, если исходить из того, что местное предскифское население (киммерийцы) и продвинувшиеся сюда с востока в VII в. до н. э. группы кочевников (протоскифы) были родственны по языку и, следовательно, приход последних не означал коренной смены языка у обитателей северокавказских и северопричерноморских степей (Абаев 1965: 122), то, значит, располагай мы и более обширными сведениями о характере и развитии скифского языка, это мало бы что дало для понимания этногенеза скифов» (Мурзин 1990: 30). В неявной форме ту же мысль проводят А. И. Тереножкин и И. В. Куклина, фактически ставящие знак равенства между понятиями «скифский» и «иранский»: «И. В. Яценко и Д. С. Раевский назвали дискуссионными следующие проблемы скифологии: этнос, происхождение, социально-экономический строй, организация общества и идеология. Вероятно, лишь случайно в этот перечень попал вопрос о скифском этносе, рассмотренный в известном докладе А. И. Мелюковой и Б. Н. Гракова на скифоведческой конференции в Москве в 1952 г., когда они установили, что скифы были иранцами (с тех пор это никем не ставилось под сомнение)» (Тереножкин 1980: 119); «Геродот не считал скифами ни исседонов, ни массагетов, тогда как современные исследователи, опираясь на археологические, лингвистические и топонимические материалы и на свидетельства других античных источников... отмечают родство культуры этих азиатских племен со скифами и считают возможным говорить об их скифском (иранском)

¹ Выражаю глубокую благодарность Д. И. Эдельман, прочитавшей статью в рукописи и сделавшей ряд ценных замечаний, которые я постарался учесть. За все недостатки работы, разумеется, несет ответственность автор.

происхождении» (Куклина 1985: 7–8). Не говоря уже о неправомерности отождествления «скифский = иранский», нельзя не отметить, что автор последнего высказывания упускает из виду бесспорное лингвистическое свидетельство того, что скифский и массагетский языки относились к разным подгруппам иранских. Ведь общеиранское (и индоиранское) *ś (из индоевропейского *k̑) давало в большинстве иранских языков s, а в т. н. «югозападноиранских», т. е. прежде всего в древнеперсидском, а также в восточноиранском скифском, θ — ср. авестийское *raēs-*, древнеперсидское *raīθ-* (< **raís*) «красить, украшать» (родственно русским словам «писать», «пестрый»). Производное от этого корня со значением «вид, форма» отразилось в скифском языке как -πείθης, с θ на месте обычного для большинства иранских s. Массагетская форма того же слова, где *ś, в отличие от скифского, дала s, приведена Геродотом (I, 211, 213) в имени массагета Σπαργαπίσης, соответствующем скифскому антропониму Σπαργαπείθης (подробнее об этой фонетической особенности см. Абаев 1945; Грантовский 1970: 161–162 = 2007: 183–184)².

Одним словом, как будет показано ниже, анализ материала опровергает пессимистическую точку зрения на возможность дальнейшей детализации наших представлений о скифском языке. К сожалению, как правило (хотя, разумеется, не всегда), анализ лингвистических данных в трудах историков — как, впрочем, и исторических, археологических и т. п. материалов в трудах лингвистов — сводится к тому, что исследователь принимает ту точку зрения специалистов смежной области знания, которая более соответствует его выводам. Позиция, что и говорить, удобная, но для научного исследования неприемлемая. Ведь не столь уж часто аргументы сторонников всех имеющихся гипотез одинаково убедительны. Обычно, проанализировав систему доказательств, можно разобратся, какие положения невозможно принять без насилия над материалом.

В связи с проблемой скифского языка и этнической атрибуции скифов нельзя не упомянуть и попыток этимологизации скифских слов на материале неиранских языков. Когда-то я высокомерно отмахнулся от вопроса, заданного археологом: почему попытки этимологизировать скифские слова из тюркского следует a priori считать менее достоверными, чем их объяснение из иранского? Вопрос, между тем, был вполне законным: при некоторой изобретательности в тюркских языках можно найти множество слов, созвучных со скифскими, и неспециалисту трудно будет оценить, надежны ли подобные сближения. Приведу доказательства того, что тюркским скифский язык быть никак не может. Толкование скифских слов из тюркского (см., например: Исмагил 2006) несостоятельно хотя бы потому, что фонетика засвидетельствованных скифских слов противоречит фонетическим характеристикам пратюркского (распад которого по глоттохронологическим данным относится к I в. до н. э., т. е. много позже появления на исторической арене скифов — соответственно, сравнивать скифские слова имело бы смысл только с пратюркскими, а не с их рефlekсами в отдельных древних и современных тюркских языках). Так, пратюркское слово не могло начинаться на сонанты *m и *l, тогда как нам известны скифские имена Мадий и Липоксай; невозможными в пратюркском были и скопления согласных в анлауте (начале слова), засвидетельствованные в самоназвании скифов и таких именах, как, например, Спаргапиф (о пратюркской фонетике и фонотак-

² Правда, Э. Швицер (Schwyzer 1968: 206) предположил, что -θ- в этих именах у Геродота появился под влиянием греческих имен с элементом -πείθης (Διοπείθης и т. п.), и с ним согласился Р. Шмитт (Schmitt 2002: 149). Но поскольку слова, в которых праиранская фонема *ś дает *θ (и далее t), без какого бы то ни было греческого посредства вошли в осетинский (*færæt* «топор» из **paraθu-* < **paraśu-* и пр.), где их, видимо, следует трактовать как скифские заимствования (регулярным рефlekсом *ś в осетинском является s), объяснение -θ- в именах Ариапифа и Спаргапифа как регулярного скифского рефlekса общеиранского *ś представляется более вероятным.

тике см. СИГТЯ 2006: 62—66; Дыбо 2007: 13—64). Одним словом, попытки объявить скифов тюрками представляют интерес разве что с точки зрения современной этнопсихологии.

Итак, не приходится сомневаться в том, что скифы говорили на иранском (точнее, восточноиранском³) языке. Наиболее же показательный критерий отграничения скифского от большинства прочих иранских давно и хорошо известен скифологам. Практически каждый, писавший о скифском языке, упоминал о соответствии скифского Παράλαται — авест. *paradāta*. Сходство это было замечено еще в середине XIX в.⁴, до того, как Дж. Дармстетер впервые отметил, что переход $d > \delta^5 > l$ является специфической особенностью юговостоноиранских языков⁶ (хотя заимствованные слова, демонстрирующие этот переход, встречаются и в иных восточно- и западноиранских языках — ср. ниже)⁷.

В дальнейшем эту изоглоссу, объединяющую скифский язык, с одной стороны, и юговостоноиранские языки, а именно бактрийский, афганский (пашто, пушту), мунд-жанский, йидга — с другой⁸, иногда отмечали⁹, но до поры до времени никто не делал напрашивающегося вывода и не пытался трактовать *все* случаи появления *l* в скифском как рефлексы восточноиранского δ (и общеиранского $*d$)¹⁰.

³ О чем свидетельствует хотя бы наличие в раннескифском фонемы δ (из праиранского $*d$) (аргументацию см. ниже). В западноиранских $*d > d$.

⁴ См., например, Müllenhoff 1892 (1866): 112, хотя он и колебался, возводить ли Παράλαται к *paradāta* или к авест. *ratu*.

⁵ В иранистике греческой дельтой принято условно обозначать звонкий межзубный [ð], сходный с начальным согласным в английском слове *this*.

⁶ Darmesteter 1883: 71, 195—201; Minorsky 1930. Конечно, переход $d > l$ встречается и в иных, неиранских языках — ср., например, латинское *levir* при русском *деверь* или различные варианты имени Одиссея в греческом: Ὀδυσσεύς, Ὀλυσσεύς, Ὀλίξης (откуда латинское *Ulixes*, Улисс) (во всех случаях такого рода речь идет о субстратных влияниях), но регулярным, если брать хорошо документированные языки, он был именно в юговостоноиранских.

⁷ К тому, что $-l-$ в скифском Παράλαται регулярно восходит к общеиранскому $*-d-$, склоняется и М. Майргофер, хотя он приводит и альтернативное объяснение: якобы в этом слове $-l-$ мог появиться из-за уподобления предшествующему $-r-$ и диссимиляции относительно последующего зубного смычного $-t-$ (Maughofer 2006: 25), что представляется сомнительным, поскольку параллельных примеров такого развития нет.

⁸ Существует гипотеза, что переход $\delta > l$ характеризовал и один из согдийских диалектов, существование которого постулируется на основании косвенных данных, а именно демонстрирующих этот переход персидских слов, для которых предполагается согдийское происхождение, и использования в согдийском письме арамейской буквы ламед (*l*) для обозначения спирантов δ и θ — cf. Henning 1939; Livshitz 1970: 258, 261—263; Sims-Williams 1981; Idem 1989: 173, 177, с литературой. Эти факты, однако, можно объяснять и иначе. Так, по устному сообщению В. А. Лившица, заимствования в персидском, которые Хеннинг считал согдийскими, могут быть и бактрийскими. Что же касается согдийской передачи δ через ламед, то в старо-арамейском курсиве, послужившем источником согдийского письма, не различались буквы далет (*d*) и реш (*r*), что могло создать трудности при передаче согдийских слов, где часто встречались обозначаемые ими звуки. Напротив, звук *l* в согдийском встречался только в заимствованиях, и согдийцы во избежание лишних разночтений могли использовать обозначающую его букву ламед для передачи куда более распространенного в их языке звука δ .

⁹ Грантовский 1960: 20, прим. 28; Schmitt 1989.

¹⁰ Колебания скифологов относительно этой изоглоссы хорошо иллюстрирует высказывание Бильмейера: «Если (курсив мой. — С. К.) мы принимаем всерьез происхождение скифского Παράλαται < младо-авест. *paradāta*..., сохранение интервокального *d* в сарматском и осетинском ... становится фонетически дифференцирующим признаком» (Wenn wir die Ableitung skyth. Παράλαται < j[ung]av[est]. *paradāta*... ernst nehmen, stellt die sarmatische und ossetische Bewahrung von intervokalischen *d* ... ein klares lautliches Differenzierungsmerkmal dar) (Bielmeyer 1989: 240, n. 12).

Эту непоследовательность сумел преодолеть польский лингвист К. Т. Витчак, впервые выдвинувший ряд достоверных фонетических критериев различения скифского и сарматского языков. Витчак первым эксплицитно сформулировал тезис о том, что переход $*d > l$ был отличительным признаком скифского языка, противопоставлявшим его сарматскому, где общеиранское $*d$ давало d . Упоминание в одном из фрагментов поэта Алкмана, творившего в конце VII в. до н. э., Колаксаева (по имени известного из Геродота мифического прародителя скифских царей-паралатов) коня (ср. Скржинская 1987: 30—33; Иванчик 2005: 166—168) позволяет относительно точно датировать это фонетическое развитие. Как и в прочих скифских словах, $-l-$ в этом имени восходит к общеиранскому $*d$ через промежуточную стадию $*\delta$. Поскольку z в аккадских передачах самоназвания скифов — *ašguzāia*, *asguzāia*, *iškuzāia*¹¹ — соответствует греческому θ в $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\theta\alpha\iota$ и более позднему скифскому l в упоминаемом Геродотом самоназвании скифов $\Sigma\kappa\acute{o}\lambda\omicron\tau\omicron\iota$, т. е. **skula-ta*, где $-ta$ — показатель множественности, известный, например, из согдийского и осетинского¹², ясно, что к началу скифских переднеазиатских походов, в VII в. до н. э., иранское $*d$ уже превратилось в восточноиранском, resp. скифском, в межзубный звонкий δ [ð], так что самоназвание скифов на момент их первых контактов с ассирийцами и греками должно было звучать **Skuda* (из **Skuda*), что в результате дальнейшего перехода $\delta > l$ дало форму **Skula* (Szemerényi 1980: 5—23). Однако форма с $-l-$ ($<d-$), зафиксированная Алкманом, позволяет определить *terminus ante quem* перехода $\delta > l$ концом VII в. до н. э.

Этим, однако, дело не ограничивается. Специфика передачи самоназвания скифов в ассирийском и греческом небезынтересна и для исследования исторической фонетики греческого. Она свидетельствует, что носители воспринявших это слово греческих диалектов уже произносили тэту не как t^h (t придыхательный), а как спирант. Это, во-первых, меняет наши представления о времени возникновения этого явления в греческом. Обычно его считают достаточно поздним, хотя сигма вместо тэты, передающая спирантизированное произношение спартанцев, встречается уже у Фукидида и Аристофана. К еще более раннему времени относится надпись VI в. до н. э. на рельефе из слоновой кости из храма Артемиды Орфии в Спарте (Schwyzer 1960: 2), в которой в эпиклезе богини вместо тэты стоит фи. Если бы этот случай был изолированным, можно было бы считать, как это часто и делается (ср. Lejeune 1972: 61 и примеч. 31), что резчик просто спутал похожие буквы, но сравнение с греческой передачей самоназвания скифов подкрепляет гипотезу о ранней спирантизации тэты и позволяет датировать ее временем не позднее середины VII в. до н. э. (о раннем превращении придыхательной тэты в спирант в западногреческих диалектах, в первую очередь в дорийском, см. Juret

¹¹ Начальный гласный является протетическим (откуда разницей в написании — то с начальным $a-$, то с начальным $i-$ в ассирийской и вавилонской традициях соответственно): в аккадском, как и в других древнесеemitских языках, слог не мог начинаться с двух согласных (см. об этом, например, Дьяконов 1991: 80; Коган 2009: 35; специально об аккадской передаче иранских имен с начальным стечением согласных см. Грантовский 1970: 73 = Грантовский 2007: 84—85).

¹² С. Р. Тохтасьев (Тохтасьев 2005: 72—73 сл.) выражает сомнение в существовании скифском показателя множественности $-t(a)-$ и, соответственно, в том, что $\Sigma\kappa\acute{o}\lambda\omicron\tau\omicron\iota$ представляет собой множественное число от **skula-*, отмечая странность появления в окончании $-oi$ вместо ожидаемого $-ai$. Появление $-o-$ в последнем слоге греческой передачи самоназвания скифов в принципе объяснимо, если $-t(a)-$ восходит к общеиранскому $-t\upsilon a-$, как считали Р. Готьё (Gauthiot 1914—1923: 183; Id. 1916: 71) и вслед за ним В. И. Абаев (Абаев 1979: 339 и примеч. 21) и И. М. Оранский (Оранский 1988: 219 и примеч. 80): a мог если не перейти в o , то приобрести огубленность, придававшую ему (тем более в греческом восприятии) сходство с o , под влиянием предшествующего сонанта.

1938: 44; Buck 1955: 59; Arena 1966: 14—19; Pisani 1973: 52—53, 102; Allen 1987: 26 и пр.)¹³. Во-вторых, это заставляет прийти к выводу, что первыми с самоназванием скифов познакомились не ионийцы, а скорее всего дорийцы, в речи которых это произношение появляется раньше всего (хотя нельзя полностью исключить и эолийцев, в речи которых спирантизированное произношение тэты также возникло раньше, чем у ионийцев). К сожалению, на этом основании нельзя сделать однозначный вывод о месте первого знакомства греков и скифов — носители дорийских и эолийских диалектов обитали, наряду с ионийцами, и в Малой Азии, но поскольку жители Азии, видимо, имели дело прежде всего с ионийцами, — недаром в древнеперсидских надписях все греки называются *Yauna*, — такую передачу самоназвания скифов можно считать еще одним косвенным аргументом в пользу того, что впервые с ними познакомились именно греки Балканского полуострова, о чем уже писал И. М. Дьяконов. Правда, высказываются и возражения против такой трактовки. Так, А. И. Иванчик (2009: 66) пишет, что «передача в аккадском иранского * δ знаками с z , которую предполагает это объяснение, была бы единственным таким случаем...; столь же уникальна и передача этого звука греческой *тетой*». Уникальность эта, однако, вполне естественна: ведь и греки, и семиты имели дело в основном с западными иранцами, в чьих языках к тому времени фонемы δ не было¹⁴. Из восточных иранцев как эллины, так и ассирийцы с вавилонянами знали только скифов (вопрос о языковой принадлежности киммерийцев остается открытым), поэтому слова, содержащие δ , могли идти только из скифского. Поскольку массированного заимствования скифской лексики мы в этих языках не наблюдаем, нет ничего удивительного в том, что самоназвание скифов оказалось единственной дошедшей до нас лексемой такого рода (тем более, что не позднее второй половины VII в. до н. э. переход $\delta > l$ в скифском завершился, так что интересующая нас восточноиранская фонема исчезла и из самого скифского).

А. И. Иванчик, вслед за С.Р. Тохтасевым (2005: 99 и примеч. 232), полагает, что в бактрийском переход $\delta > l$ был вначале не вполне регулярным и происходил не ранее ахеменидской эпохи, и на этом основании делает вывод, что «и в скифском, и в бактрийском (а также, вероятно, в предках других юго-восточных языков) переход $d > l$ не был унаследованной от общего предка чертой, позволяющей объединить эти языки» (Иванчик 2009: 81). Но даже если переход $d > l$ встречается в заимствованиях ахеменидского времени, о чем могут лишь косвенно свидетельствовать экстралингвистические соображения¹⁵, это не означает, что он не мог осуществиться раньше. Из поздних памятников бактрийского известно, что там наблюдалось выравнивание по аналогии — так, в ряде

¹³ А. И. Иванчик, не зная о существовании упомянутой надписи, пишет, что самое раннее свидетельство о спирантизации тэты относится к последней четверти V в. до н. э. и сохранилось у Фукидида (Иванчик 2009: 67).

¹⁴ Хотя на определенном этапе (явно предшествовавшем широким контактам с семитами и греками) * δ (не из * d), видимо, существовал в языке-предке югозападноиранских, где * $\acute{z} > * \delta > d$.

¹⁵ Видимо, именно ими руководствовался С.Р. Тохтасев (а до него Симс-Уильямс — Sims-Williams 2002: 227, Table 1), приводя в качестве обоснования такой датировки демонстрирующие этот переход лексемы $\lambda\beta\iota$ и $\lambda\alpha\beta\iota\sigma$ со значением «текст» и «писец» (Тохтасев 2005: 99—100, примеч. 232) (Симс-Уильямс, правда, ахеменидским считал только первое из приведенных слов, а второе относил к сасанидским — Sims-Williams 2002: 232, Table 5). То, что эти слова были заимствованы именно в ахеменидскую эпоху, с введением на территории отдаленных сатрапий канцелярий и письменной документации, представляется хотя и правдоподобным, но отнюдь не доказанным. В конце концов, связи с Бактрией поддерживались и ранее, в мидийскую эпоху, о чем свидетельствует хотя бы то, что название Бактрии в ахеменидских надписях приводится в мидийской, а не древнеперсидской форме, а древнеперсидское *dipi-* «письмо» заимствовано из эламского *turpi* (а в конечном счете восходит к шумерскому) и, соответственно, существовало и до Ахеменидов.

исконных слов, где **δ* перешел в *l*, под влиянием соседних иранских языков был восстановлен *d*. То же, но с обратным знаком, могло произойти и при заимствовании: зная, что на месте *d* или *δ* в языках большинства соседей-иранцев в их языке стоит *l*, бактрийцы могли автоматически заменить западноиранский *d* на *l* и в том случае, если в их языке соответствующее фонетическое преобразование уже не действовало¹⁶.

В настоящее время можно говорить о наличии в скифском целого ряда инноваций, позволяющих отличать его от прочих западно- и восточноиранских языков (за исключением разве что бактрийского) и постулировать существование уже в древности юговосточноиранской языковой подгруппы¹⁷.

Так, помимо уже отмеченного перехода **d* > *l*, в скифском в начале слова происходил переход **xš* > *сибилян*¹⁸, характерный также для некоторых юговосточноиранских языков, в частности, пашто (тогда как в сарматском начальное иранское **xš*- неизменно отражалось как *xš*- — греческое ξ-, осетинское *xs*-). На эту особенность указывал уже Харматта (Harmatta 1951: 308—309), который, правда, не связывал ее именно со скифским. Ее можно проиллюстрировать такими примерами как Σάϊοι < **xšaya*- «правитель, царь», этноним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², № 32,

¹⁶ В современных и древних языках имеется множество примеров данного явления. Можно вспомнить приведенный Траском (Trask 2000: 53—54) случай испанских заимствований в баскском. Современные испанские слова, оканчивающиеся на *-ón*, заимствуются в баскский с изменением окончания на *-oi*: *avión* «самолет» превращается в *abioi*, *camión* «грузовик» в *kamioi*. С точки зрения современной баскской фонетики такой переход необъясним, поскольку окончание *-on* для баскского вполне обычно. Причина изменений — гиперкоррекция. Романские слова с окончанием *-one* (из латинского *-onem*), заимствованные в баскский, в результате последующего падения в этом языке интервокального *-n*- приобрели окончание **-oe*, превратившееся затем в *-oi*. Так, романское **ratone* «крыса; мышь» дало баскское *arratoi*, а романское **razone* «разум; право» — *arrazoi*. В то же время в испанском рефлексы соответствующих слов потеряли конечный гласный и превратились соответственно в *ratón* и *razón*. Баски, заметив, что испанскому *-ón* в их языке часто соответствует *-oi*, начали в поздних заимствованиях из испанского заменять окончание *-ón* на *-oi*. Поскольку русскому «а» (из индоевропейского **ā*) в литовском в исконных словах регулярно соответствует *o* (ср. русское «мать» и литовское традиционное *motė*, совр. *moteris* «женщина»), литовцы и в поздних заимствованиях из русского автоматически заменяли «а» на *o*: «генерал» > *generolas* и т. п. (Бурлак, Старостин 2005: 63). Носители тохарского А, заимствовав слово *warpiške* «сад» из тохарского В *werpiške*, «пересчитали» корневой гласный по правилу регулярного соответствия тохарского В *e* тохарскому А *a* (Там же). Древние индийцы, зная, что иранскому *s* перед гласным в их языке соответствует *ś*, стали называть саков *śaka*, и т. п.

¹⁷ По мнению А. И. Иванчика, то, что К. Т. Витчак и С. В. Кулланда признают наличие в скифском показателя множественности *-ta*, противоречит выводу об отнесении скифского к юговосточноиранским. Он торжествующе возвещает: «этот показатель характерен именно для иранских языков северо-восточной группы (согдийского, осетинского) и является одним из важнейших для нее диагностирующих признаков; следовательно, если он присутствовал в скифском языке, то этот язык придется отнести к северо-восточной группе... Таким образом, гипотеза К. Витчака — С. В. Кулланды о принадлежности скифского языка к юговосточной группе оказывается построенной на песке...». Жаль разочаровывать А. И. Иванчика, но этимологически тождественный показатель множественности имеется и в западноиранских языках — это современный персидский суффикс *-hā* (а значит, его наличие в некоем языке нельзя считать доказательством принадлежности к северовосточноиранской подгруппе). Оба показателя, и восточно- и западноиранский, «восходят к др.-ир. суффиксу собирательности **-θva*-. В персидском *-θva* > *hā* (ср. ав. *čaθvāra* «четыре», ср.-перс. *čahār* > совр. перс. *čehār*... В восточноиранских языках... *-θv-* > *-tv-* > *-tf-* > *-tʃ-* > *-t...*)» (Оранский 1988: 219, примеч. 80) (см. также выше, примеч. 12). И. М. Оранский, видимо, ошибался, возводя к *-tca-* и хорезмийский показатель множественного числа *-c* (< **-ki*, **-gi*, **-ti*) (Эдельман 2008: 28), но для осетинского и согдийского приведенная этимология представляется наиболее вероятной.

¹⁸ Нельзя сказать, был ли это свистящий или шипящий, поскольку соответствующие примеры дошли до нас в греческой передаче, где иранские свистящие и шипящие одинаково передавались сигмой.

А, стк. 34), повествующем о событиях конца III в. до н. э. (в тексте форма генитива Σαῖων), и, возможно, как отметил еще В. Томашек (Tomaschek 1888: 721)¹⁹, бывший самоназванием Геродотовых «скифов царских» (οἱ βασιλῆῖοι Σκύθαι, в тексте в родительном падеже, τῶν βασιλῆῖων Σκυθῆων — IV, 20); Σαταφάρωνης < *Xšaitafarna-, «[Обладающий] блистательным (или “царственным”) фарном» (о последнем понятии см. ниже), царь упомянутых сайев (Σάϊοι) (в тексте во всех случаях опять-таки форма генитива Σαταφάρωνου — А, стк. 10, 83)²⁰. Ту же закономерность демонстрирует и Σατραάκης, имя царя азиатских скифов, упоминаемого Аррианом (Anab. IV, 4, 8). Скифским по происхождению, видимо, является и Σατραβάτης, имя собственное из надписи первой половины IV в. до н. э. с Таманского полуострова (КБН 1066), где Σατρα- явно передает иранское *xšaθra- «власть» (см. ниже), но оно, скорее всего, пришло в Северное Причерноморье через персидское посредство (см. ниже)²¹. А. И. Иванчик утверждает, правда, что «нет оснований сомневаться в практически общепринятом отнесении саев к сарматам; среди прочего об этом свидетельствует и тот факт, что скифы упомянуты в том же декрете [ольвийский декрет в честь Протогена. — С. К.] (В 9) отдельно от саев и в контексте, исключающем их отождествление» (Иванчик 2009: 83). Аргументы А. И. Иванчика уязвимы и с исторической точки зрения: упоминаемые в декрете скифы и в самом деле не могут отождествляться с упомянутыми там же сайями, поскольку речь идет о разновременных событиях, но это никоим образом не означает, что сайи не могут быть одним из скифских племен (вероятнее всего, судя по этнониму — царскими скифами). Никому ведь не придет в голову сомневаться в том, что упоминаемый Геродотом (V. 77; IX. 82) «мидянин» — персидский царь, а «мидяне» (VI. 109, 112), с чьим войском грекам предстоит сражаться при Маратоне — персы (недаром в русском переводе Г. А. Стратановского τὸ στρατόπεδον ἐξισοούμενον τῷ Μηδικῷ στρατοπέδῳ [VI. 111] передано как «боевая линия эллинов оказалась равной персидской»), хотя в соседних пассажах упоминаются персы, которых Геродот четко отличает от мидян. Но основной довод против отнесения сайев к сарматам — то, что во всех записанных греческими буквами поздних сарматских именах иранское начальное Xš- неизменно передается как Ξ [Ks]. Нельзя же, в самом деле, предполагать, будто в сарматском кластер xš- в анлауте сначала перешел в сибилант, а затем восстановился. Возможность использования фонетических особенностей имени азиатского скифа Сатрака при исследовании скифского языка А. И. Иванчик отмечает на том основании, что азиатских скифов следует считать не скифами, а саками, в чье близкое родство с Геродотовыми скифами он не верит (Иванчик 2009: 82). Но о близости азиатских и европейских скифов свидетельствуют как исторические, так и лингвистические данные. По Геродоту, саки суть скифы: Σάκαι δὲ οἱ Σκύθαι, поскольку персы всех скифов называ-

¹⁹ Подробнее об истории вопроса см. Куклина 1985: 110, примеч. 77.

²⁰ А. И. Иванчик, желая увидеть во что бы то ни стало в сайях сарматов, утверждает, что последние, появляющиеся в западной части Восточной Европы, где расположена Ольвия, не ранее II в. до н. э., могли все же совершать туда походы (Иванчик 2009: 83–84), но даже если допустить такую возможность, сайев нельзя считать сарматами по лингвистическим соображениям (см. ниже).

²¹ Оппоненты, разумеется, тут же укажут, что сигма в начале слова могла передавать иранское xš-; ср. греческое σατραάτης < т. н. «мидийского» xšaθrapa-. Данный случай допускает, однако, и другое объяснение (см. ниже), и, учитывая, что начальное Xš- в записанных греческими буквами сарматских именах неизменно передается как Ξ [Ks], можно утверждать, что переход *xš->s- в начальной позиции в скифском все-таки произошел. В связи с этим любопытно вспомнить праславянское диалектное *šatriti «смотреть; блюсти», которое О. Н. Трубачев (1967: 51–55) считал производным от заимствованного иранского *xšaθra- «власть». Если его этимология верна, то славянская форма отражает отмеченные выше скифские черты: переход xš > š и отсутствие метатезы -θr- > rθ.

ют саками (VII. 64), что полностью подтверждается узусом древнеперсидских надписей: *Sakā tayai paradraya* (DNa 28—29), «скифы, которые заморские», упоминаются между Грецией [*Yauna*] и Фракией [*Skudra*], и *Sakā tayai para Sugdam* (DPh, 5—6 = DN; в тексте форма инструменталиса в значении аблатива *Sakaibiš*), «скифы, которые за Согдом». Приведенное же Аррианом имя правителя азиатских скифов свидетельствует, что в их языке произошел тот же переход $*xš > s$, что и в языке скифов европейских. Какие еще нужны доказательства «скифскости» саков?

А. И. Иванчик возражает против гипотезы о скифском переходе $*xš > š/s$ в анлауте и с квазилингвистических позиций. Он напоминает, что в именах сыновей Таргитая в анлауте отражено иранское $*xšaya-$, где $*xš$ после краткого гласного, как и в среднеперсидском, не переходит в сибилант, и утверждает, что «здесь $*xšaya-$ не является частью настоящего композитного имени... Это собственно, титул, прибавленный к личному имени... Естественно, что слово «царь», если оно в это время произносилось как $*šaya-$ или под., должно было сохранять свою форму и в этой позиции, а не восстанавливать утраченное $*xš-$ » (Иванчик 2009: 86). Всякий мало-мальски знакомый с индоиранистикой знает, что в древних языках, как индоарийских так и иранских, дело обстояло как раз наоборот: в древнеиндийском и в авестийском на стыках слов (в авестийском прежде всего на стыках с энклитиками, но не только) давно перешедшие в иных позициях в другие звуки фонемы (например, $-s$, еще в праиранском перешедший в $-h$) сохранялись²² — ср. авест. *kastē* «кто тебе/твой» (Y 29.7; 46.14), *kasə θβqm* «кто тебя» (Y 9. 3), *kasnā* «кто же» (Y 44. 3, 4), *raocāscā... tāmāscā* «рассветы... и сумерки» (Y 44. 5) (вместо *kā* [*kah-*], *raocā* [*raucāh-*], *tāmā* [*tāmāh-*] и пр. Собственно, одного этого было бы достаточно, чтобы отвести возражения Иванчика, но он увязает еще глубже, приводя дополнительный аргумент: в среднеперсидском-де в личных именах со вторым компонентом *šāh*, в отличие от обычных слов, после гласного не сохранялся кластер $-xš-$. При этом примеры «обычных слов» он приводит из средне-, а личных имен, якобы подтверждающих его тезис (*Xusrōē-šāh*, *Čangašāh*) — из новоперсидского (!) (Иванчик 2009: 86). С тем же успехом можно было бы утверждать, скажем, что в народной латыни отпадали заударные гласные, приводя соответствующие примеры из французского языка. В случае с именем *Xusrōē-šāh* его ввела в заблуждение помета (pehl.) в книге Юсти (Justi 1895: 139), но речь-то идет о записанном на среднеперсидском новоперсидском имени одного из переписчиков рукописи Денкарта, что легко можно было установить, обратившись к изданию, на которое ссылается Юсти (или хотя бы к русскому переводу Денкарта). В случае с именем *Čangašāh* не требовалось и этого: достаточно было бы обратить внимание на помету Юсти a[nn]o 1478 (Ibid.: 155), указывающую, что носитель имени, индийский парс, жил в XV в. н. э. Трудно сказать, чего тут больше — некомпетентности или недобросовестности.

Ввиду упомянутого выше перехода $d > δ > l$ требует объяснения появление в скифских словах интервокального $-d-$. Я уже говорил, что к моменту знакомства семитов и греков со скифами в скифском общеиранский $*d$ явно произносился как $δ$. Однако, судя по приводимому Геродотом (I, 103) в форме Μαδύης имени скифского царя VII в. до н. э.,

²² «The ṣ ... is retained unchanged only when followed by $\text{ṭ} t$ or $\text{ṣ} th$... (Whitney 1955 [1889]: 58, § 170, a-b); «Конечное s [в древнеиндийском. — С. К.] сохраняется только перед t , th , а перед c , ch оно существует в видоизмененной форме $ś$ » (Barroo 1976: 96); «Deux mots [vieil-avestiques. — С. К.] peuvent être réunis par la conservation d'un sandhi original : e. g. 44.3,4 *kasnā*, 46.4,6 *yastām*, 41.2 *huxšatrastū*... » (Kellens et Pirart 1988—91, vol. 1: 64). Неточно (как «восстановление»), но опять-таки вопреки утверждению А. И. Иванчика, Соколов 1979: 159: «Регулярно только восстановление исторического s перед энклитиками... Реже этот же случай и при встрече самостоятельных слов...».

в скифском одновременно существовал взрывной *d*, который не мог восходить к иранскому **d*. Этот факт можно объяснить переходом **-nt-* > *-d-*, засвидетельствованным для юговостоиранских языков; ср. йидга *lad* «зуб» < **danta*, и т. п. (см. Эдельман 1986, стр. 163). В таком случае имя Мадий (Μαδίης) следует трактовать как рефлекс индоиранского **mantu* (ср. авестийское *mantu-*, древнеиндийское *mántu-* «советник; правитель»), отказавшись от общепринятой этимологии, выводящей его из общеиранского **madu-* «мед». Все на первый взгляд противоречащие данному тезису скифские формы, демонстрирующие, согласно наиболее распространенным этимологиям, *-d-* < **-d-* и *-nt-* < **-nt-*, допускают и иные объяснения, не идущие вразрез с изложенными выше гипотезами: скажем, одна из таких форм, имя скифского царя Иданфирса, в ряде рукописей Геродота приводится в виде Ἰνδά(ν)θυρός (в сочетании **-nd-* общеиранский **d* в скифском сохранился). А. И. Иванчик, стремясь доказать, что варианты с *-vd-* суть лишь ошибки переписчиков, приводит следующие аргументы: «В пассаже IV. 76 имя Иданфирса упомянуто дважды, оба раза с существенным различием. В первом случае рукописи флорентийской ветви дают Ἰδανθύροσος, а римской — Ἰδανθύροου... форма Ἰνδαθύροσος представлена лишь в codici descripti T и M. Три строки ниже рукописи римской ветви дают по-прежнему Ἰδανθυρός, а флорентийской — искаженную форму Ἰνδάθυρός. Однако в других упоминаниях этого царя (IV. 120. 126. 127) ситуация более ясная: Ἰδανθυρός там дается без различия между основными ветвями, а искаженные формы Ἰνδάθυρός и Ἰνδανθυρός встречаются лишь в codici descripti. все это позволяет считать форму Ἰδανθυρός исходной геродотовской формой» (Иванчик 2009: 70, примеч. 42). Все эти замечания (как и приводимые там же соображения о возможных историко-культурных причинах постулируемого искажения «исходной формы») заслуживают внимания, но отнюдь не являются бесспорным доказательством вторичности форм, отражающих *-vd-*. Прежде всего, по справедливому замечанию автора фундаментальной монографии о рукописях Геродота, именно рукописи С и Т (последнюю, Laurentianus LXX. 6, он обозначает как N), где как раз и встречаются «искаженные» формы, «sont les manuscrits mixtes qui nous apprennent quelque chose» (Hemmerdinger 1981: 78). Кроме того, по крайней мере в одном случае мы твердо знаем, что форма имени знатного перса, одного из заговорщиков против Гауматы Ἰνταφέρνης (III 70, 78, 118, 119), не встречающаяся в рукописях римской ветви и потому изгоняемая, несмотря на присутствие в лучших рукописях флорентийской ветви, из текста в критический аппарат, зато представленная в «смешанной» рукописи Р и в excerpta Parisina (E), более правильна, как показывает сравнение с *Vindafarnah*- Бехистунской надписи (DB III; 84, 86; IV 83)²³, чем предпочитаемая издателями форма Ἰνταφέρνης, основанная на народноэтимологическом сближении второй части персидского имени с греческим φρήν (множественное число φρένες) «грудь» (переносное значение «душа; ум»), употреблявшимся в основном во множественном числе (см. об этом Schmitt 1967: 142). Этого факта вполне достаточно, чтобы не отмахиваться огульно от codici descripti. Но даже если считать наиболее адек-

²³ Понятно, что древнеперсидская клинопись не вполне адекватно передает фонетический облик древнеперсидских слов, и теоретически *Vi-i-d^a-f^a-r^a-n^a-a* можно было бы читать и **Vindafranh-*, но этому, помимо всего прочего, мешают эламская и вавилонская передачи: ^mMi-in-da-pár-na (§39, стк. 41—42, где не читаются первые два знака имени, 43—44, где имя читается полностью; в строке 40 читаются лишь первые два знака и частично последний, и §54, стк. 89—90, где имя также читается полностью, по изданию Grillot-Susini, Herrenschildt, Malbran-Labat 1993) и ^mÚ-^lmi-in-ta-pa-ar-na-[?] (Voigtlander 1978: 38, стк. 86, где знаки *pa-ar* видны четко, и 87, где в обоих случаях упоминания имени четко виден знак *pa*) или ^mÚ-^lmi-in-ta-par-na-⁵ (Ibid.: 47, стк. 110; издатель специально отмечает, что, хотя первые пять знаков видны слабо, знак *par* виден четко). См. также Mayrhofer 1979: II/28.

ватной передачей имени неоднократно упоминаемого античной традицией скифского царя формы Ἰδάνθυρος / Ἰδανθούρας, а не Ἰνδάθυρος, что, как я старался показать, далеко не очевидно, интервокальный *d* в нем все равно может восходить к праязыковому **-nd-* (в таком случае его первая часть может восходить к иранскому **vinda-* «обретающий, находящий»). Многочисленность вариантов этого имени (см., например, Грантовский 1998: 251; Иванчик 2009: 69—71) наводит на мысль, что в самом скифском фонема/консонантная группа, передаваемая в греческом то через *δ*, то через *νδ*, произносилась особым образом, затруднявшим ее однозначное восприятие носителями других языков. Таковой могла быть консонантная группа *-nd-*. Это находит аналогии в современных юговостоиранских языках, где **-nd-* может давать и *-nd-*, и *-d-*: ср. мундж. *vond-*, верхнемунджанское *vod-*, йидга *vad-* < **band-* «связывать» (Эдельман 1986: 169), пашто *āyund-* < *āgunda-* «одеваться», но *adūm* < **handāma* «бедро» (последнее слово, хотя и входит в литературный язык, видимо, взято из диалекта африди) (Skjærvø 1989: 403). Учитывая, что иранское *-nd-* могло также передаваться греческим *-ντ-* (ср. уже упомянутую передачу древнеперсидского *Viⁿdafarnah-* греческим Ἰνταφέρωνης/Ἰνταφρένης), мы вправе предполагать, что элемент *-αντ-* в именах типа Ἀριάντας (Herod. IV 81) передает скифское **-anda-* (как в имени Κολανδάκης из ольвийского граффито на стенке чернолакового килика первой половины IV в. до н. э. — Толстой 1953: 11, № 7) (ср. имя персидского сатрапа Ἀριάνδας у Полиена [VII, 11, 7; VII, 34; VIII, 47]). Это тем более вероятно, что привычное объяснение такого рода имен как иранских прилагательных или причастий на *-ant-* не учитывает, что в номинативе и вокативе имен на *-ant-* конечный *t* отпадал, а косвенную основу греки вряд ли заимствовали бы. Еще один пример предполагаемого сохранения общеиранского **-nt-* в скифском, гидроним Παντικᾶτης, объясняемый как «Путь (*panti-*) рыбы (*κατα*)», также не исключает возможности перехода **-nt-* > *-d-*, поскольку, во-первых, в данном случае переходу могло воспрепятствовать сохранение *-θ-* в косвенных падежах и, во-вторых, названия рек Скифии не обязательно были скифскими по происхождению (ср. ниже, примеч. 25 о названии Танаиса).

В приводимой на следующей странице таблице обобщены реконструируемые, хотя и с различной степенью надежности, рефлексы общеиранских фонем в скифском и, соответственно, фонетические особенности, отличающие скифский от большинства известных нам синхронных ему иранских.

К сожалению, довольно часто пишущие о скифском языке либо не знают о существовании отличных от традиционных взглядов на его генетическую принадлежность²⁴, либо пытаются их оспорить, идя при этом на явные, пусть и неосознанные, натяжки²⁵. Никто, однако, не отрицал, что в скифском языке действовали определенные фонетические закономерности, пока А. И. Иванчик (Иванчик 2009) не задался целью доказать, что

²⁴ Например, такой энциклопедически образованный ученый, как Вяч. Вс. Иванов, в одной из недавних работ пишет, что «для скифской группы... восстанавливается язык, относившийся к согдийско-аланской подгруппе восточноиранских языков» (Иванов 2004: 56).

²⁵ Так, Ю. А. Дзиццойты, доказывая, что в большинстве скифских диалектов не было перехода **d > l*, пишет о якобы бесспорно скифских гидронимах Δάναπρις и Τάναϊς (Dzitstsojty 2007: 12). Между тем, скифы называли Днепр Борисфеном (Βορυσθένης), а Δάναπρις — название сарматское (если не аланское), у ранних авторов не встречающееся — ср. в «Перипле Понта Евксинского» (84): εἰς Βορυσθένην... τὸν νῦν Δάναπριν λεγόμενον («до Борисфена... ныне называемого Данаприсом»). Что же касается Танаиса, то Г. Гольцер (Holzer 1989) показал, что его название восходит к некоему не дошедшему до нас индоевропейскому языку, в котором индоевропейские звонкие придыхательные закономерно давали глухие, то есть этот гидроним восходит к индоевропейскому корню **d^henH* «бежать, течь», который в общеиранском закономерно дал **dan-*, а никак не **tan-*.

Общеиранский	Скифский
*d-, *-d-	l (кроме кластеров γd, nd): скиф. Παράλαται = авест. <i>paradāta-</i> и пр. (Семереньи и др. для отдельных этимологий или диалекта царских скифов; Витчак впервые для скифского в целом)
*xš-	š/s-: Σαίταφάρνης < *Xšaitafarna-, «[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном» и пр. (Харматта, хотя он и считал это явление сарматским)
*ś	θ: имена скифских царей у Геродота Σπαργαπίθης (из иранского * <i>Spargapaiša-</i> — «Подобный цветку» или «Цветущего вида», ср. ваханское <i>spraγ'</i> «цветок» и авестийское <i>paēsa-</i> «украшение») и Αριαπίθης (< * <i>Aryapaiša-</i> «Арийского облика») (Абаев — но считал заимствованием)
*-nt-	-d- (?): имя скифского царя у Геродота Μαθύης < * <i>mantu-</i> (ср. авестийское <i>mantu-</i> , древнеиндийское <i>māntu-</i> «советник; правитель»); этноним (Гелланик <i>apud Steph. Byz.</i>) Αμάδοκοι < * <i>a-mantu-ka-</i> «не имеющие правителей» (Кулланда)
*-θ-	-θ- (?): скифский Nom. pl. * <i>pāyah</i> «пути» < * <i>paθayah</i> , восстанавливаемый на основании топонима Ἐξαμπταῖος, который Геродот переводит Ἱερὰ ὁδοί, «Священные пути» и пр. (Маркварт)
*-š-	-θ- (?): скифское <i>srau-</i> «глаз» (приведено Геродотом в форме σποῦ) < индоевропейского * <i>spaksu-</i> , иранского <i>srašu-</i> ; скифское <i>kararu-</i> «кибитка» (у Гезихия καραρούς) < иранского * <i>karəšaru-</i> — ср. тохарское А <i>kursär</i> , В <i>kwársär</i> «упряжка» (Витчак)
*h-	-θ- (?): имя скифского царя у Плутарха и Страбона Ατέας < * <i>Hatya-</i> «Истина» (но ср. легенду на монете ΑΤΑΙΑΣ) и пр. (Фасмер)
*tu	t (?): имя скифского царя у Геродота Τάξακис (если из * <i>Taxša-ka-</i> «Стремящийся»); имя скифа у Лукиана Τόξαρις (если от того же корня, но с суффиксом <i>ra</i>); самоназвание Геродотовых скифов Σκόλοτοι (если из * <i>Skula-tva-</i>); в двух последних случаях огубленность могла бы объяснить появление o вместо ожидаемого a) (Кулланда).
*u-	θ- (?): имя скифского царя у Геродота Ὀρικός < * <i>Uarika-/Uaryaka-</i> и пр. (хотя в греческом мог не передаваться и заведомо произносившийся иранский начальный v (< *u) — ср. <i>Viṽdafarnah-</i> — Ἴνταφέρνης / Ἴνταφρένης)

в скифском существовало множество диалектов, а потому одновременно наблюдались взаимоисключающие фонетические процессы, например, переход общеиранских кластеров *ri-, *ry- в l (как в имени Κολάξαῖς — якобы из **xvaryašaya-*) и их сохранение в неизменном виде (как в имени Αριαπίθης, см. ниже) и пр. Сосуществование в одном языке исконных и заимствованных из близкородственного источника лексем, демонстрирующих в результате различное фонетическое отражение праязыковых фонем — явление распространенное (достаточно вспомнить «мидийские» слова в древнеперсидском или старославянизмы в русском). Да, с синхронной точки зрения все слова, наличествующие в данный момент в данном языке, равно принадлежат ему независимо от происхождения, но для адекватного анализа соответствующих лексем необходимо установить, какое фонетическое развитие было присуще данному языку и трактовать все отклоняющиеся от него факты как заимствования²⁶. В случае со скифским это тем более необходимо, поскольку иногда мы лишь по фонетическим критериям можем отнести некое имя собственное или нарицательное к скифскому или иному иранскому языку, распространенному в античное время на территории Северного Причерномо-

²⁶ Об этом применительно к скифскому уже писал С. Р. Тохтасьев: цитируя слова В. И. Абаева о «перекрестных изоглоссах», возникших вследствие «междиалектного переплетения звуковых норм», он справедливо отметил, что «реально такое переплетение могло осуществляться лишь путем заимствований из одного языка или диалекта в другой» (Тохтасьев 2005: 101, примеч. 245).

рья. Даже если в некоторых скифских словах сохранялся общеиранский **d* (что далеко не очевидно — ср. выше), считать на этом основании, будто переход **d > l* был в скифском «спорадическим» (Иванчик 2009: 66) — то же, что ввиду существования магнитных аномалий утверждать, будто стрелка компаса указывает на север «спорадически». Отказываясь от всяких попыток определить, что отличало собственно скифский язык от близкородственных иранских, вроде сарматского, мы обрекаем себя на определение языковой принадлежности тех или иных реалий, деятелей и этносов исключительно на основе историко-культурных соображений, что неприемлемо. Языковая принадлежность определяется лингвистически, а все прочие аргументы могут служить лишь для объяснения языковых феноменов, а не для опровержения лингвистических выводов.

Должен признаться, что в какой-то степени А. И. Иванчика спровоцировал я, опубликовав критическую рецензию на его книгу (Кулланда 2008). Критику А. И. Иванчик воспринял как личное оскорбление и отреагировал соответственно, не гнушаясь откровенной ложью²⁷ и опускаясь до придирок, абсурдность которых не мог в глубине души не понимать²⁸. На стр. 79 своей статьи (Иванчик 2009) он упоминает французского ученого «Ф. Корнийо (ошибочно именуемого Кулландой Корнильо)». Так и видишь А. И. Иванчика, снисходительно поправляющего всякого рода недоучек: «Шийон, ошибочно именуемый Жуковским Шильоном; Гийо, ошибочно именуемый Пушкиным Гильо; Вейо, ошибочно именуемый Тургеневым Вельо» и т. п. На самом деле передача по-русски французского буквосочетания *-ill-* как *ль* — старая традиция (ср. такие заимствования как *портфель*, *бульон*, *бильярд* и пр.), ориентированная на реальное произношение XVIII века (господствовавшее в речи образованных слоев до Революции, а в ораторской речи до середины XIX века — последним его видным приверженцем был знаменитый лексикограф Эмиль Литтре, умерший в 1881 году; см. Доза 1956: 98, 102—103), которую предпочитает современной сам Франсуа Корнильо, русист по образованию. Досадно, хотя и достойно всяческого уважения, что иностранец знает и чувствует русскую культуру лучше русского гуманитария. Иронизирует А. И. Иванчик и над моим сравнением передачи восточноиранского межзубного δ (δ) аккадским *z* с тем, как произносят английский $[\delta]$ русские, не слишком хорошо овладевшие английским произношением, с неподражаемым апломбом заявляя: «Думаю, комментарии излишни» (с. 66, примеч. 26). Неискушенный читатель может подумать, что приводить при анализе древних языков примеры параллельного развития из языка родного — моветон и показатель дилетантизма. Между тем, это абсолютно законный прием, широко использующийся специалистами по древним языкам и сравнительно-историческому языкознанию. Так, Э. Швицер, автор знаменитой монументальной грамматики древнегреческого, регулярно приводит в ней параллели древнегреческим лингвистическим процессам из швейцарского

²⁷ «То же объяснение [отсутствие перехода **d > l* в кластере *γδ*. — С. К.]: Кулланда. *Lingua Scythica...* без ссылки на С. Р. Тохтасьева; в соответствующем месте более ранней версии той же статьи (Кулланда. Еще раз...) это имя [Γυδαμπαης. — С. К.] не упоминается» (Иванчик 2009: 74, примеч. 64). Прозрачный намек на якобы имеющий место плагиат бьет мимо цели — на самом деле имя Γυδαμπαης с объяснением сохранения δ приводится в прекрасно известной А. И. Иванчику статье (Кулланда, Раевский 2004: 91, примеч. 54), вышедшей ранее статьи Тохтасьева 2005 года, где то же объяснение дается на стр. 98. Я уж не говорю, что предлагаемое объяснение настолько тривиально и самоочевидно, что спорить о приоритете здесь бессмысленно.

²⁸ Вообще-то вступать в полемику с рецензентами всегда считалось дурным тоном. «Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встречают молчаливым поклоном — таков литературный этикет... Отвечать не принято, и всех отвечающих справедливо упрекают в чрезмерном самодулии» (А. П. Чехов. Письмо М. В. Киселевой от 14 января 1887 года).

диалекта немецкого²⁹; А. М. Лубоцкий, известный индолог и иранист, подкрепляет соображения о появлении начального *x^v*- в авестийском *x^varənah-* из *f-* сравнением с русским диалектным «хвабрика» из «фабрика» (Lubotsky 1998: 481) и т. п. Ох, нет на них Аскольда Игоревича... Латинские названия некоторых моих статей Иванчик объявляет «комически напыщенными» (Иванчик 2009: 64, примеч. 18). Ну, о вкусах, как известно, не спорят, и о смешном у каждого свои представления. Мне, скажем, куда более комичным видится то, как Иванчик уже в течение пятнадцати лет вместе с редакторами и корректорами безуспешно бьется над правописанием простейшего русского словосочетания (в одушевленной и неодушевленной формах): в 1994 году он писал *никто иной, в 2009 — *ни что иное (Иванчик 2009: 79). С нетерпением жду новых вариантов в надежде дожить до правильного. А. И. Иванчик утверждает, что «западными греками» якобы принято называть только греков Италии и Сицилии и на этом основании приписывает мне идею о контактах скифов с населением Великой Греции, т. е. Апеннинского полуострова и Сицилии, над которой в дальнейшем натужно острит (Иванчик 2009: 67—68). На самом деле «западными» в географическом смысле в интересующий нас ранний период греческой истории были греки Балканского полуострова — см. хотя бы высказывания К. Д. Бака: ...«the West Greek and the East Greek dialects, the terms referring to their location prior to the great migrations» (Buck 1955: 7) и Дж. Хоррокса: «...Peloponnesian Doric and North West Greek together constitute ‘West Greek’, the labels reflecting their general distribution in the period when they are first documented» (Horrocks 1997: 8—9) (курсив в обоих случаях мой. — С. К.).

Раздражение Иванчика настолько велико, что он не считает нужным соблюдать принятый в научной полемике (да и просто в приличном обществе) декорум и переходит на личности. Давая понять, что мне не по чину судить о скифском языке, он пишет: «... до сих пор С. В. Кулланда был более известен как специалист по древней Индонезии... именно в таком качестве он был мне известен в период нашего сотрудничества, см. Иванчик А. И., Кулланда С. В. Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Вып. 1. М., 1991. С. 192—216» (Иванчик 2009: 64 и примеч. 17). Вот ведь что любопытно: в 1991 году А. И. Иванчик не считал зазорным ставить свое имя под работой, построенной мною прежде всего на индоевропейском материале, к которой он подключился на заключительной стадии и приписал от силы три страницы. В тот момент моя первая специальность его почему-то не смущала. Неужто с тех пор я успел забыть все, что знал помимо индонезистики?

Исполнять функции адвоката дьявола и санитаря леса вообще-то полезно (я и сам не прочь время от времени этим заняться), но только в том случае, если руководствуешься стремлением доискаться истины. Когда же из двоих исследователей, чьи взгляды на скифскую фонетику в общем совпадают (в том числе и в неприятии традиционной этимологии имен сыновей Таргитая, которой придерживается А. И. Иванчик) и противостоят воззрениям А. И. Иванчика³⁰, тот, кто в своей рецензии отозвался о книге А. И. Иванчика в целом положительно (С. Р. Тохтасьев) цитируется сочувственно и с полным ува-

²⁹ Eine weitgehende Parallele zur lesbischen Entwicklung bildet die sog. Vokalisierung des *n* vor *s* (auch *f*, *h*), die in scweizedeutschen Dialekten vervreitet ist... (Schwyzer 1968, I: 287); Es gibt aber auch ‘interne’ Entlehnung, von Dialekt zu Dialekt (att. λοχᾶγός mit nicht-ion.-att. ᾶ), sehr häufig vom Dialekt zur Schriftsprache und umgekehrt (einerseits nhd. *Rahm*, *Sommerfrische*, andererseits schweiz. *Butter* statt altem *Ankä*)... (Ibid.: 40) и т. п.

³⁰ Достаточно привести цитату из рецензии С. Р. Тохтасьева на книгу А. И. Иванчика: «...конструкции автора, во многом основанные на полностью ошибочных, как теперь выясняется, представлениях о скифском языке...» (Тохтасьев 2008: 203).

жением, а тот, кто скептически отнесся к скифологическим штудиям А. И. Иванчика (С. В. Кулланда) объявляется некомпетентным дилетантом, ясно, что судьбы скифского языка интересуют автора оценок в последнюю очередь³¹. О том же говорит и композиция его статьи. Как вы думаете, чем должна заканчиваться работа о скифском языке — выводами о наличии или отсутствии в нем тех или иных лингвистических феноменов? Ничуть не бывало! Две последние страницы посвящены исключительно изобличению злокозненности Кулланды. Достаточно привести зачины трех последних абзацев: «Абсурдность построений С. В. Кулланды...», «Итак, С. В. Кулланда... игнорирует...» и, наконец, «Прочитав статьи С. В. Кулланды...». Посчитав мою рецензию «прямо направленной» (Иванчик 2009: 64, примеч. 16) против него, А. И. Иванчик решил поквитаться со мной на страницах подведомственного журнала³², не заметив, что рецензия написана не против Иванчика, а в защиту скифологии, которой не идут на пользу особенности его творческого метода (опора на «общепринятые» мнения³³) и недостаток иранистических и общелингвистических (см. выше) знаний. Одним словом, возражения А. И. Иванчика против современной трактовки скифской фонетики не приходится принимать всерьез хотя бы потому, что продиктованы они отнюдь не научными соображениями.

Справедливости ради отмечу, что в некоторых случаях А. И. Иванчику и впрямь удастся найти у своих оппонентов всамделишные ошибки. У меня он их обнаружил аж две. Правда, они, хотя и досадны³⁴, не имеют никакого значения для изучения скифского языка и ничуть не колеблют мои выводы.

Есть и более серьезные возражения против отнесения скифского к юговосточно-иранским, но и они не представляются убедительными. Так, один из ведущих российских специалистов по сравнительно-историческому изучению иранских языков, Д. И. Эдельман, пишет: «Интересен в методическом плане историко-фонетический пример перехода праиранской $*d > l$ в ряде иранских языков региона Гиндукуша... Этот переход традиционно рассматривался в ряде трудов как генетически общий, объединяющий эти языки в генетическую подгруппу, отличную от других иранских языков. Были также попытки объяснить аналогичный переход $*d > l$ в иранских языках других ареалов влиянием бактрийского языка или их особой генетической близостью с бактрийским. При этом не учитывалось, что особое близкое родство языков, входящих, в свою очередь, в одну семью, определяется, как известно, не артикуляционным сходством рефлексов единичного древнего прототипа, а ... совокупностью системных инноваций, отличающих данную группу языков от других языков этой же семьи, менее близких генетически... Однако привлечение других, не иранских, языков ареала Восточного Гиндукуша показало, что здесь переход $*d > l$ — ареальное явление, присущее разным языкам данного регио-

³¹ Жертвой оскорбленного самолюбия А. И. Иванчика пал и ни в чем не повинный К. Т. Витчак. Стремясь создать впечатление, будто мои работы о скифском языке, которые он пытается дезавуировать, несомнестельны и полностью следуют выводам Витчака, А. И. Иванчик не мог не обвинить того во всех смертных грехах: если уж сам Витчак плох, то что говорить о его апологетах?

³² Опубликовав в разделе «Доклады и сообщения», предназначенном для кратких заметок, огромную статью на 28 журнальных страниц. Что поделаешь, some animals are more equal than others...

³³ Вот несколько образчиков соответствующей аргументации: «ответ... очевиден — недаром все писавшие о скифском языке... считали это явление диалектальным...» (Иванчик 2009: 68); «нет оснований сомневаться в практически общепринятом отнесении саев к сарматам...» (Там же: 83); «практически общепризнанно [так в оригинале. — С. К.] отсутствие преемственности между скифской археологической культурой VII—IV вв. до н. э. и крымской «позднескифской» культурой II—I вв. до н. э.» (Там же: 82) и т. п.

³⁴ Я упоминал «рукописи Гезихия», тогда как его труд дошел до нас в единственной рукописи, и писал, что надпись КБН 1066 происходит из Фанагории (правильно — из Гермонассы).

на, независимо от их генетической принадлежности, не только иранским. Кроме того, он связан с определенной типологией фонологических структур и фонетических изменений...: в тех иранских языках, где отсутствует или неустойчив фонологический статус глухой *θ, неустойчивым оказывается и статус звонкого звукотипа *δ...» (Эдельман 2009: 92).

Согласиться с приведенными доводами трудно. Во-первых, переход *d > l — не единственная изоглосса, объединяющая скифский, бактрийский и пашто. К числу их бесспорных общих инноваций относится также переход *xš > *сибилян*т в анлауте³⁵. Если справедливо наше предположение о переходе *-nt- > -d- в скифском (см. ниже), этот переход также является системным новообразованием предполагаемой юговосточной подгруппы иранских языков. Что касается якобы субстратного происхождения перехода *d > l в иранских языках Восточного Гиндукуша, то часть специалистов как по иранским (О. Шервё), так и по дардским (А. И. Коган) языкам считает, напротив, что этот переход в некоторых нуристанских и дардских языках может объясняться влиянием мунджанского на прасун (Skjærvø 1989: 382) и пашто на соседние дардские языки (Коган 2005: 161—162). Вопреки мнению Д. И. Эдельман (1986: 169; 2009: 92) о его относительно позднем возникновении, он засвидетельствован в указанном ареале древнеиндийским топонимом *Bāhlika* (т. е. Бактрия, откуда более позднее Балх), который соответствует авестийскому *Vāxdi-* (с суффиксом *-ka*), а также древнеиндийским словом *lipi* «письмо», заимствованным из западноиранского *dipi* (а в конечном итоге из шумерского через эламский и/или аккадский) через диалект, где произошел переход d > l (Грантовский 1998: 106—107). Связано данное обстоятельство, видимо, с сакским, resp. скифским, происхождением бактрийцев, пуштунов, мунджанцев и йидга и их языков (см. об этом Marquart 1901: 226 et al.; Грантовский 1963; Он же. 1963а; Он же. 1975; Он же. 1998: 105—109).

«Фонологический статус глухой *θ» в скифском явно был вполне устойчив, поскольку эта фонема регулярно соответствовала иранскому s, восходившему к *ś. Самое же парадоксальное состоит в том, что Д. И. Эдельман, отказываясь от выделения юговосточноиранских языков в самостоятельную генетическую подгруппу внутри восточноиранских, оперирует понятием «скифо-осетинские языки» (Эдельман 2009: 84, 88, схема 1), хотя у скифского с осетинским нет ни единой общей инновации.

Дополнительный аргумент в пользу реконструкции упомянутых фонетических особенностей скифского — то, что некоторые из них позволяют объяснить на первый взгляд немотивированные дублетные формы иранских слов. Так, ассирийские, эламские и греческие передачи иранских имен с анлаутом, восходящим к общеиранскому *xš- отражают либо xš- (ассирийское *ka-áš/kaš-ta-ri-ti* < *Xšaθrita*, эпиграфическое греч. *ξατρᾶπιης* < **xšaθrapā-* и т. п.), либо š/s- (*sa-tar-pa/ba-nu* < *Xšaθrapāna*, греч. *σατρᾶπιης* < **xšaθrapā-* и т. п.). Для передачи иранского биконсонантного анлаута ассирийцы постоянно использовали эпентетический гласный, так что появление начального s- вряд ли может объясняться стремлением избежать стечения согласных в начале слова³⁶. По-

³⁵ В мунджанском и йидга стяжения не происходит (см. Эдельман 1986: 117).

³⁶ Что до эламской передачи иранского xš- в начальной позиции, оба иранских слова, начинающихся с xš- в древнеперсидской версии Бехистунской надписи и транскрибированных в эламской, мидийское личное имя *Xšaθrita-* и название должности сатрапа, *xšaçaṣarāvan-*, по-эламски переданы соответственно как *Šá-at-tar-ri-tá* и *šá-ak-šá-ba-ma-na-me*, где *-me* — эламский суффикс. То же соответствие наблюдается и в более поздних эламских передачах иранских имен. Исключения из правила немногочисленны, а именно эламские *Ik-šá-šá-qa* и *Uk-šu-iš-tur-ra*, предположительно передающие древнеперсидское **xšaçaka-* и мидийское **xšaustra-* соответственно, причем в обоих случаях зафиксированы дублеты *Šá-ak-šá-qa* and *Šu-iš-tur-ra*. Представляется, таким образом, что а) начальный š в эламском не отражает перехода xš- > s- в соответствующих иранских

скольку греки, в свою очередь, проводили четкое различие между начальными *xš-* и *š/s-* иранских языков, передавая их по-разному (соответственно через кси и сигму) (см. выше), перебой *xš-/s-* в иноязычных передачах иранских слов объясняется, видимо, различиями в произношении самих иранцев. Представляет интерес и то обстоятельство, что практически все личные имена, отражающие данный переход, отражают фонетические особенности мидийского³⁷, а именно в Мидии скифское влияние было наиболее сильным (ср. Vogelsang 1992: 11, 303, 304—315 et passim)³⁸. Учитывая, что переход **xš > s* в начальной позиции из знакомых населению Ближнего Востока и грекам древнеиранских языков был характерен для скифского, но никак не для мидийского или древнеперсидского, можно предположить, что лексемы, отражающие начальный иранский *s < *xš-*, происходят из скифского. Так как к их числу относятся важные социальные термины (как иранский прототип греческого *σατράπης*) и иранские имена, зафиксированные уже в конце IX в. до н. э., такие как *sa-ti-ri-a-a* (*< *Xšaθriya-*), царь страны Наири в 819 г. до н. э., возможно, следует пересмотреть хронологию и степень воздействия на местное население скифских походов в Переднюю Азию, хотя вопрос требует дальнейшего исследования.

В непредвзятом изучении нуждаются и другие проблемы скифологии. Напомню лишь о некоторых из них. Не удастся пока, скажем, с уверенностью определить прародину скифов. С одной стороны, в восточноиранских языках есть заимствования из северокавказских, отсутствующие в западноиранских: например, пашто *sary*, согдийское *сʀʀ* «седло», хорезмийское *saʀm* «верблюжье седло», ваханское *sirekh*, сарыкольское *siregh* «стеганое шерстяное одеяло; матрац»³⁹ *<* прасеверокавказского **čirqā* «ковер; покрывало» — лакское *çiqā*, лезгинское *çirχ* — NCED: 366; скифское **sana* в глоссе Гезихия *σανάπην τὴν οἰνοπότιν*. *Σκύθαι* в издании Латте-Хансена и *σάναπτιν τὸν οἰνοπότιν*. *Σκύθαι* в издании Шмидта, осет. *sæn/sænæ* «вино» *<* прасеверокавказского **swīnē* «барбарис; смородина» — ав. *saní* «барбарис», лак. *sunī* «гранат», адыг. *sāna*, кабард. *sāna* «виноград, вино» — NCED: 971; любопытно, что, судя как по форме, так и по семантике, восточные иранцы заимствовали слово **sana* у западнокавказцев), следовательно, носители восточноиранских языков уже после их выделения из общеиранского массива находились в зоне контакта с северокавказцами, то есть во всяком случае не в Центральной Азии. С другой стороны, многие археологи выводят скифскую культуру именно оттуда, опираясь прежде всего на ранние дендрохронологические датировки кургана Аржан I в Туве и предполагаемое происхождение определенных элементов скифской материальной культуры (критический разбор их взглядов см. в: Погребова 2006). Возникающее противоречие также далеко от разрешения. Расхожее представление о том, что изучение скифского языка ничего принципиально нового дать не может, далеко от истины,

словах, а б) варианты с протетическим гласным не были характерны для эламского и возникли под ассирийским влиянием.

³⁷ А именно *-θr-*, а не древнеперсидский *ç*. Единственным возможным исключением в сводах Hinz 1975 и Mayrhofer 1973 — имя, записанное по-арамейски как *ššlymr* на ахеменидской булле из Телло, где первая часть предположительно передает древнеперсидское *xšaça* (Hinz 1975: 134).

³⁸ Экстралингвистические данные (если таковые имеются) также указывают, что носители имен с начальным *S- < Xš-* были мидянами: так, некий *Σατράβάνης* был при Александре сатрапом Экбатан, древней столицы Мидии (Justi 1895: 292).

³⁹ Ваханский и сарыкольский примеры не вполне надежны (на что обратила мое внимание Д. И. Эдельман). Они были зафиксированы в XIX в. Томашком, но отсутствуют в современных языках. Арабское и персидское *sarj*, видимо, заимствованы из какого-то восточноиранского (согдийского?) языка — см. ИЭСОЯ III: 34—35).

как бы ни трактовать рассмотренные выше сомнительные случаи. Так, в зависимости от того, как решится вопрос о судьбе общеиранского **d* в скифском, то есть будем ли мы считать, что **d* во всех случаях, кроме сочетаний с определенными согласными (см. выше), перешел в **l*, или предположим, что в некоторых диалектах скифского **d* сохранялся, будет складываться и представление о скифском этногенезе. Если принять вторую точку зрения (мне она не кажется вероятной, но не станем отвергать ее с порога), окажется, что Мадий, царь скифов, вторгшихся в Переднюю Азию, и скифские цари-паралаты времен Геродота принадлежали к разным этническим группам. На самом деле картина получилась бы еще более запутанной: к первой группе следовало бы тогда отнести и скифского царя Иданфирса, сражавшегося против Дария I (Hdt. IV 76, 120, 126, 127). Правда, его имя, даже если **d* в нем из **d*, могло быть заимствовано *l*-диалектом из гипотетического *d*-диалекта после появления в первом *d* иного происхождения (не из общеиранского **d*). Но и при таком допущении пришлось бы признать, что лингвистически гетерогенные группы скифов сосуществовали на протяжении нескольких веков. Одним словом, даже если мы останемся верны традиционной точке зрения о происхождении скифского **d* < **d* хотя бы в части случаев, нам придется по-новому взглянуть на этническую историю скифов.

Проблема скифского языка — настолько же историческая, насколько лингвистическая. Будем надеяться, что его изучение позволит преодолеть некоторую однобокость скифологии, опирающейся (в первую очередь, разумеется, по объективным причинам, но не только) в основном на археологический материал.

Сокращения

ВДИ — Вестник древней истории, М.

ИЭСОЯ — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, М.—Л-д: Издательство Академии Наук СССР, 1958; т. II, Л-д.: Наука, Ленинградское отделение, 1973; т. III, Л-д.: Наука, Ленинградское отделение, 1979; т. IV, Л-д.: Наука, Ленинградское отделение, 1989; т. V, М.: Российская Академия Наук, Институт Языкознания — Государственный Научный Центр Республики Северная Осетия-Алания, Центр Культурной Антропологии, 1995.

КБН — Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Корпус боспорских надписей. М.—Л.: Наука, 1965.

КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии, М.

НАА — Народы Азии и Африки. М.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006.

Acta Ant. Hung. — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.

Acta Orient. Hung. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.

BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London.

CLI — Compendium Linguarum Iranicarum. Hrsg. von Rüdiger Schmitt. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989.

IOSPE I² — Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici. Iterum edidit Basilius Latyschev. Volumen primum. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens. Ed. alt., Petropoli MCMXVI.

JA — Journal Asiatique, Paris.

NCED — S.L. Nikolayev, S.A. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Ed. by S.A. Starostin. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.

SI — Studia Iranica. Paris.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Wien.

Литература

- Абаев 1945 — В. И. АБАЕВ. Древнеперсидские элементы в скифском языке. — *Иранские языки I* (Переиздано в: Абаев 1949).
- Абаев 1949 — В. И. АБАЕВ. *Осетинский язык и фольклор*. Том I. М.—Л-д: Издательство Академии Наук СССР.
- Абаев 1965 — В. И. АБАЕВ. *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы
- Абаев 1979 — В. И. АБАЕВ. Скифо-сарматские наречия. — *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М.: Наука (слегка переработанный вариант раздела «Скифский язык» из книги 1949 года).
- Барроу 1976 — Т. БАРРОУ. *Санскрит*. Перевод с английского Н. Лариной, редакция и комментарий Т. Я. Елизаренковой. М.: Прогресс.
- Бурлак, Старостин 2005: С. А. БУРЛАК, С. А. СТАРОСТИН. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Издательский центр «Академия».
- Витчак 1992 — К. Т. ВИТЧАК. Скифский язык: опыт описания. — *Вопросы языкознания*, № 5.
- Грантовский 1960 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Индо-иранские касты у скифов*. М.: Издательство восточной литературы.
- Грантовский 1963 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Из истории иранских племен на границах Индии. — *КСИНА LXI*.
- Грантовский 1963а — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Племенное объединение Paṛṣu-Paṛṣava у Панини. — *История и культура древней Индии*. М.: Издательство восточной литературы.
- Грантовский 1970 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Грантовский 1975 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. О восточноиранских племенах кушанского ареала. — *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г. Т. II. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Грантовский 1980 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Выступление на круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». — *НАА*, № 6.
- Грантовский 1981 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья». — *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Грантовский 1998 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Иран и иранцы до Ахеменидов*. М.: Восточная литература.
- Грантовский 2007 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература.
- Доза 1956 — А. ДОЗА. *История французского языка*. Издательство иностранной литературы. М.
- Дьяконов 1991 — И. М. ДЬЯКОНОВ. Аккадский язык. — *Языки Азии и Африки*. Т. IV, кн. 1. Афразийские языки. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы.
- Дыбо 2007 — А. В. ДЫБО. *Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд*. М.: Восточная литература.
- Иванов 2004 — Вяч. Вс. ИВАНОВ. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока. — *У истоков цивилизации*. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М.: Старый сад.
- Иванчик 2004 — А. И. ИВАНЧИК. Фрагмент скифского эпоса: «Колаксаев конь» в «Парфении» Алкмана. — *ВДИ*, № 2.
- Иванчик 2005 — А. И. ИВАНЧИК. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история*. М.—Берлин: Палеограф.
- Иванчик 2009 — А. И. ИВАНЧИК. К вопросу о скифском языке. — *ВДИ*, № 2.
- Исмагил 2006 — Р. ИСМАГИЛ. Легенда о происхождении скифов как раннетюркский источник (Геродот, IV, 5—7). — *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время*. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнока. Уфа: Гилем.
- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М.: Восточная литература.
- Коган 2009 — Л. Е. КОГАН. Семитские языки. — *Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М.: Academia.

- Куклина 1985 — И. В. КУКЛИНА. *Этногеография Скифии по античным источникам*. Л-д: Наука.
- Кулланда 2005 — С. В. КУЛЛАНДА. Еще раз о скифском языке. — *Аспекты компаративистики*. М.: РГГУ.
- Кулланда 2006 — С. В. КУЛЛАНДА. *Lingua Scythica ad usum historici*. — *Древности скифской эпохи*. Сборник статей. М.: ИА РАН.
- Кулланда 2008 — С. В. КУЛЛАНДА. *Scythica obsoleta*. — *ВДИ*, № 1.
- Кулланда, Раевский 2004 — С. В. КУЛЛАНДА, Д. С. РАЕВСКИЙ. Эминак в ряду владык Скифии. — *ВДИ*, № 1.
- Мурзин 1990 — В. Ю. МУРЗИН. *Происхождение скифов. Основные этапы формирования скифского этноса*. Киев: Наукова думка.
- Оранский 1988 — И. М. ОРАНСКИЙ. *Введение в иранскую филологию*. Издание 2-е, дополненное. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Погребова 2006 — М. Н. ПОГРЕБОВА. Центральноеазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса. — *Древности скифской эпохи*. Сборник статей. М.: ИА РАН.
- Полин 1992 — С. В. ПОЛИН. *От Скифии к Сарматии*. Киев: НПК «Археолог».
- Скржинская 1987 — М. В. СКРЖИНСКАЯ. Древнейшее свидетельство о знакомстве греков с мифологией скифов. — *Скифы Северного Причерноморья*. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка.
- Тереножкин 1980 — А. И. ТЕРЕНОЖКИН. Выступление на «круглом столе» «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». — *Народы Азии и Африки*, № 5.
- Толстой 1953 — И. И. ТОЛСТОЙ. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. М.—Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Тохтасьев 2005 — С. Р. ТОХТАСЬЕВ. Проблема скифского языка в современной науке. — *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Edited by Victor Cojocaru. Iași: Trinitas.
- Тохтасьев 2008 — С. Р. ТОХТАСЬЕВ. Рец. на: Иванчик 2005. — *ВДИ*, № 1.
- Трубачев 1967 — О. Н. ТРУБАЧЕВ. Из славяно-иранских лексических отношений. — *Этимология 1965*. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М: Наука.
- Трубачев 1999 — О. Н. ТРУБАЧЕВ. *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.: Наука.
- Эдельман 1986 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков*. Фонология. М.: Наука.
- Эдельман 2008 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Хорезмийский язык. — *Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. М.: Восточная литература.
- Эдельман 2009 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания. — *Вопросы языкового родства*. № 1.
- Allen 1987 — W. S. ALLEN. *Vox Graeca: a guide to the pronunciation of classical Greek*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Arena 1966 — Renato ARENA. Die Vertauschung θ/ϕ bei einigen altgriechischen Inschriften. — *Glotta*, XLIV. Band.
- Bielmeier 1989 — Roland BIELMEIER. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch. — *CLI*.
- Brandenstein 1953 — W. BRANDENSTEIN. Die Abstammungssagen der Skythen. — *WZKM*, 52.
- Buck 1955 — C. D. BUCK. *The Greek Dialects. Grammar. Selected Inscriptions. Glossary*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Darmesteter 1883 — J. DARMESTETER. *Etudes iraniennes*. Paris.
- Diakonoff 1981 — I. M. DIAKONOFF. The Cimmerians. — *Monumentum Georg Morgenstierne I (Acta Iranica 21)*. Leiden: E. J. Brill.
- Dzitsstsojty 2007 — Jurij DZITSTSOJTY. A propos of Modern Hypotheses on the Origin of the Scythian Language. — *Scythians, Sarmatians, Alans. Iranian-speaking nomads of the Eurasian Steppes*. International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 7–10 May 2007. Abstracts of papers.
- Gauthiot 1914–1923 — R. GAUTHIOT. *Essai de grammaire sogdienne*. Paris: Paul Geuthner.
- Gauthiot 1916 — R. GAUTHIOT. Du pluriel persan en *-hā*. — *Mémoires de la Société linguistique de Paris*, t. 20, fasc. 2.
- Grillot-Susini, Herrenschildt, Malbran-Labat 1993 — Françoise GRILLOT-SUSINI, Clarisse HERRENSCHMIDT, Florence MALBRAN-LABAT. La version élamite de la trilingue de Behistun : une nouvelle lecture. — *JA*, tome 281, 1–2, P. 19–59.
- Harmatta 1951 — János HARMATTA. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. — *Acta Orient. Hung.*, T. I, fasc. 2–3.

- Harmatta 1969 — J. HARMATTA. Late Bactrian Inscriptions. — *Acta Ant. Hung.* XVII/3—4.
- Hemmerdinger 1981 — Bernard HEMMERDINGER. *Les manuscrits d'Hérodote et la critique verbale*. Genova: Pubblicazioni dell'Istituto di filologia classica e medievale.
- Henning 1939 — W. B. HENNING. Sogdian Loan-words in New Persian. — *BSOS*, vol. X, part. 1.
- Hinz 1975 — Walther HINZ. *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Unter Mitarbeit von Peter-Michael Berger, Günther Korbel und Annegret Nippa [Göttinger Orientforschungen III 3], Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Holzer 1989 — G. HOLZER. *Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indoeuropäischen Sprache im Urbaltischen und Urslavischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Horrocks 1997 — Geoffrey C. HORROCKS. *Greek: A history of the language and its speakers*. London and New York: Longman.
- Juret 1938 — A.-C. JURET. *Phonétique grecque*. Paris: Société d'édition Les Belles Lettres.
- Justi 1895 — F. JUSTI. *Iranisches Namenbuch*, Marburg: Elwert; фототипическое переиздание — Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963.
- Kellens et Pirart 1988—1991 — Jean Kellens, Eric Pirart. *Les textes vieil-avestiques*. Vol. I—III, Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Lejeune 1972 — Michel LEJEUNE. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris: Éditions Klincksieck.
- Livshitz 1970 — V. A. LIVSHITZ. A Sogdian Alphabet from Panjikant. — *W. B. Henning Memorial Volume*. London: Lund Humphries Publishers.
- Lubotsky 1998 — A. M. LUBOTSKY. Avestan *x^varenah-*: the etymology and concept. — W. MEID (ed.). *Sprache und Kultur*. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Marquart 1901 — J. MARQUART. *Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*. Berlin: Weidmann.
- Mayrhofer 1973 — M. MAYRHOFER. *Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut des Persepolis-Täfelnen*, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Mayrhofer 1979 — Manfred MAYRHOFER. *Die altpersischen Namen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Mayrhofer 2006 — Manfred MAYRHOFER. *Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Minorsky 1930 — V. MINORSKY. Transcaucasica. — *JA*, tome CCXVII, 1, 1930.
- Müllenhoff 1892 (1866) — Karl MÜLLENHOFF. *Deutsche Altertumskunde* III. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung; (первое издание Müllenhoff Karl. Über die Herkunft und Sprache der Skythen und Sarmaten. Monatsberichte der preußischen Akademie der Wissenschaften 1866, VIII).
- Pisani 1973 — V. PISANI. *Manuale storico della lingua greca*. Seconda edizione con un'Appendice: *Il Miceneo di Cestina Milani*, Brescia: Paideia Editrice.
- Schmitt 1967 — Rüdiger SCHMITT. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot. — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 117. Wiesbaden.
- Schmitt 1989 — Rüdiger SCHMITT. Andere altiranische Dialekte. — *CLI*.
- Schmitt 2002 — Rüdiger SCHMITT. *Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophons*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Schwyzer 1960 — *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora* ('Delectus inscriptionum Graecarum propter dialectum memorabilium' quem primum atque iterum ediderat Paulus Cauer editio tertia renovata). Edidit Eduardus SCHWYZER, professor Turicensis. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung (первое издание — Leipzig 1923).
- Schwyzer 1968 — Eduard SCHWYZER. *Griechische Grammatik*. I—IV, München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Sims-Williams 1981 — Nicholas SIMS-WILLIAMS. *The Sogdian Sound-system and the Origins of the Uyghur Script*. — *JA*, Tome 269.
- Sims-Williams 1989 — Nicholas SIMS-WILLIAMS. Sogdian. — *CLI*.
- Sims-Williams 2002 — Nicholas SIMS-WILLIAMS. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions. — *Indo-Iranian Languages and Peoples*. Ed. by Nicholas SIMS-WILLIAMS. Proceedings of the British Academy — 116.
- Skjærvø 1989 — Prods O. SKJÆRVØ. Pashto. — *CLI*.

- Szemerényi 1980 — Oswald SZEMERÉNYI. *Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka*. Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 371. Band. Veröffentlichungen der Iranischen Kommission. Band 9. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Tomaschek 1888 — W. TOMASCHEK. *Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden*, 1. — Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Bd. 116. Wien.
- Vogelsang 1992 — W. J. VOGELANG. *The rise and organization of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian evidence*. Leiden — New York — Köln: E.J. Brill.
- Voigtlander 1978 — Elisabeth N. VON VOIGTLANDER. *The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*. London: Lund Humphries.
- Whitney 1955 (1889) — William Dwight WHITNEY. *Sanskrit Grammar Including both the Classical Language, and the older Dialects, of Veda and Brahmana*. Eighth issue of the second edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; — London: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press.

The paper analyses phonetic correspondences between Scythian and other Iranian languages. Review of the extant data on the Scythian language seems to corroborate the hypothesis of its belonging to the Southeast group of East Iranian languages. The attested phonetic traits of Scythian enable one to look for Scythian loanwords in other languages and vice versa, and may be used to study the genesis of the Scythians.

Keywords: Iranian languages, Scythian, Scyths.

A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated: Items 35–54

The paper represents the second part of the author's etymological analysis of the Swadesh wordlist for Semitic languages (the first part having already appeared in Vol. 3 of the same Journal). Twenty more items are discussed and assigned Proto-Semitic reconstructions, with strong additional emphasis on suggested Afrasian cognates.

Keywords: Semitic, Afrasian (Afro-Asiatic), etymology glottochronology, lexicostatistics.

The object of the present study is analysis of the second portion¹ of Swadesh's 100-wordlist for Semitic. It is a follow-up to the author's second attempt at compiling a complete Swadesh wordlist for most Semitic languages that would fully represent all the branches, groups and subgroups of this linguistic family and provide etymological background for every possible item. It is another step towards figuring out the taxonomy and building a detailed and comprehensive genetic tree of said family, and, eventually, of the Afrasian (Afro-Asiatic) macrofamily with all its branches on a lexicostatistical/glottochronological basis.

Several similar attempts, including those by the author (Mil. 2000, Mil. 2004, Mil. 2007, Mil. 2008, Mil. 2010), have been undertaken since M. Swadesh introduced his method of glottochronology (Sw. 1952 and Sw. 1955). In this paper, as well as in my previous studies in genetic classification, I have relied on Sergei Starostin's glottochronological method (v. Star.) which is a radically improved and further elaborated version of Swadesh's method.

That the present portion includes only twenty items out of the 100-wordlist, instead of a second third (33 items), as I had previously planned, is justified by my efforts to adduce as many Afrasian parallels to Semitic words as possible — more than I did within the first portion. I hope to fill all the Afrasian gaps in the first portion as a supplement to the forthcoming portions which I will also try to provide with Afrasian etymologies. It should be noted that my aim is not to give complete data from all the non-Semitic Afrasian languages for all the items (i.e. *not* the complete etymological entries), but only to present available data demonstrating the Afrasian origin of all Semitic words involved, *inter alia*, to eliminate the possibility of the latter items having been borrowed from non-Afrasian languages. Compared with the same 20 items of the list included in one of my previous papers (Mil. 2008), these ones are updated, corrected in some points, and some more reliable etymologies are suggested.

This study was carried out within the frames of several projects: *Featuring early Neolithic man and society in the Near East by the reconstructed common Afrasian lexicon after the Afrasian database* (supported by the Russian Foundation for Sciences, No. 09-06-00153), *Semitic Etymological Dictionary* (supported by the Russian Foundation for the Humanities, No. 06-04-00397a), *Evolution of Human Languages* (supported by the Santa Fe Institute), and *The Tower of Babel* (supported by Dr. Evgueny Satanovsky). I am much thankful to all of the supporters. My

¹ See the first portion (items 1–34) and a more extended introductory note in Mil. 2010.

gratitudes also go to my colleagues and collaborators in different projects: Prof. O. Stolbova (with whom we collaborate on the Afrasian Database within the “Evolution of Human Languages” project, from where I draw most of the data) and Drs. L. Kogan and G. Starostin for consultations and discussions. I am also indebted to Dr. M. Bulakh for obtaining for me a 100-word list from a Tigre speaker, and to L. Kogan for sharing with me the Soqotri list (namely, of the dialect spoken by a Bedouin tribe of Darho in the central part of Socotra) compiled by him during his recent expedition to Socotra in November 2010, which caused me to correct a few items and cancel several synonyms that, for lack of more precise data, I had to treat on par with the corresponding main term in my previous list.

The list below is based on the following main sources (not referred to in the text except for special cases): Akk. — CAD and AHw; Ugr. — DUL; Hbr. and Bib. — HALOT; Pho. — Tomb.; Pal. — Sok. JP; Syr. — Brock. and Sok. Syr.; Mnd. — DM; Urm. — Tser. and Sarg.; Qur. — Pen. and BK; Leb., Mlt. — native speakers, Mec. — Sat.; Sab. — SD; Gez. — LGz; Tna. — native speakers and Kane T; Tgr. — a native speaker and LH; Amh. — native speakers, Baet. and Kane A; Arg. — LArg; Gaf. — LGaf; Sod. and Cha. — native speakers and LGur; Har. — a native speaker and LHar; Wol. — LGur; Hrs. — a native speaker and JH; Mhr. — native speakers, JM and Nak.; Jib. — native speakers, JJ and Nak.; Soq. — data collected by L. Kogan and LS.

The Data.

The data consist of items 35–54 of Swadesh’s 100-word list of 28 Semitic languages, representing all groups within the family. Each item unites all the synonyms that are different in origin, i. e. form different sub-entries within the same entry, each of which is preceded by its own number (in round brackets). Each sub-entry, in its turn, consists of one or several cognate lexemes divided by a semicolon; the etymological comments including a Sem. protoform follow after a double slash; non-Semitic Afrasian parallels and a suggested Afrasian proto-form follow after the symbol □. Note that for cases when the choice of only one representative lexeme in a language is too difficult, Starostin’s procedure allows for several synonyms in the same language to be scored; in this case, synonyms from the same language would be present in two or more entries. Within each item there may occur two kinds of cases which are not scored at all — borrowings and lack of a corresponding term in the available sources; such cases form a separate section within the item, preceded by the symbol ◇. Each item is completed with its Semitic proto-form(s) in bold letters on the deepest level of reconstruction available (Proto-Semitic, Common West and South Semitic, etc.) in accordance with my classification of Semitic.

The following dates (some of them fairly conventional, some chosen after much hesitation and discussions with specialists in individual languages, and still liable to changes before a final scoring) have been attributed to individual languages: Akkadian, 1450 B.C.E.; Ugaritic, 1350 B.C.E.; Hebrew, 650 B.C.E.; Phoenician 850 B.C.E.; Biblical Aramaic, 200 B.C.E.; Palestinian Judaic, 200 C.E.; Syrian Aramaic, 200 C.E.; Mandaic, 750 C.E.; Urmian Aramaic, 1900; Qur’anic Arabic, 600 C.E.; Lebanese Arabic, 2000; Meccan Arabic, 2000; Maltese Arabic, 2000; Sabaic, 200 B.C.E.; Geʿez, 500 C.E.; Tigrai, 2000; Tigre, 2000; Amharic, 2000; Argobba, 2000; Gafat, 1900; Soddo, 2000; Harari, 2000; Wolane, 2000; Chaha, 2000; Harsusi, 2000; Mehri, 2000; Jibbali, 2000; Soqotri, 2000.

Abbreviations of languages, language periods and ancient sources:

Afras. — Afrasian (Afroasiatic, Semito-Hamitic); Akk. — Akkadian; Amh. — Amharic; Arb. — Arabic; Arg. — Argobba; Arm. — Aramaic; Ass. — Assyrian, B — Babylonian, BD —

Book of the Dead; Brb. — Berber; Bib. — Biblical Aramaic; C. — Central; Cha. — Chaha; Chad. — Chadic; Clas. — Classical; CT — Coffin Texts; Cush. — Cushitic; Dat — Daḩina Arabic; Dem. — Demotic; Ɖof. — Ɖofar Arabic; Dyn. — Dynasty; E. — East; Egyp. — Egyptian; ESA — Epigraphic South Arabian; Eth. — Ethiopian; Gaf. — Gafat; Gez. — Geʿez; Gur. — Guraḩe; Har. — Harari; Hḩr — ḩaḩramawt Arabic; HEC — Highland East Cushitic; Hbr. — Hebrew; Hrs. — Harsusi; Jib. — Jibbali; Jud. — Judaic Aramaic; LL = lexical lists; Leb. — Lebanese Arabic; LEC — Lowland East Cushitic; Mlt. — Maltese Arabic; Mec. — Meccan Arabic; Med. — Medical Texts; Mhr. — Mehri; MK — Middle Kingdom; Mnd. — Mandaic Aramaic; Mod. — Modern; MSA — Modern South Arabian; N — New, N. — North; NK — New Kingdom; OK — Old Kingdom; Omot. — Omotic; Pal. — Palestinian Aramaic; pB. — postbiblical; Pho. — Phoenician; Pyr. — Pyramid Texts; Qur. — Qur’anic Arabic; S — Standard, S. — South; Sab. — Sabaic; Sem. — Semitic; Sod. — Soddo; Soq. — Soqotri; Syr. — Syrian Aramaic; Tna. — Tigriñña (= Tigray); Tgr. — Tigre; Ugr. — Ugaritic; Urm. — Urmian Neo-Aramaic; W. — West.; Wol. — Wolane, Y — Young.

Transcription and transliteration:²

p — bilabial emphatic voiceless stop; *b* — bilabial emphatic voiced stop; *ɸ* — bilabial voiced fricative; *t* — dental emphatic voiceless stop; *d* — dental emphatic voiced stop; *t̤* — voiceless interdental fricative (in Egyptian, a conventional symbol most likely conveying *č*); *d̤* — voiced interdental fricative (in Egyptian, a conventional symbol most likely conveying *ž*); *c* — alveolar voiceless affricate [ts]; *z* — alveolar voiced affricate [dz]; *č* — palato-alveolar voiceless affricate [tš]; *ž* — palato-alveolar voiced affricate [dž]; *ʃ* — hissing emphatic voiceless fricative; *ʃ̤* — emphatic voiceless affricate; *z̤* — conventionally stands for what was likely *d̤*, emphatic voiced interdental spirant, or *t̤*, emphatic voiceless interdental spirant; *č̤* — palato-alveolar emphatic affricate; *ʃ̤* — lateral voiceless fricative (denoted by *ʃ̤* in Sem. reconstructed proto-forms); *č̤* — lateral voiceless affricate; *č̤̤* — lateral voiceless emphatic affricate; *ž̤* — lateral voiced emphatic fricative (or perhaps affricate); *ž̤* — lateral voiced fricative; *g̃* — voiced velar fricative (in Berber), *ḳ* or *q̣* — emphatic velar stop; *q̣* — hypothetical velar affricate [kʰ] (only in reconstructed Afrasian proto-forms); *ɣ* — uvular voiced fricative (Arabic “ghain”); *ħ* — uvular voiceless fricative; *ħ̣* — presumably velar voiceless fricative (only in Egyptian); *ħ̣* — pharyngeal voiceless fricative; *ʕ* — pharyngeal stop (“ayin”), *h* — laryngeal voiceless fricative; *ʔ* — glottal stop (“aleph”, “hamza”), *y* — palatal resonant; *ʔ* and *ʔ̣* — conventional transcription symbols accepted in Egyptology.

Conventions for reconstructed protoforms:

- V* renders a non-specified vowel, e.g. **bVr-* should be read “either **a*, or **i*, or **u*”
- H* renders a non-specified laryngeal or pharyngeal
- S* renders a non-specified sibilant
- /* when separates two symbols means ‘or’, e.g. **?i/abar-* should be read “either **?ibar-* or **?abar-*”
- () a symbol in round brackets means ‘with or without this symbol’, e. g. **ba(w)r-* should be read “**bawr-* or **bar-*”
- ~ means ‘and’ pointing to two or more co-existing protoforms

² It should be stressed that the vocalism reconstructed below for Semitic and, especially, Afrasian protoforms is, in many cases, conventional and highly tentative.

35 GREEN

- (1) Akk. (*w*)*arḫu*; Ugr. *yrḫ* ‘greenish-yellow (of metal)’; Hbr. *yārōḫ*, *yārāḫraḫ*; Pal. *yrḫ*; Syr. *yūrāḫ*-; Mnd. *yurak*-; Har. *warīḫ* // < Sem. **warḫ*- ‘yellow, green’ (v. in DUL 982; Bulakh 2003 8–10).
- < Afras. **Vraḫ*- ‘green, yellow’ (ADB): (?) Egyp. *īḫ* (MK) < **yrḫ* ‘leeks, greens, vegetables’ (more likely < Canaanite than an inherited term, cf. Hbr. *yārāḫ* ‘greens, vegetables’); Brb.: Ghadames *aray* ‘be green’, Siwa *a-wray* ‘green’, Ahaggar, Ayr *irway* (met.), Qabyle *awray* ‘be green’, etc.
- (2) Qur. *ʔahḏar*-; Leb. Mec. *ʔahḏar*; Mlt. *aḥdār* // < **ḥṣr*. Perhaps related to Akk. *ḥaṣartu* (*ḥaṣertu*, *ḥaṣaštu*) ‘(wool or cloth of a certain color, probably green); (green) dry mucus, nasal discharge’ (CAD ḥ 130) if the meaning ‘green’ is genuine. Probably further related are Pho. *mḥṣrt* ‘herbage’ (Tomb. 172), Hbr. *ḥāṣīr* ‘grass, leek’ (HALOT 343), Old Arm. *ḥṣr* ‘grass, herb’ (HJ 400), Jud. *ḥāṣar* ‘grass, leek’ (Ja. 496) if the latter forms represent a case of Sem. **ḥ* > Arm. *ṣ*; cf., however, Arb. *ḥiṣrim*- ‘tout fruit vert, non mûr et acide; datte non mûre’ and *ḥaṣīr*- ‘tissu; ... natte (de roseaux ou de jonc); ... panier tressé de feuilles de palmier’ (BK 1 441) pointing to **ḥṣr*, perhaps a variant root of **ḥṣr*. The situation looks still more entangled in view of Jib. *ḥadôr* ‘grün’ (attested in Jahn 190; another variant root **ḥṣr*?). Cf. the discussion in Bulakh Dis.
- There are problematic Afras. parallels with metathesis (ADB): Chad. C.: Mandara *ṣurke* ‘blue’, Podoko *ṣaraka* ‘black’ (St. 2007 #275), Malgwa *ṣarake* ‘green’ (ibid. #270), E.: Kera *ki-sīrki* ‘black’ (ibid. #275; all the above examples are treated as forms with secondary -k, which needs proof; in all of them *ṣ* can reflect **ḥ* acc. to Stolbova’s table of reflexation — ibid. 8); C. Cush. **ḥiḥur*- ~ **ḥarḥ*- ‘black’: Waag *ṣiḥur*, Kunfāl *sarki*, Aungi *cārki*, *ṣarqī*; Omot. N. **kar*/c- ‘black’ (although these forms are reconstructed as **kar-tt*- in Bnd. Om., *c* and especially *ḥ* more or less contradict the tables of correspondences in both Bnd. Om. and Bla. Om. and can hardly reflect the common Afras. suffix in *-t): Gamo *karec*, Male *karḥi*, Zaise *kārḥ*, Ganjule *karḥi*, etc., (?) S.: Ongota *ḥarkamuni*, *ḥarkamuni*, *ḥarḥa-muni* ‘green, wet’ (compared in Bla. Ong., on one hand, with Ong *ḥarki* ‘dew’, Tsamai *ḥarke* id., on the other, with Aungi *carḥi* ‘black’). If related to Arb. *ʔahḏar*-, all of these forms imply Afras. **qVḥVr*- ~ **qVrVḥ*- ~ **ḥVrVq*- ‘green, black’.
- (3) Gez. *ḥ/ḥamalmil*; Tna. *ḥamālmil*³; Wol. *ʔaməl dānā* // < Eth.: Gez. *ḥaml* ‘vegetation, vegetables, herbs, shrubs’ (LGz 233), Tgr. *ḥamle* coll. ‘vegetables, herbs, grass’ (LH 59), Tna. *ḥamli* ‘edible herbs, vegetables, cabbage or mustard greens’ (Kane T 169), etc.⁴ Perhaps comparable with Arb. *ḥamilat*- ‘douce, molle, tendre; terrain bas, doux et propre à la culture; terrain sablonneux très doux et couvert de végétation; bois épai, arbres touffus et dont les branches s’entrelacent; jardin où il y a beaucoup d’arbres’ (BK 1 635). See detailed discussion in Bulakh Dis. No Afras. parallels.
- (4) Tgr. *saḥarsaḥaro*⁵; Cha. *sārimäsər* // < Eth. **ṣaḥ(a)r*- ‘grass, vegetation’: Gez. *ṣaḥr*, Har. *sāḥar*, Cha. *sār*, etc. (LGz 525, LGur 531; Cha. *sārimäsər* is interpreted by Leslau as “it resembles grass” from *sār* + (*y*)*ämäsər* from *mäsälä* ‘to be like’ with *l:r* ibid. 560), further related to Arb. *ṣaḥār*- ‘vegetation, trees’.
- < Afras. **ḥa(ḥ)r*- ‘green, grass, vegetation’: Chad. W.: Hausa *ṣār*, emphasizes greenness, Ngizim *ṣārāt* ‘green, not ripe’, E.: Somrai *sera-n-du* ‘green’, etc. (St. 2007 #270; likely also

³ The other Tna term for ‘green’, *ḥātūlya*, is an Amharism, judging by -t- instead of the expected *-ṣ- (v. Bulakh Dis.).

⁴ Borrowed into Cush.: Aungi *amlī*, Bilin *ḥamla*, etc. ‘cabbage’ (App. CDA), Kambatta *hamiilu* ‘cabbage’ (Huds. 320).

⁵ The other term for ‘green’, *ʔahḏar*, is borrowed from Arb.

- *š(y)VrV ‘leaf’ *ibid.* #285 and perhaps *šVrV ‘black, blue’ *ibid.* #275 as a secondary development from ‘green’). Very likely further related to Afras. *ča(ʃ)rVy- ‘barley’: Sem. *šaʃVr- ‘barley; grass’ (Dolgopolsky explained -ʃ- as the result of contamination with Sem. *šaʃr- ‘hair’; otherwise influenced by Sem. *šVʃVʃ-⁶); Egyp. (MK): *šr.t* ‘Gerste’ (EG IV, 524); E. Cush.: Kambatta *ašārú-ta*, Tembaro *ašaru* ‘barley’, etc. (see Mil. Farm. #6).
- (5) Amh. *ḳəṭälamma*, *ḳəṭäləyya*, *ḳəṭälṭal* // < Eth. *ḳ^wašl: Gez. *ḳ^wašl* ‘leaf, foliage’ (LGz 450), Tna. *ḳ^wäšli* ‘leaf, branch, green branch, foliage’ (Kane T 1059), Amh. *ḳəṭal* ‘leaf, plant, occasionally tree’ (Kane A 829), etc., related to Arb. *ḳašīl-* ‘fourrage vert coupé pour les chevaux’, *ḳašlat-* ‘tendre et flexible (arbre); gerbe (de céréales fauchées)’ (BK II 755).
- This Arb.-Eth. *ḳ^wašl- is comparable, as a form with -l- extension (see Mil. RE), with Cush. C.: Aungi *yači* ‘leaf’ (App. CDA 91; < *ḳac(ç)-), S.: Iraqw *qaančaar*, Alagwa *qaančar*, etc. ‘green’, likely < *ḳanč-: Burunge *qaanča* ‘rawness, state of being unripe’⁷, Qwadza *ḳanza* ‘green’, perhaps Dahalo *ḳátte* ‘unripe, raw’ (HRSC 250, in which Maʔa -*kúsa* ‘bad’, semantically possible but hard to prove, is also included). The resulting Afras. protoform can be reconstructed as *ḳ^waš-l- ‘green, unripe’.
- (6) Amh. *aräng^wäde* (syn.); Arg. *aräng^wäde*; Sod. *aräng^wäde* // No Sem. etymology.
- Cf., however, C. Cush.: Kemant *aräg^wina* ‘green’ (“connected with Amh. *aräng^wäde*”, according to App. CDA 77); the connection is unmistakable, though quite enigmatic. While -d in S. Eth. fails explanation, the Kemant term matches Egyp. (Pyr.) *wšd* (if < *wrg) ‘be green’ (EG I 264) and S. Omot.: Dime *ärgo* ‘leaf’ (Dolg. 141). Are these scattered forms sufficient to reconstruct Afras. *ʔ/warg^w- ‘green’?
- (7) Hrs. *hežōr*; Mhr. *hežōr*; Jib. *šəçrōr*; Soq. *šəžhor* // < MSA *šəšōr- with no direct cognates. As the similarity with *ḥšr (#3) can hardly be ignored, may be suspected to be a contamination case (*ḥšr > *ššr influenced by another MSA root with a similar meaning and initial š-), but I have so far been unable to find the “pattern” words with š- in MSA which may have “engendered” the phonetic shift. One wonders whether it could be the other way round: MSA *šəšōr- reflects a primary root *š_xVšVr-, while in Arb., where š and ḍ are incompatible, *šḍr > ḥḍr by contamination with ḥḍb ‘be green’?
- ◇ Urm. *mīl* // Borrowing from Iranian (information from Prof. F. Pennacchietti). No terms in Ugr., Pho., Bib., Sab. and Gaf.
- **Proto-Semitic:** *wark- (#1) .

36 HAIR

- (1) Akk. *šartu*; Ugr. *šŕr*; Hbr. *šeʃār*; Bib. *šəʃar*; Pal. *šŕr*, *sŕr*; Syr. *səʃart-*; Qur. *šaʃr-*; Leb. Mec. *šaʃar*; Mlt. *šā(gh)ir*; Gez. *šəʃar-t* // < Sem. *šaʃar(-at)- (SED I #260).
- < Afras. *čVʃar- (ADB): Brb. *a-zzar (possibly < *čVHar) ‘hair’: Semlal *a-zzär*, Izdeg, Seghrushen *a-zzar*, etc.; Chad. C.: Mofu *žára*, Gisiga *žara* ‘feather’, E.: Migama *čéère id.*, Dangla *číré* ‘long feather’.
- (2) Mnd. *manzy-*; Urm. *mizt-* // < Arm. *miʃanz-ay-: Jud. *məʃazzəyā* ‘hair’ (Sok. 693), *mazzəyā id.* (*ibid.* 652). Likely a relative adjective (“goatish”) < Sem. *ma/iʃ(a)z- ‘goat’: ESA: Maʃin *mʃzy*

⁶ Sem. *šVʃVʃ- ‘barley, ear of corn; k. of beans’: Akk. *šeʔu* ‘barley, grain; pine nut’ (CAD š1 345; AHw 1222; acc. to both sources, from Sumerian; the quoted reading has been recently put under doubt by Huehnergard), *šuʔu* ‘pulse, chickpea’ (CAD š3 416), ‘eine Getreideart’ (AHw 1294); Jud. *šəʃūt* ‘a species of beans’ (Ja. 1610), *šəʃit- id.* (Ja. 1611); Arb. *šaʃāf-*, *šiʃāf-*, *šuʃāf-* ‘barbe de l’épi’, šš IV ‘se remplir de grains (se dit des épis, des céréales)’ (BK 1 1234); Tgr. *səʃaf* ‘oats’ (LH, 194), etc. (see Mil. Farm. #5).

⁷ United in KM 230 with Iraqw *qaanča* ‘saliva of a dead man’, Alagwa *qaanča* ‘rainy season’, which is semantically unconvincing.

- (du.) ‘chèvre’, Arb. *maʕz-*, *maʕaz-*, ‘nom gén. chèvres et boucs, espèce, race caprine’, etc. (SED II #148).
- < Afras. **maʕi(n)ʒ-* ‘horned ungulate’: Egyp. (CT) *myz.t* ‘horned animal (?)’; Chad. W.: Hausa *màazo* ‘harness antelope’, C.: Gudur *maŋgazaw* ‘Redunca (reedbuck)’, E.: Barein *múzo* ‘ox’; (?) S.Cush.: Dahalo *máʕade*⁸ ‘female topi’; N.Omot.: Gamo *múzi*, Dorze *miiz*, Anfillo *minʒo*, Bworo *mii(n)zà* ‘cow, cattle’ (ADB; EDE III 156–7⁹).
 - (3) Sod. *gunnän*; Cha. *gunär* // Also ‘head’ (Muher, Masqan, Goggot *gunnän* id.) < Sem. **gul/in-* ~ **ʔ/wVgn-* ‘cheek-bone’: Arb. *ʔaʒnat-*, *waʒnat-* ‘joue, surtout joue saillante’, Jib. *égənt* ‘cheek-bone’, etc. (SED I #84).
 - < Afras. **gi/un(Vn)-* ‘cheek; jaw; face; head’: Egyp. (Med.) *dnn.t* ‘Schädel, Kopf’ (EG V 576; if < **gi/unn*); Brb.: Ayr *əganən* ‘os maxillaire; mâchoire’; Chad. W.: Montol *gun* ‘cheek’, Geruma *genne* ‘face’, C.: Lame *gíní* ‘cheeks’, E.: Birgit *gin* ‘forehead’, etc.; N. Cush.: Beja *genúñ* ‘jaw, chin’ (ADB; cf. SED I #84).
 - (4) Wol. *dumi* // < Eth.: Gez. *dəməh*, *dəməh*, *dəməh* ‘head, crown of the head, skull, summit’, Amh. *dəmah* ‘top of the head’, Arg. *dəmah* ‘head’, Gaf. *dəm^wä* ‘tête’, comparable with a cluster of variant roots in Arb.: *dimāy-* ‘cervelle, cerveau’, *dmy* ‘frapper à la tête au point d’attendre la cervelle’, *dmḥ* ‘briser la tête’ and *dammaḥa* ‘pencher la tête’ (cf. SED I #52, DRS 271; cf. also Kog. Eth. #42). Apart from Mhr. *dəməy* ‘brains’, likely an Arabism, I have found neither Sem. nor Afras. parallels.
 - (5) Hrs. *šāfēt*; Mhr. *šēfī-t*; Jib. *šfe-t*; Soq. *šfeh* // < Sem. **šV(ʕ)p(-at)-* ‘(tuft of) hair’: Arb. *šaʕfat* ‘mèche de cheveux, tupet, cheveux’ (BK 1 1240), etc. (SED I #259).
 - < Afras. **čaʕVp-* (ADB): Brb. **zi/aff-*: Ahaggar *ta-hiffa*, E.Tawllemmet *ta-žffa* ‘unplaited hair’, Wargla *zaff*, Iznasen *azäf*, Snus *zäf* ‘hair’; Chad. (?) C.: Kotoko *šəpàfə* ‘tail’, Mada *ášapa* ‘plait (hair)’, Mofu *šášəp-* ‘plait (hair, rope)’ (otherwise < **šVpV* ‘rope’ or **šVp-*), E.: Ndam *sap* ‘tail’, Masmaje *sàfifi-té* ‘mane’ (St. 2007 #90, 94); E. Cush.: Oromo *sap̄ii* ‘pubic hair’, Darasa *sape* ‘hair, pubic hair’.
 - ◇ Tna. *čäg^wər*, *šäg^wər*; Tgr. *čəgär*; Amh. *ṭägur*; Arg. *čəgär*; Gaf. *šəgärä*; Har. *čigär* are all < Cush. (cf. C.: Qwara *ṭagur*, E.: Somali *dagur*, etc., v. LGz 550). No terms in Pho. and Sab.
- **Common North and West Semitic:** **šaʕr(-at)-* (#1).

37. HAND

- (1) Akk. *kātu* // No Sem. etymology.
- If *-t-* is a fossilized suffix, related to Afras. **kaʕVw/y-* ‘claw, fingernail, hand’ (ADB): Chad. W.: Mburku *kaʕwi*, Jimbin *kuya* ‘finger-nail’, E.: Ubi *kòyà* ‘hand’, Mokilko *kóokè* (redupl.) ‘claw’; E. Cush.: Konso *kayaa*, Darasa *keʔya* ‘claw’, Gawwada *qoy-akko* ‘claw, nail’, Dobase *qoʕ-akko* ‘finger’, Tsamay *goʕ-akko* ‘claw, hoof’; perhaps also Egyp. (MK) *kʕh* ‘(upper) arm, shoulder, elbow’ without reliable Afras. parallels¹⁰, implying that Egyp. *kʕh* may be a result of secondary phonetic processes, considering that the combination **ʕh* is impossible in Sem. and unusual for Afras.
- (2) Ugr. *yad*; Hbr. *yād*; Pho *yad*; Bib. *yad*; Pal. *yad*, *ʔid*; Syr *ʔid-*; Mnd. *ʔ(i)d-*; Urm. *ʔayd-*; Qur. *yad-*; Leb. *ʔad-*; Mec. *yad*; Mlt. *idey*; Sab. *yad*; Gez. *ʔad*; Tna. *ʔid*; Tgr. *ʔade*; Amh. *ʔəʒ*; Arg. *ənʒ*; Sod.

⁸ There seem to be a few cases of Dahalo *d* < **ʒ/ʒ* (although *d* mainly < **d*), but this correspondence still has to be investigated.

⁹ I do not see any reason to separate what Takács reconstructs as two N. Omot. roots — **miiz-* ‘cow’ and **minʒ-* ‘cattle’, for which he admits the possibility of being a palatalized form < **ming-* borrowed < Eth.: Amh. *mānga*, etc. The change **g* > *ʒ* is not characteristic of Omotic in genuine words and is hardly expected in loanwords.

¹⁰ The ones suggested in EDE I 332 are all with **k-*, not **k-* as in Egyp.)

ǎš; Har. *iš*; Wol. *ənš*; Cha. *ǎš*; Hrs. *ḥayd*; Mhr. *ḥayd*; Jib. *ed*; Soq. *ʔed* // < Sem. **yad*- ~ **ʔid*- (SED I #291).

- < Afras. **ya/id*- (ADB; scarce attestation): Egypt. *d*, hieroglyph for hand; E. Chad.: Mawa *kwa-yida-m* ‘(my) hand’ (cf. *kwa-kal* ‘bras’, *kwa-kam* ‘griffe’, etc.).
 - (3) Gaf. *šatä* // < Sem. **šVbʕ(-at)-*, *ʔa-šbaʕ*- ‘finger’ (SED I #256).
 - < Afras. **šibVʕ*- ‘finger’ (ADB): Egypt. (Pyr.) *ḏbʕ* ‘finger’; (?) Brb.: Ghadames *ta-ḏabu-t* ‘finger-ring’¹¹; E. Cush.: **ʕVḏib*- ‘heel’: Somali *ʕeḏib*-, Rendille *ḏábḏáb* (redupl. with a loss of initial pharyngeal), Baiso *iʔʔib*- (**ḏ*- > \emptyset in Baiso)¹².
- **Common West and South Semitic:** **yad*- ~ **ʔid*- (#2).

38. HEAD

- (1) Akk. *kaḫḫadu* // < Sem. **ka/udka/ud*- ‘skull, head’ (SED I #159).
 - Likely a reduplicated form < Afras. **ḵwad*- ‘calabash, vessel’ (ADB)¹³: Chad. **ḵwad*-/**ḵwaḏ*- (with a shift of emphasis): W.: Kirfi *kwàḏó*, Gera *kwāḏa*, Geruma *koddo* ‘calabash’, C.: Higi *kwadya* ‘small pot’, Logone *ḵkóda* (< **nV-ḵwad*-) ‘bottle’, E.: Dangla *kóḏà* ‘small jug’; Cush. E.: Oromo *qodaa* ‘receptacle’, S.: Dahalo *ḵoodo* ‘kind of calabash’.
 - (2) Ugr. *riš*; Hbr. *rō(ʔ)š*; Pho. *rʔš*; Bib. *rēʔš*; Pal. *rē(ʔ)š*, *ryš*; Syr. *rēš*-; Mnd. *riš*-; Urm. *rīš*-; Qur. *raʔs*-; Leb. *rās*; Mec. *rās*; Mlt. *rās*; Sab. *rʔs*; Gez. *rəʔəs*; Tna. *rəʔəs-i*; Tgr. *rüʔäs*; Amh. *ras*; Har. *urūs*; Hrs. *ḥerih*; Mhr. *ḥərōh*; Jib. *reš*; Soq. *rey* // < Sem. **raʔ(i)š*- (SED I #225).
 - < Afras. **raʔis*- ‘brains, head’ (ADB): Egypt. *ʔys* (Med.) ‘brain, viscera (of the skull)’; Chad. C.: Glavda *rüršà*, Nakatsa *rəršà*, Mofu *māḵḡ-řâš* ‘brains’ (on the phenomenon of “secondary lateralization” in C. Chad. see St. LS), E.: Mawa *rəsa*, Kajakse *reeze* ‘brain’.
 - (3) Arg. *dəmah*; Gaf. *dəmʷä*; Wol. *dumi* // See HAIR #4.
 - (4) Sod. *gunnän*; Cha. *gunär* // See HAIR #3.
- **Common West and South Semitic:** **raʔ(i)š*- (#2).

39. HEAR

- (1) Akk. *šemû*; Ugr. *šmʕ*; Hbr. *šmʕ*; Pho. *šmʕ*; Bib. *šmʕ*; Pal. *šmʕ*; Syr. *šmʕ*; Mnd. *šma*; Urm. *šmʕ*; Qur. *šmʕ*; Leb. *səməʕa*; Mec. *simiʕ*; Mlt. *sēma(gh)*; Sab. *s₁mʕ*; Gez. *smʕ*; Tna. *sämʕe*; Tgr. *sämʕa*; Amh. *sämma*; Arg. *sämma*; Gaf. *sämmä*; Sod. *sämmam*; Har. *sämaʕa*; Wol. *sämä*; Cha. *sämam*; Hrs. *hōma*; Mhr. *hēma*; Jib. *šīʕ*; Soq. *hemaḥ* // < Sem. **šmʕ*- .
 - < Afras. **sim(ʕ)*- (ADB): Egypt. *smt* (Pyr.) ‘hear’, *sm.t* ‘ears’ (NE), *smtmt* (BD) ‘eavesdrop’¹⁴; Chad. C. **šim*- (with secondary lateralization) and E. **sVm*- ‘ear’ (St. 2009 #266).
- **Proto-Semitic:** **šmʕ*-.

¹¹ Phonetically possible, but semantically problematic; quoted as *ta-ḏabb-ut* ‘finger-ring’ in EDE I 256–7 together with Ahaggar *ta-ḏeho-t* id., which I could not find in available sources.

¹² Cf. EDE I 256–7, where the E. Cush. forms are not drawn into comparison, while cognation with N. Omot. Hozo *zaba*, Sezo *zābi* ‘finger’, made without any reservations, is questionable: there is no **ç*- > *z*- shift in Hozo or Sezo (-*z* can be < **ç* in non-initial position only in Sezo), according to Bender’s chart of correspondences (Bnd. Om. 290).

¹³ A metaphoric semantic shift, attested in various languages.

¹⁴ Sem. **-ʕ*, with no traces of it in Egypt., looks like a secondary root extension (see Mil. RE). In EDE I 194 and 262, Sem. **šmʕ* and the Chad. forms are instead related to Egypt. *sḏm*. Though, according to EDE III 609, “...Eg. *sḏm* has been convincingly etymologized from **smd* < **smʕ* ~ Sem. **šmʕ* ‘to hear’ (see EDE I 262)”, this is based only on a bare statement in EDE I 262, with no arguments at all, convincing or not, in favor of this comparison; recognizing in Sem. **-ʕ* a secondary extension, regardless of whatever reasons may lie behind it, is in better agreement with the principle of Occam’s razor than the multiple-stage explanation of incompatible *s* and *ʕ* in Egypt., with *ʕ* for some unknown reason changing to *ḏ* (reflecting **gʔ*? or one of the emphatic affricates?), the whole process crowned with metathesis at that!

40. HEART

- (1) Akk. *libbu*; Ugr. *lb*; Hbr. *lēb*; Pho. *lb*; Bib. *lēb*; Pal. *lb*; Syr. *lebb-*; Mnd. *lib*; Urm. *lib-*; Sab. *lbb*; Gez. *labb*; Tna. *labbī*; Tgr. *lāb*; Amh. *labb*; Arg. *labb*; Sod. *labb*; Hrs. *ḥelbēb*; Mhr. *ḥalbib*; Jib. *ub*; Soq. *ḥilbib* // < Sem. **libb-* (SED I #174).
- < Afras. *(?-)lib(b)- ‘heart’ (ADB)¹⁵: Egyp. *īb* (OK) ‘heart’; Chad. C.: (?) Bura *libu* ‘weed with heart-shaped leaf’, Daba *libī*, Musgoy *lib* ‘belly’ (or < **la/ib-* ‘chest, side of body’ — see footnote 15), E.: Mokilko *ḥūlbò* ‘heart’; Cush. N.: Beja *leew* (if < **lib-*) ‘pylorus’ (cf. *leeb* ‘belly, stomach, heart’ < Eth.), C. **lab(b)ak-* ‘heart’ (App. CDA 82 with the comment “the suffix element *-āk-* ... is unexplained”), E.: Afar *alib* ‘lung’ (*lūbbi* ‘heart, soul’ is < Eth.), Somali *laab*, Konso *luppoota* (unless < **la/ip?*-, footnote 15) ‘heart’ (both rather genuine than borrowed, whereas Oromo *lubbuu* ‘heart, soul, spirit’ is likely < Amh. and Sidamo *lubbo*, Burji *lubbóo* ‘soul’ are < Oromo rather than < Amh.), S.: Maʿa *lubúra* ‘spleen’ (the comparison with Asa *liba* ‘chest’ in HRSC 205 implies a suffixed *-ra* in Maʿa; Asa *liba* ‘chest’ likely belongs to **la/ib-* ‘chest, side of body’, footnote 15); Omot. N.: Bworo *libbo* ‘heart’, S.: Ari (Ubamer) *lip/ḥa* id. (otherwise < Afras. **la/ip?*- ‘inner organ’, footnote 15).
- (2) Qur. *ḳalb-*; Leb. *ḳalab*; Mec. *ḳalb*; Mlt. *alp* // Most likely, related (with metathesis) to Akk. *ḳablu* ‘middle, center, middle part; hips, loins, waist’ (CAD *ḳ* 6; cf. also SED I #161).
- < Afras. **ḳabl-* ~ **ḳalb-* (ADB): Egyp. (MK) *ḳʕb* ‘breast’ (if < **ḳVlb-*; cf. EDE I 314); W. Chad.: Mburku *ḳubulo* (and Siri *bukuli* with met.?) ‘stomach’ (E. Cush.: Oromo *qalbii* ‘mind’ must be an Arabism).
- ◇ Har. *ḳālbi*, isolated in Eth., is rather an Arabism than an inherited term; Wol. *wāzān* is a loan from Cush. (cf. Kambatta *wozāna*, etc.); Cha. *kʿən* (together with similar Gurage forms

¹⁵ In almost all of the sources (Dolg. 1973 163–4, EDE I 87–8, App. CDA 82 et al.), several roots are confused — part of them have presumably been variant roots as early as in Proto-Afras.; I hold it methodically correct to treat them separately. Besides *(?-)lib(b)- ‘heart’, they are (ADB):

(1) **la/ib-* ‘upper torso’: Sem. **labb(-at)-* ‘neck with chest; back and flank’: Akk. *labānu* ‘tendon of the neck; neck’, Arb. *lubb-at-* ‘le haut de la poitrine qui touche à la clavicule’, *labab-* ‘le haut de la poitrine ou de poitrail d’où descend un collier ou autre parure du cou’, *labān-* ‘poitrine, surtout la partie entre les mamelles, poitrail (de tout animal à sabot)’, Tgr. *lābbāt* ‘place of the fillet steak on the back of animals; midst, side’, Jib. *leb* ‘side’, etc. (cf. SED I #173); Chad. W.: Guus *lāabi* ‘corpse’, C.: Mada *lāwvā* ‘side’; Cush. N.: Beja *léew* (< **IVb-*?) ‘side’, C.: Aungi *yelib* ‘woman’s breast’, E.: Afar *lab-* ‘side of the body’ (cf. *labka* ‘scapula, back of shoulder’), Saho id., Somali *laab* ‘chest, sternum, thorax’, Burji *lap-ée* ‘side’ (or < Oromo *lappée* ‘breast?’), S.: Asa *liba* ‘breast, chest’.

(2) **la/ip?*- ‘inner organ; chest and belly with interior’: Egyp. *npʕ* (CT) ‘guts’ (if < **IVp?*); W. Chad.: Sura, Angas *lap* ‘spleen’, Bokos *ma-laf* ‘liver’; Cush. E.: Afar *aleefu* ‘spleen’, Oromo *lappée* ‘heart, breast’ (Gr. 262; unless < **labb-*, but, in any case, hardly < Amh. *labb*). S.: Dahalo *lafi* ‘lungs’; N. Omot.: Basketo *lippe*, Galila *lib/pa* ‘belly’ (otherwise **lib(b)-* ‘heart’). Here, perhaps, also Sem. **li/api?*- ‘adipose, fleshy tissue, fat; marrow, pith’ (cf. SED #180).

(3) **na/ib-* ‘heart’: Chad. C.: Daba *nūv* ‘heart’, *nəv* ‘stomach, chest’, Musgoy *nəv* ‘heart, stomach’ (perhaps also W.: Zar *nābi* ‘left’ with a meaning shift from ‘heart’); C. Cush.: Bilin *nabaká*, Kemant *nābay* ‘middle’ (acc. to CDA 82, “variant forms” of **IVb-*); N. Omot.: Yemsa *nibaa*, Kafa *nibboo*, Bworo *niiba*, Hozo *nibba*, Sezo *nibba* ‘heart’ (it is highly unlikely that in all these forms **l-* evolved into *-n-* in various Afras. branches independently from one another, especially in view of the fact that the forms in *-l* and *-n-* coexist in some of the languages; Bender’s assumption in Bnd. Om. 167 & 274 that Omot. forms in *-n* might be loans from Amh. *libb-* is untenable).

(4) **ʕawVyl(-im)-* ‘heart; belly’: Brb.: Siwa *uli*, Ayr. E. Tawllemmet *əwəl*, Ahaggar *ul*, Kel-Ui *uləm* (note *-m!*), Taneslemt *ulh*, etc. ‘heart’ (in my opinion, cases of the much-discussed correspondence Tuareg *h* ~ Ghadames and Audjila *b* ~ other Brb. \emptyset can reflect Afras. **b* only if there is a laryngeal or pharyngeal in the reconstructed Afras. root; in the present case, the absence of either corresponding forms with *b* in Ghadames and Audjila or traces of a laryngeal or pharyngeal consonant in Afras. **lib(b)-* gives no grounds to relate the above Brb. forms to the latter); (?) W. Chad.: Jimbin *hwahala* ‘intestines’; E. Cush.: Saho *uluʕ-* ‘belly’ (with metathesis), Somali *ʕalol* ‘belly’; Omot. N.: Welaitta *ʕuluwa* ‘belly’ (metathesis), S.: Hamar *wəwylim* ‘heart’ (note *-m!*), perhaps Ongota *ləta* id.

in LGur 372) is tentatively regarded by Leslau as a loan from Oromo *onnē* ‘heart’, which is not very convincing, but I could not find an alternative etymology (possibly < Sem. **gal/in(a)n-* ‘viscera; heart’ SED I #83?). No term in Gaf.

→ **Proto-Semitic:** **libb-* (#1).

41. HORN

(1) Akk. *ḫarnu*; Ugr. *ḫrn*; Hbr. *ḫārān*; Pho. *ḫrn*; Pal. *ḫrn*; Syr. *ḫarn-*; Mnd. *ḫarn*; Urm. *ḫa(r)n-*; Qur. *ḫarn-*; Leb. *ḫaran*; Mec. *ḫarn*; Mlt. *rūn*; Gez. *ḫärn*; Tna. *ḫärn-i*; Tgr. *ḫär*; Amh. *ḫänd*; Arg. *ḫərara*, *ḫänd*; Gaf. *ḫändä*; Sod. *ḫär*; Har. *ḫär*; Wol. *ḫär*; Cha. *ḫän*; Hrs. *ḫōn*; Mhr. *ḫōn*; Jib. *ḫuhn*; Soq. *ḫan* // < Sem. **ḫar-n-* (cf. SED I #168).

□ < Afras. **ḫar(-n)-* (ADB): Omot. N.: Yemsa *kala*, Kafa *ḫaroo*, Mocha *ḫáro*, Anfillo *ḫaroo*, Bworo *ḫalla*, Sezo *ḫálì*, Hozo *ḫara* ‘horn’¹⁶, S.: Ari *ḫari* ‘tusk’.

◇ No term in Bib. and Sab.

→ **Proto-Semitic:** **ḫar-n-*.

42. I

(1) Akk. *anāku*; Ugr. *ʔan*, *ʔank*; Hbr. *ʔānī*, *ʔānōkī*; Pho. *ʔnk*; Bib. *ʔānā*; Pal. *ʔānā*; Syr. *ʔenā*; Mnd. *ana*; Urm. *ʔānā*; Qur. *ʔanā*; Leb. *ʔani*; Mec. *ʔana*; Mlt. *yīn*; Sab. *ʔn*; Gez. *ʔanä*; Tna. *ʔane*; Tgr. *ʔāna*; Amh. *əne*; Arg. *an*, *äy*; Gaf. *anät*; Har. *ān*; Cha. *əya* // < Sem. **ʔan(-akV)*.

□ < Afras. **ʔa-na(-k/tV)* (ADB): Eyp. *ʔnk*; Brb. **na/ikk*: Ahaggar *nek*, Zenaga *niʔk-an*, Qabyle *nəkk*, etc.; Chad. W.: Hausa *nīnaa*, Bolewa *ina*, Dera *naani*, Sura *an*, Fyer *yīn*, etc., C.: Tera *ḫa*, Margi *nayu*, Musgu *ta-nu*, Bachama *-na-*, Masa *nan*, etc., E.: Migama *ná*, *náàtā*, Jegu *nō*, Mokilko *nun*, *nuuno*, Tumak *nə*, etc.; Cush. N: Beja *aní*, *ane*, C.: Bilin *an*, Khamta *ān*, Kemant, Aungi *an*, E.: Afar *anú*, Somali *aniga* (< **ʔa-ni-ka*), Boni, Rendille, Oromo *ani*, Konso *ánti*, Sidamo, Hadiya, Burji *ani*, Gawwada *ano*, Tsamay *ʔāno*, S.: Iraqw *an/ani*, Maʔa *ani*, Dahalo *ana* / *añi*; Omot. N.: Anfillo *to-ʔoni*, Hozo *na-ga* (< **na-ka?*), Nayi *na*, Sheko *nta*, Dizi *inu* (cf. metathetic forms *tana*, *tani* in Omoto, Chara, Bworo, etc.).

(2) Sod. *ādi* // An enigmatic pronoun with no Sem. parallels (cf. various suggestions quoted in LGur 13, none of which is convincing); cf., however, C. Chad.: Buduma *n-dau*, *dau*, Logone *n-dau* ‘I’ (independent form).

(3) Wol. *ihe* // In spite of formal affinity with (4), more likely < **ʔik-* (cf. LGur Vol. I XXXVII–VIII and LXIV) to be tentatively related to the **-k-* element in Sem., Eyp., Brb. 1st person sing. pronoun, Chad. C.: Glavda *kaya*, Daba *kata*, Cinene *káyà*, *kà*, Guduf *kà*; (?) E. Cush.: Yaaku *úçe?* (< **ʔik-?*); S. Omot.: Ongota *kata*.

(4) Hrs. *hoh*; Mhr. *hoh*; Jib. *he*, *he?*; Soq. *ho* // Certainly a separate root, not distorted forms of **ʔan*¹⁷.

→ **Proto-Semitic:** **ʔan(-akV)* (#1).

¹⁶ Yemsa *kala* and Sezo *ḫálì* can be < **ḫar*, according to the correspondence charts in Bnd. Om. 184 and 290; as for Bworo, **-r* > *-r* and *-rh*. There is little doubt, however, that the Omot. proto-form is **ḫar-*, perfectly matching Sem. **ḫar-n-*. Since the Omot. forms can hardly be regarded as borrowed from Tgr. or S. Eth. forms lacking *-n*, or from Gez. *ḫärn*, or from Amh. *ḫänd*, the root should be considered Common Afras. which is decisive in the old dispute about broader connections of Sem. **ḫarn-* with its Indo-European and Kartvelian counterparts: they could be either borrowed from the former or go back to the common Nostratic-Afrasian proto-form, while borrowing into Sem. is unlikely.

¹⁷ The *h* element occurs in this personal pronoun in other Afras. languages as well, although rarely — cf. C. Chad.: Mofu *yah* (and, perhaps, forms like Bura *ya*, Malgwa *ʔiyya*, Podoko *waya*, Gisiga *ʔiya*, etc. in which **h* may yield *ʔ* or *ʃ*); E. Cush.: Arbore *yehe(lo)*, etc. One wonders whether it may eventually be traced back to the *h* element in deictic pronouns.

43. KILL

- (1) Akk. *dâku* (*duâku*) // also *dakâku* ‘to crush’ (CAD *d* 34, lex.), apparently from Sem. biconsonantal base **dk* ‘to crush, pound’: Hbr. *dk?* (pi.), *dky* ‘to crush’, *dwk* ‘to pound’, Arb. *dkk*, etc. (HALOT 216, 221).
- Related to Chad. W.: Hausa *dákà*, Bolewa *dak-* ‘to pound’ (HSED #633), C.: Bura *dika* ‘to pound with a club’, Mbara *dàk* ‘to strike’ (ADB). However, Akk. *dâku/duâku* ‘to kill’ also has direct parallels with the meaning ‘to kill’ in Chad. W.: Karekare *dukwa*, Bolewa *dùwí* (< **duk^w*-), Ngamo *duko*, Kirfi *duk-/duy^w*-, Sha *duk* (also ‘to beat’) and C.: Logone *duku* (ADB); the question is whether the presence of two different forms in Akk. and Bolewa forms speaks against uniting the Sem. and Chad. forms meaning ‘to pound, beat’ and ‘to kill’ within one root (although their eventual kinship on the Proto-Afras. level is evident), or the semantic shift took place independently in both languages.
- (2) Akk. *nēru* (syn.) // Likely related to Arb. *nḥr* ‘causer à quelqu’un une lésion à la clavicule; égorger (surtout un chameau)’ (BK 2 1211–12)¹⁸.
- (3) Ugr. *mḥš*¹⁹ // < Sem. **mḥš*: Akk. *maḥāšu* ‘to strike’, Hbr. *mḥš* ‘to smash’, etc. (HALOT 571). No reliable Afras. parallels.
- (4) Hbr. Sab. *hrg* // < Sem. **hrg*: Moabite, Old Aram., Arb. ‘to slaughter’ (HALOT 255). No Afras. parallels.
- (5) Bib. Pal. Syr. *ḵṭl*; Mnd. *gṭl/geṭal*; Urm. Qur. *ḵtl*; Leb. *?ətal*; Mec. *ḵatal*; Mlt. *ātel*; Sab. *ḵtl* (syn.); Gez. *ḵtl*; Tna. *ḵätälä*; Tgr. *ḵätla*; Wol. *ḵätälä*; Cha. *ḵätäräm* // < Sem. **ḵtl*: Akk. *ḵatālu* ‘to kill, slaughter’ (CAD *q* 162), Hbr. *ḵṭl* ‘to kill’ (a rare term, considered an Arameism, see HALOT 1092²⁰).
- Perhaps a form with fossilized *-l* (see Mil. RE), derived from Afras. **ḵVṭ/t-* ‘strike, kill’ (ADB): Sem.: Arb. *w/yḵt* ‘beat (so.)’; Chad. C.: Podoko *kəḏa*, Ouldeme *kàḏ*, Gisiga *kaḏ* ‘kill’, Mofu *-kaḏ-* ‘strike, kill’, etc., E.: Migama *kòḏo* ‘to strike’ (according to O. Stolbova, Chad. *ḏ* reflects Afras. **d* adjacent to a laryngeal, but not **ṭ*; there are, however, quite a few cases worth further research where Chad. *ḏ* seems to continue Afras. **ṭ*); N. Cush.: Beja *kaḏaw* ‘to strike’.
- (6) Amh. *gäddälä*; Arg. *gäddäla*; Sod. *gäddäläm*; Har. *gädälä* // < Sem. (Arb.-Eth.): Gez. *gadala* ‘to strive’, Tgr. *tägädälä*, Amh. *tägädälä* ‘to fight’ (in LGz 182 related to Sem. **gdl* ‘be big, grow big and strong’, which is semantically hard to prove), Arb. *ḏdl* ‘jeter, renverser par terre’, II id. (d’un coup de lance), III ‘se quereller, se disputer avec quelqu’un’ (BK 1 265–6). No Afras. parallels.
- (7) Hrs. *letōy*; Mhr. *lutōy*, Jib. *letəy*, Soq. *lataḥ* // < Sem. (Arb.-MSA; less likely an Arabism in MSA with a shift from one of the many synonyms meaning ‘to strike, hit’ in Arb. to the main term for ‘to kill’): Arb. *lty* ‘frapper; piquer’ (BK 2 964), cf. *ldy* ‘piquer (du scorpion)’ (ibid. 983). No Afras. parallels.
- (8) Jib. *enúsum* (syn.) // < Sem. **nšm* ‘to breathe’ (see DIE #6). No Afras. parallels.
- ◇ No term in Pho. and Gaf.
- **Proto-West Semitic: ḵtl** (#5).

¹⁸ Compared in St. 2005 #569 with E. Chad.: Dangla *ḡèrḡirē* ‘schneiden’, Mokilko *nyèrìrè* ‘tailler’.

¹⁹ Suggested by L. Kogan instead of *hrg*, which has very scarce attestation.

²⁰ In Mil. 2008, instead of “in Heb. an Arm. loanword”, I have miscopied “in Heb. and Arm. loanword” from HALOT, taking it for an assertion that implies borrowing into both from Akkadian, and, ridiculously, gave my objections.

44. KNEE

- (1) Akk. *birku*; Ugr. *brk*, *birku*; Hbr. *bārūk*; Bib. **barak*; Pal. *brk*; Syr. *burk-*; Mnd. *burk-*; Urm. *birk-*; Gez. *bark*; Tna. *barki*; Tgr. *barak*; Wol. *bark*; Hrs. *bark*; Mhr. *barak*; Jib. *berk*; Soq. *berk* // < Sem. **bi/ark-* (SED I #39).
- Cf., on one hand, C. Chad. forms in *p-* (a triconsonantal variant root with partial reduplication?): Gisiga *poporok* ‘knee’, Matakam *páparakw* ‘paw’ and obscure E. Cush.: Yaaku *loiporokuçi* ‘knee’ (unless a borrowing from a non-Afras. language, composed of *loiporokuçi* < **-porokuki* < **borok-* with *loi* of unknown meaning?) and, on the other hand, Chad. forms meaning ‘knee’ like W.: Ngamo *buru*, Maha *burum*, Galambu *búbur*, Paʔa *bùrmí*, Guruntum *vàran*, etc. (and such forms as Sura *kə-fùrùm*, Tangale *purum*, Warji *ɣwùrmù-ná*, Kir *kaa-furum*, etc., in which, according to Stolbova, the modification of the initial consonant is due to the body part prefix **kV-* < **kV* ‘head’), C.: Padoko *bár-na* ‘knee’, Gude *búrà* ‘elbow’, Zime-Bata *búru* ‘to kneel, to crawl’, E.: Mokilko *ʔòbbírà* ‘to kneel on river shore to drink’ (all ADB; the latter comparison is valid only if we presuppose a fossilized *-k* in Sem.; note the *-k* element in body parts in some of the Cush. languages quoted above, like Agaw **lab(b)ak-* ‘heart’ and Saho-Afar *labka* ‘shoulder’; see also Mil RE).
- (2) Bib. **ʔarkubbā*; Qur. *rukbat-*; Leb. *rikbi*; Mec. *rukba*; Mlt. *arkoppa* // < Sem. **(ʔa-)rakub(at)-* ‘knee’ (cf. SED I #232); should be scored differently from **bi/ark-*. A clearly secondary metathetic variant of the latter, derivable from it on the Common WSem. level: cf. Bib. *birkōhī* and *ʔarkubbātēh* (both dual) ‘knee’, Jud. *birkā* id. and *rakūbā*, *rakūbtā*, *ʔarkūbtā* ‘part of the leg’ and Arb. *barikat-* ‘genou’, *brk* ‘s’agenouiller’, with both variant roots coexisting in the same languages.
- ◇ Amh. *gulbät*; Arg. *gulbät*, *gulot*; Gaf. *gulbät*; Sod. *gulbät*; Har. *galib*; Cha. *g^wərbät* are from Cush., more likely from HEC (cf. Kambatta *gulubi-ta*, Darasa *gulubo*) than from LEC, where the pertinent terms have **ʒ-* as the first radical (Oromo *žilba*, Somali *žilib*), whereas similar forms in Agaw, with the exception of Dembea *gulviε*, have *-r-* as the second radical; Saho and Afar fit in phonetically (both have *gulub*), but can hardly be the source of a loanword that is so widespread in the S. Eth. area. No term in Pho. and Sab.
- **Proto-Semitic:** **bi/ark-* (#1).

45. KNOW

- (1) Akk. *idû*; Ugr. *ydʃ*; Hbr. *ydʃ*; Pho. *ydʃ*; Bib. *ydʃ*; Pal. *ydʃ*; Syr. *ydʃ*; Mnd. *yda*; Urm. *dʃy* (met.); Sab. *dʃw* (met.); Hrs. *yōda* // < Sem. **ydʃ*.
- < Afras. **yadaʃ-* ~ **dayaʃ-* ‘know’ (ADB): C. Chad.: Mandara *díya*, Malgwa *díya* ‘know’; Cush. E.: Saho *da/iʃ-* (also *ḍa/iʃ-*), Afar *daʃ-* (also *ḍaʃ-*) ‘know, be able’, Somali (Isaq) *daʃ-* ‘understand’, Oromo *yaada* ‘think’, *yaada-ḍḍa* ‘remember’, Sidamo *yaad-* ‘think’ (likely < Oromo), S.: Iraqw *daʃ-ati* ‘witchcraft’ (acc. to HRSC 224, < **d^haʃ-*), *daʃ-ari* (acc. to KM 78, < **daʃ-* ‘burn’, which is less probable), Alagwa *dandaʃ-as* ‘to treat injury, wound’, Asa *daʃ-aruk* ‘doctor-diviner’; (?) N.Omot.: Bworo *daan* ‘know’ (if < **daʃ-an*).
- (2) Pal. *ḥkm* (syn.) // < Sem. **ḥkm* ‘to know, be wise’ (HALOT 313–14). No reliable Afras. parallels.
- (3) Qur. *ʔalima* // other meanings are ‘savoir distinguer une chose de l’autre; apprendre quelque chose’ and (*ʔalama*) ‘marquer, distinguer par une marque’ (BK 2 349) < Sem. **ʔlm*, something like ‘make/discern hidden signs’: Ugr. *ʔlm* ‘be hidden, unknown, go unnoticed’ (DUL 158), Hbr. *ʔlm* (nif.) ‘to be concealed’ (HALOT 834), Gez. *taʔalma* ‘to be hidden, disappear from sight’, Amh. *allämä* ‘to disappear from sight’ (LGz 61), Mhr. *ʔālōm* ‘to brand (with a rag), to make a mark’ (JM 22), etc.²¹

²¹ For possible Afras. parallels cf. Chad. W. **lVm-* ‘to hide, to disappear’ and, perhaps, E.: Mafa *lém-* ‘think’ (ADB).

- (4) Leb. *ṣarəf*; Mec. *ṣirif* // Class. Arb. *ṣrf* id. No parallels in other Sem. or Afras. that I could find.
- (5) Mlt. *kin yaf* // *yaf* < **yakf* related to Class. Arb. *ḵwf* ‘connaître, deviner l’état intérieur d’une chose à l’aide des signes extérieurs’ (BK 2 835). No parallels in other Sem. or Afras. that I could find.
- (6) Gez. *ʔaʔmara*; Tgr. *ʔammärä* // < Eth. **ʔmr* ‘to show, indicate’: Gez. *ʔammara*, Tna. *ʔammärä*, Amh. *ammärä* < Sem. **ʔmr* ‘to see’: Akk. *amāru*, Pho. *ʔmr* id., Ugr. *ʔamr* ‘to look at’ (DUL 71), Sab. *ʔmr* ‘sign, omen, oracle’ (SD 6).
- < Afras. *(ʔV-)mVr- ‘to see, look, show, search for’ (ADB)²²: Egyp. *mʔʔ* (OK) ‘see, look’ (if < **mrr*), *mr.t* ‘eye’, *mʔr* ‘supervisor’; Chad. W.: Ankwe *mèr* ‘spy on, look for’, C.: Lamang *mar-*, Mandara *mara*, Malgwa *mára* ‘to show’, Glavda *mar-* ‘show, make known’, E.: Bidiya *mer* ‘look, peer’, Kera *kə-maara* ‘soothsayer’; Cush. N.: Beja *mir* ‘see, attend to; find’, C. (re-dupl.): Khamir *mirmir*, Kemant *märämär*, Aungi *marmara-əḡ* ‘examine, search for’, E.: Oromo (Waata) *mar-aḡḡa* ‘look for, search for’, Rendille *mór-o* ‘soothsayer, star-gazer, who sees visions’; (?) N. Omot.: Mocha *marà ra(yé)* ‘to dream’ (cf. EDE III 30–33, 353–6).
- (7) Tna. *fälätä* // Eth. **flṭ* ‘to separate, split’: Gez. *falaṭa* ‘to separate, split, discern, know, etc.’, Amh. *fällätä* id. < Sem. (Eth.-ESA) **flṭ* ‘to split, separate’: Sab. *flṭ* ‘to assign land’ (SD 44); probably related to Sem. **plṭ* ‘to save’ (cf. LGz 161). No Afras. parallels.
- (8) Gaf. *šalä*; Sod. *šalä*; Wol. *čalä*; Cha. *karäm* // < Sem. **khl* ‘to be able’ (LGz 277). No Afras. parallels.
- (9) Hrs. *yerōb* (syn.); Mhr. *yerōb*; Jib. *yarob*; Soq. *ṣerob* // The only solution, though debatable, that I can suggest is to trace these forms back to Sem. **yarb-* ‘sunset, west’ with a peculiar semantic shift ‘to come to know/learn’ < ‘to go to an unknown place’ < ‘to go west’ (e. g. Mhr. *yarbēt* ‘strange place, unknown place, abroad’ JM 140, Jib. *oyórb* ‘to go west’ JJ 88, Akk. *ereb-* (*erb-*) ‘setting of the sun, west’ CAD e 258, Arb. *yarb-* ‘coucher (du soleil)’ BK 2 450, etc.)²³.
- ◇ Amh. *awwākä*; Arg. *wōnqa*, *ōnqa*; Har. *ākā* < C. Cush.: Aungi *-aq-*, Damot *y-aq-*, Qwara *ax-*, etc. ‘to know’.
- **Proto-Semitic:** **ydl* (#1).

46. LEAF

- (1) Akk. *aru*, *eru* ‘frond, leaf of the date palm’ OB on (CAD a2 311), *artu* (and *aštu*) ‘foliage’ Y/NB (ibid.)²⁴ // < Sem. **yar-*: Arb. *yār-* ‘feuilles de la vigne; espèce d’arbre qui produit une résine’ (BK 2 516), perhaps also Hbr. *šārōt* (pl.) ‘reeds (on the Nile)’ (HALOT 882; hapax) unless < Egyp. (Pyr.) *ṣr* ‘Binse; Pflanze; Schreibfeder’ (EG I 208, VI 28, 136), which, if *-r* reflects **-r* (otherwise see #2 below), may be related to Sem. **yar-*.
- For non-Sem. parallels cf. Cush. N.: Beja *rat*, *rāt*, *erat* ‘leaf’ (unless the same as *lat*, though registered by several authors on a par with *lat*).
- (2) Akk. (syn.) *ḥaru* // v. footnote 24.

²² Often merged, as in EDE III 30–33, 353–6, with Sem. **VmVr-* < Afras. **mVr-* ‘to say, order’; I prefer to treat the two as homonymous roots on the Proto-Afras. level.

²³ The only, though interesting, parallel outside Sem. is in S. Omot.: Ongota *girib-* ‘become night’, if Ong g may render Afras. **γ*.

²⁴ Also *ḥaru* id., cf. *ḥarū* ‘young shoot of the date-palm’ SB (CAD ḥ 117), *ḥarūtu* NB ‘branch of the date palm’ (ibid. 121), referred to as an Arm. lw.; cf. HJ 404 with no indication of language: *ḥrwt* = ‘branch of date palm’ > Akkad., referring to AHW 329 asserting the same borrowing < Arm.). Perhaps two variant roots (with semantic contamination in Akk.): (1) *elaru* / *artu* ‘foliage, leaf’ < **yar-*, (2) *ḥaru* ‘frond, leaf, branch, shoot of the date palm’ < Afras. **ḥaruy-* ~ **ḥuray-* ‘leaf, palm leaf, palm’: Egyp. (Med.) *ḥʔ.w* (if < **ḥr-w*) ‘leaves’ (also **ḥʔ* ‘leaf (and stalk) of lotus’, an hieroglyph); C. Chad.: Musgu *ḥurai*, *ḥorai* ‘Deleb palm’ (cf. also Zime *ḥūrāy*, plant *Grewia venusta* whose leaves are used for making sauces); S. Cush: Iraqw *ḥuray-* ‘Borassus palm’ (HRSC 260). Cf. EDE I 160 and ADB.

- (3) Hbr. *šālā* // No straight parallels in Sem.²⁵
 □ < Afras. **šaly/w-* ~ **wašl-* ~ **lawš-*: Chad. W.: Pero *álàu*, Jimbin *aluhu*, Polchi *wál*, Zul *wali*, etc. ‘leaf’, (?) C.: Chad. *ʔèliya* ‘liane’; Cush. N.: Beja *lāt* ‘leaf’ (< **laš-at-*? Cf. also *rāt* id. above), E.: Somali *šáléen*, pl. *šáléemó* id., S.: Iraqw *lofo*; N. Omot. Mao *waale*, Kafa *wollo*, etc. id. (ADB)²⁶.
- (4) Pal. *ṭrp*, *ṭrb*; Syr. *ṭarp-*; Mnd. *a-ṭirp-*; Urm. *ṭarp-* // < Sem.: Hbr. *ṭārāp* ‘fresh twig, shoot’ (HALOT 380), Arb. *ṭarfāt-* ‘espèce de tamarise’ (BK 2 73; cf. also *ṭirf-* ‘plante qui n’est pas encore épanouie’, perhaps to be connected with *ṭirf-* ‘nouveau’ ibid.), Akk. *ṭarpaʔu* ‘ein Tamariskenart’ (AHw 1382; compared with Arb. *ṭarfāʔ-* ‘tamarisk’)²⁷.
- (5) Qur. *warāk-at-*; Leb. *waraʔa*; Mec. *waraga*; Mlt. *werʔa* // < Sem. **warāk-* ‘green, yellow’ (see GREEN #1).
- (6) Gez. *ḳʷāšəl*; Tna. *ḳʷāšl-i*; Amh. *ḳəṭäl*; Arg. *ḳəṭäl*, *hätal*; Gaf. *ḳəṭälä*; Sod. *ḳəṭäl*; Har. *ḳuṭṭi*; Wol. *ḳuṭäl*; Cha. *ḳəṭär* // See GREEN #5.
- (7) Tgr. *ḳäṭfät* // < Sem. **ḳṭp* ‘to pluck (leaves, fruit)’: Akk. *ḳatāpu* ‘to cut off, pluck off’, Hbr. *ḳṭp* ‘to pluck off’, Gez. *ḳaṭafa* ‘to pick, cut (flowers, leaves), pluck, snap’, Amh. *ḳäṭṭäṭä* ‘to pick flowers’, etc. (LGz 453). No reliable cognates outside Sem.
- (8) Cha. *ənzar* (syn.) // < ‘ear’, with a common semantic shift < Sem. **ʔud(V)n-* ‘ear’ (see EAR #1).
- (9) Mhr. *çyā(l)föt*; Jib. *çyizfot*; Soq. *šašlof* // No direct parallels. Cf. Arb. *šf* IV ‘ê. en feuilles (se dit des céréales, quand elles n’ont que des feuilles)’ (BK 2 272). Compared in LS 354–5 with Hbr. *səšip*, *saršap* ‘branche’, Syr. *saršep* ‘former des branches’, Arb. *sašf-* ‘rameaux ou feuilles de palmier sec’ with the improbable comment “le š emphatique est amené par la présence de ʔ”.
- ◇ No term in Ugr., Pho., Bib., Sab. and Hrs. (the two Akk. terms should rather remain unscored).
- **No common Sem.**

47. LIE

- (1) Akk. *šalālu* // ‘to lie/fall asleep, be at rest; remain inactive; sleep with a woman’ (CAD š 67). Likely from Sem. **šll* ‘to fall/lie/go/stay down’: Hbr. *šll* ‘to sink’ (HALOT 1027; hapax), Syr. *šll* ‘se inclinavit, inclinatus est, se demisit; flexit, disposuit; insidiatus est’ (Brock. 628), Arb. *šll* ‘surprendre quelqu’un, tomber inopinément sur quelqu’un (se dit d’un malheur)’, *šall-* ‘pluie abondante; pluie légère qui tombe çà et là comme une rosée’ (BK 1 1355), Gez. *šal(l)ala* ‘to float upon, come to the surface, swim’, Tna. *šälälä* ‘to float’, Amh. *čällälä* ‘spread (intr.) over a surface (butter or oil)’ (LGz 555)²⁸.
- (2) Akk. *nālu*, *niālu*, *i/utūlu* (syn.) // < **nyl*, likely related (with metathesis) to Ugr. *ln* ‘sleep, stay the night’ (DUL 500), Hbr. *lyn* ‘to spend the night, stay overnight, etc.’ (HALOT 529), (?) Arb. *laynat-* ‘coussinet’ (BK 2 1051; unless from *lyn* ‘ê. tendre, mou’). No visible Afras. parallels.

²⁵ HALOT 830 quotes Jud. *šalyā* id., which is more likely a Hebraism. Cf. also Syr. *šalway*, *ʔelway*, Gez. *šalwā*, *ʔalaw*, etc. ‘aloe’, considered a loan from Greek *aloē* of Sanskrit origin (LGz 63); I wonder whether ‘aloe’ could, on the contrary, be equated to ‘leaf’ and treated as a genuine Sem. (and Afras.) word meaning ‘leaf’.

²⁶ Cf. EDE I 94, where the Hbr., Syr. (quoted as ‘leaf’, not ‘aloe’), part of W. Chad., Somali (with reservations) and S. Cush. (Iraqw *halmi*, Alagwa *elemi*; hardly related to the present root, since Afras. **ʔ* yields Iraqw *ʔ*, not *h*) forms are compared to Egypt. *ʔr* ‘Binse; Pflanze; Schreibfeder’ (see #1), unquestionably interpreted as reflecting **ʔl*.

²⁷ Cf. E. Chad.: Bidiya *tirip* ‘k. of tree’ (ADB).

²⁸ Perhaps related to Chad. W.: Hausa *čälälä* ‘pour out a large quantity of fluid’, C.: Gude *čäläʔ* ‘dripping’, Logone *šili-wun* ‘to drip’; according to St. 2009 #735, < **çVI-* ‘to drip’ including other parallels meaning ‘rinse, soak’ and ‘be liquid, watery’ which, if related, make the comparison with the Sem. root unlikely.

- (3) Ugr. *škb*; Hbr. *škb*; Pho. *škb*; Gez. *sakaba* // < Sem. **škb* (HALOT 1486–7); cf. Akk. *sakāpu* ‘to lie down, lie still’ (rare) with irregular *s-* (< **s*, not **š*) and *-p* (< **p*, not **b*). No Afras. parallels.
- (4) Pal. Urm. *dmk* // Common Arm.: Syr. *dmk* ‘dormivit’ (Brock. 157), etc. (v. DRS 272); no other Sem. or Afras. parallels (if not for unexplainable *-k*, cf. Afras. **dalim-* ‘dwell, stay’ incl. Eyp. *dm?* ‘lie’).
- (5) Pal. *rbʕ* (syn.), Mnd. *rba*; Wol. (syn.) *rebätä* // The Arm. and Wol. forms are related, if the former reflect **rbʕ* (they may alternatively go back to **rbš*) < Sem. **rbʕ*: Hbr. *rbʕ* ‘to lie in position, recline; to copulate’²⁹, Arb. *rbʕ* ‘se tenir debout; atteindre’ (with a comment: “dérivé probablement des quatre pieds des quadrupèdes”); rester’, V ‘s’asseoir, ê. assis les jambes croisées, à la turque’ (BK 1 808), Wol. (above), Selti *rēbätä* ‘to lie down to sleep’ (LGur 521).
- An interesting if controversial, parallel is found in E. Cush.: Elmolo *rap-* ‘to sleep’ (**b* yields Elmolo *p*), Tsamai *rabe* ‘lie, sleep’ (SLLE; *-ʕ*, however, is expected to be preserved in Tsamai) which seem to imply **rab-*. Though Elmolo *rap-* is included by Sasse (PEC 22) into common E. Cush. **raf-* ‘to sleep’ (a variant root of **rab-*?), **f* yields in Elmolo *f*, not *p*.
- (6) Syr. *gānā* (syn.); Mnd. *gna* (syn.) // < Sem. **gny/?* ‘bend down, lie down’: Arb. *ʕn?* ‘bend over smth.’, Gez. *ganaya* ‘bow down, prostrate oneself, etc.’, Soq. *ʕignin* ‘bend, bow down’ (LGz 200).
- < Afras. **gina?* ‘lie/fall/bend down’ (ADB): Brb. (alternatively can go back to **h^(w)in-* in footnote 30, as Afras. **h* yields Brb. **g*): Ayr, E. Tawllemmet *əgən* ‘s’accroupir, descendre, faire halte’, Izdeg *gən* ‘dormir’, Qabyle *gən* ‘dormir, ê. couché’; Chad. W.: Bolewa *gan-d-* ‘lay down’, Buli *gin-dā* ‘fall down’, Ngizim *gīnā* ‘to sleep’, C.: Zime-Batna *gənā* ‘la bas’, E.: Migama *góné* ‘bottom’, Bidiyo *gāny* ‘be on the bottom’; (?) E. Cush. **gʕin-* ‘stay in place’ (only the reconstructed form, enigmatically adduced in Ehr. #124); Omot.: Male *gən?*, Ari *gin?* ‘to sleep’³⁰.
- (7) Leb. *lʕh* // < **lkʕh*, same as Class. Arb. *lkʕh* ‘jeter, lancer’, VIII ‘ê. jeté par terre’ (BK 2 1012–13), perhaps related to Sem. **lkʕh* ‘to take, lend’ (see in LGz 317), though a semantic connection is far from evident. No Afras. parallels.
- (8) Mec. *tamaddad*; Mlt. *kin mindud* // < Sem. **mdd* ‘to stretch, spread’: Hbr. *mdd* (hitpo.) ‘to stretch out upon’, Arb. *mdd*, Gez. *madada*, Tgr. *mädda* ‘to spread’, Mhr. *məd*, Soq. *med* ‘to stretch’, etc. (v. LGz 329).
- < Afras. **midd-* (ADB; cf. EDE III 791): Brb.: Mzab *əmdi* ‘tendre (un piège)’; Cush. N.: Beja *midi* ‘to stretch out’, E.: Hadiya *midid* ‘to stretch (body)’, perhaps also Eyp. *mʕdd* ‘somnoler’ (late, its determinative depicting a man sinking to ground from fatigue), compared in EDE III 130 as “very uncertain” with W. Chad: Zeem (*taarù*) *maḍai*, Tule (*dar*) *maḍà* ‘to sleep’; Oromo (Borana) *mudda* ‘feel sleepy’ (quite tenable, for my money).
- (9) Mlt. *imtēt* (syn.) // < Sem. **mtt/y* ‘to stretch, spread’: Hbr. *mty* ‘to spread, stretch out’ (HALOT 654), Arb. *mtt* ‘étendre quelque chose en long’ (BK 2 1055), etc.³¹

²⁹ Treated in HALOT 1180, after Wagner, as a loan from Arm. **rbʕ*, considered a reflex of **rbš*: Hbr. *rbʕ* ‘to lie down, rest’ (ibid. 1181), Arb. *rbʕ* ‘ê. couché les jambes ployées’ (BK 1 805), etc. Since there are apparently no other arguments for interpreting Hbr. *rbʕ* as an Arm. loanword (the Hbr. term is attested in Ps. and Lv.), the whole idea looks ungrounded, since Hbr. *rbʕ* has direct cognates pointing to Sem. **rbʕ*.

³⁰ Compared in EDE I 164 with Eyp. (Pyr.) *hny* ‘to rest’, confusing three different Afras. roots: (1) **gina?* ‘lie/fall/bend down’, (2) **h^(w)in-* ‘rest, lie down’: Eyp. *hny*; C. Chad.: Gaʕanda *huna*, Hwona *hūna*, Fali-Kiria *hānu*, etc. (several other forms are adduced in ADB and reconstructed by O. Stolbova as **hwVn-*, compared with Arb. *hwn* ‘to fall asleep’; I would rather reconstruct the quoted C. Chad. forms as **hwVn-*), likely related (with metathesis) to Sem. **nwʕ-* ‘be extended, stretched out, repose’ and S. Omot.: Dime *na(a)ʕt-* ‘to sleep’, (3) **kVwVn-* ‘sit, lie’: Sem. **kwn* ‘be firmly established’ (> ‘be’); E. Chad.: Kera *áw kin* ‘to sleep’, Mokilko *kon-* ‘sit’; N. Omot.: Yemsa *kuna* ‘lie’, etc. (cf. Bla. Om., comment to #47 ‘lie’, where several unrelated roots are also confused in one entry).

³¹ See Sem. variant roots and some suggested Afras. parallels in EDE III 700.

- (10) Tna. *tä-gadämä*; Amh. *tä-gaddämä* // Mod. Eth. only³².
- (11) Tgr. *ʔakrur hälla* // < Sem. **krr*: Akk. *karāru* ‘to put an object in place, set, lay (a foundation), throw, cast’ (CAD *k* 207), Gez. *krr* ‘to fall’, Amh. (*tän*)*karrärä* ‘to lie on one’s back’ (LGz 294). No Afras. parallels that I could find.
- (12) Amh. *zäg alä* (syn.); Har. *zäg bāya* // Mod. Eth. only: Tna. *zäg bälä* ‘to fall down heavily’ (LHar 164)³³.
- (13) Arg. (*b*)*angerru t-eñña*; Sod. *aññäm*; Har. *ñēʔa* (syn.); Wol. *aññe* // < Eth. **nhy* (Gez. *nahya* ‘to repose, recover, be quiet’ LGz 394). Within Sem., the Eth. forms can be compared (with metathesis) to Arb. *hwn* ‘se reposer, se calmer, s’endormir’ (BK 2 1460).
- < Afras. **nahy-* (ADB): Chad. W.: Dera *nōwe* ‘to rest’, Daffo-Butura *nyah*, Kulere, Sha *nya* ‘to sleep’, C.: (?) Mofu *-n-* ‘se coucher, passer la nuit, durer’; N. Cush.: Beja *nay* ‘to sleep, rest’ (LGz 304). Cf. what seems like variant roots (ADB): (1) **nuny-*: Egypt. *nyy* (MK) ‘be tired’; Chad. W.: Dera *ʔnòn* ‘to sleep’, E.: Somrai *nùnii*, Tumak *nùn* ‘sleep’ (n.), Ndam *ʔáʔá nūn* ‘to sleep’; (2) **wny* ~ **nwy* ‘be tired’: Sem.: Arab *wny* ‘to be weak, tired’; Egypt. *nw* (MK) ‘weak’; Chad. W.: Ankwe *ne* ‘tiredness’, Warji, Kariya *nuw-* ‘be tired’, E.: Dangla *nàwiyè* ‘rest but not relax’.
- (14) Gaf. (*tä*)*gäddälä*; Cha. (*tä*)*gätäräm* // Related to Arb. *ʔdl* ‘jeter, renverser par terre’ (BK 1 265), perhaps to be analyzed as **gd-l*, with the extension *-l*, eventually related to Cush. **gVd-* (see footnote 32).
- (15) Hrs. *enbelṭāḥ*; Mhr. *ənbaltəḥ*; Jib. *bóṭṭaḥ*, *ənbaltāḥ* // < Sem. **b(l)ṭḥ*: Hbr. *bṭḥ* ‘to fall on the ground’ (HALOT 120), Arb. *bṭḥ* ‘renverser, faire tomber quelqu’un la face contre terre’, VII ‘s’étendre’ (BK 1 135), *blṭḥ* (and *bldḥ*) ‘ê. couché à terre et s’y coller’ (ibid. 159, 161), Soq. *bṭḥ*, *blṭḥ* ‘to lie’³⁴. In DRS 59 compared with Tgr. *bät belä*, Tna *bät bälä* ‘ê. couché de tout son long’, which is phonetically questionable. No Afras. parallels.
- (16) Hrs. *engerdōš* (syn.) // *agerdōš* ‘to lay down’ < Sem. **grdš* ‘to fall down, be ruined’: Ugr. *grdš* ‘be undermined, ruined’ (DUL 307), Syr. *gardeš* ‘erosit’, (etpa.) ‘fractus, laceratus est’ (Brock. 132), Jib. *əngerdeš* ‘fall down’, etc. No Afras. parallels.
- (17) Mhr. *šə-wkūf* (syn.) // Related to Arb. *wkf* ‘ê. incliné, penché’, *wakf-* ‘tapis ou peau qui l’on étend par terre pour s’y asseoir’ (BK 1 1598)³⁵, likely related, assuming the extension *w-*, to Sem. **kpp*: Akk. *kapāpu* ‘to bend’, Hbr. *kpp* ‘to bend, bow down’, Arb. *kff* X ‘to curl up’ (HALOT 497), likely also Tgr. *käf belä* (LH 425), Tna. *kof bälä* ‘to sit’ and, perhaps, with a further semantic shift, Jib. *šéf* ‘to sleep’ (JJ 267; related if *š* in this root is derived from palatalized **k*; unrelated if it goes back to **š*, cf. below Soq. *šəʔəf* ‘to lie, sleep together’ ibid.)³⁶.

³² Inseparable from C. Cush: Xamtanga *gadam y-* ‘to lie down’ (in App. CDA 92 considered an Amharism), Khamir *gidem-š* ‘ausgestreckt liegen’ (also from Amharic, according to RCham 359); cf., however (ADB): Cush. N: Beja *gad* ‘to stop, stand, stand still, wait’, E.: Arbore *gaad-* ‘to stalk, ambush’ (i. e. lie in wait). If the Agaw forms, with a suffixed *-m*, go back to common Cush. **gVd-*, the isolated Eth. forms may, on the contrary, represent loans from C. Cush.

³³ The only remote parallel that I could find is in C. Chad.: Guduf *nʒəg-àna* ‘sit!’, Dghwede *nʒəginʒəgè* ‘to sit’ (reconstructed in Tak. 2001 6 as **nʒ[a]g-*).

³⁴ Not mentioned as the main term (which is *šeʔef*) in Kogan’s list.

³⁵ Perhaps cognate to Sem. terms for ‘saddle’ or to the Akk. term (if other Sem. parallels are a chain of loanwords, eventually from Akk.): Akk. *ukūpu* ‘Packsattel’ (AHw 1405), Syr. *ʔakkīp-* ‘sedulus’ (Brock. 19), Arb. *wi/ukāf-*, *ʔikāf-* ‘bât (d’un âne ou d’un mulet)’ (BK 2 1598), etc.

³⁶ The N. Eth. forms are inseparable from C. Cush.: Bilin *kaf y* ‘sit’ (App. CDA 124), which would undoubtedly qualify as a loan from N. Eth. (apparently having cognates in other Sem.), if not for E. Cush.: Yaaku *kopehm* (< **kop-*) id. perhaps implying common Cush. **kaf-*.

- (18) Jib. *aštékél* (syn.) // Likely < Sem. *ʕkl ‘to turn, bend’: Ugr. *ʕkltn* ‘winding’ (DUL 177), Hbr. *ʕāḳallātōn* ‘writhing (snake)’, *ʕāḳalkallōt* ‘twisting (road)’, Syr. *ʕuḳḳāl-* ‘winding track’, Arb. *ʕkl* ‘to turn, bend’ (HALOT 874). No Afras. parallels.
- (19) Soq *šēʔef* // As to its problematic affinity with Jib. *šēf*, see #17; Leslau (LSOq 409) quotes Bittner’s comparison with Hbr *šʔp* ‘to gasp’ (HALOT 1375 also quotes Jud. *šʔp* ‘gasp for air, pant’ and Arb. *shf* ‘gasp, thirst’, whereas BK 1 1156 translates *shf* as ‘s’agiter dans des convulsions, avoir les derniers mouvements de l’agonie’ and ‘éprouver une soif violente’), which is not quite convincing. I failed to find any Sem. or Afras. cognate.
- ◇ No term in Bib., Qur. and Sab.
- **Proto-West Semitic:** *škb- (#3).

48. LIVER

- (1) Akk. *amūtu* // < Sem. *maʕay/w(-at)-: Hbr. *mēʕayim* (pl.) ‘entrails, intestines’, Arb. *maʕy-* ‘intestins’, etc. (v. in SED I #185).
- < Afras. *maʕay- ‘liver, entrails’ (ADB): (?) E. Chad.: Gadang *mùʔò* ‘liver’ (quoted in EDE III 161; an isolated form, but hardly coincidental); Cush. E.: Bussa *máyyē* ‘liver’ (according to EDE III 160, may be a borrowing from N. Omot., which is quite plausible; cf., however, Oromo *moʔo* ‘loins, back’, which could also belong here with a shift of meaning), (?) S.: Gorowa *meheme* ‘second stomach’, Maʕa *mméme* ‘navel’ (HRSC 157); N. Omot. *maʕay-: Zaysse, Gidicho, Ganjule, Koyra *maayyé*, Zergulla *maʕe*, Haruro-Kachama *maayyé* (in another source, *maʕe* is attested), Chara *mayya*, Sezo *méʔi*, She *mai* ‘liver’, Bench *may* ‘heart’³⁷.
- (2) Ugr. *kbd*; Hbr. *kābēd*; Pal. *kbd*; Syr. Mnd. Urm. *kabd-*; Qur. *kabid-*; Leb. *kābdi*; Mec. *kabed*; Gez. *kābad*; Tna. *kābdi*; Tgr. *kābdāt*; Har. *kūd*; Wol. *hābd*; Cha. *kāpt*; Hrs. *šebdēt*; Mhr. *šabdīt*; Jib. *šubdet*; Soq. *šibdeh* // < Sem. *kab(i)d- ‘liver; stomach, entrails’ (SED I #141), perhaps derived from Sem. *kbd ‘be heavy’ through a semantic shift that has certain typological parallels (see references *ibid*). No Afras. parallels.
- (3) Amh. *gubbät*; Sod. *gabbot* // Presumably not the same as *kab(i)d-; more likely < Sem. *ga(n)b- ‘side of body’: Arb. *ʕānb-* ‘côté’ (BK 1 334), Gez. *gabo* ‘side, flank, rib, loins’ (LGz 176), etc. (cf. SED I #85); cf. also Akk. *gabbu* ‘part of the human or animal body (...an internal part of the animal body)’ (CAD g 5) and Arb. *ʕabʕab-* ‘estomac du chameau farci de viande hachée’ (BK 247).
- If the meaning shift ‘side of body’ > ‘liver’ holds water, < Afras. *gab- ‘side’ (ADB): Egypt. (Westcar) *gbʔ* ‘side of a room’; Chad. W.: Hausa *gāba* ‘across, on the other side of’, Dwat *gáap* ‘side’, C.: Higi-Bana *góbio*, Musgu *gubbi*, *gobi*, Masa *gob* ‘nearby’; Cush. N.: Beja *gab* ‘side’, C.: Bilin *gāba* ‘side (of body)’, Khamir *gāba* ‘side’, E.: Afar *gabbe* ‘side (of back)’, Konso, Dirasha *kapa* (*k-* < *g-, *-p* < *b) ‘beside, near’, Burji *gāba* ‘side’, Harso *kapa* (*k-* < *g-, *-p* < *b) *id.* (cf. EDE I 223).
- (4) Arg. *amfaha* // Regardless of the form being interpreted as derived from a triconsonantal root *mḫ/h/h or *nḫ/h/h, or from biconsonantal *ḫ/h/h, it has no fitting etymology whatsoever.
- ◇ Mlt. *fuiet*; borrowed from a Romance language. No term in Pho., Bib., Sab. and Gaf.
- **Common West and South Semitic:** *kab(i)d- (#2).

³⁷ EDE III 159 asserts that South-East Omot. *mayy- is regularly < *mayz-. However tempting it is to equate the two forms, in Bla. Om., where correspondence tables by Lamberti-Sottile, Bender, Hayward and Ehret are quoted, the shift *z/ž > y is postulated only for Kafa-Mocha; Bender’s way of solving this problem by reconstructing (in Bend. Om. 118) N.-W. Omot. *may+z does not help, since it implies an unproved suffix *-z. Anyway, the development *z/ž > y, possible in theory, of course, requires proof; until it is presented, I prefer to regard N. Omot. *maʕay- and *mayz- (undoubtedly cognate with Egypt. (Pyr.) *myz.t* ‘liver’) as separate roots, both with sound Afras. etymologies at that.

49. LONG

- (1) Akk. *arku*; Ugr. *ʔrk* (verb); Hbr. *ʔārōk*; Pho. *ʔrk*; Pal. *ʔryk*; Syr. *ʔarrīk-*; Mnd. *aruk-*; Urm. *yarīk-* // < Sem. **ʔarV*k- ‘long’.³⁸
- (2) Qur. *ṭawīl-*; Leb. *ṭawīl*; Mec. *ṭawīyl*; Mlt. *twīl* // < Sem.: Hbr. *ṭwl* (hif) ‘to throw far’ (HALOT 373; Tgr. *ṭāwwālā*, quoted *ibid.* as ‘to extend’, implying cognation, is actually ‘to lengthen’ in LH 618, likely derived from *ṭawīl* ‘long’, an obvious Arabism), Sab. *ṭl-m* ‘length’, *ṭwl* ‘to extend, stretch’ (SD 154), etc.; cf. the Eth. root augmented with *ʔ*: Gez. *ʔanṭolāṣa*, Tgr. (*ʔan*)*ṭolṣa* ‘spread, stretch out’ LGz 590).
- Perhaps < Afras. **ṭawl-* ‘be long, stretch’ (ADB)³⁹: (?) Egyp. *dwn* (Pyr.) ‘to stretch out’ (if < **dwl* < **ṭwl*); C. Chad.: Ouldem *tāl*, Mofu *-təl-* ‘extend (a hand)’, Mada *átla* ‘extend, reach (toward)’.
- (3) Gez. *nāwīḥ*; Tna. *nāwwīḥ* // < Sem. **nwh* ‘be extended, stretched out, repose’: Gez. *nwh* ‘to be long, tall, extended, stretched out, repose, etc.’, Akk. *nāḥu* ‘to be slow, still; rest, etc.’ (CAD *n* 143), Ugr. *nḥ* ‘to rest’ (DUL 629), Hbr. *nwh* ‘to settle down, rest, repose’, Arb. *nāyīḥat-* ‘étendue de terre, pays qui s’étend au loin’ (BK 2 1364)⁴⁰.
- (4) Tgr. *rāyim*; Jib. *rihm*; Soq. *rihom* // < Sem. **rym* ‘to be high, long’: Ugr. *rm* ‘high’, Hbr. *rw/ym*, Syr. *rym* ‘to be high’, Arb. *rym* II ‘to exceed’, Sab *rym-m* ‘height’, Gez. *rayyama* ‘be high, long’, etc.
- < Afras. (ADB): Egyp. *wrm.t* (Pyr.) ‘Dach (bekrönung eines Gebaudes)’, *wrm* (late) ‘hochragende Figur’; W. Chad.: Hausa *rímí* ‘stand (on hind legs)’ (semantically debatable); S. Cush.: Dahalo *rúm-ate* ‘long, tall’ (for other possible parallels cf. EDE III 368).
- (5) Amh. *rāžim*; Arg. *rāžžim* // Amh. *rāzzāma* ‘to be long’ (Gez. *razama* ‘to become long, be tall, heavy’, *razum* ‘tall, long’, etc. are marked in LGz 479 as borrowed from Amh., which requires argumentation); cf. also Tgr. *tarazzāmā* ‘to be heavy, intense’, *mārāzzām* ‘strong, intense, steady’ (compared with Amh. *rāzzāma* in LH 160; the semantic connection is far from evident). The only non-Eth. parallel, though also debatable semantically, that I could find is Arb. *rzm* II ‘rester longtemps chez soi, à la maison’ (BK 1 856; cf. also *mirzāmat-* ‘qui fait de grandes enjambées (chamelle)’ *ibid.* 857). No Afras. parallels.
- (6) Arg. *gudor* (syn.); Gaf. *gaddärmä*; Har. *gudōr*; Wol. *gudār* (the three latter forms also meaning ‘big’) // < **gdr* ‘to grow, grow big’: Wol. Zway *gādārā* ‘to grow up (child), be big’, Amh. (*tä*)*gāddārā* ‘to germinate’ (“that is, grow” LGur 264 where the Gur. and Amh. verbs are compared with hesitation, but quite reasonably), Arb. *ždr* ‘s’élever au-dessus du sol (se dit des plantes); se former (se dit des certain fruits)’ (BK 1 263). The Eth.-Arb. **gdr* presumably goes back, with the extension **-r*, to Sem **gVd(d)-*: Arb. *židd-* ‘beaucoup, extrêmement’ (BK 1 260), Sab. *gdd* ‘great’ (SD 49), Tgr. *gāddā* ‘to be bigger, surpass’ (LH 602); see Afras. etymology in BIG #8.
- (7) Sod. *gällaf*; Cha. *gef* // quoted as ‘tall’ in LGur 272, but as ‘tall, long’ in LGur., I 56 and 1066. The Gur. verb **glf* is identified in LGur 272 either with Oromo *golfofa* ‘to be tall and lazy’

³⁸ For odd external parallels cf. (with metathesis) W.Chad.: Miya *kārəkərə* ‘long’; C. Cush.: Kemant *kaar-t* ‘be far, distant’, Qwara *kaar-* ‘be long, distant’ < **ka(?)ar-* (though Dolg. 202 relates these forms with E. Cush. **kVr-*); one wonders whether Yaaku *etirak* ‘long since’ could be explained as having a prefix *t-* and thus related (it is tempting to compare E. Cush.: Bayso *kaṭeri* ‘long, high’ as in Dolg. 202, but *ka-* is a prefix of adjectives in Bayso).

³⁹ Cf EDE I 247, comparing Egyp. *dwn* with the Hbr. and Arb. verbs and E. Cush. **ḍāl-* (referring to Sasse PEC 27, where Gidole *ṣaal-* ‘be better, welthier, taller’, Konso *ṣaal* ‘exceed, be bigger, longer’ and Oromo *ṣaal-* ‘exceed’ are quoted, clearly pointing to the initial affricate, and not to **ḍ-* < **ṭ-*) that yields Lowland E. Cush. **ḍēl-* ‘be long’ with no specific forms adduced, which I could not find (there is what may be a variant root of **ṭawl-*, namely E. Cush. **ḍi/er-* ‘long’: Saho *deel*, Afar *deeri*, Somali *deer*, Dasenech *ḍir*, etc. related in Dolg. 126–7 with Sem. **šrr* ‘be high’).

⁴⁰ To be compared with isolated S. Omot.: Dime *na(a)ḥt-* ‘to sleep’; for parallels (with metathesis) see fn. 30.

(in this case, a loanword) or with Amh. (*tän*)*g^wäfallälä* (with metathesis) ‘to be long (of hair)’; in favor of the latter assumption cf. Arb. *žālif*- ‘longue mèche de cheveux qui descend sur les tempes’ and *žalfi* ‘robe à manches longues’ (BK 1 317). No Afras. parallels.

◇ Hrs. *ṭewīl* and Mhr. *ṭawīl* are almost certainly Arabisms. No term in Bib. and Sab.

→ **Common North and West Semitic:** **ʔarV*k- (#1).

50. LOUSE

(1) Akk. *uplu* // < Sem. **pVl*(y)-: Arb. *fly*, Mhr. *fālō* ‘to delouse’, etc. (SED II #175).

□ < Afras. *(*ʔV*-)*pil*- (ADB; cf. EDE II 393): Eyp. *py* (Med.) ‘flea’ (if < **pVl*-); Chad. W.: Sura *ṁpil-wus* ‘Glühwürmchen’ (*wus* ‘fire’), C.: Bura *ma-fil-kwi* ‘flea’, Hildi *ma-fīlī* ‘spider’, Mada *offól* ‘tique (du chien, des vaches)’, Matakam *n-fālīyá* ‘k. of ant’; Cush. C.: Qwara *peḷiya*, Kemant *fāle* ‘flea’, E.: Dirasha *fillét*, Sidamo *pillo*, Harso *filláyye*, Gollango *filláye* id., S.: Qwadza *paʔal-iko* ‘flying termite’; N. Omot.: Kafa *pillō* (perhaps < E. Cush.).

(2) Akk. *kalmatu* (syn.); Pal. *klmh* // Presumably < Sem. **k^wal-m*-: Akk. *kulīlu* ‘dragonfly’ (CAD k 503), Gez. *k^walk^wal(t)* ‘kind of black ant’ (LGz 283). See discussion in SED II #130.

□ < Afras. **k^(w)al(-m)*- ‘a biting insect’ (ADB): S. Brb.: Ayr, E. Tawllemmet *kālkāt* ‘ê. pouilleux’; Cush. E. **kilm*-: Saho, Afar *kilim* ‘tick’, Somali *šilin*, pl. *šilm-o*, Boni *šilm-i*, Rendille *čilim*, Oromo *šilm-a* id. (Sas. Bur. 173).

(3) Syr. *qalmət*-; Urm. *qalm*-; Qur. *qaml*-; Leb. *qamāl*; Mec. *gamil*; Mlt. *āmel*; Gez. *q^wamal*; Tna. *q^wamal*; Tgr. *qamal*; Amh. *qamal*; Arg. *qamal*; Sod. *qamal*; Har. *qumāy*; Wol. *qumal*; Cha. *qamar* // < Sem. **k^(w)aml*-/**qumāl*- ~ **qalm*- (SED II #130).

□ With a few parallels in Chad. (?) W.: Hausa *qumā* ‘flea (of rats, dogs)’ (with a loss of final *-l*? or < Arb. *qaml*- ?), Mupun *kuma* id. (< Hausa?), C.: Buduma *komāli* ‘ant’ (ADB).

(4) Gez. *k^wəṭni* (syn.) // < Sem. **k^wVṭVn*-: Syr. *qetṭōnā* ‘cimex’ (Brock. 659), Arb. *qtn* IV ‘tuer la teigne’ (BK 1 675), see SED II #141.

□ < Afras. **k^wVṭVn/m*- (ADB): Chad. (?) W.: Hausa *qwarqwatā*, *qwalkwatā* (< **qwatqwata*?) ‘louse’, Karekare *kùtkùšùm*, *kùškùtùm* (< **kuš kutum* ?) ‘fowl lice’, etc., C.: Cuvok *mā-k^wəṭtè*-*k^wəṭtè* ‘an insect with a pointed head’; E. Cush.: Dasenech *kuuḍin* ‘worm’, Darasa *qooṭaamo* ‘ant’; cf. what may be a variant root **g^wVṭVn/m*- in HEC: Sidamo *qooṭaamo*, and N. Omot.: Wolaitta *guṭṭun-īya*, Gamu *guṭune*, Malo *guṣine*, Dače, Zaisse *guṭume* ‘worm’.

(5) Hrs. *kenemōt*; Mhr. *kenmīt*; Jib. *šinit*; Soq. *konem* // < Sem. **ki/ann(-Vm)*- ‘a harmful insect’: Hbr. *kēn* ‘gnat’, *kinnām* ‘gnats’, pB. *kinnā* ‘vermin, louse’, *kənimā* ‘vermin, moth’, etc. (SED II #116).

□ Cf. scattered parallels in E. Chad.: Migama *kákkùmá* ‘louse’ (< **kankum*-?) and N. Omot.: Hozo *konni* ‘louse’ (ADB).

◇ No term in Ugr., Hbr., Pho. Bib., Mnd., Sab. and Gaf.

→ **Common North and West Semitic:** **k^(w)aml*- ~ **qalm*- (#3).

51. MAN

(1) Akk. *zi/akarū*, Hbr. *zākār* // < Sem. **dakar*-: ‘man, male’ (HALOT 270, DUL 269)⁴¹.

(2) Ugr. *mt* // also ‘individual’ and ‘husband’ (DUL 598; the meaning ‘man’ debatable, probably ‘husband’ — v. Kog. Ug.) < Sem. **mVt*-: Akk. *mutu* ‘husband; man, warrior’ (CAD m 313), Hbr. *māim* (pl.) ‘men, people’ (HALOT 653), Gez. *mət* ‘husband’ (LGz 371).

□ < Afras. **mVt*- ‘man, husband’ (ADB): Eyp. (Pyr.) *mt* ‘man’; Brb.: Ghadames *tə-mettay-n* ‘peuples’, Ahaggar *ta-mətté*, pl. *ti-məttiw-în* ‘ensemble de population très considerable,

⁴¹ The only distant non-Sem. parallel that comes to mind is in N. Brb.: **a-rgaz* ‘man’ with metathesis, although *-g-* does not correspond to Sem. *-k-*. A mere chance resemblance?

tous les peuples du monde, etc.’; Chad. W.: Hausa *mùt-ûm* ‘person’, E.: Dangla *mítì-kò* ‘man’, *mítà* ‘husband’, Jegu *mìtó* ‘man’, Sokoro *mátii* ‘man, husband’, etc.; (?) E. Cush.: Oromo *maatii* ‘family’ (cf. also N. Omot.: Welaitta *attuma* ‘man’ < *ʔa-tum- with metathesis?). Perhaps eventually related to Afras. **mwt* ‘die’, implying the primary notion of human being as mortal.

- (3) Pho. ʔš; Hbr. ʔš ‘man’ (syn.; also ‘husband; human being’); Sab. ʔys₁ // < Sem. *ʔiš- ‘man’: Arm. (Old, Palm., etc.) ʔyš (HALOT 43).
- < Afras. *(ʔi-)was- (ADB) ‘man, person, male relative; female; daughter’: Brb.: Siwa *t-áččiw-in* (pl.), Ahaggar *əšš*, Nefusa *issì*, Mzab *issis*, etc. ‘daughter’; Chad. W.: Siri *wuší*, Geji *yasi* ‘brother’, Bokkos *wâš* ‘father-in-law’, Daffo-Butura *waš* ‘uncle’, C.: Mbara *wùs, us*, Musgu (*w*)*us* ‘man’, Glavda *us* ‘woman’; Cush. C.: Xamtanga *as-ăw* ‘male (human)’⁴², *wäs-räy*, Bilin *ʔus-äri*, Kemant *yus-äy* female’, E.: Somali *was-* ‘to copulate (with a woman)’, Sidamo *osoo*, Hadiya *oos-ičó* ‘boy’, Kambatta (*w*)*osoo* ‘child’; N. Omot.: Wolaitta *asā*, Male *ʔasi*, Koyra *aci*, Ganjule *aci*, Chara *asā, áca*, Mocha *ʔašo*, Mao (Bambeshi) ʔESESSE, Ganza *ʔäsi* ‘man, person’, Hozo *šee*, Sezo *šaay*, Ganza *saa* (< *sa(ʔa)y with met.?) ‘woman, wife’.
- (4) Bib. *gəbar*; Pal. *gəbar*; Syr. *gabr-*; Mnd. *gabr-* // < Sem. **gabr-* ~ **gabbār-* (Kog. DD) ‘strong man, hero’⁴³: Hbr. *gibbōr* ‘manly, vigorous; hero’, *gəbūrā* ‘strength’ (HALOT 172), Jud. *gibbār-* ‘strong, hero, giant’, *gəburt-* ‘superiority, strength, might’ (Ja. 234), Arb. *ʔabbār-* ‘fort, grand et robuste; puissant; homme violent, tyran’ (BK 1 248).
- (5) Urm. *ʔānāš-*; Sab. *ʔns₁* (syn.); Tgr. *ʔənas* (less likely to be reinterpreted as sing. < Arb. coll. pl.) // < Sem. *(ʔi-)naš- ‘man(kind)’: Akk. *nišū* ‘mankind, people’, Ugr. *ʔinš* ‘people’, Hbr. *ʔānōš* ‘man’, Syr. *nōš-*, (?)*naš*, Arb. *ʔins-ān-*, *nās-* (coll.), etc. (cf. HALOT 70).
- < Afras. *(ʔi-)nas- ‘human being, male, male relative’ (ADB): Egyp. (MK) *nswy.w* ‘servants’; Brb.: Ahaggar *a-ynəs* ‘jeune homme’; W. Chad.: Bokkos *nús*, Daffo-Butura *nís* ‘brother’; Cush. C.: Bilin *nās-ah^w*, Kemant *nāsəyā*, Qwara *nāsa* ‘male’, S.: Maʔa *naseta* (with the fem. suffix *-t-*) ‘woman’; Omot. N.: Gimira (Bench) *nas*, (She) *yənəs* ‘person, man’, Nao *nuušə* ‘husband’, S.: Ari *ins-e* ‘boy’, *nas-i* ‘son’, Hamar *nas* ‘child’⁴⁴.
- (6) Qur. *raʔul-*; Leb. *raʔžəl*; Mec. *riʔžāl*; Mlt. *rāʔal* // with a semantic shift ‘foot’ > ‘pedestrian, foot-soldier’ < Sem. **riḡl-* ‘foot’ (SED I #228; see ‘FOOT’ #3); cf. Hbr. *rəḡāl* ‘foot, leg; one who goes by foot, pedestrian’, Pho. *mrgl*, Jud. *riḡlaʔ* ‘footman’ (HALOT 1184–6, Tomb. 198).
- < Afras. **riḡalul-* ‘limb, leg’ (ADB): Brb.: Zenaga *tə-rgəl*, Ghadames *ta-rʔal/el-t* ‘plume’, *tū-rgl-a* ‘gros pédoncule du régime de dattes’, Ayr *a-rgul* ‘penis’, Ahaggar *â-rḡal* ‘queue’; Chad. W.: Angas *tu-rgul* ‘ankle, ankle bone’, Tangale *argil* ‘inner side of upper thigh’, (?) E.: Mawa *dərgəl*, Sokoro *dərgel, dərkál* ‘knee’ (if < *dV-rgVl-). Cf. also Egyp. (Pyr.) ʔḡ.t ‘hoof (of cow and ass)’ (< *ʔlg dissimilated < *ʔlg < *rlg < *rgl?), (NK) ʔḡ.t (< *rgl?) ‘claw (of lion and bird)’ (cf. footnote 54).

⁴² Comparing this form with Kemant *nāsəyā* ‘male’, D. Appleyard (App. CDA 96) states: “the Xam.[tanga] form is surely related, but the absence of the initial nasal is difficult to explain. Perhaps **nāsa-* > **ānsā-* > *asā-*.” In fact, it is easy to explain as reflexes of two different Afras. roots: *(ʔi-)was- and *(ʔi-)nas- (see #5).

⁴³ With a couple of surprising parallels in C. Chad.: Ouldem *gūbār* ‘homme, mari, adulte’ (an Arabism?), Bachama *gboara* ‘person’ (ADB) and S. Brb.: Ahaggar *a-ʔabbar* ‘homme géant de l’époque préhistorique’ (Fouc. 709), E Tawllemmet *əʔobbar* id. (ʃ < *g is possible; one wonders if this could be an Arabism, which would be somewhat strange from the historical point of view, or a loan from Punic), *ʔəbbār* ‘è. adulte’ (Aloj. 83).

⁴⁴ Cf. Bnd. Om. 206, where the quoted Ari and Hamar forms are united with Galila *yinč* and Dime *nic, nit^h* ‘child’. However natural such an agglomeration of similarly looking terms with the same meaning may seem, I prefer to relate the Galila and Dime forms to a different Omot. root **ʔinč-*, also including Ongota *ʔinta, hinta* and N. Omot.: Mao *əntê / êntê* ‘man’ (quoted by Fleming), to be related, for phonetic reasons (Omot. reflexes of Afras. *č are still not clear), with Sem. **ʔant-at-* ‘woman’, reconstructing Afras. **ʔa/inč-* ‘man, woman, child’ (ADB).

- (7) Gez. *bəʔəs-i* // also ‘male, husband, someone’, *bəʔəsit* ‘woman’, Tgr. *bəʔəs* ‘husband’ (LGz 83). No Sem. cognates.
- < Afras. **bVʔVs-* ‘son, boy, coeval’ (ADB): Chad. W.: Siri *beʔsi* ‘son, boy’, C.: Tera *bəsoŋka* (< **beso-n-k?*) ‘boys’; Cush. C.: Kemant *baas* ‘beget, become father’, S.: Qwadza *boʔos-iko* ‘friend’ (HRSC 138), Dahalo *boʔoʔo* (met.) ‘friend of same age, coeval’; N. Omot.: Dawro *biša* ‘brother’, Malo *biša* ‘child’, Yemsa *buʔsa* (pl.) ‘boys’, Kafa *bušō* ‘boy, son’, Mocha *buš(o)* ‘child’, Bworo (Shinasha) *bušoo* ‘son’.
- (8) Gez. *ʕad* (syn.) // also ‘male, husband’, pl. *ʕadaw*, *ʕaʕadāw* ‘men, people’ (LGz 56). Likely < Sem. **ʕi/add-* ‘assembly, gathering of people, community’: Ugr. *ʕdt* ‘assembly’ (DUL 151–2), Hbr. *ʕēdā* ‘assembly; gang; national, legal and cultic communities’ (HALOT 789–90), Arb. *ʕidd-* ‘grand nombre, foule, grand quantité; ami, camarade; pareil, égal’ (BK 2 187), Tgr. *ʕād* ‘tribe (i.e. the own tribe), family, people, village, country’, Tna. *ʕaddi* ‘country, village; people’ (LGz 56; contra Dolg. 148, the Eth. forms are not Cushitisms).
- < Afras. **ʕV(n)d-* ‘community, tribe, (member of) clan, person’ (ADB): Brb. **yudaw-* ‘(gathering of) people; companions, relatives’: Nefusa *y-ud-ân*, Sokna *ud-ân*, Iznassen *i-ud-an*, etc. ‘people’, Zenaga *eddiya* ‘famille, parents’, Ayr. E. Tawllemmet *idaw* ‘faire compagne (avec); aller ensemble; se réunir’, *idawät* ‘rassemblement de pers.’, *a-m-idi* ‘compagnon, ami’; C. Chad.: Gude *nda*, Tera *ndi-fya*, Musgu *di-f*, pl. *dai*, Gidar *də-f*, pl. *di* ‘person’ (acc. to O. Stolbova, *-f* in Musgu and Gidar is a suffix of singularity; cf. also Mbara *ʔúdà* ‘nomadic Fulani keeping sheep’); Cush. N.: Beja *o-ʔandoa* ‘clan, tribe, village’, *ʔéenda* ‘people’ (C.: Bilin *ʕad* ‘tribe’ is likely < N. Eth.), E.: Saho *endaa* ‘clan, tribe, family’, Somali *ʕid* ‘people, community, tribe, family’ (less likely < Eth.), (?) Oromo *daadoo* ‘cooperative work’, Arbore *ʔedan* ‘people’, Sidamo *aydde* ‘family’; S.: Asa *ʔido-k* ‘man’ (unless < **hi/ud-*); Omot. N.: Malo *adde*, Koyra *ade*, etc. ‘man, male’, Yemsa *ad-*, Mao (Diddesa) *ondu* ‘family’, Gofa *indo*, Gamo *ʔindó*, etc. ‘woman, female’, Oyda, Male *ʔindo*, etc. ‘mother’, S.: Ari *ʔeed*, Hamer *eedi* ‘person’, Dime *ʔindidʔ* ‘wife’ (cf. Bla. Om. comparing aslo W. Rift **hed-* ‘person’ and C. Chad. forms in *h-* more likely constituting another root, **hi/ud-*).
- (9) Tna. *səbʔay*; Amh. *səb*, *səwu*, Arg. *su*, *səwy*; Gaf. *səwwä*; Har. *usuʔ* (< **subʔ?*); Wol. *səb*; Cha. *səb* // < Eth. **sabʔ-*: Gez. *sabʔ* ‘persons, men, people, mankind’ (LGz 482), Tgr. *səb* (*səbəʔ-* when with suffixes) ‘men, people’ (LH 182). Likely connected (borrowed from? or into?) with the ethnonym ‘Saba’: Akk. (Ass.) *Sabʔaya* (HALOT 1381 after S.Parpola), Hbr. *šəbāʔ*, a people and a kingdom in South Arabia (ibid.), *šəbāʔ-īm* ‘Sabaeans’ (ibid. 1382), Arb. *sabā* ‘nom d’un peuple du Yémen’ (BK 1 1049; note the absence of *-ʔ?*); cf. also Mhr. *habû* ‘people’ (possibly < **šabVʔ-*; quoted in Gz 482 with reference to Bittner who “expresses doubts concerning this comparison”; absent in JM)⁴⁵.
- There are parallels, perhaps haphazard, in Chad. W.: Siri *subúni* ‘person’, C.: Jimijimen *sobagi* (*-gi* suffix?) ‘friend’, Daba *səbàn* ‘parente, clan, la race’ (ADB).
- (10) Amh. *wänd* (syn.) // < Sem. **wald-* ‘child’ (v. Kog. DD), **wld* ‘to bear, give birth to’ (LGz 613).
- < Afras. **walad-* ~ **wadal-* ~ **dawal-* ‘child; young’ (ADB): Chad. W.: Dera *dwal* ‘small’, Tangale *dele* ‘a younger brother, sister’, C.: Dghwede *dəwale* ‘new’, Malgwa *dáwale* ‘young’, Glavda *dálá* ‘new, young’, E.: Mokilko *dáàlà* ‘new’, Mawa *dwal* ‘young girl’; E. Cush.:

⁴⁵ Cf. Arb. *subʔat-* ‘long voyage’ (BK 1 1040; unless < Sab.), Sab. *s₁bʔ-t* ‘expedition, undertaking, journey’ (same in Qatabanian), *s₁bʔ* ‘militant’, *s₁bʔy-n* ‘warrior (?)’, *ts₁bʔt* ‘participants (in a military expedition)’ (SD 122) and, perhaps, Mhr. *sátbu* ‘(of a tired and thirsty desert traveller) to move a little and then rest’ (JM 341); it is unclear if these forms allow a reconstruction of **šVbʔ-*, meaning something like ‘traveller, member of a (military) expedition’, which may be also compared with the present root.

Bayso *wadala* ‘young man’, Sidamo *wedel-icco* ‘young (of animals)’, *wedella* ‘young man, young woman’, Kambatta *wadal-iccu* ‘young man’, etc.

- (11) Sod. *mæss* (syn.) // Arg. *mis* ‘husband’, Har. *miš* ‘fellow’, etc. No Sem. cognates that I could find.
 □ < Afras. **mVs-* ‘male, husband’ (ADB): Brb.: Zenaga *o-massən* ‘mâle (animal, plante)’; Chad. W.: Angas *mulis* ‘male, husband’, Sura *miš*, Mupun, Ankwe *mis* ‘man, husband’, Chip *mis* ‘man’, Galambu *mi muši*, pl. *məšəna* ‘man, husband’, Guruntum *məši* (suppletive plural of *mar* ‘man’), Boghom *mees* ‘person, man’, W. Bade *məšan*, Ngizim *məsək* ‘husband’, etc., C.: Muyang *miš* ‘person, male’, Kotoko *màsə* ‘husband’⁴⁶; cf. N. Omot.: Chara *mašná*, Yemsa *máš-k-àsú* ‘woman’ (interpreted in Bnd. Om. 177 as ‘female -k- person’), Anfillo *temišen*, Bworo *mišə* ‘sister’, Nao *moškn* ‘woman’.
- (12) Hrs. *ɣayg*; Mhr. *ɣayg*; Jib. *ɣeg*; Soq. *ɣayg* // Cf. Mhr. *ɣiggēn* ‘boy’, *ɣəggēt* ‘big girl’ (JM 147) derived from the same root⁴⁷. For highly tentative connections outside MSA, cf. a proper name in Hbr. *ʕōg* ‘Og, Amorite king of *Bāšān*’, Pho. *ʕg* (in *hʕg... hʕdr* ‘the powerful Og’), a god of the underworld (?), etc. (compared with the MSA terms in HALOT 794; add Arb. *ʕūž-* ‘Oudj, fils d’Ouk, n. pr. d’un homme d’une taille gigantesque, qui, dit-on, a vécu depuis Adam jusqu’à Moïse’ BK 2 399).
- (13) Soq. *hóriš* (syn.) // Composed from *hor* ‘black’ and *reš* ‘head’ (LS 193), according to Müller, who refers to a similar word combination in Akk. *salmat kaḫḫadi* ‘men’ (‘black-headed’). An alternative etymology is < Sem. **ḥar(a)š-* ‘wise, skillful person; craftsman’: Akk. *eršu* ‘wise’ (CAD e 314), Ugr. *ḥrš* ‘craftsman, manual worker’ (DUL 370), Hbr. *ḥārāš*, Pho. *ḥrš* ‘craftsman’ (HALOT 358).
- **Common West Semitic:** **(?i-)naš-* (#5).

52. MANY

- (1) Akk. *mādu*; Ugr. *mʔud*, *maʔdu* // < Sem. **mVʔad-* ‘many, much’: Hbr. *məʔōd* ‘very’ (HALOT 538).
 □ < Afras. **mVʔVd-* ‘big, many, entire, all’ (ADB)⁴⁸: (?) Copt. **mity.at* (EDE III 708 after Vy-cichl; if < a hypothetical Egypt. **md.t*); Brb. **i-mdu/aH-* ‘be complete, whole’: Ghadames *imda* ‘all’, *əmdu*, Ahaggar *əmdu* ‘ê. entier’, etc.; Chad. C.: Daba *mādày* ‘big, large’, E.: Fianga *modo* ‘big’, Mokilko *mèedá* ‘big’ (fem.) and ‘hundred’, Kajakse *emadi* ‘many’ (and very likely Somrai, Gabri, Dormo *moid* ‘ten’); E. Cush.: Afar *made* ‘be full’, Darasa *madadi-nke* ‘all’; Omot. N.: Dizi *mad-* ‘very’, S.: Ari *mūda* ‘all’.

⁴⁶ Cf. EDE III 613–17, where the above forms are quoted indiscriminately under Afras. **m-S-* (with a question mark) together with Chad. forms in *-z/ž* (Tacács wonders if they reflect a hypothetical Afras. **ž*), and all of them are tentatively compared to Egypt. *mšʕ* (OK) ‘Heer, Truppen’ (with *š* reflecting the Afras. lateral sibilant). Though the latter comparison is quite plausible semantically, it is not proper from the phonetic side, since the Chad. forms with voiceless sibilants are not lateral (cf. St. 2007); as for such Chad. forms as **miž/ž-*, they should be treated separately together with Omot. N.: Sezo *maž* ‘man’ (EDE III 616) and S.: Dime *ʔamz* ‘woman’ (Bnd. Om. 220).

⁴⁷ For possible Afras. parallels, cf. W. Chad. reconstructed by O. Stolbova in ADB as **nV-gaw-* (one wonders if it can be reconstructed as **ḥgaw-*, *ḥ-* reflecting **ʕ-* or **ɣ-*): Sura *ḥgō* ‘man’, Angas *go*, Karaekare *ḥgá*, Ngamo *ḥgo* ‘person’; S. Omot.: Hamar *anḡ*, Ari *anḡi*, *anḡ*, etc. ‘man’ (ADB). Since Chad., Cush. and Omot. reflexes of Afras. **ɣ* are some of the weakest points of comparative Afrasian phonology, it is unclear if Afras. **ɣayg-* can be reconstructed on such evidence.

⁴⁸ See the entire spectrum of etymological opportunities in EDE III 708–10; what I cannot agree with is the reconstruction by Takács of such an Afras. proto-form as **m-t ~ *m-d* ‘many’: separating such roots as distinctly as possible (marking, of course, all cases of the regular shift **d > t* or **t > d*, if any) and only thereafter making a cross-reference to variant roots is methodologically the only correct way to treat such an entangled and evasive phenomenon as root variation.

- (2) Hbr. *rab*; Pho. *rb*; Urm. *rāb-* // < Sem. **rabb-* ‘big’, see **BIG** #1.
- There are scattered but unequivocal Afras. parallels (ADB): Chad. W.: Hausa *riibà*, *rúbà* ‘multiply, exceed’ (cf. also *rābābā* ‘in large quantity’), C.: Bura *ribribu* ‘many’; S. Omot.: Ongota *arba* ‘big’.
- (3) Bib. *šaggīl*; Pal. *saggī*; Syr. *saggī* // < Sem. **šg?* ‘to be numerous, large’ (with an interesting reduplication of the second radical in Arm. and esp. Arb.: possibly conveying the semantics of plurality or largeness?): Hbr. *šg?* ‘to grow’ (HALOT 1305), *šgy* ‘to increase, become large’ (ibid. 1306), Arb. *šažawžā?* ‘très grand, très haut’ (BK 1 1196)⁴⁹.
- (4) Mnd. *napš-* // No suggestions other than a non-trivial development from other meanings of the same word — ‘soul, personality, self’ (DM 285) < Sem. **nap(i)š-* ‘soul, person, etc.’ < **npš* ‘to breathe’ (SED I Verb #46).
- < Afras. *nVfVs-* ‘breathing’: Brb.: Ahaggar *unfas* ‘breath’, Izayan *unfus* id., *naffās* ‘breathe’; Chad. W.: Hausa *númfāsā* (and *lúmfāsā* with dissimilation? Cf. also Sha *lufwos* ‘breathe’) ‘breathe; rest’, Daffo-Butura *nafos* ‘breathe’ (in principle, the Brb. and W. Chad. terms can be Arabisms, but this seems less likely to me), C. (met.): Mofu *-safn-*, Musgu *súmfa* id., etc.; E. Cush.: Saho *nafse* ‘breathing’ (more likely < Eth.), Boni *neefso* ‘breathe’, Rendille *nefsi* ‘breath’, *nefsó*, *nefs-áda* ‘breathe’ (not necessarily < Eth.).
- (5) Qur. *kaṭīr-*; Leb. *ktir*; Mec. *katiyr* // Most likely < Sem. **kṭr* ‘fit, achieve, be optimal, plentiful, etc.’ (cf. also Kog. DD): Akk. *kašāru* ‘(1) to repair (ruined or damaged walls, buildings, etc.), (2) to succeed, achieve, (3) to replace, compensate’ (CAD k 284–5, given as three unrelated roots), Ugr. *kṭr* ‘skillful’ and ‘vigour, good health’ (DUL 471, two different entries; cf. also *kṭrt*, goddesses who preside over childbirth, ibid. 472; could this be goddesses of fertility or “abundance”?), Hbr. *kšr* ‘to be proper’, *kišrōn* ‘skill, success, profit, advantage’ HALOT503), etc.
- < Afras.? Perhaps related to Egyp. (OK) *ttʔʔ* (< **kčr?* Eg. *t* renders **ki/u*, and *t* can be < **č*) ‘Eigenschaft von der Macht des Königs’ (EG V 411; compared with Sem. in EDE I 317). One wonders if the Arb. term (or all of the abovelisted forms if they do indeed reflect the same root; if so, with the primary meaning ‘be many, plentiful’) is derived, with the extension *-r* of unclear function (see, however, Mil RE 122–4), from Afras. *(?*i*-)*kač-* (ADB): Sem.: Akk. *kašāšu* ‘be massive’; C. Chad.: Mbara *kočo* ‘many, much’; Cush. N.: Beja *kass* ‘all’ (or assim. < *kars*, *káris* id., which, in turn, can be a metathesis < **kačr-*?), C.: Khamta *ek-sät* ‘many’, E.: Harso *ikiša* ‘many’.
- (6) Mlt. *ħafna* // < Sem. **ħVpn-* ‘hollow of the hand, handful; fist’: Hbr. *ħopnayim* (dual) ‘the hollow of both hands’, etc. (SED I #125). No reliable Afras. cognates.
- (7) Sab. *ʔħny* // The only parallel that I could find is Arb. *ħny* IV ‘pondre, déposer une grande quantité d’oeufs (se dit des sauterelles); av. une végétation très-riche (se dit d’un pré)’ (BK 1 643). No Afras. parallels⁵⁰.
- (8) Gez. *bəzuḥ*; Tna. *bəzuḥ*; Tgr. *bəzuḥ*; Amh. *bəzu*; Har. *bäžiḥ*; Wol. *bəžži*; Cha. *bəzä* // Related to Arb. *bazḥ-* ‘abundance (de biens)’ (LGz 117, DRS 54)⁵¹.
- (9) Arg. *nabbur* // < Sem. **nbr* ‘to elevate, raise, place atop’⁵²: Amh. *annäbabbärä* ‘to heap, pile up’ (LArg 215), Gez. *nabara* ‘to sit, stay, live, etc.’ (with a semantic shift that is somewhat

⁴⁹ Obviously related to C. Cush.: Bilin *šiig y-* and Khamir *çag-* ‘be plenty’ (Dolg. 120 reconstructs **čV[w]g-*, comparing these Agaw forms with unrelated Beja *šaw-* and some Omot. words, but, for some reason, overlooking the comparison with Sem. **šg?*-).

⁵⁰ Cf. what may be a variant Afras. root **ħin-*: Egyp. (Gr.) *ħn* ‘grow’ and E. Chad.: Lele *hin-* ‘increase’ (ADB).

⁵¹ The only similar-looking forms (perhaps look-alikes) that I could unearth are in E. Chad.: Kabalai *peša*, Nanchere *bəža* ‘many’.

strange for the main verbal stem), *tanābara* ‘to be placed (one thing upon another)’, *manbar* ‘seat, chair, high place, pulpit, throne’ (LGz 383–4), Arb. *nbr* ‘élever, exhausser (une chose); grandir, av. grandi (se dit d’un petit garçon)’, *minbar-* ‘estrade, place un peu élevée au dessus du sol; chaire, prône où se place l’imam ou un khatib pour réciter la prière ou haranguer le peuple’ (BK 2 1183), Hbr. *pB*, Jud. *nbr* ‘(of the swine) to turn the ground up with the snout’ (Ja. 870), Syr. *nbr* ‘excitavit (terram)’ (Brock. 412), perhaps also Akk. *nēberu* ‘ferry, ford, crossing; ferryboat’ (CAD n2 145). No Afras. parallels.

- (10) Gaf. *tābbä*, *tāb^wä* // also ‘ê. abundant’ (LGaf 240), presumably a non-trivial semantic shift < Eth. **tbʕ* ‘to be courageous’: Gez. *tabʕa* ‘to be brave, courageous, manly, strong, etc.’ (LGz 569–70), Tgr. *tābʕa*, Tna. *tābʕe*, Amh. Gur. *tābba* ‘to be courageous’. Perhaps related to Akk. *tebû* ‘aufstehen, sich ergeben, etc.’, *tēbû* ‘Insurgent’ (AHw 1342). No Afras. parallels.
- (11) Sod. *yādank* // “Probably for *yādank*, jussive of *dämmākä* ‘to be beautiful, pretty’” (LGur 680); if true, < Sem. **dmk* (ibid. 209). No Afras. parallels.
- (12) Hrs. *meken*; Mhr. *mēken*; Jib. *mekən* // < **me-ken*, cf. Soq. *kəən*, *kəyhən* id. (related to the Mhr. and Jib. forms in JM 264; not on Kogan’s list). Likely related to Arb. *kʔn* ‘ê. fort; devenir fort et gros’ (BK 2 850)⁵³.
- (13) Soq. *dī-lak* // Related to Eth.: Gez. *lahākä* ‘grow’ (cf. *lik*, Tgr., Tna, Amh. *lik* ‘chief’), Amh. *lakä* ‘grow’, *tallak* ‘big’ (< **ta-llakʔ*?), Gurage **lakä* ‘be superior, grow, etc.’ (LGur 381). No Afras. parallels.

→ **Common North and West Semitic:** **mVʔad-* (#1).

53. MEAT

- (1) Akk. *šīru*; Pho. *šʔr* // both also ‘flesh’ < Sem. **šīʔr-* ‘flesh’ (SED I #238).
 □ < Afras. **sVʔur-* (ADB): Chad. W.: Ngizim *saurāk* ‘long stripes of dried meat’, pl. *saurarin* (< **sawr-*), C.: Kulung *asāra* ‘meat, flesh’, E.: Kera *ku-sur* ‘body’; E. Cush.: Arbore *sóra* ‘meat’.
- (2) Ugr. *bšr*; Hbr. *bāšār*; Bib. *bəšar*; Pal. *bēšar*; Syr. *besr-*; Mnd. *bisr-*; Urm. *bisr-*; Gaf. *bäsärä*; Sod. *bäsär*; Har. *bäsär*; Wol. *bäsär*; Cha. *bäsär* // < Sem. **bišr-* ~ **bašar-* ‘flesh, (human) body; skin’ (SED I #41).
 □ The only etymological guess I can make is that the meaning ‘skin’, attested in Arb. and MSA, is the primary one here, so the root can be compared, assuming the extension *-r*, with such forms as Sem.: Arb. (Syrian) *baššaš* ‘couper menu (viande, etc.)’; Brb.: Ghadames *bzar* ‘to be peeled’ (note preservation of *-r*); (?) E. Chad.: W. Dangla *bèèsè* ‘faire une coupe pure de la peau au couteau’, E. Dangla *bésé* ‘scarifier, faire une entaille dans la chair’ (if Afras. **-č* can yield Dangla *-s* in non-initial position; acc. to St. 2007 8, Afras. **č-* in the initial position yields Dangla *č-*); Cush. C.: Khamir *bas-* ‘to make an incision in the skin, tattoo’, (?) E.: Somali *būš-e* ‘chaff’, S.: Maʔa *buše* ‘skin’, all < Afras. **bač(-Vr)-* ‘skin; to (cut) skin’ (ADB).
- (3) Qur. *lahm-*; Leb. *lahm*; Mec. *laham*; Mlt. *lāham-* // < Sem. **lahm-* ‘food’: Ugr. *lḥm* ‘to eat’, ‘grain, bread; food, meat’, Hbr. *lāhām*, Syr. *lahm-* ‘bread’, etc. (v. in DUL 495, 497; HALOT 500).
 □ Cf. tenable parallels in Chad. W.: Hausa *lāmāmē* ‘k of gruel’, *lamai* ‘tuwo’, Mburku *laamù*, Guruntum *lām* ‘meat’, E.: Bidiya *kà-láamò* ‘meat-lover’ (ADB).
- (4) Hrs. *tewi*; Mhr. *tīwi*; Jib. *teʔ*; Soq. *te* // < Sem. **tʔw/y* ‘to eat’ (see EAT #5).

⁵² Perhaps with a fossilized *n*-prefix < Afras. **bVr-* ‘big’ (see a variety of derived terms in EDE II 9–10).

⁵³ Note E. Cush.: Oromo *ikkaan*, Dirasha *kaan-* ‘big’, unless a chance coincidence, implying Afras. **kaʔn-* ‘many, big’.

- < Afras. **tiʔaw-* ‘eat’: Egyp. *tʔ* (Pyr.) ‘bread’; Brb. **tatt* ‘eat’ (habitative); Chad. W.: Hausa *túwō* ‘tuwo’, *čí*, Bolewa *ti-*, Dera *twi/a*, Geruma *tii-*, Jimbin *ti, taa*, Tule *či/ši*, Daffo-Butura *čuh*, Ngizim *tá* ‘eat (soft food)’, C.: Lame *-tí-*, Masa *tā*, etc. ‘eat’, E.: Dangla *tè*, Migama *tí-yáw*, Birgit *túwà*, *tíya* ‘eat (soft food)’; N. Cush.: Beja *tiyu* ‘eat’; N. Omot.: Yemsa *taʔ-* ‘eat’ (pl.), Gimira (Bench) *tyaʔ-* ‘eat (of carnivores)’.
 - ◇ Gez. *šagā*; Tna. *səga*; Tgr. *səga*; Amh. *səga* < C. Cush. (see in LGz 526). The only tenable explanation for Arg. *šāw*, having no parallels in Sem., is a loan from C. Cush., in spite of phonetic differences, cf. Khamir *ziyaa*, Qwara *zeyaa* ‘meat’, etc. No term in Sab.
- **Common North and West Semitic:** **šir-* (#1).
Common West Semitic: **bišr-* ~ **bašar-* (#2).

54. MOON

- (1) Akk. *warḫu*; Ugr. *yrḫ*; Hbr. *yārēʔḫ*; Pho. *yrḫ*; Gez. *wārḫ*; Tna. *warḫ-i*; Tgr. *wārəḫ*; Har. *wahrī*; Wol. *wari* // < Sem. **warḫ-* ‘moon’⁵⁴.
- (2) Pal. *shr*; Syr. *sahr-*; Mnd. *sir-*; Urm. *sahr-* // < Sem. **šahr-* ‘new moon’: Arb. *šahr-*, Gez. *šahr*, Jib. *šehər*, etc. (v. LGz 528).
 - < Afras. **čalihar-* ‘night celestial body: moon, star’ (ADB): Chad. **šVHVr-* ‘star’: W.: Ankwe *sum-šar* (*sum* is ‘sky’), Boot *šaàr*, Guus *šyààr*, Kulere *sisiri*, C.: Mbara *mì-zèr* (St. 2007 #289). There is also S. Cush. **šalih-* ‘moon’: Iraqw *šahanʔ*^w, pl. *šaheeri*, Alagwa, Burunge *šehe*, Qwadza *šaha-yiko*, Maʔa *mšihe*, but **š-* in W. Rift languages, where Afras. **č* usually yields **č* and Afras. **š* yields **š*, is unusual. Even if the S. Cush. root is related, the question remains whether it has lost its final *-*r* or it actually represents the original root without the secondary extension.
- (3) Pal. *z^har* (syn.) // < Sem. **zhr* ‘to shine’ (HALOT 265).
 - < Afras. **za/ihr-* ‘night celestial body: moon, star’ (a variant root of Afras. **čalihar-*) together with Brb. **-zir-* ‘moon’ (ADB): Siwa, Mzab *ta-ziri*, Qabyle *ti-ziri*, etc., unless the latter continues **čalihar-*, a problem doomed to remain unsettled, since both Afras. **č* and **z* yield Brb. **z*.
- (4) Qur. *qamar-*; Leb. *ʔamar-*; Mec. *gamar*; Mlt. *āmar* // The exact meaning in Class. Arb. is ‘lune, surtout depuis la troisième jusqu’à la vingt-sixième nuit du mois lunaire’ (BK 2 811). Either derived from the verb *qmr* ‘è. blanc ou blanchâtre, briller’ (BK 2 811) or constitutes a primary noun; in the latter case, there are two etymological opportunities, both debatable: (1) < Sem. **qamar* ‘arch’ (implying the association of the crescent moon with an arch): Hbr. pB. *qmr* ‘to bend, arch over’, Jud. *qmr* ‘to bend’ (Ja. 1387), Gez. *qamara* ‘to build an arch, round off, etc.’, *qamar* ‘vault, arch, firmament’, Tna. *qāmārā* ‘to build an arch’; (2) related to Gez. *qamar* ‘moon’ (LGz 432), if it is *not* an Arabism (contra Leslau), to be further compared to Gez. *qammara* ‘to count, compute, etc.’, Tna. *qāmārā* ‘to compute, reckon by the calendar’, Amh. *qāmmārā* id. commented upon *ibid.* as “the verb is perhaps a denominative from *qamar* ‘moon’... which serves in the computation” (*ibid.*). No Afras. parallels in either case.

⁵⁴ With no other parallels outside Sem., the only well-known unsophisticated comparison, proposed by various authors and justly doubted by Takács (in EDE I 280), is to Egyp. *šḫ* ‘moon’. However, it may eventually prove to be acceptable; possible proof, the way I see it, should involve painstaking research on positional changes in Egyptian due to full and/or partial consonantal incompatibility (requiring detailed and exact calculations like the ones made by J. Greenberg in his pioneering study on Arabic triconsonantal verbal roots, see Green.) and, in this particular case, in connection with what I suspect to be “rhotal R” in Egyptian conveyed by *ʔ* and causing certain positional changes — a hypothesis I am working on.

- (5) Amh. *čäräka*; Arg. *čäräka*; Gaf. *šäräkä*; Sod. *därrakka* // No etymology proposed in LGur. 632, except for a mention of Cerulli's opinion that the Eth. term is a loan from Beja *terig* id.⁵⁵ Clearly related to Arb. *ṭāriḳ-* 'étoile du matin', the primary meaning being 'a night luminary' (*ṭrḳ* 'venir de nuit; faire une sortie de nuit, etc.', *ṭurḳat-* 'ténèbres' BK 2 75). No Sem. or Afras. parallels for this Eth.-Arb. root.
- (6) Cha. *bäna* // No parallels outside Gur. According to LGur. 146, "it is tempting to identify it with S[elti] and W[olane] *wäri* with the alternance *r:n:ñ* and with *w* becoming *b*", but this etymology, first suggested by Ullendorf ("with reservations" *ibid.*), is out of the question.
- (7) Hrs. *ḥārēt*; Mhr. *ḥārīt*; Jib. *ḥerat*; Soq. *ḥere* // < MSA **ḥary-* 'moon'. Probably related to Sem.: Akk. *urru* '(heller) Tag' (AHw. 1433), Hbr. *ḥōr* 'brightness, daylight; light; dawn' (HALOT 24), Soq. *ḥérir* 'allumer' (LS 75), etc. (v. DRS 13, where Sem. 'è. allumé, briller (lumière, feu)' is not compared with MSA **ḥar-* 'moon')⁵⁶.
- ◇ No term in Bib. and Sab.
- **Common North and West Semitic:** **warḥ-* (#1).

Literature

- ADB — *Afrasian Data Base* (<http://starling.rinet.ru> and <http://ehl.santafe.edu>).
- AHw — SODEN, W. von., 1965–1981. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden.
- Aloj. — ALOJALY, Gh., 1980. *Lexique touareg-français*. Copenhagen.
- App CDA — APPEYARD, D., A., 2006. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*. Kuschitische Sprachstudien / Cushitic Language Studies, Band 24. Köln.
- Baet. — BAETEMAN, J., 1929. *Dictionnaire amarigna — français suivi d'un vocabulaire français — amarigna*. Dire-Daoua (Ethiopie).
- BK — BIBERSTEIN-KAZIMIRSKI, A. de., 1860. *Dictionnaire arabe-français*. Paris.
- Bla. Om. — BLAŽEK, V., 2008. Lexicostatistical comparison of Omotic languages. In: *In Hot Pursuit of Language in Prehistory*. Ed. by John D. BENGTON. Amsterdam-Philadelphia, 57–148.
- Bla. Ong. — BLAŽEK, V., 2005. Cushitic and Omotic strata in Ongota, a moribund language of uncertain affiliation from Southeast Ethiopia. *Archiv orientální*, 73. 43–68.
- Bnd. Om. — BENDER, M.L., 2003. *Omotic lexicon and Phonology*. Carbondale.
- Brock. — BROCKELMANN, C., 1928. *Lexicon Syriacum*. Halle.
- Bulakh 2003 — BULAKH, M., 2003. Etymological Notes on the Akkadian Colour Terms. *Studia Semitica* (FS A. Militarev). Moscow, 3–17.
- Bulakh Dis. — BULAKH, M., 2005. *Цветобозначение семитских языков в этимологическом аспекте (Color nomination in Semitic in the etymological aspect)*. Doctorate dissertation. Russian State University in the Humanities, Moscow.
- CAD — OPPENHEIM, L., E. REINER & M.T. ROTH (ed.), 1956-. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago*. Chicago.
- DM — DROWER, E.S. & R. MACUCH, 1963. *A Mandaic Dictionary*. Oxford.
- DRS — COHEN, D., 1970-. *Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques*. La Haye.
- DUL — OLMO LETE, G. & J. SANMARTÍN, 2003. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. Leiden-Boston.
- EDE I — TAKÁCS, G., 1999. *Etymological Dictionary of Egyptian, Volume One: A Phonological Introduction*. Leiden-Boston- Köln.
- EDE II — TAKÁCS, G., 2001. *Etymological Dictionary of Egyptian, Volume Two: b-, p-, f-*. Leiden-Boston-Köln.
- EDE III — TAKÁCS, G., 2008, *Etymological Dictionary of Egyptian, Volume Three: m-*. Leiden-Boston.

⁵⁵ Also *terik* (RBeq 231), which is most likely an Arabism, despite the difference in meaning.

⁵⁶ Cf., however, a direct parallel in Brb.: Ahaggar *eôr*, Zenaga *ežžir*, Semlal *a-yyūr*, etc. 'moon' (ADB) which, together with Sem. **ḥwr ~ *ḥrr* 'be light' and MSA **ḥary* 'moon', should apparently imply Afras. **ḥay/wr- ~ *ḥary-* 'light (of sun or moon)'.

- EG — ERMAN, A. & H. GRAPOW, 1957–71. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, I–VII. Berlin.
- Ehr. — EHRET, Ch., 1991. The Consonant Inventory of Proto-Eastern Cushitic. *Studies in African Linguistics* 22/3, 211–275.
- Fouc. — FOUCAULD, Ch. de, 1951–1952. *Dictionnaire touareg-français*. Paris.
- Gr. — GRAGG, G., 1982. *Oromo Dictionary*. East Lansing.
- Green. — GREENBERG, J.H., 1950. The Patterning of Root Morphemes in Semitic. *Word* 6, 162–181.
- HALOT — KOEHLER, L. & W. BAUMGARTNER, 1994–1996, 1999–2000. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament* I–III. Leiden, New York & Köln. IV–V. Leiden, Boston & Köln.
- HJ — HOFTIJZER, J. and K. JONGELING, 1995. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden—New York—Köln.
- HRSC — EHRET, C., 1980. *The Historical Reconstruction of Southern Cushitic Phonology and Vocabulary*. Berlin.
- HSED — OREL, V. and O. STOLBOVA. 1995. *Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a Reconstruction*. Leiden—New York—Köln.
- Huds. — HUDSON, G., 1989. *Highland East Cushitic Dictionary*. Hamburg.
- Ja. — JASTROW, M., 1996. *A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature*. New York.
- Jahn — JAHN, A., 1902. *Die Mehri-Sprache in Südarabien. Texte und Wörterbuch*. Wien.
- JH — JOHNSTONE, T. M., 1977. *Ḥarsūsi Lexicon*. New York — Toronto.
- JJ — JOHNSTONE, T. M., 1981. *Jibbāli Lexicon*. New York (NY).
- JM — JOHNSTONE, T. M., 1987. *Mehri Lexicon*. London.
- Kane A — KANE, T. L., 1990. *Amharic-English Dictionary*. Wiesbaden.
- Kane T — KANE, T. L., 2000. *Tigrinya-English Dictionary*. Vol. I-II. Springfield.
- KM — KIESSLING, R. and M. MOUS, 2003. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic*. Köln.
- Kog. DD — KOGAN, L., 2006. On Proto-Semitic Deverbal Derivation. Paper read at II Workshop on Comparative Semitic (Sitges, Spain).
- Kog. Eth. — KOGAN, L., 2005. Common Origin of Ethiopian Semitic: the Lexical Dimension. *Scrinium. T. 1: Varia Aethiopica. In Memory of Sevir B. Chernetsov (1943–2005)*.
- Kog. Lar. — Л. КОГАН, 1995. О некоторых нерегулярных рефlekсах прасемитских ларингалов в аккадском языке. *Вестник древней истории*, №2 (KOGAN, L. On certain irregular reflexes of Proto-Semitic laryngeals in Akkadian. *Journal of Ancient History*, No.2. Moscow).
- Kog. Ug. — KOGAN, L., 2006. Lexical Evidence and the Genealogical Position of Ugaritic. *Babel and Bibel, No. 3. Annual of Ancient Near East, Old Testament and Semitic*. Winona Lake, Indiana, 1–60.
- LArg — LESLAU, W., 1997. *Ethiopic Documents: Argobba*. Wiesbaden.
- LGaf — LESLAU, W., 1956. *Étude descriptive et comparative du Gafat (Éthiopien méridional)*. Paris.
- LGur — LESLAU, W., 1979. *Etymological Dictionary of Gurage (Ethiopic)*. Vol. III. Wiesbaden.
- LGz — LESLAU, W., 1987. *Comparative Dictionary of Geʿez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden.
- LH — LITTMANN, E. and M. Höfner, 1956. *Wörterbuch der Tigre-Sprache. Tigre-deutsch-englisch*. Wiesbaden.
- LHar — LESLAU, W., 1963. *Etymological Dictionary of Harari*. Berkeley and Los Angeles.
- LS — LESLAU, W., 1938. *Lexique Soqōtri (Sudarabique moderne) avec comparaisons et explications étymologiques*. Paris.
- Mil. Farm. — MILITAREV, A., 2002. The Prehistory of a Dispersal: the Proto-Afrasian (Afroasiatic) Farming Lexicon. *Examining the Farming/Language Dispersal Hypothesis*, eds. P. BELLWOOD & C. RENFREW. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 135–50.
- Mil. RE — MILITAREV, A., 2005. Root extension and root formation in Semitic and Afrasian. *Proceedings of the Barcelona Symposium on comparative Semitic*, 19–20/11/2004, *Aula Orientalis* 23/1–2, p. 83–130.
- Mil. 2000 — MILITAREV, A., 2000. Towards the chronology of Afrasian (Afroasiatic) and its daughter families. *Time Depth in Historical Linguistics. Volume 1*. Ed. by C.Renfrew, A.McMahon & L.Trask. The McDonald Institute for Archaeological Research. Cambridge, 267–307.
- Mil. 2004 — MILITAREV, A., 2004. Another Step towards the Chronology of Afrasian (I). *Orientalia et Classica. Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies. Issue V. Babel and Bibel 1. Ancient Near East, Old Testament and Semitic Studies*. Moscow, 282–333.
- Mil. 2007 — MILITAREV, A., 2007. Toward a Complete Etymology-Based Hundred Word List of Semitic. Irem 1–34 (First Third). *Proceedings of the 7th International Semito-Hamitic Congress (Berlin, Sept.13–15, 2004)*. Aachen, p. 71–102.

- Mil. 2008 — MILITAREV, A., 2008. Toward a Complete Etymology-based One Hundred Wordlist of Semitic: Items 34–66 (Second Third). *FS H. Jungraithmayr and A. Dolgopolsky*. Ed. by G. Takacs, p. 194–222.
- Mil. 2010 — MILITAREV, A., 2010. A Complete Etymology-based Hundred Wordlist of Semitic Updated: Items 1–34. *Journal of Language Relationship*, № 2, 2010, p. 43–78.
- Nak. — NAKANO, A. 1986. *Comparative Vocabulary of Southern Arabic*. Tokyo.
- Pen. — PENRICE, J., 1873. *A Dictionary and Glossary of the Koran*. London.
- RBeč — REINISCH, L., 1895. *Wörterbuch der Bečauye-Sprache*. Wien.
- RCham — REINISCH, L., 1884. *Die Chamirsprache in Abessinien I*. Wien.
- Sarg. — САРГИС (архимандрит), 1909. *Русско-сирский лексиконъ*. Урмия. (SARGIS, archimandrite, 1909. *Russian-Syriac Lexicon*. Urmia.)
- Sas. Bur. — SASSE, H.-J., 1982. *An Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg.
- Sat. — SATTERTHWIT, A. C., 1960. Rate of Morphemic Decay in Meccan Arabic. *International Journal of American Linguistics*. 26/3, 254–261.
- SD — BEESTON, A. F. L., M. A. GHUL, W. W. MÜLLER & J. RYCKMANS, 1982. *Sabaic Dictionary (English-French-Arabic)*. Louvain-la-Neuve.
- SED I — MILITAREV, A. & L. KOGAN, 2000. *Semitic Etymological Dictionary*. vol. 1: *Anatomy of Man and Animals*. Münster.
- SED II — MILITAREV, A. and L. KOGAN, 2005. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. II: *Animal Names*. Münster.
- SLLE — D. KUSIA and R. SIEBERT, 1994. Wordlists of Arbore (Irbore), Birayle (Ongota), Tsamai (Tsamaho). *Survey of Little-known Languages of Ethiopia. Linguistic Report No. 20*. Addis-Ababa. 1–12.
- Sok. JP — SOKOLOFF, M., 1990. *A Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic*. Jerusalem.
- Sok. Syr. — SOKOLOFF, M., 2009. *A Syriac Lexicon*. Winona Lake, Indiana — Piscataway, New Jersey.
- Star. — STAROSTIN, S., 2000. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics, in *Time Depth in Historical Linguistics*, vol. 1, eds. C. RENFREW, A. MCMAHON & L. TRASK. (Papers in the Prehistory of Languages.) Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 223–265.
- St. LS — STOLBOVA, O., 1995. Lateral Sibilants in Chadic (Reconstruction) and Their Correspondences in Semitic and Egyptian. IBRISZIMOW, D. and LEGER, R. (eds.): *Studia Chadica et Hamitosemitica*. Köln, 58–64.
- St. 2005 — STOLBOVA, O., 2005. *Chadic lexical database. Issue I (L, N, Ny, R)*. Kaluga.
- St. 2007 — STOLBOVA, O., 2007. *Chadic lexical database. Issue II (lateral fricatives)*. Moscow-Kaluga.
- St. 2009 — STOLBOVA, O., 2009. *Chadic lexical database. Issue III (sibilants and sibilant affricates)*. Moscow.
- Sw. 1952 — SWADESH, M., 1952. Lexicostatistical dating of prehistoric ethnic contacts: With special reference to North American Indians and Eskimos. *Proceedings of the American Philosophical Society* 96, 452–463.
- Sw. 1955 — SWADESH, M., 1955. Toward greater accuracy in lexicostatistical dating. *International Journal of American Linguistics* 21, 121–137.
- Tak. 2001 — TAKÁCS, G., 2001. Towards Proto-Afro-Asiatic Phonology: Ancient Remnants in South Cushitic, Angas-Sura, and North Bauchi. *Rocznik Orientalistyczny* 54/2, 55–125.
- Tomb. — TOMBACK, R. S. *A Comparative Semitic Lexicon of the Phoenician and Punic Languages*. Ann Arbor.
- Tser. — ЦЕРТЕЛИ, К. Г., 1958. *Хрестоматия современного ассирийского языка со словарем*. Тбилиси. (TSERETELI, K. G., 1958. *A Neo-Assyrian Anthology (with glossary)*. Tbilisi).

Статья является второй частью этимологического разбора, проделанного автором для стословного списка Сводеша по семитским языкам (первая часть была уже опубликована в третьем номере *Вопросов языкового родства*). Анализу подвергаются еще двадцать элементов списка, для каждого из которых предлагается прасемитская реконструкция и обсуждаются возможные параллели в других языках афразийской семьи.

Ключевые слова: семитские языки, афразийские языки, глоттохронология, лексикостатистика.

Studies in Uralic vocalism II: Reflexes of Proto-Uralic **a* in Samoyed, Mansi and Permic¹

The paper presents a set of rules that explain the complementary distribution of the reflexes of alleged Proto-Uralic vowels **i* and **ā* in Proto-Samoyed, Proto-Mansi and Proto-Permic. Our aim is to show that the reconstruction of one vowel **a* instead of these two phonemes is sufficient for the explanation of all the reflexes in the languages under consideration.

Keywords: Uralic languages, Finno-Ugric languages, Samoyed languages, Mansi language, Komi language, Udmurt language, comparative phonology, linguistic reconstruction, Proto-Uralic vocalism.

Most present day works dealing with historical phonology and etymology of Uralic languages accept that in the first syllable of some Proto-Uralic lexical stems there must have been a high unrounded back vowel. This phoneme, usually marked as **i* and sometimes as **ī*, is absent in most early variants of the Proto-Uralic reconstruction as well as in the reconstruction system tentatively used in UEW, but is present in works by Juha Janhunen, Pekka Sammallahti and their followers [Sammallahti 1979; Janhunen 1981; Sammallahti 1988; Aikio 2002; Aikio 2006]. A version of Finno-Ugric historical phonology giving the same vowel the status of a proto-language phoneme was suggested already by Wolfgang Steinitz [Steinitz 1944].

The reason why the vowel system of Proto-Uralic was enlarged by **i* is that Balto-Finnic **a* of the first syllable together with its counterparts in Mordvinic, Saami and Mari has a variety of correspondences in other Uralic languages, in particular in Samoyed.

As demonstrated in [Janhunen 1981], Proto-Samoyed counterparts of the West Uralic **a* include, besides **ā*, also **i* and **e*. Considering this fact, Janhunen suggests that Samoyed **ā*, corresponding to Finno-Permic **a*, goes back to Proto-Uralic **ā* and Samoyed **i* (as well as **e*), as a counterpart of Finno-Permic **a*, reflects Proto-Uralic **i*. Thus the original system distinguishing **ā* and **i* would have been preserved in Samoyed, while in Finno-Permic the two phonemes in question would have merged in **a* (although some traces of Proto-Uralic **i* would have remained in Ugric) [Janhunen 1981: 227–229, 233–234, 236–237].

In works by Pekka Sammallahti, particularly in his fundamental article, dedicated to the historical phonology of Uralic languages, evidence for Proto-Uralic **i* (**ī* in Sammallahti's notation) is found, besides Samoyed and Ugric, also in Permic. According to Sammallahti (as can be inferred from [Sammallahti 1988], although the phonetic rules assumed by the author are not given an explicit wording), the development of Proto-Finno-Ugric **ā*, **i*, **oo* (< PU **āx*) and **ii* (< PU **ix*) in Ugric and Permic can be formulated as follows.

¹This study was carried out with the support of Russian Foundation for the Humanities, project № 09-04-95202a/F.

In Hungarian, PFU *i and *ii in PFU *i*-stems yield *i* or *í*, whereas PFU *â and *oo in this type of stems yield *a* or *á*. In PFU *â*-stems both *i and *â yield *a* or *á* (after a labial PFU *â yields *o* or *a* in both *i*- and *â*-stems) [Sammallahti 1988: 500–501, 513–515].

In Ob-Ugric languages PFU *i and *ii are always reflected as Proto-Mansi *ii, Proto-Khanty *aa. PFU *â in *â-stems yields Proto-Mansi *uu, Proto-Khanty *aa, while PFU *â and *oo in *i*-stems yield Proto-Mansi *aa, Proto-Khanty *oo (after a labial PFU *â gives Proto-Mansi *uu or *u, Proto-Khanty *uu in both *i*- and *â*-stems) [Sammallahti 1988: 500–507].

In Proto-Permic PFU *i yields *ÿ (PP *u in our reconstruction², see [Zhivlov 2010]), and PFU *â yields *u (PP *ö in our reconstruction) irrespective of the second-syllable vowels. PFU *ii and *oo merge and yield PP *ü (*j in our reconstruction) or *i (*e in our reconstruction), but PP *wu (*wö in our reconstruction) in the initial position [Sammallahti 1988: 522–531].

Thus, the distinction of PFU *i and *â is best of all preserved in Proto-Mansi and Proto-Permic. In the present article we will try to show that precisely in these languages, as well as in Proto-Samoyed, the reflexes of alleged *i and *â are in complementary distribution.

Before we proceed to the examination of the relevant evidence, a few preliminary remarks are in order.

Following Meri Lehtinen's ideas [Lehtinen 1967], we do not reconstruct Proto-Uralic long vowels (or combinations of vowel + *x that have replaced long vowels in Janhunen's and Sammallahti's reconstruction). Proto-Balto-Finnic *ō is, in our view, the result of regular lengthening of *a in Balto-Finnic *e*-stems before intervocalic *r, *l, *m, *n and *δ. The only clear exception to this rule is PU *pani- 'to put', reflected as *pane- in Balto-Finnic. This verb, however, has irregular vowel reflexes in Permic and Ob-Ugric as well and so can hardly be used as evidence for the opposition 'shortness vs. length'. As for the alleged correspondence between Balto-Finnic long vowels and Proto-Samoyed vowel sequences with *a [Janhunen 1981: 240], it does occur in several reliable etymologies³: PBF *kēli ~ PS *kääj 'tongue', PBF *pēli ~ PS *pea(j) or *pia(j) 'edge, side', PBF *kūsi ~ PS *kâat 'spruce' and PBF *kōle- ~ PS *kâa- 'to die'. Only the first two of these examples can be regarded as certain, since the reflexes of the word for 'spruce' in daughter languages, especially Ob-Ugric (Proto-Mansi *kaytɜ, Proto-Khanty *kal), point rather to PU *kowsi (cf. PU *täwδi > Proto-Mansi *tāyl, Proto-Khanty *täl), while in the verb 'to die' PS *a may in fact reflect PU *l [Janhunen 2007: 219]. It is not excluded that one of the sources of Samoyed postvocalic *a is a process similar to, but independent from, Balto-Finnic lengthening.

We concur with Janhunen and Sammallahti in reconstructing PU high vowel in non-initial syllables instead of the traditional *e. The fact that in Saami and Mordvinic *e of the first syllable merges with *i if the following syllable contains the vowel in question, whereas in Mordvinic *o of the first syllable merges with *u in the same position, tells us that Balto-Finnic *e in non-initial syllables must be the result of secondary development.

In a number of words, where Janhunen and Sammallahti reconstruct PU / PFU *i or *â, evidence of West Uralic languages (Balto-Finnic, Saami and Mordvinic) points rather to *u or *o. The following etymologies can be mentioned (reconstructions are given according to [Sammallahti 1988]): PU *jĩnsi 'bow' (cf. Finnish *jousi*), PU *kixi 'moon' (cf. Finnish *kuu*, Erzya and Moksha *kov*), PU *kâxli- 'to die' (cf. Erzya *kulo-*, Moksha *kulâ-*), PU *kâxsi 'spruce' (cf. Erzya and Moksha *kuz*), PU *lixī 'bone' (cf. Finnish *luu*, Erzya and Moksha *lovaža*), PU *ñâxli- 'lick' (cf. North Saami *njoallut*, Erzia and Moksha *nola-*), PFU *âñi 'mouth' (cf. Erzya *oñkśt*, Moksha

² In the present article we will use the version of Proto-Permic reconstruction suggested in [Zhivlov 2010].

³ We omit cases where internal Samoyed evidence does not allow an unequivocal reconstruction of sequences with *a.

ovâst), PFU **niri* ‘marsh’ (cf. Finnish *noro*). Such words are not examined in the remainder of the present article.

Janhunen and Sammallahti, as well as many other scholars, systematically distinguish intermediate levels of reconstruction between Proto-Uralic and lower-level protolanguages, namely Proto-Finno-Ugric and Proto-Finno-Permic. However, from the viewpoint of phonological reconstruction it is actually quite difficult to point out significant differences between Proto-Uralic, Proto-Finno-Ugric and Proto-Finno-Permic. Concerning consonantism, no differences come into question at all, and at least some of the vocalic distinctions, postulated in [Sammallahti 1988], are, in fact, mere fiction. In this paper we do not intend to join the discussion on internal Uralic taxonomy and, therefore, do not make any arguments for or against any particular variant of subgrouping for Uralic languages. In dealing with reconstructed protoforms, we will tentatively proceed from only one high level of reconstruction, identifying it as Proto-Uralic. Nevertheless, below we do note protoforms as PU, PFU or PFP. These notes do not actually refer to different levels of reconstruction. Identifying a word in this way, we only indicate how widely it is distributed in Uralic languages. On the other hand, Proto-Samoyed, Proto-Mansi, Proto-Permic, Proto-Komi, and Proto-Udmurt, as well as other low-level protolanguages, are regarded by us as absolutely real idioms with their own phonological and morphological features.

Below we demonstrate a set of rules systematizing the reflexation of Proto-Uralic **a* (corresponding to both **â* and **j* in Janhunen’s and Sammallahti’s reconstruction) in Samoyed, Mansi and Permic.

Samoyed

In Proto-Samoyed⁴, reflexation of PU **a* depends on stem type, i. e. on second syllable vowels as well as consonant surrounding. It is important to note that, while rules based on consonant surrounding sometimes have to do with the etymological nature of Proto-Samoyed consonants, i. e. with their Proto-Uralic sources, rules that concern stem type do not refer to Proto-Uralic stem-final vowels, but only to Proto-Samoyed ones.

First, we will consider a somewhat rare PS reflex of PU **a*. In some specific positions, PU **a* yields PS **a* (**ä* in Janhunen’s system). This happens if **a* is followed by a cluster beginning with a PU palatal or palatalized consonant or is surrounded by two stops or affricates.

1) PU **a* > PS **a* before clusters beginning with a PU palatal or palatalized consonant:

PU **aška*⁵ ‘to step’, **aškli* ‘step’ > PS **asəl-* (only PSIk **āsəl-*) [UEW: 19 (**aške*(~*l*), **ačke*(~*l*)); Sammallahti 1988: 542 (**āski/āli*); Aikio 2002: 40–41 (PU **aškili-*); SIkWB: 38];

PU **kajwa-* ‘to dig, to throw’, **kajwa* ‘spade’ > PS **kajwâ* ‘spade’ [UEW: 170–171 (**kojwa-*); Sammallahti 1988: 552 (PFP **ka/ojwa-*); SW: 63 (PS **käjwâ*); Aikio 2002: 41–42 (PU **kajwa-*)];

PU **wajŋi* ‘breath’ > PS **wajŋ-* [UEW: 552–553 (**wajŋe*); Sammallahti 1988: 541 (PU **wājŋi-*); SW: 173 (PS **wäjŋ-*)].

⁴ For Proto-Samoyed we use Juha Janhunen’s reconstruction [SW] with modifications by E. Helimski [Helimskij 1978; Helimski 2005].

⁵ Reflexes of this root in Mansi and Permic indicate that it was an *a*-stem. The vowel *e* of the second syllable in the Finnish derived noun *askel* ‘step’ is apparently part of the suffix. Whether the noun in question should be reconstructed as **aškili* on the PU level is not clear.

Apparently, this group is to be enlarged by a non-trivial case with a unique PU cluster, the first element of which seems to have been a palatalized *ń:

PU *ańti ‘horn’ > PS *amtə [UEW: 12–13 (*ańt3 / *ońt3); SW: 20 (PS *ämtə)].

Here we reconstruct the medial nasal as *ń in the light of two circumstances. First, its reflexes are generally different from those of the nasal also followed by *t in PU *ońt3 ‘sting, lance’, where we definitely deal with a velar: *ońt3 > Proto-Mansi *awtā, Proto-Khanty *ańt3-, PS *ańtə, but *ańti > Proto-Mansi *yńt3, Proto-Khanty *āńət and PS *amtə. Second and most important, the Mansi reflex is simply *ń. Note that we have no other examples of PU words with a cluster like that in the word ‘horn’.

2) PU *a > PS *a between two stops or affricates:

PU *čaća- ‘to be born, to grow’ > PS *cac3 (only PSIk *čāči) [UEW: 52 (*čāč3- ~ *čānc3-); Sammallahti 1988: 552 (PFP *čēčV-), 554 (PFP *šēčV-); SIkWb: 154–155];

PU *čaća- (~ *ć-) ‘to move’ > PS *cac3- (only PSIk *čāčə-) [UEW: 53 (*čānc3- ~ *čāč3-); SIkWb: 155];

PU *pata- ‘to pot’, *pata ‘pot’⁶ > PS *patə- [UEW: 358 (*pata); Sammallahti 1988: 548 (PFU *pātā); SW: 118 (PS *pāt- ~ *pāt3-)];

PU *taka ‘behind’ > PS *takə [UEW: 506–507 (*taka); SW: 154 (PS *tāk(-) ~ *tākə-)].

The remaining cases of Samoyed reflexation of PU *a can be divided into two groups. In the first group the Samoyed reflexes depend on the quality of the syllable onset, in the second — on the vowels of the second syllable.

Let us look at the first group. Reflexation of PU *a depends on the syllable onset in the following cases: a) in word-initial position PU *a yields *i or *e⁷, b) in the position after *k-, PU *a yields PS *ā, c) in the position after PS dentals (except *t- < PU *s-) PU *a also yields PS *ā.

Let us list the respective cases.

3) PU *a > PS *i/*e in word-initial position:

PU *akta- ‘to hang’ > PS *itā- (tr.), *itō- (intr.) [UEW: 5–6 (*akta-); Sammallahti 1988: 536 (PU *iktā-); SW: 25–26 (PS *it3-)];

PU *ala ‘under’ > PS *ilə [UEW: 6 (*ala); Sammallahti 1988: 536 (PU *ilā); SW: 24 (PS *ilā)];

PU *ana, also in compound *ana-appi⁸ ‘mother-in-law’ > PS *inəpə [UEW: 9–10 (*an3(-pp3)); Sammallahti 1988: 536 (PU *inā-); SW: 24–25 (PS *ināpā)];

PU *ańi ‘tame’ > PS *ińə [UEW: 340 (*oń3); Sammallahti 1988: 536 (PU *ińi); SW: 25 (PS *ińā)];

⁶ Comparison of PFU *pata with PS *patə- is mentioned in [Napol’skih 1997: 124] and [Aikio 2002: 50].

⁷ As noted by Janhunen, the general rule for the distribution of *i and *e in Samoyed words going back to Proto-Uralic is that *i appears in an open syllable and *e in a closed one [Janhunen 1981: 233–234, 236]. Indeed, in all of the words containing *e, it occurs in a closed syllable (*eptə ‘hair’, *pen- ‘put’, *je(ə)m ‘bird-cherry’, *ńe(ə)j ‘arrow’, *ńer ‘cartilage’, *jepə ‘cradle’, *cən ‘sinew’), and in the words where *a > *i, the first syllable is open. The only exception is *límpə ‘marsh’.

⁸ Janhunen reconstructs this word as PU *inā + *ppi > *ināppi, suggesting that *āj yielded o in the Finnish cognate *anoppi* [Janhunen 1982: 227–228]. This reconstruction cannot explain why we see o and not oi in Finnish. We suggest another line of development: *ana + *ppi > *anaappi > *anāppi > *anōppi (see above on the lengthening of *a to *ō in Balto-Finnic) > *anoppi* (*ō was shortened because of the general ban on long vowels in non-initial syllables in Proto-Balto-Finnic).

PU **apti* ‘hair’ > PS **eptā* [UEW: 14–15 (**apte*); Sammallahti 1988: 536 (PU **ipti*); SW: 21 (PS **eptā*)].

4) PU **a* > PS **ā* in position after **k-*:

PU **kaḍa-* ‘to leave’ > PS **kājā-* (tr.), **kājo-* (intr.) [UEW: 115–116 (**kaḍa-*); Sammallahti 1988: 537–538 (PU **kād’ā-*); SW: 58 (PS **kājā-* (tr.) ~ **kājā-* (intr.))];

PU **kaja* ‘sun’ > PS **kājā* [Sammallahti 1988: 538 (PU **kājā*); SW: 58 (PS **kājā*)];

PU **kala* ‘fish’ > PS **kālā* [UEW: 119 (**kala*); Sammallahti 1988: 538 (PU **kālā*); SW: 59 (PS **kālā*)];

PU **kani-* ‘to go’, **kanta-* ‘to carry’ > PS **kān-* [UEW: 124 (**kanta*); Sammallahti 1988: (PU **kāni-*); SW: 59 (PS **kān-*)];

PU **kari* ‘bark’ > PS **kār* ~ **kar*⁹ [UEW: 184–185 (**kore* / **kōre*); SW: 64–65 (PS **kār*)];

PU **kaśa-* ‘to present’ > PS **kāso* [UEW: 111 (**kaś*); Sammallahti 1988: 538 (PU **kāsī-*); SW: 61 (PS **kāsā*)].

5) PU **a* > PS **ā* in position after PS dentals (except **t-* < PU **s-*):

PU **nataw* ‘sibling / (younger) relative of spouse’ > PS **nāto* [UEW: 299–300 (**nat*); Sammallahti 1988: 539 (PU **nātiw*); SW: 98–99 (PS **nātī-*)];

PU **śada-* ‘to rain’ > PS **sārā-* ‘to rain’, **sārō* ‘rain’ [Sammallahti 1988: 540 (PU **śādā-*); SW: 135–136 (PS **sārā-* ~ **sārō-*)];

PU **śala-* ‘to flash, lighten’ > PS **sālā-* [UEW: 459 (**śala*); Sammallahti 1988: 549 (PFU **śilā-*); SW: 135 (PS **sālā-*); Aikio 2002: 27–29 (PU **śala-*)];

PU **śaŋka-* ‘to sting, stick’ > PS **sāŋk3-* ‘id.’, **sāŋkə* ‘penis’ [Aikio 2006: 24 (PU **śaŋka-*)].

PU **talja* ‘skin’ > PS **tājā*¹⁰ [UEW: 508–509 (**talja*); SW: 150 (PS **tājā*)];

PU **tanti-* ‘ground; to tread’ > PS **tāntā-* [SW: 151 (PS **tāntā-*); Rédei 1998];

PU **taśa* ‘even, exact’ > PS **tāsā* (only Nenets *tās*) [UEW: 513 (**tasa*)].

The fact that PS **t-* < PU **s-* does not behave like the other Proto-Samoyed dentals¹¹ can be explained if we suppose that at some stage, intermediate between Proto-Uralic and Proto-Samoyed, this phoneme had another place of articulation, e. g. interdental or lateral. Development *s* > *t* is found in several branches of Uralic (Samoyed, Mansi and Southern Khanty), but the only branch where we can observe intermediate stages of this development is Khanty. PU **s* yields Proto-Khanty voiceless lateral **l* that later develops into *t* in Southern Khanty, but is preserved as a lateral in other dialects. The situation that we assume for Pre-Proto-Samoyed is analogous to that of Surgut dialect of Khanty, where PU **t*, **ś*, and **n* are reflected as dentals *t*, *s*, and *n*, but PU **s* yields lateral fricative *l*.

In all the remaining cases, the quality of Samoyed reflexes of PU **a* depends on the vocalism of the second syllable. The rules can be formulated as follows: a) PU **a* yields **i* or **e*¹² in stems whose second syllable contains **ə* or **e* and in stems ending in a consonant, b) PU **a* yields PS **ā* in stems containing PS **ā*, **ä* or **o* in the second syllable.

Below we list the respective cases.

⁹ The comparison with Samoyed was suggested by E. Helimski in [Helimski s.a.], see also [Aikio 2002: 50].

¹⁰ PS **ə* in the first syllable of this word may reflect PU **l* in the position between PS **ā* and a consonant (this rule was suggested by J. Janhunen [Janhunen 2007: 219], although he did not mention PS **tājā*).

¹¹ Note that PS **c* is a retroflex affricate, not a dental one.

¹² See above on the distribution between **i* and **e*.

6) PU *a > PS *j/*ɟ in stems whose second syllable contains PS *ə or *ɛ and in stems ending in a consonant:

- PU **šami* ‘bird-cherry’ > PS **je(ə)m* [UEW: 65–66 (**šeme* / **šōme*); Sammallahti 1988: 536–537 (PU **d’ixmi*)];
- PU **lampi* ‘marsh’ > PS **lɪmpə*¹³ (underived stem is preserved in Tundra & Forest Enets *lubo* ‘clay’, Nganasan *lūŋhə* ‘marshy place’, see [Helimski s.a.]) [UEW: 235 (**lampe*); SW: 83–84 (PS **lɪmpā*- ‘sumpfig sein’ ~ **lɪmpâ*- ‘(in den Sumpf) sinken’)];
- PU **lapsi* ‘cradle’ > PS **jepsə* ~ **lepsə* [UEW: 260 (**lapćs* / **lapśs*); SW: 41 (PS **jepsâ* ~ **lep̄psâ*)];
- PU **maksa* ‘liver’ > PS **miṭə* [UEW: 264 (**maksa*); Sammallahti 1988: 538 (PU **miksā*); SW: 93–94 (PS **miṭā*)];
- PU **nali* ‘arrow’ > PS **ne(ə)j* [UEW: 317 (**nele* / **nōle*); Sammallahti 1988: 539 (PU **nixli*); SW: 108–109 (PS **ne¹j*)];
- PU **nari*¹⁴ ‘cartilage’ > PS **ner* [UEW: 317 (**nerk₃* / **nōrk₃*); Sammallahti 1988: 546 (PFU **nirki*); SW: 108 (PS **ner*)];
- PU **pani*- ‘to put’ > PS **pen*- [UEW: 353–354 (**pane*-); Sammallahti 1988: 539 (PU **pini*-); SW: 118 (PS **pen*-)];
- PU **saksa* ‘cedar’ > PS **tjɛŋ* [UEW: 445–446 (**soks₃* / **saks₃* / **sɛks₃*); Sammallahti 1988: 540 (PU **siksī*); SW: 160 (PS **tjɛjāŋ*)];
- PU **sani* ‘vein, sinew’ > PS **cen*¹⁵ [UEW: 441 (**sene* / **sōne*); Sammallahti 1988: 548 (PFU **siini*); SW: 32–33 (PS **cen*)].

7) PU *a > PS *å in stems containing PS *å, *ä or *o in the second syllable:

- PU **čanja*- ‘to strike, beat, rub’ > PS **cåŋå*- (tr.), **cåŋo*- (intr.) [UEW: 53–54 (**čañs*-); SW: 151 (PS **t¹åŋå*- (tr.) ~ **t¹åŋâ*- (intr.))]; Aikio 2002: 11–12 (PU **čanja*-)];
- PU **lapta* ‘flat, thin’ > PS **jåptå* ~ **japtå* [UEW: 238 (**lapta*); SW: 38 (PS **jåptå* ~ **japtå*)];
- PU **pala*- ‘to bite’, **pala* ‘piece’ > PS **pålä*- [UEW: 350 (**pala*); Sammallahti 1988: 540 (PU **pålä*-); SW: 116 (PS **pålä*-)];
- PU **sala*- ‘to steal’ > PS **tålä*- [UEW: 430–431 (**sala*); Sammallahti 1988: 540 (PU **sålä*-); SW: 150–151 (PS **tålä*-)];
- PU **sarka* ‘branch, fork’ > PS **tårkå* [Sammallahti 1988: 540 (PU **sårkå*); SW: 152 (PS **tårkå* ~ **tålk₃*-)];
- PU **wala* ‘word’ > PS **wålä* [UEW: 812 (**wala*); Aikio 2006: 26–27 (PU **wala*)];
- PU **wanča* ‘root’ > PS **wåncå* [UEW: 548–549 (**wač₃* ~ **wanč₃*); Sammallahti 1988: 541 (PU **wåncå*); SW: 171 (PS **wånc₃*-)];
- PU **wara* ‘hill, ridge’ > PS **wårå* [Sammallahti 1988: 551 (PFU **wårå*); Aikio 2006: 27–28 (PU **wara*)].

It seems possible to add to this group also the following case:

- PU **nača* ‘moss; a kind of grass’ > PS **nåcå* [UEW: 311 (**nač₃*); SW: 105 (PS **nåc* ~ **nåcâ* ~ **nåcå*)].

¹³ PU *l was apparently regularly preserved in front of *j and *ɟ in Samoyed.

¹⁴ Despite UEW, this word should be reconstructed without *-k-, as indicated by Moksha *nar* ‘cartilage’ (PU *-rk- would have been preserved in Moksha as -rg-). Curiously enough, the Moksha word is absent in all etymological sources.

¹⁵ The consonantal correspondence here is admittedly irregular. Nevertheless, the comparison with Samoyed can be accepted much in the same way as, e.g., comparison of PIE **k₁rd*- ‘heart’ with Old Indic *h₁rd*- ‘id.’ (with equally irregular consonant correspondences) is accepted in modern Indo-European linguistics.

The Nenets and Enets forms (Tundra Nenets *náda* ‘reindeer moss’, Tundra & Forest Enets *naða* ‘id.’) clearly point to PS **náca* or **nátá*, and the Selkup form (PSlk **núčə* ‘grass’ [SlkWb: 237]) may have also had an original *á*-stem. The Nganasan form (*notə* ‘grass’) reflects **náca*, but it may still be a result of a secondary (derivational?) process. On the other hand, we may be dealing here with reflexes of two different PS words: **náca* (or **nátá*) ‘reindeer moss’ and **núca* ‘grass’. In this case, only the former word (if it, indeed, contained PS **c* rather than **t*) can be included in the Uralic comparison.

Besides this, there are two cases for which we cannot determine the quality of the Proto-Samoyed vowel of the second syllable.

PU **wanča-* ‘to walk slowly’ > PS **wānc3-* [UEW: 557 (**wanča-*); Sammallahti 1988: 551 (PFU **wāncā-*); Aikio 2002: 36–38 (PU **wanča-*)];

PU **wasa-* ‘left’ > PS **wāt3-* [UEW: 559 (**wasa-*); Sammallahti 1988: 541 (PU **wāsā-*); SW: 172–173 (PS **wāt3-*)].

In addition to the groups considered above, let us mention a separate case where the reflexion of first-syllable **a* may be due to a specific word structure:

PU **jajari* ‘cross-grained wood’ > PS **jár* [UEW: 90 (**jar3*); SW: 38 (PS **jár*)].

Here the long *aa* in the Finnish reflex *jaarun* ‘cross-grained wood’ points to a deleted consonant that may be tentatively identified as **γ* (cf. PFU **maya* ‘earth, land’ > Finnish *maa*).

It seems possible to conclude that all the material which has, up till now, served as Samoyed evidence for Proto-Uralic **i*, i. e. the cases where West Uralic **a* has non-low Samoyed counterparts such as **i* and **e*, can be interpreted in terms of secondary Samoyed processes caused by specific phonological positions. Some of the postulated rules may seem unusual from the typological point of view. Nevertheless, we think that such rules can be accepted as valid if they are confirmed by a sufficient number of examples and there are no counterexamples to speak of.

As noted above, Mansi and Permic have also been regarded as distinguishing between Proto-Uralic **á* (which stands for Proto-Uralic **a* in the modern variant of phonological reconstruction) and **i* [Sammallahti 1988]. Sammallahti assumes that in Proto-Mansi, **á* yields **uu* (= **ū* in the notation that we use in the present article) in **á*-stems and **aa* (= **ā*) in *i*-stems (after a labial in both types of stems **á* yields **uu* (= **ū*) or **u*), while **i* always yields **ii* (= **ī*). In Proto-Permic, on the other hand, **á* yields **u* (**ó* in our reconstruction), while **i* yields **ū* (**u* in our reconstruction) irrespective of the type of stem (i. e. second-syllable vowel). If this really were so, we could observe the following regular types of correspondences between Mansi and Permic:

- 1) PMs **ū* ~ PP **ó* (PFU **á* in *á*-stems);
- 2) PMs **ā* ~ PP **ó* (PFU **á* in *i*-stems);
- 3) PMs **ū* or **u* ~ PP **ó* (PFU **á* after a labial);
- 4) PMs **ī* ~ PP **u* (PFU **i*).

In actual fact, we also find Mansi **ū* (and **u*) corresponding to Permic **u* and Mansi **ī* corresponding to Permic **ó*. Cf. the evidence: PMs **ńjká3m* ~ PP **ńókím* ‘gills’; PMs **šjt3* ~ PP **só* ‘hundred’; PMs **kūlap* ~ PP **kul-* ‘net’; PMs **kūn-* ~ PP **kund-* ‘to dig’; PMs **ńūnš-* ~ PP **ńuž-* ‘to stretch’; PMs **pūnš-* ~ PP **puž-* ‘to open’; PMs **unš-* ~ PP **vuž-* ‘to walk slowly’.

Meanwhile, it turns out that at least in those cases where West Uralic languages show evidence for first syllable **a*, the appearance of **ū* or **ī* in Mansi, as well as that of **ó* or **u* in

Permic, is determined by historical phonological contexts. In all respective words, the Proto-Uralic source of the first syllable vowels would be *a. Like in Samoyed, the actual vowel changes depend both on consonant surrounding and on second syllable vowels, which are mostly stem-final. But, unlike in Samoyed, here it is the Proto-Uralic stem types that are relevant, which makes the picture somewhat different.

Mansi

1) PU *a > PMs *ī in *i*-stems:

- PU *ańti ‘horn’ > PMs *īńtɜ [UEW: 12–13 (*ańtɜ / *ońtɜ); Honti 1982: 128];
 PU *apti ‘hair’ > PMs *ītɜ [UEW: 14–15 (*apte); Sammallahti 1988: 536 (PU *ipti, PFU *ipti); Honti 1982: 128];
 PFU *cači ‘wild duck’ > PMs *šīš [UEW: 58 (*čečɜ ~ *čenčɜ); Honti 1982: 132];
 PU *đami ‘bird-cherry’ > PMs *līmɜ ‘bird-cherry’ [UEW: 65–66 (*đeme / *đome); Sammallahti 1988: 536–537 (PU *d’ixmi, PFU *d’iimi); Honti 1982: 140];
 PFU *kanti ‘tree stump’ > PMs *kīntā [UEW: 123 (*kanta); Sammallahti 1988: 543 (PFU *kintā); Honti 1982: 153];
 PFU *ńakćimi ‘gills’ > PMs *ńīkćɜm [UEW: 311–312 (*ńańkće); Sammallahti 1988: 546 (PFU *ńikćimi); Honti 1982: 169];
 PU *ńali ‘arrow’ > PMs *ńīlɜ [UEW: 317 (*ńele / *ńole); Sammallahti 1988: 539 (PU *ńixli, PFU *ńiili); Honti 1982: 171];
 PU *ńari ‘cartilage’ > PMs *ńīrəɣ [UEW: 317 (*ńerkɜ / *ńorkɜ); Sammallahti 1988: 546 (PFU *ńirki); Honti 1982: 172];
 PFU *paši ‘mitten’ > PMs *pīsɣā [UEW: 376 (*pešɜ); Sammallahti 1988: 547 (PFU *piiši); Honti 1982: 179];
 PU *sani ‘vein, sinew’ > PMs *tīnɜ [UEW: 441 (*sene / *sone); Sammallahti 1988: 548 (PFU *siini); Honti 1982: 137];
 PFU *śami ‘fish scales’ > PMs *sīmɜ [UEW: 476 (*śeme / *śome); Sammallahti 1988: 549 (PFU *śiimi); Honti 1982: 184].

In the word *ańti ‘horn’, we reconstruct an *i*-stem (rather than an unknown stem-final vowel, despite UEW), because the development PU *a > PMs *ī, if not after *ś- or before a velar, happens only in *i*-stems (whereas in *a*-stems PU *a > PMs *ū, see below). The same can be said of PFU *kanti ‘tree stump’. We suggest that the latter word should be compared only to Finnish *kanto* ‘tree stump’, and not to Finnish *kanta* ‘foundation’ (reflexes of this etymon in all other language groups refer only to a kind of stump, fallen tree or post, not to ‘foundation’).

In PU *a*-stems the reflexation of *a depends on surrounding consonants: a) an unmarked reflex is PMs *ū, but we also have b) PMs *u after PU *w-, c) PMs *ī before a velar and d) PMs *ī after PU *ś-.

2) PU *a > PMs *ū in *a*-stems:

- PFU *aja- ‘to drive’ > PMs *ūjt- [UEW: 4–5 (*aja-); Sammallahti 1988: 542 (PFU *ājā-)];
 PFU *ama- ‘to scoop’ > PMs *ūm- [UEW: 7–8 (*ama-); Honti 1982: 126];
 PU *aśka- ‘to step’, *aśkɜli ‘step’ > PMs *ūš-, *ūšəl [UEW: 19 (*aśke(-lɜ), *aśke(-lɜ)); Sammallahti 1988: 542 (PFU *aśki/āli)];
 PU *čača- (~ *ć-) ‘to move’ > PMs *šūš- [UEW: 53 (*čančɜ- ~ *čačɜ-); Honti 1982: 181];

- PU **kaḏa-* ‘to leave’ > PMs **kūl-* [UEW: 115–116 (**kaḏa-*); Sammallahti 1988: 537–538 (PU, PFU **kād’ā-*); Honti 1982: 146];
- PU **kala* ‘fish’ > PMs **kūl* [UEW: 119 (**kala*); Sammallahti 1988: 538 (PU, PFU **kālā-*); Honti 1982: 148];
- PFU **kala-* ‘net’ > PMs **kūləp* [UEW: 120 (**kalə-*); Sammallahti 1988: 545 (PFU **kālāw-*); Honti 1982: 149–150];
- PFU **kala-* ‘to stay overnight’ > PMs **kūl-* [UEW: 120–121 (**kalə-*); Sammallahti 1988: 545 (PFU **kālā-*); Honti 1982: 148];
- PFU **kana-* ‘to dig’ > PMs **kūn-* [UEW: 125 (**kanə-*); Sammallahti 1988: 545 (PFU **kânā-*); Honti 1982: 152];
- PU **kanta-* ‘to carry’ > PMs **kūnt-* [UEW: 124 (**kanta*); Sammallahti 1988: 538 (PU **kâni-*, PFU **kântā-*); Honti 1982: 153];
- PFU **ňanča-* ‘to stretch’ > PMs **ňūnš-* [UEW: 323 (**ňončə / *ňočə*); Sammallahti 1988: 546 (PFU **ňâncâ-*); Honti 1982: 172];
- PU **pala* ‘piece’ > PMs **pūl* [UEW: 350 (**pala*); Sammallahti 1988: 540 (PU, PFU **pâlā-*); Honti 1982: 176];
- PFU **panča-* ‘to open’ > PMs **pūnš-* [UEW: 352 (**panče- / *pače-*); Sammallahti 1988: 548 (PFU **pâncâ-*); Honti 1982: 177];
- PU **pata* ‘pot’ > PMs **pūt* [UEW: 358 (**pata*); Sammallahti 1988: 548 (PFU **pâtā-*); Honti 1982: 180];
- PU **sala-* ‘to steal’ > PMs **tūləm-* [UEW: 430–431 (**sala*); Sammallahti 1988: 540 (PU, PFU **sâlā-*); Honti 1982: 137];
- PFU **saŋća-* ‘to stand’ > PMs **tūńć-* [UEW: 431–432 (**saŋća-*); Sammallahti 1988: 549 (PFU **śâńśâ-*); Honti 1982: 138].

3) PU **a* > PMs **u* in *a*-stems after **w*¹⁶:

- PFU **waja-* ‘to sink’ > PMs **uj-* [UEW: 551 (**waja-*); Sammallahti 1988: 551 (PFU **wâjâ-*); Honti 1982: 192];
- PU **wanča-* ‘to walk slowly’ > PMs **unš-* [UEW: 557 (**wanča-*); Sammallahti 1988: 551 (PFU **wâncâ-*); Honti 1982: 194];
- PU **wara* ‘hill, ridge’ > PMs **ur* [Sammallahti 1988: 551 (PFU **wârâ-*); Honti 1982: 196].

4) PU **a* > PMs **ĭ* in *a*-stems before a velar¹⁷:

- PFU **aŋa-* ‘to open’ > PMs **ĭŋok-* [UEW: 11 (**aŋa-*); Sammallahti 1988: 542 (PFU **iŋâ-*); Honti 1982: 127–128];
- PU **čaŋa-* ‘to strike, beat, rub’ > PMs **šĭŋok-* [UEW: 53–54 (**čaŋə-*); Honti 1982: 133];
- PFU **maya* ‘earth, land’ > PMs **mĭ* (**mĭŋ-*) [UEW: 263–264 (**maye*); Sammallahti 1988: 546 (PFU **mixi*); Honti 1982: 202];
- PU **maksa* ‘liver’ > PMs **mĭjət* (< **mĭŋət*) [UEW: 264 (**maksa*); Sammallahti 1988: 538 (PU, PFU **mĭksâ*); Honti 1982: 163];
- PFU **palya* ‘village’ > PMs **pĭwəl* (< **pĭŋəl*) [UEW: 351 (**palyə*); Sammallahti 1988: 548 (PFU **pâlŋwâ*); Honti 1982: 175];

¹⁶ But not before a velar, see below on PMs **wĭŋəl-* < PFU **walka-*.

¹⁷ The following velar becomes labialized if the word does not begin with a labial. The only exception is the word for ‘village’.

- PFU *paŋka ‘mushroom’ > PMs *p̄iŋk₃ [UEW: 355–356 (*paŋka); Sammallahti 1988: 547 (PFU *piŋkā); Honti 1982: 178];
- PU *saksa ‘cedar’ > PMs *t̄īt (< *t̄īγət or *t̄īγ₀ət) [UEW: 445–446 (*soks₃ / *saks₃ / *s̄eks₃); Sammallahti 1988: 540 (PU *siksi, PFU *siksi); Honti 1982: 136];
- PFU *walka- ‘to descend’ > PMs *w̄īγal- [UEW: 554 (*walka-); Sammallahti 1988: 551 (PFU *wīlkā-); Honti 1982: 193].

5) PU *a > PMs *ī in a-stems after *ś-¹⁸:

- PU *śala- ‘to flash, lighten’ > PMs *śīl- [UEW: 459 (*śala); Sammallahti 1988: 549 (PFU *śilā-); Honti 1982: 184];
- PFU *śalka ‘pole’ > PMs *śīylā [UEW: 460–461 (*śalk₃); Sammallahti 1988: 549 (PFU *śilkā); Honti 1982: 183];
- PFU *śata ‘hundred’ > PMs *śīt₃ [UEW: 467 (*śata); Sammallahti 1988: 549 (PFU *śātā); Honti 1982: 186].

6) PU word-initial *a > PMs *ā in stems with more than two syllables:

- PU *ana-appi ‘mother-in-law’ > PMs *ānap [UEW: 9–10 (*an₃(-pp₃)); Sammallahti 1988: 536 (PU, PFU *inā); Honti 1982: 127];
- PFU *asira ‘lord’ > PMs *ātər [UEW: 18 (*asr₃); Sammallahti 1988: 542 (PFU *āsirā)].

Cases of irregular reflexation of PU *a:

- PU *ala ‘under’ > PMs *jal- [UEW: 6 (*ala); Sammallahti 1988: 536 (PU, PFU *ilā); Honti 1982: 199];
- PFU *ańcara ‘tusk, fang’ > PMs *āńcər [UEW: 340 (*ońca-r₃); Sammallahti 1988: 541 (PFU *inśārā)];
- PU *pani- ‘to put’ > PMs *pīnā- [UEW: 353–354 (*pane-); Sammallahti 1988: 539 (PU *pini-, PFU *pīni-); Honti 1982: 177].

Permic

1) PU *a > PP *j in i-stems:

- PFU *cači ‘wild duck’ > PP *cǝž > PK *cǝž ~ -ǝ-, PUd *cǝž [UEW: 58 (*čęč₃ ~ čęńč₃); KESK: 310];
- PU *đami ‘bird-cherry’ > PP *lǝm > PK *lǝm (*lǝmj-), PUd *lǝm [UEW: 65–66 (*đeme / *đōme); Sammallahti 1988: 536–537 (PU *d’ixmi, PFU *d’iimi, PFP *d’oomi); KESK: 164–165];
- PU *ńali ‘arrow’ > PP *ńǝl > PK *ńǝl (*ńǝlj-), PUd *ńǝl [UEW: 317 (*ńełe / *ńōle); Sammallahti 1988: 539 (PU *ńixli, PFU *ńiili, PFP *ńooli); KESK: 197];
- PFU *paši ‘mitten’ > PP *pǝž > PK *kǝ-pǝš¹⁹, PUd *pǝž [UEW: 376 (*peš₃); Sammallahti 1988: 547 (PFU *piši, PFP *pooši); KESK: 121];
- PU *sani ‘vein, sinew’ > PP *sǝn > PK *sǝn ~ -ǝ-, PUd *sǝn [UEW: 441 (*seŋe / *sōne); Sammallahti 1988: 548 (PFU *siini, PFP *sooni); KESK: 263];
- PFU *śami ‘fish scales’ > PP *śǝm > PK *śǝm, PUd *śǝm [UEW: 476 (*śeme / *sōme); Sammallahti 1988: 549 (PFU *siimi, PFP *soomi); KESK: 270].

¹⁸ This rule was suggested by Ante Aikio [Aikio 2002: 28–29].

¹⁹ Komi has *ū instead of expected *ǝ, because the latter vowel was not allowed in non-first syllables.

There is also one PP stem with **i* in the second syllable, where PU **a* > PP **ó* (not **j*):

PFU **asira* ‘lord’ > PP **ózir* > PK **q̄zür*, PUd **uzir* [UEW: 18 (**as̄er̄s*); Sammallahti 1988: 542 (PFU **ásir̄á*, PFP **asira*); KESK: 203].

Note that here, unlike cases in which PFU **a* > PP **j*, the vowel change happens in word-initial position and, besides, the word has a trisyllabic structure where **i* of the second syllable is not a stem-final vowel.

2) PU **a* > PP **u* in *a*-stems before non-palatalized consonants:

PU **ala* ‘under’ > PP **ul* > PK **ul*, PUd **ul* [UEW: 6 (**ala*); Sammallahti 1988: 536 (PU, PFU **il̄á*, PFP **ēla*); KESK: 295];

PFU **amta* ‘to give’ > PP **ud-* > PK **ud-*, PUd **ud-* [UEW: 8 (**amta-*); Sammallahti 1988: 541 (PFU **imt̄á-*, PFP **ēmta-*); KESK: 295–296];

PU **čáča-* ‘to be born, to grow’ > PP **čuž-* > PK **čuž-*, PUd **čiži* [UEW: 52 (**čáč̄s-* ~ **čanc̄s-*); Sammallahti 1988: 552 (PFP **čč̄čV-*), 554 (PFP **šč̄čV-*); KESK: 312];

PFU **kala-* ‘net’ > PP **kul-* > PK **kulóm* [UEW: 120 (**kal̄s*); Sammallahti 1988: 545 (PFU **kāl̄áw*, PFP **kalama*); KESK: 145];

PFU **kana-* ‘to dig’ > PP **kun-* > PK **kund-* [UEW: 125 (**kan̄s-*); Sammallahti 1988: 545 (PFU **kân̄á-*, PFP **kana-*); KESK: 146];

PFP **karwa* ‘bitter, sharp’ > PP **kur-* > PK **kurit*, PUd **kurit* [UEW: 128–129 (**karwa*); KESK: 147];

PFP **lamta*²⁰ ‘low, lowland’ > PP **lud* > PK **lud*, PUd **lud* [UEW: 235–236 (**lamte*); Sammallahti 1988: 552 (PFP **lēnti*); KESK: 163];

PFU **maya* ‘earth, land’ > PP **mu* > PK **mu*, PUd **mu* [UEW: 263–264 (**maye*); Sammallahti 1988: 546 (PFU **m̄ixi*, PFP **m̄ēxi*); KESK: 177];

PU **maks̄a* ‘liver’ > PP **mus* > PK **mus* (**musk-*), PUd **mus* [UEW: 264 (**maks̄a*); Sammallahti 1988: 538 (PU, PFU **m̄iks̄á*, PFP **m̄ēks̄a*); KESK: 179];

PFP **marta* ‘sterile’ > PP **mur̄j* > PK **mur*, PUd **mur̄j* ~ *-ú-* [UEW: 699 (**marta*); KESK: 178];

PFU **ńanča-* ‘to stretch’ > PP **ńuž-* > PK **ńuž-*, PUd **ńuž-* [UEW: 323 (**ńonč̄s* / **ńoč̄s*); Sammallahti 1988: 546 (PFU **ń̄anc̄á-*, PFP **ń̄anča-*); KESK: 200];

PFU **panča-* ‘to open’ > PP **puž-* > PK **puž-*, PUd **puž-* [UEW: 352 (**panč̄e-* / **pač̄e-*); Sammallahti 1988: 548 (PFU **p̄anc̄á*, PFP **panca-*); KESK: 231];

PFP **para* ‘good’ > PP **bur* > PK **bur*, PUd **bur* [UEW: 724 (**para*); Sammallahti 1988: 553 (PFP **p̄era*); KESK: 42];

PU **saks̄a* ‘cedar’ > PP **sus* > PK **sus*, PUd **sus̄j* ~ *-ú-* [UEW: 445–446 (**soks̄s* / **saks̄s* / **s̄eks̄s*); Sammallahti 1988: 540 (PU **s̄iks̄i*, PFU **s̄iksi*, PFP **s̄ēks̄i*); KESK: 267];

PFU **salka-* ‘to stand’ > PP **sul-* > PK **sul-*, PUd **s̄j̄l-* [UEW: 431 (**salk̄s-*); Sammallahti 1988: 553 (PFP **s̄ēlkV-*); KESK: 265];

PFU **śalka* ‘pole’ > PP **śul* ‘sledge runner’²¹ > PK **śul*, PUd **śul* [UEW: 460–461 (**śalk̄s*); Sammallahti 1988: 549 (PFU **ś̄ilk̄á*); KESK 273];

PFP **tanta-* ‘to hinder, to be obstinate’ > PP **dud-* > PK **dud-* [KESK: 97];

²⁰ We reconstruct **a* in the second syllable of this word because of Saami data (North Saami *luovdit* ‘to lie down flat’). The *e*-stem in Finnish *lansi* ‘low, lowland’ can be explained as resulting from a well-known but poorly understood process of secondary transfer of some PU *a*-stems into the class of Balto-Finnic *e*-stems, cf. cases like PFP **komta* ‘lid’ > North Saami *goavdi*, Finnish *kansi*, PFU **sorwa* ‘horn’ > North Saami *čoarvi*, Finnish *sarvi* etc.

²¹ We suggest this etymology instead of the traditional comparison of PFU **śalka* with PK **žal* ‘lath’.

- PFU **tarna* ‘grass’ > PP **turiŋ* > PK **turìn*, PUd **turiŋ* [UEW: 792 (**tarna*); Sammallahti 1988: 554 (PFU **tërna*); KESK: 287];
- PU **wanča* ‘root’ > PP **vuži* > PK **vuž* (**vužj-*), PUd **viži* [UEW: 548–549 (**wačs* ~ **wančs*); Sammallahti 1988: 541 (PU, PFU **wāncā*, PFP **vanča*); KESK: 69–70];
- PU **wanča-* ‘to walk slowly’ > PP **vuž-* > PK **vuž-*, PUd **viž-* [UEW: 557 (**wanča-*); Sammallahti 1988: 551 (PFU **wāncā-*, PFP **vanča-*); KESK: 69];
- PFU **wanġka* ‘handle (of vessels)’ > PP **vugi* > PK **vug* (**vugj-*), PUd **vugi* ~ -*ü-* [UEW: 814 (**wanġka*); Sammallahti 1988: 554 (PFU **vëġka*); KESK: 69];
- PFU **warka-* ‘to sew’ > PP **vur-* > PK **vur-*, PUd **vur-* [UEW: 584–585 (**work3-*); Sammallahti 1988: 551 (PFU **wirkā-*, PFP **vërka-*); KESK: 70].

3) PU *a > PP *wò-, -ò- in *a*-stems before palatalized consonants and *-rj-:

- PFU **aja-* ‘to drive’ > PP **wòj-* ~ -*o-* > PK **wøj-* ~ -*o-*, PUd **új-* [UEW: 4–5 (**aja-*); Sammallahti 1988: 542 (PFU **ájā-*, PFP **aja-*); KESK: 61];
- PFU **ańcara* ‘tusk, fang’ > PP **wòž3r* ~ -*o-* > PK **wøj3r* ~ -*o-*, PUd **wažer* [UEW: 340 (**ońca-r3*); Sammallahti 1988: 541 (PFU **inšárā*, PFP **ěnsara*); KESK: 60];
- PU **aška-* ‘to step’, **ašk3li* ‘step’ > PP **wòčk3l* > PK **wøjškól*, PUd **üčkil* [UEW: 19 (**aške(-l3)*, **ačke(-l3)*); Sammallahti 1988: 542 (PFU **áški/áli*, PFP **aškili*); KESK: 64];
- PU **kađa-* ‘to leave’ > PP **kól-* > PK **køl-*, PUd **kil-* [UEW: 115–116 (**kađa-*); Sammallahti 1988: 537–538 (PU, PFU **kād’ā-*, PFP **kad’a-*); KESK: 131];
- PU **kajwa-* ‘to dig, to throw’ > PP **kój-* > PK **køj-*, PUd **kúj-* [UEW: 170–171 (**kojwa-*); Sammallahti 1988: 552 (PFU **ka/ojwa-*); KESK: 128];
- PU **kaša-* ‘to present’ > PP **kóž-* > PK **køj3in*, PUd **küžim* [UEW: 111 (**kač3*); Sammallahti 1988: 538 (PU **káš3-*, PFU **káši*, PFP **kaši-*); KESK: 127–128];
- PFU **šarja* ‘lath, pole’ > PP **sórij* > PK **šor* (**šorj-*), PUd **šurj* [UEW: 770–771 (**šarja*); Sammallahti 1988: 553 (PFU **šarja*); KESK: 253].

Despite Sammallahti and [Janhunen 1981: 231], the final vowel in PFU/PU **kača-* ‘to present’ is to be reconstructed as *-*a* rather than *-*j* (or, according to our reconstruction system, *-*i*). We can make this conclusion on the basis of Permic **kóž-*, because **a* > PP **ò* in *a*-stems and not in *i*-stems (in an *i*-stem, **a* of the first syllable would have changed into **ó* — see above the group 1).

4) PU *a > PP *ò before clusters beginning with *-k-:

- PU **akta-* ‘to hang’ > PP **òkt-* > PK **òkt-* [UEW: 5–6 (**akta-*); Sammallahti 1988: 536 (PU, PFU **iktā-*, PFP **ekta-*); KESK: 204];
- PFU **ńakćimi* ‘gills’ > PP **ńókćim* ~ -*o-* > PK **ńøkćim* ~ -*o-* [UEW: 311–312 (**ńanġkće*); Sammallahti 1988: 546 (PFU **ńikćimi*, PFP **ńëkćimi*); KESK: 189].

5) PU *a > PP *wò-, -ò- before a deleted dental:

- PFU **ađi* ‘year’ > PP **wò* > PK **wø*, PUd **wa* [UEW: 335–336 (**ođe* / **òđe*); Sammallahti 1988: 552 (PFU **ooti*); KESK: 59];
- PFU **šata* ‘hundred’ > PP **šó* > PK **šø*, PUd **šu* [UEW: 467 (**šata*); Sammallahti 1988: 549 (PFU **šâtā*, PFP **šata*); KESK: 252].

It is interesting that before a deleted dental or a cluster beginning with *-*k-*, **ò* appears even in *i*-stems, where PU **a* is otherwise regularly reflected as **ó* (cf. above the group 1): PFU **ađi* ‘year’ > PP **wò*, **ńakćimi* ‘gills’ > PP **ńókćim*.

Cases of irregular reflexation of PU *a²²:

- PFU *kala- ‘to stay overnight’ > PP *käl- > PUd *kól- [UEW: 120–121 (*kal3-); Sammallahti 1988: 545 (PFU *kälå-, PFP *kala-); KESK: 61];
- PU *pani- ‘to put’ > PP *pän- > PK *pón- ~ -õ-, PUd *pon- [UEW: 353–354 (*pane-); Sammallahti 1988: 539 (PU *pini-, PFU *pini-, PFP *pëni-); KESK: 228];
- PFP *saća- ‘to reach’ > PP *suž- > PK *suž-, PUd *süž- [UEW: 748 (*sac3-); Sammallahti 1988: 553 (PFP *šëci-); KESK: 265];
- PFU *saŋća- ‘to stand’ > PP *šiž- > PK *šiž- [UEW: 431–432 (*saŋća-); Sammallahti 1988: 549 (PFU *šânšå-); KESK: 254];
- PFP *šarńa ‘incantation; speech’ > PP *šorń- > PK *šorńi [UEW: 463–464 (*šarna); Sammallahti 1988: 553 (PFP *šarńa); KESK: 253–254];
- PFP *taŋka ‘tassel, fringe’ > PP *tüg > PK *tug (*tugj-), PUd *tüg [UEW: 791 (*taŋka); KESK: 285];
- PFU *waja- ‘to sink’ > PP *vej- > PK *võj-, PUd *vij- [UEW: 551 (*waja-); Sammallahti 1988: 551 (PFU *wâjå-, PFP *vaja-); KESK: 66].

Investigation of the relevant material brings us to the conclusion that the vocalic distribution, which Janhunen and Sammallahti interpreted as reflexes of PU *i and *å, is, in fact, completely dependent on phonological environment of the respective vowels in Samoyed, Mansi and Permic. The vowels in question thus seem to reflect only one Proto-Uralic phoneme, which, in the light of phonetic and typological considerations, should be reasonably reconstructed as *a. Thus, at least these particular three branches offer no evidence for the reconstruction of a non-low unrounded back vowel in Proto-Uralic.

Abbreviations

PBF — Proto-Balto-Finnic; PFP — Proto-Finno-Permic; PFU — Proto-Finno-Ugric; PIE — Proto-Indo-European; PK — Proto-Komi; PMs — Proto-Mansi; PP — Proto-Permic; PS — Proto-Samoyed; PSlk — Proto-Selkup; PU — Proto-Uralic; PUd — Proto-Udmurt

Literature

- AIKIO, A.: New and Old Samoyed Etymologies // *Finnisch-Ugrische Forschungen* 57 (2002), 9–57.
- AIKIO, A.: New and Old Samoyed Etymologies (Part 2) // *Finnisch-Ugrische Forschungen* 59 (2006), 9–34.
- HELIMSKI, E. A.: Rekonstrukcija prasevernosamodijskih (PSS) labializovannyh glasnyh nepervyh slogov // *Konferencija «Problemy rekonstrukcii». 23–25 oktjabrja 1978 g. (Tezisy dokladov)*. Moskva, 1978. Pp. 123–126.
- HELIMSKI, E.: The 13th Proto-Samoyedic vowel // WAGNER-NAGY, B. (ed.): *Mikola-konferencia 2004*. Szeged, 2005. Pp. 27–39.
- HELIMSKI, E.: *Marginalia ad UEW. Notizen zu Károly Rédeis Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. S.a. [[http://helimski.com/Marginalia_ad_UEW/Marginalia ad UEW.doc](http://helimski.com/Marginalia_ad_UEW/Marginalia%20ad%20UEW.doc)] Accessed at 30.10.2010.
- HONTI, L.: *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest, 1982.
- JANHUNEN, J.: Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-ougrienne* 77 (1981), 219–274.
- JANHUNEN, J.: The primary laryngeal in Uralic and beyond // YLIKOSKI, J. & AIKIO, A. (eds.): *Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beaivve 2007*. (MSFOu 253). Helsinki, 2007. Pp. 203–227.

²² One more apparent exception from the rules postulated above, the word for ‘salt’ (Finnish *suola*, Erzia and Moksha *sal*, PP *sól > PK *sól, PUd *silal), was, in our view, independently borrowed from Indo-European languages into Balto-Finnic, Mordvinic, and Permic.

- KESK — LYTkin, V. I. & GULJAEV, E. I.: *Kratkij étimologičeskij slovar' komi jazyka*. Moskva, 1970.
- LEHTINEN, M.: On the Origin of the Balto-Finnic Long Vowels // *Ural-Altische Jahrbücher* 39 (1967), 147–152.
- NAPOL'SKIH, V. V.: *Vvedenije v istoričeskiju uralistiku*. Izhevsk, 1997.
- RÉDEI, K.: Suomen tanner // GRÜNTAL, R. & LAAKSO, J. (eds.): *Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii 16.V.1998*. (MSFOu 228). Helsinki, 1998. Pp. 384–385.
- SAMMALLAHTI, P.: Über die Laut- und Morphemstruktur der uralischen Grundsprache // *Finnisch-Ugrische Forschungen* 43 (1979), 22–66.
- SAMMALLAHTI, P.: Historical phonology of the Uralic languages // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden e. a., 1988. Pp. 478–554.
- SIKWb — ALATALO, J. (comp. & ed.): *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (LSFU XXX). Helsinki, 2004.
- STEINITZ, W.: *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*. Stockholm, 1944.
- SW — JANHUNEN, J.: *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedischen Etymologien*. (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki, 1977.
- UEW — RÉDEI, K.: *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I-III. Budapest, 1986–1991.
- ZHIVLOV, M.: Studies in Uralic vocalism I: A more economical solution for the reconstruction of the Proto-Permic vowel system // *Journal of Language Relationship* 4 (2010), 167–176.

В статье предлагаются правила дополнительного распределения между рефлексам гипотетических прауральских гласных *j̥ и *ã в прасамодийском, прамансийском и прапермском языках. Цель авторов — показать, что реконструкции одной гласной *a вместо *j̥ и *ã достаточно, чтобы объяснить все рефлекс в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: уральские языки, финно-угорские языки, самодийские языки, мансийский язык, коми язык, удмуртский язык, историческая фонетика, лингвистическая реконструкция, прауральский вокализм.

Грамматические особенности и проблема происхождения личных показателей в даргинском языке¹

В отличие от большинства нахско-дагестанских языков, лакский и даргинский языки обладают богатыми системами личного согласования, в которых представлено несколько неоднородных инвентарей личных показателей. Часть этих показателей восходит к наиболее типичному источнику показателей личного согласования - личным местоимениям (Troubetzkoy 1929; Nikolayev and Starostin 1994). В то же время происхождение большинства личных показателей остается неизвестным.

В данной работе рассматриваются грамматические свойства личного согласования в различных диалектах даргинского языка, в том числе морфологические свойства категории глагольного лица, представленные в даргинских диалектах типы лично-числовых оппозиций, правила контроля личного согласования и разновидности личной иерархии, характерные для того или иного диалекта. Отмечается, что в даргинском языке наблюдается две тенденции в ранжировании именных групп: в части диалектов (в особенности в диалектах, расположенных на севере даргиноязычного ареала) первое и второе лица занимают в личной иерархии равное положение; другие диалекты (в особенности расположенные на юге и юго-западе ареала) помещают в привилегированную позицию второе лицо.

Анализ грамматических свойств личного согласования в даргинском на синхронном уровне позволяет выдвинуть предположение о происхождении нетипичной личной оппозиции, наблюдаемой в большинстве даргинских видо-временных парадигм, где формы второго лица единственного числа противопоставлены формам, употребляющимся в обоих числах первого лица и во множественном числе второго лица (2SG vs. 1SG & 1PL & 2PL). Эта гипотеза объясняет структуру современных личных парадигм как результат грамматикализации аллокутивной клитики, маркирующей множественность адресата.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, даргинский язык, личное согласование, контроль личного согласования, личные иерархии, аллокутивный показатель.

1. Предварительные замечания

Категория глагольного лица (личного согласования) в нахско-дагестанских языках является не особенно распространенной и считается сравнительно молодой². В той или иной

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-04-00228а. Приношу свою искреннюю благодарность М. А. Даниэлю, высказавшему ценные замечания к первой версии этой работы, а также трем анонимным рецензентам, подсказавшим несколько важных идей и полезных ссылок. Я особенно благодарна одному, самому строгому оппоненту, чьи критические замечания помогли мне проверить на прочность и уточнить собственную точку зрения на некоторые проблемы, затронутые в этой и нескольких смежных работах.

² Несмотря на новизну и слабое развитие категории личного согласования в данной группе — или именно благодаря этому — личному согласованию в нахско-дагестанской семье посвящено немало работ, большая часть которых, конечно, описывает материал одного языка, однако есть и работы более общего характера, прежде всего статья Helmbrecht 1996 (см. тж Schulze 2004; Schulze 1998 (2007); Sumbatova in print).

степени личное согласование представлено всего в восьми языках, а именно: в бацбийском (Holisky 1987; Holisky, Gagua 1994; Kojima 2008), в кистинском диалекте чеченского (Арсаханов 1969)³; некоторых диалектах аварского (Махмудов 1940; Саидова 1980, 2007; Helmbrecht 1996; Исаков 1980), ахвахском (Магомедбекова 1967; Кибрик 2003 (1980); Creisels 2008b), лакском (Жирков 1955; Муркелинский 1971; Кибрик 2003 (1979); Казенин 1999), даргинском (см. раздел 2), табасаранском (Кибрик, Селезнев 1982), удинском (Harris 2002; Schulze 2001; Schulze 2004). Некоторые из этих языков демонстрируют существенное диалектное варьирование, в том числе в области личного согласования (прежде всего это относится к даргинскому и табасаранскому).

В то же время личное согласование в нахско-дагестанских языках на удивление разнообразно: сильно различаются как количество граммем категории лица и типы личностных оппозиций, так и правила контроля личного согласования. Пожалуй, единственная черта, которая является общей почти для всех перечисленных языков (исключением является удинский), — то, что в большинстве случаев ненулевые грамматические показатели имеют только формы первого и/или второго лица. Впрочем, с типологической точки зрения это свойство категории лица вполне обычно.

В теории грамматикализации принято считать стандартным возникновение показателей личного согласования из личных местоимений (в третьем лице также из указательных), см., например, Givón 1976: 180; Lehmann 1988; 1995: 39—42; Siewierska 2004⁴; Бабаев 2008. Однако в нахско-дагестанских языках личные показатели имеют по меньшей мере три источника, один из которых известен достоверно (и соответствует типологическим ожиданиям), другой может быть назван предположительно, а третий остается загадкой. Кроме того, существуют достаточно заметные корреляции между синхронными грамматическими особенностями категории лица и гипотетическими источниками его возникновения, хотя в этом вопросе еще много неясного (подробнее см. Сумбатова 2010). С этой точки зрения перечисленные языки можно разделить на три группы.

К первой группе отнесем языки, в которых к личным местоимениям восходят все согласовательные маркеры. Это табасаранский, бацбийский и удинский языки (в табасаранском и бацбийском сходство между личными местоимениями и согласовательными морфемами сохраняется на синхронном уровне; для удинского существует подробное исследование Harris 2002). Категория глагольного лица в этих языках имеет ряд общих свойств. В частности, все три языка имеют развитую личную парадигму. В удинском противопоставляются три лица и два числа; в бацбийском и табасаранском парадигма семичленная: имеются формы инклюзива и эксклюзива. Все эти языки имеют подлежащий контроль согласования (контролер — A/S-аргумент⁵). Если посмотреть на таба-

³ На наличие элементов личного согласования в кистинском диалекте нам указал один из анонимных рецензентов работы.

⁴ В обобщающей книге (Siewierska 2004: 246—281) приводится несколько альтернативных источников показателей лица (показатель перфектива, показатель комплетива, предлог, показатель числа, неопределенное местоимение), однако все эти источники предлагаются только для одного языка каждый, и все они развиваются исключительно в показатели третьего лица. К нахско-дагестанским языкам эти сведения не особенно применимы, поскольку для единственного языка, последовательно маркирующего третье лицо, — удинского — достаточно надежно доказано происхождение показателей лица из местоимений (Harris 2002). Еще один источник, упоминаемый у А. Северской, — так называемые эгофорические эвиденциальные формы, которые, очевидно, приводят к появлению оппозиций вида '1 лицо декларатива + 2 лицо вопроса' vs прочие комбинации (так называемые conjunct/disjunct-формы), см. также сноску 7.

⁵ Поскольку все рассматриваемые в данной работе языки являются в основном эргативными, использование наименований синтаксических позиций (подлежащее, прямое дополнение и т. д.) для этих языков

саранский, бацбийский и удинский языки с точки зрения иерархии лиц (Silverstein 1976 и др.), то легко заметить, что в них действует иерархия 1, 2 > 3: ни один из этих языков не демонстрирует преимущества первого лица над вторым или наоборот⁶.

Вторая группа включает языки, в которых маркирована только форма первого лица (без различия чисел): это закатальский и кусурский диалекты аварского (Махмудов 1940; Саидова 1980; Исаков 1980; Helmbrecht 1996); ахвахский язык⁷; в какой-то степени к этой группе примыкает и лакский язык, точнее — часть его видо-временных форм⁸. Источником личного показателя в этих языках скорее всего является показатель причастия. Это до сих пор очевидно в аварских диалектах, сравнительно легко прослеживается в ахвахском (Creissels 2008b). Аналогичное предположение Г. Т. Бурчуладзе (1979) высказывал для показателя *-w* в лакском (см. ниже). Контролером личного согласования в языках этой группы является либо подлежащее (S/A-аргумент), либо агенс (A/S_A).

Последнюю, третью, группу составляют лакский и даргинский языки. В этих языках (генетически более близких друг к другу, чем к другим языкам нахско-дагестанской группы; см., например, Коряков 2006: 26) происхождение самых распространенных показателей лица до сих пор остается загадкой, найти решение которой нам пока не удалось. Мы попытаемся, однако, высказать несколько вспомогательных предположений, в основном касающихся даргинского языка. Возможно, эти предположения помогут облегчить разгадку в дальнейшем⁹.

требовало бы синтаксического обоснования. Такое обоснование не входит в наши задачи, поэтому мы будем пользоваться принятыми, в частности, в работах А. Е. Кибрика «квазисинтаксическими» (ролевыми) обозначениями: А-аргумент — агенс переходного глагола (и прочие именные группы, занимающие ту же синтаксическую позицию, даже если их семантическая роль отличается от роли собственно агенса); как правило, оформляется эргативным падежом; Р-аргумент — пациенс переходного глагола (с той же оговоркой) в абсолютном падеже; S-аргумент — центральный аргумент непереходного глагола (также в абсолютиве). Если символ S имеет нижний индекс А (S_A), то имеется в виду S-аргумент, обладающий агентивными свойствами.

⁶ Для табасаранского это утверждение верно лишь по отношению к синтаксическому, обязательному спряжению (в терминах А. Е. Кибрика, см. Кибрик, Селезнев 1982); для так называемого коммуникативного спряжения можно постулировать иерархию с преимуществом второго лица (подробнее см. Сумбатова 2008; Сумбатова 2010; используются данные из работы Кибрик, Селезнев 1982).

⁷ В том варианте ахвахского, который зафиксирован Д. Кресселем в с. Ахвах-дере на севере Азербайджана (Creissels 2008b), оппозиция устроена несколько сложнее: форма, характерная для первого лица декларативных предложений и второго лица вопросительных предложений, противопоставляется всем прочим (эта специальная форма является маркированной). В ряде работ (Hale 1980; см. также Creissels 2008a) такие системы описываются при помощи пары терминов *conjunct ~ disjunct* (*conjoint ~ disjoint*) — «соединенный, сгруппированный ~ разъединенный» (к сожалению, нам не удалось найти удачного русского перевода). Оппозиции такого типа, строго говоря, не являются личными: исследователи скорее склонны связывать их с выражением категории эвиденциальности/адмиративности (Creissels 2008b; Siewierska 2004: 260—261). Мы, однако, позволили себе рассмотреть оппозицию такого типа в ряду личных, так как во многих отношениях она демонстрирует заметное сходство с категорией лица в тех языках, где маркированным является только первое лицо. Помимо ахвахского с. Ахвах-дере, оппозиция типа *conjunct/disjunct* представлена в мегебском диалекте даргинского языка, однако в нем она, на наш взгляд, является вторичной, то есть возникает в результате разрушения категории лица другого типа, характерной для прочих даргинских диалектов (см. разделы 2 и 4).

⁸ Имеются в виду видо-временные формы, которые по классификации А. Е. Кибрика попали во вторую и третью группу времен. В этих временах особым образом выделяется первое лицо агенса, которому в глаголе соответствует личный показатель *-w* (см. раздел 3 ниже).

⁹ Мы не отнесли ни к одной из групп кистинский диалект чеченского языка (Арсаханов 1969: 163—165). В этом диалекте глагольные формы первого—второго лица противопоставлены формам третьего лица в настоящем времени; оппозиция выражается чередованием корневой гласной, например: *лаца* ‘держать’ — 1/2 лицо *лац*, 3 лицо *лоц*, *хатта* ‘спросить’ — 1/2 лицо *хет*, 3 лицо *хатт*; *мала* ‘пить’ — 1/2 лицо *мел*, 3 лицо *мол*; *датта* ‘жарить’ — 1/2 лицо *дет*, 3 лицо *дотт*. По типу личной оппозиции (1/2 лицо vs. 3 лицо) кистин-

Работа устроена следующим образом: в разделе 2 дается краткое описание категории личного согласования в даргинском языке. Приводятся сведения о способах маркирования категории лица, о правилах контроля личного согласования и об устройстве личной иерархии в даргинских диалектах (в том числе — в отдельном подразделе — в мегебском). В разделе 3 дается минимальная информация об устройстве категории лица в наиболее генетически близком даргинскому языку — лакском. В разделе 4 приводятся сведения о происхождении части даргинских личных показателей и высказывается ряд соображений о возможном источнике типологически нестандартных личных оппозиций, представленных в большинстве видов-временных парадигм даргинского языка.

2. Личное согласование в даргинском языке

Даргинский — скорее не один язык, а конгломерат многочисленных диалектов или даже языков (числом не менее 15—20), весьма сильно отличающихся друг от друга¹⁰. Существует традиция (Быховская 1940; Абдуллаев 1954; Хайдаков 1985 и др.) подразделять даргинские диалекты на две ветви — северную и южную (или, иначе, диалекты акушинского типа и диалекты цудахарского типа). В основе такого подразделения лежат фонетические отличия — в южных диалектах имеются геминированные согласные, в северных диалектах их нет. Кроме того, часто отмечается, что в двух ветвях расходятся местоимение первого лица единственного числа и личные показатели: в северных диалектах 'я' *ни*, клитический показатель первого лица и второго множественного *-ra*, второго единственного *-ri*; в южных диалектах соответственно *du*; *-da*; *-di*¹¹.

Сравнительно полные данные о личном спряжении имеются лишь для меньшей части даргинских диалектов; однако этих данных достаточно, чтобы понять, что диалекты очень сильно отличаются друг от друга как по используемому варианту личной иерархии, так и по типу контроля. Особняком стоит мегебский диалект, который не менее восьмисот лет развивается под воздействием аварского и лакского языков, вследствие чего его свойства выходят далеко даже за весьма широкие пределы варьирования лингвистических параметров, задаваемые прочими диалектами. Обобщения, которые даются в разделах 2.1—2.4, не охватывают мегебский язык/диалект; некоторые сведения об оппозициях личного типа в мегебском диалекте даются в разделе 2.5.

2.1. Морфология

В большинстве даргинских диалектов используется по крайней мере три набора показателей личного согласования: один из них состоит из клитик, два — из суффиксов.

ский диалект близок лакскому, однако имеющихся у нас сведений о нем явно недостаточно, чтобы отнести его к какой-либо группе (или отвести для него отдельную группу) и делать предположения о происхождении представленной в нем личной оппозиции.

¹⁰ Поскольку обсуждение проблемы язык *vs.* диалект не входит в задачи данной работы, мы будем использовать термин «диалект» по отношению ко всем рассматриваемым даргинским идиомам.

¹¹ По поводу справедливости бинарного членения даргинских диалектов высказываются определенные сомнения. В частности, в атласе (Коряков 2006) предлагается другая, более дробная классификация, в которой даргинские диалекты/языки делятся на шесть подгрупп: северная подгруппа (акушинский, урахинский, мугинский, цудахарский, гапшиминско-бутринский, мюрего-губденский, кадарский, муиринский); мегебский язык; юго-западная подгруппа (сирхинский, амухский, кункинский, санжи-ицаринский); чирагский язык; кайтагская подгруппа; кубачи-аштинская подгруппа.

Наборы личных окончаний распределены по видо-временным парадигмам, причем в абсолютном большинстве случаев в каждой парадигме используются показатели ровно одного набора. Некоторые сравнительно редкие случаи контаминации двух наборов рассматриваются в разделе 2.3.

В двух из трех наборов личных показателей маркированная форма второго лица единственного числа противопоставляется другой маркированной форме, употребляемой для обоих чисел первого лица и множественного числа второго лица. Третье лицо, как правило, остается немаркированным¹².

Набор, включающий клитики (в дальнейшем мы называем его *клитическим*), как правило, используется в большинстве самых употребительных финитных форм (презенс, претерит, перфект, будущее и т.д.). Практически во всех диалектах он имеет следующий вид (показатели с согласной *r* характерны для северных диалектов, с согласной *d* — для южных; *-di/-de*, *-ri/-re* — также диалектные варианты):

Таблица 1.

Личные клитики в даргинском языке

	SG	PL
1		<i>-da, -ra</i>
2	<i>-di (-de), -ri (-re)</i>	
3	(ноль/связка)	

Показатели, представленные в таблице 1, в большинстве случаев сохраняют свойства клитик: в частности, они употребляются без глагола в именных предложениях, где могут модифицировать группы с разными типами вершин — существительными в почти любом падеже (кроме, видимо, эргатива), прилагательными, числительными, послелогоми (примеры 2 и 4); кроме того, личные клитики отделяются от глагола в конструкциях с аргументным фокусом и перемещаются на правую периферию фокусируемой группы (примеры 1b, 3, 5).

АКУШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (примеры из работы Хайдаков 1985: 195—196)

(1a) *ni w-ak'-i-ra quli*
я(ABS) М-приходить:PF-AOR-1 домой
'Я пришел домой'.

(1b) *ni-ra w-ak'-ib-si quli*
я(ABS)-1 М-приходить:PF-AOR-ATR домой
'Именно я пришел домой'.

КУНКИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (полевые данные)

(2) *ča u-di ? — pat'imat(-da)*
кто(ABS) ты(ABS)-2 Патимат(-1)
'Кто ты? — Я Патимат'.

¹²В парадигмах, использующих клитический набор, в третьем лице может использоваться связка *sa=b* (*ca=b=i*) или *sa=b* (*sa=b=i*), которая совпадает с возвратным местоимением *и*, очевидно, имеет общее с ним происхождение.

- (3) *du-de lal-ti et:ij peškeš-d-arq'-ib-il /*
 я(ERG)¹³ -2 этот-PL(ABS) ты:DAT подарок-NPL-делать:PF-PRET-CONV
peškeš-d-arq'-ib-ce
 подарок-NPL-делать:PF-PRET-ATR
 'Это я тебе их подарил'.

ИЦАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (Sumbatova & Mutalov 2003: 153; 141)

- (4) *nuš:a urk'-bi ač χalq:-da*
 мы(ABS) сердце-PL(ABS) открытый народ(ABS) -1
 'Мы люди с открытыми сердцами'.
- (5) *ih ribij c'il-di-q'al w-a'r-un-ci u*
 тот Гиби потом-2-же(PTC) М-идти.PF-PRET-ATR ты(ABS)
 'Но ты же в это Гиби ПОЗЖЕ пошел'.

В ряде диалектов в части видо-временных парадигм показатели клитического набора, по-видимому, в результате дальнейшей грамматикализации превратились в суффиксы: например, в урахинском диалекте (Услар 1892) мы можем видеть их в составе форм настоящего-будущего времени условного наклонения в неконечной позиции словоформы, ср. приведенные П. К. Усларом формы глагола 'делать' (совершенный вид): *waq'a-ra-li* (1 лицо субъекта); *waq'a-ri-li* (2 лицо).

Второй набор личных показателей содержит суффиксы, которые используются в формах оптатива и некоторых других, сходных по значению (в дальнейшем этот набор называется *оптативным*). Как видно из Таблицы 2, оппозиции личных форм в этом случае устроены так же, как в предыдущем:

Таблица 2.

Личные суффиксы в даргинском языке: «оптативный набор»

	SG	PL
1		-a
2	-i	-a (-a-ja)
3	(ноль)	

Другой тип оппозиций выступает в наборе личных суффиксов, который используется в формах «настоящего общего» времени, в условном наклонении, иногда также в хабитуалисе и конъюнктиве (в дальнейшем этот набор называется *ирреальным*).

Таблица 3.

Личные суффиксы — «ирреальный набор» (настоящее общее, условное наклонение, конъюнктив и др.)

	Южные диалекты		Северные диалекты	
	SG	PL	SG	PL
1		-d	-s	-he
2	-t:	-t:(-a), -t:(-a-ja)	-d	-d(-a), -d(-a-ja)
3	(ноль)		(ноль)	

¹³ В кункинском диалекте личные местоимения не различают формы эргатива и абсолютива.

В этой парадигме, как видно из таблицы 3, в южных диалектах первое лицо (показатель *-d*) противопоставляется второму (*-t*), причем во втором лице может использоваться специальный маркер множественного числа (*-a*, *-a-ja*). В северных диалектах наблюдается более привычная нам оппозиция с числовым противопоставлением и в первом, и во втором лице.

2.2. Правила контроля и ранжирование лиц

Правила контроля личного согласования сильно расходятся по даргинским диалектам, но внутри каждого диалекта (по крайней мере в тех диалектах, для которых эта проблема исследовалась) используется только одно правило, которое не зависит ни от видо-временного значения глагола, ни от используемого набора личных окончаний, ни от коммуникативной структуры предложения, возглавляемого данной формой.

- **«Подлежащий» контроль с возможностью передачи контроля абсолютиву.**

В кубачинском диалекте (Магомедов 1976; Магомедов 1963: 274–275) в большинстве случаев контролером личного согласования является S/A аргумент — подлежащее (примеры ба-н из Магомедов 1976):

КУБАЧИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (6) a. *dudil u gap w=i:q'ul-da*
 я:ERG ты.ABS похвала М-делать:IPF-PRES-1
 'Я хвалю тебя' (глагол в форме 1 лица).
- b. *udil id gap wi:q'ul-de* 'Ты хвалишь его' (глагол в форме 2 лица).
- c. *udil du gap wi:q'ul-de* 'Ты хвалишь меня' (глагол в форме 2 лица).
- d. *iddil du gap wi:q'ul-saw* 'Он хвалит меня' (глагол в форме 3 лица).
- e. *iddil u gap wi:q'ul-saw* 'Он хвалит тебя' (глагол в форме 3 лица).
- f. *iddil id witul-saw* 'Он хвалит его' (глагол в форме 3 лица).

Однако если эргативная ИГ при переходном глаголе — третьего лица, абсолютивная ИГ может перехватить контроль личного согласования:

- g. *iddil du gap wi:q'ul-da* 'Он хвалит меня' (глагол в форме 1 лица).
- h. *iddil u gap wi:q'ul-de* 'Он хвалит тебя' (глагол в форме 2 лица).

Иначе говоря, в кубачинском диалекте правило контроля лица в некоторой степени опирается на личную иерархию $1, 2 > 3$: если при переходном глаголе А-аргумент выше Р-аргумента в личной иерархии или равен ему, то контролером является А-аргумент. Если же А-аргумент ниже Р-аргумента, то контролером согласования может быть любой из ядерных аргументов.

В мегебском языке личное согласование контролируется подлежащим (S/A аргументом) всегда (насколько это известно), однако, как уже было отмечено выше, мегебский язык не рассматривается в этом разделе.

- **Контроль с преимуществом локуторов и агенса: $1, 2 > 3, A > P$.**

В чирагском диалекте действует такое же правило контроля, как в первой группе времен лакского языка (см. раздел 2): преимущество имеют группы первого и второго

лица (то есть действует иерархия $1, 2 > 3$), а в случае равенства обоих потенциальных контролеров (один аргумент первого лица, другой — второго) контролером становится эргатив (агенс).

ЧИРАГСКИЙ ДИАЛЕКТ (Кибрик 2003 (1979): 483—485)

- (7) a. *dicce* ζ *u* *r-iqqan-da*
я.ERG ты.ABS F-вести-1
'Я тебя (жен.) веду'.
b. *dicce du r-iqqan-de* 'Ты меня ведешь' (глагол в форме 2 лица).
c. *dice it r-iqqan-da* 'Я ее веду' (глагол в форме 1 лица).
d. *ite du r-iqqan-da* 'Он меня ведет' (глагол в форме 1 лица).
e. *ite russe r-iqqle* 'Он девочку ведет' (глагол в форме 3 лица).

• **Контроль с преимуществом локуторов и пациенса: $1, 2 > 3$ и $P > A$.**

Сходное правило действует в нескольких даргинских диалектах: отличие от предыдущего случая в том, что в случае равенства двух ядерных аргументов контролером согласования становится пациенс. Личная иерархия, действующая здесь, такая же, как в предыдущем случае: $1, 2 > 3$. Такое правило контроля зафиксировано в акушинском диалекте и основанном на нем литературном языке (Абдуллаев 1954; van den Berg 1999; 2001); в урахинском диалекте (Услар 1892); тантынском (диалект, близкий цудахарскому; с. Танты; полевые данные); аштынском (с. Ашты, полевые данные).

ТАНТЫНСКИЙ ДИАЛЕКТ (полевые данные)

- (8) a. ζ *u dali uc-ib-de*
ты я:ERG ловить:PF-PRET-2SG
'Я поймал тебя'.
b. ζ *ali du uc-ib-da*
ты:ERG я ловить:PF-PRET-1
'Ты поймал меня'.
c. *dali hit uc-ib-da* 'Я поймал его' (глагол в форме первого лица).
d. ζ *ali hit uc-ib-de* 'Ты поймал его' (глагол в форме второго лица).
e. *rasulli* ζ *u uc-ib-de* 'Расул поймал тебя' (глагол в форме второго лица).

• **Контроль по иерархии $2 > 1 > 3$.**

Еще одна группа даргинских диалектов — кайтагский (Магомедов 1976), ицаринский (Sumbatova and Mutalov 2003); кункинский и амухский (с. Кунки и Худуц, полевые данные) — имеет правило согласования, основанное исключительно на личной иерархии, и это иерархия с преимуществом второго лица: $2 > 1 > 3$.

ИЦАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

- (9) a. *du-l u uc-ib-di*
я-ERG ты (М)ловить:PF-PRET-2
'Я поймал тебя'.

b. *u-l du uc-ib-di*

ты-ERG я (М)ловить:PF-PRET-2

‘Ты поймал меня’.

c. *du-l ku'r b=uc-ib-da*

я-ERG заяц N-ловить:PF-PRET-1

‘Я поймал зайца’.

d. *murad-il ku'r b=uc-ib-ca=b*

Мурад-ERG заяц N-ловить:PF-PRET-COP-N

‘Мурад поймал зайца’.

Если исключить мегебский, то можно констатировать, что во всех даргинских диалектах правило контроля опирается на личную иерархию, причем это либо иерархия 1, 2 > 3, либо 2 > 1 > 3.

2.3. Нестандартные личные парадигмы

В некоторых диалектах встречаются парадигмы, использующие разные показатели для эргативного и абсолютного контролеров. Такие смешанные системы зафиксированы в даргинском литературном языке (Van den Berg 2001 и др.) и урахинском диалекте (Услар 1892). В обоих случаях в одной видо-временной парадигме используются показатели клитического и ирреального набора, причем суффиксы ирреального набора используются для согласования с центральным аргументом непереходного глагола (S-аргументом) и абсолютивом переходного глагола (P-аргументом), а показатели клитического набора — только при переходных глаголах для согласования с А-аргументом.

В даргинском литературном языке субъектные и объектные окончания противопоставляются в будущем времени (соответствующем настоящему общему других диалектов):

Таблица 4.

Личные окончания будущего времени: литературный даргинский язык (Van den Berg 2001)

	1ABS	2ABS	3ABS
1ERG			-s
2ERG	-ra	-ri	-d
3ERG			(ноль)

Видно, что в этой парадигме первое и второе лица не ранжированы между собой.

Довольно много парадигм «смешанного», типа, в урахинском диалекте (Услар 1892). В настоящем/будущем времени условного наклонения распределение окончаний «клитического» и «ирреального» набора такое же, как в таблице 4 для акушинского диалекта. Однако, например, в форме прошедшего совершенного преимущество имеет второе лицо: во втором лице субъектные и объектные окончания различаются, а в первом нет.

Таблица 5.

Личные окончания прошедшего совершенного: урахинский диалект (Услар 1892)

	1ABS	2ABS	3ABS
1ERG			-ra
2ERG	-ra	-ri	-d
3ERG			(ноль)

2.4. Предварительные обобщения

Легко видеть, что в даргинском языке совмещаются две тенденции в ранжировании лиц: либо первое и второе лица не имеют преимуществ друг перед другом в личной иерархии ($1 = 2$), либо преимущество имеет второе лицо ($2 > 1$).

В частности, мы обратили внимание на следующие явления:

1. Устройство клитической и оптативной личной парадигмы во всех диалектах указывает на преимущество второго лица, так как только во втором лице наблюдается противопоставление по числу ($2 > 1$).
2. Система личных и числовых показателей, используемых, в частности, в хабитуальных и условных парадигмах (ирреальный набор личных показателей), указывает на преимущество второго лица в южных диалектах ($2 > 1$) и на равенство лиц в северных ($1 = 2$).
3. В некоторых диалектах имеются нестандартные личные парадигмы, совмещающие показатели из разных основных наборов (раздел 2.3). Во всех известных случаях здесь также наблюдается либо равенство лиц (акушинский), либо преимущество второго лица (урахинский).
4. В даргинских языках/диалектах зафиксировано по крайней мере пять разных правил контроля. Одно из правил (контроль по иерархии $2 > 1 > 3$), распространенное на юго-западе даргинского ареала, помещает второе лицо выше первого ($2 > 1$); в остальных случаях ранжирования лиц не происходит ($1 = 2$).

Таким образом, тенденция $2 > 1$ гораздо сильнее проявляется в южных диалектах, прежде всего кайтагском, а также в малочисленных диалектах долины реки Уллучай (селения Ицари, Кунки, Худуц). На севере даргинского ареала первое и второе лицо занимают в личной иерархии одну и ту же позицию. Как будет отмечено ниже, такая же ситуация характерна для части видо-временных форм лакского языка.

2.5. «Личное» спряжение в мегебском диалекте

Селение Мегеб расположено в Гунибском районе Дагестана, вне зоны распространения даргинских диалектов. В течение нескольких столетий мегебский развивается под влиянием аварского и лакского языков (по мнению С. М. Хайдакова (1985), предки нынешних мегебцев переселились сюда из аула Муги в VIII—IX вв. н.э.). По своим фонетическим характеристикам мегебский относится к северным диалектам, однако грамматически — в частности, в том, что касается личного согласования — он настолько отличается от всех прочих диалектов, что мы исключили его из рассмотрения в разделах 2.1—2.4.

Мегебский — единственный даргинский диалект, в котором категория личного согласования имеет всего две граммы. Специально выделяются формы первого лица декларативных и второго лица вопросительных предложений. Эти формы (мы глоссируем их как 1D/2Q), маркированы специальным показателем и противопоставлены немаркированным формам, которые выступают во всех прочих лицах/числах, см. пример (Магомедов 1982: 144):

МЕГЕБСКИЙ ДИАЛЕКТ (Магомедов 1982: 144)

- (10) — *sija* *b-iq'-uwe* *le-w-ra* *ħu ?*
 что(ABS) N-делать:IPF-PRS.CONV COP-M-1D/2Q ты(ABS)

— *bazal-li-če* *ar-q^ʃ-iil* *χalqʹ* *ħark^w-i-če-di*
 базар-OBL-SUPER EL-идти.IPF-PRS.ATR народ(ABS) река-OBL-SUPER-PROL
χ:^was:ar *b-iqʹ-uwē* *le-w-ra.*
 спасение N-делат:IPF-PRS.CONV COP-M-1D/2Q
 ‘Что ты делаешь? — Идущих на базар людей через реку перевозжу’.

Иначе говоря, в мегебском представлена оппозиция типа *conjunct/disjunct* (см. сноску 7). Показатели формы первого лица декларатива/второго лица интеррогатива: *-ra* в претерите и аналитических формах со связкой, *-s* в форме настоящего общего, *-ša* в будущем времени. Легко видеть, что первые два маркера совпадают с маркерами лица, характерными для северных диалектов: *-ra* — показатель клитического набора, *-s* — ирреального. Что касается показателя *-ša*, то он, очевидно, соответствует двум морфемам прочих диалектов: суффикс с модальным значением, который в различных диалектах выглядит чаще всего как *-(i)š* или *-(i)ž* (в ицаринском этот суффикс образует формы гипотетического наклонения), и личный суффикс оптативного набора *-a*.

Личные маркеры в мегебском, по-видимому, имеют то же происхождение, что и в других вариантах даргинского. Некоторые авторы (Магомедов 1962; Хайдаков 1985 и др.) считают, что именно мегебский представляет наиболее архаичное состояние даргинского личного согласования. Однако по целому ряду причин (обсуждение которых см. в Sumbatova in print) мы склонны считать, что оппозиция типа *conjunct/disjunct* в мегебском возникла в результате разрушения категории лица другого типа, характерной для прочих даргинских диалектов.

3. Некоторые сведения о личном согласовании в лакском языке

Лакскому языку посвящено довольно большое число работ (см., например, Жирков 1955; Муркелинский 1971; Казенин 1999; Schulze 2007), однако похоже, что нет ни одного полного описания личного согласования, по крайней мере для литературного языка, и это при том, что диалектные различия в лакском сравнительно невелики (особенно по сравнению с даргинским). Наиболее ясно картина личного согласования представлена в работе А. Е. Кибрика (2003 (1979)), материалом которой послужил говор с. Хосрех Кулинского района Дагестана¹⁴ (из этой же работы позаимствованы примеры 12–13; в примерах сохранено принадлежащее А. Е. Кибрику морфологическое членение и глоссирование).

В части видо-временных парадигм лакского языка используются только показатели *-ra* для первого и второго лица единственного числа, *-ri* для тех же лиц множественного числа и *∅/-r* для третьего лица в обоих числах. Эти показатели (как и даргинские *-ra*, *-ri*) представляют собой клитики, примыкающие к главному предикату предложения, ср. пример из работы (Казенин 1997):

¹⁴ К системе, описанной у А. Е. Кибрика, довольно близка система, которую можно восстановить на основании работы Л. И. Жиркова (1955) и неопубликованной грамматики В. Шульце (Schulze 2007); обе эти работы базируются на материале литературного языка.

ЛАКСКИЙ¹⁵

- (11) a. *rasul-lu-l na o=w=t-u-ssa-ra*
 Расул-OBL-ERG я ударить=M=PAST-PART-1SG
 ‘Расул меня ударил’.
- b. *rasul-lu-l-la na o=w=t-u-ssa*
 Расул-OBL-ERG-1SG я ударить=M=PAST-PART
 ‘Это Расул меня ударил’ (пример из работы Казенин 1997: 34).

В глагольных формах, имеющих только показатели *-ra*, *-ru*, *-r* (например, в настоящем общем времени), контроль согласования основан на личной иерархии 1, 2 > 3 и следует той же модели, которую мы наблюдали в чирагском диалекте даргинского языка: если один из ядерных аргументов первого или второго лица, а другой третьего, то контролером является локутор. Если ядерные аргументы равны в иерархии (один первого лица, другой второго или оба третьего лица), то контролером становится агенс:

ЛАКСКИЙ (с. Хосрех; Кибрик 2003 (1979))

- (12) a. *na / ina but:a 0-at:a-ra*
 я/ты.ERG отец.I.NOM I-избить.PRES-1/2SG
 ‘Я избиваю/ты избиваешь отца.’
- b. *nit:i-l na / ina 0-at:a-ra*
 мать-ERG я/ты.I.NOM I-избить.PRES-1/2 SG
 ‘Мать избивает меня/тебя.’
- c. *na zu b-at:a-ra*
 я.ERG вы PL-избить-1/2(SG)
 ‘Я избиваю вас.’

Сформулированное выше правило не описывает контроль личного согласования во всех видо-временных формах, который устроен в лакском довольно сложно и, судя по всему, различается в зависимости от диалекта, от видо-временной парадигмы, от коммуникативной структуры предложения и от того, является ли глагольная форма аналитической или синтетической (см. также Казенин 1999).

Для нас существенно, что в части видо-временных парадигм (например, в аористе) присутствует особый показатель для А-аргумента (агенса переходного глагола) первого лица — суффикс *-w* (во множественном числе *-rdu*) — в отличие от личных клитик, неотделимый от глагола. В таких формах А-аргумент первого лица имеет преимущество при контроле согласования: в случае его присутствия именно он является контролером (в отсутствие А-аргумента первого лица преимущество при контроле имеет абсолютив):

¹⁵В диссертации К. И. Казенина (1997), откуда мы взяли пример (11), не указано, к какому варианту лакского языка относятся приводимые данные. Видимо, это лакский литературный язык. Следовательно, пример (11) скорее всего относится не к тому варианту лакского языка, что другие примеры в данном разделе. К сожалению, мы не располагаем, с одной стороны, примерами на фокусное выделение для говора с. Хосрех, с другой стороны — последовательным описанием личного согласования для других разновидностей лакского языка.

- (13) а. *na ina/g^wa 0-at:a-w*
 я.ERG ты/он.I.NOM I-избить.AOR-1
 ‘Я (жен.) тебя/его (муж.) избил’ (контролер — аргумент первого лица).
- б. *ina/g^wana-l but:a 0-awt:un-di*
 ты.ERG/он-ERG отец.I.NOM I- избить.AOR-3
 ‘Ты/он отца избил’ (контролер — Р-аргумент).

Таким образом, в части лакских видо-временных форм особым образом выделяется подлежащее (S/A-аргумент) первого лица. Во-первых, это единственный аргумент, способный контролировать согласование в роли агенса. Во-вторых, в первом лице наблюдается наибольшее число личных показателей, выбираемых в зависимости от роли контролера. В-третьих, для маркирования этого аргумента имеется особый показатель *-w*, не вписывающийся в парадигму личных клитик. Г. Т. Бурчуладзе (1979) выдвинул гипотезу о том, что показатель и первого лица агенса *-w* возник в результате переразложения суффикса причастия с классным показателем на конце. Если эта гипотеза верна, то лакский язык частично попадает в ту группу нахско-дагестанских языков, для которой характерна оппозиция первого vs. непервого лица и происхождение маркера первого лица от показателей причастия (см. раздел 1).

4. Проблема происхождения лакских и даргинских личных показателей

Проблема происхождения даргинских личных показателей, как и лакских, еще далека от решения. В статье Н. С. Трубецкого 1929 года (Troubetzkoу 1929), которая до сих пор остается ценнейшей работой по рассматриваемой проблеме, личные показатели в нахско-дагестанских языках подразделяются на два класса — показатели, восходящие к местоимениям, и показатели неместоименного происхождения, источник которых остается неясным. В число маркеров неместоименного происхождения попадают лакские личные клитики *-ra*, *-ru*, *-r*. Предположение Г. Т. Бурчуладзе (1979) о том, что эти показатели восходят к вспомогательным глаголам, до сих пор остается гипотезой, хотя и вполне правдоподобной.

Что касается даргинских личных показателей, то они распадаются на два класса: часть из них попадает в категорию маркеров местоименного происхождения, а часть — к маркерам неместоименного происхождения.

К числу первых относятся даргинские суффиксы «ирреального» набора, представленные в Таблице 3. Эти показатели обнаруживаются и в словаре С. Л. Николаева и С. А. Старостина (Nikolayev, Starostin 1994), где также возводятся к личным местоимениям. Источник показателя первого лица *-s* (северные диалекты) и показателей второго лица *-d* (северные диалекты) и *-t* (южные диалекты) обнаруживается на протосеверокавказском уровне: это соответственно личное местоимение **zo* ‘я’ и косвенная основа местоимения ‘ты’ **dū*. Более позднее происхождение приписывается показателю первого лица южных диалектов *-d*, который возводится к протодаргинскому местоимению **du* ‘я’, и показателю первого лица множественного числа северных диалектов *-Hā* (< протодарг. **x:a* ‘мы (инкл.)’).

Таким образом, окончания хабитуальных времен, условного наклонения и т.п. возникли, по-видимому, стандартным для показателей лица путем, причем весьма давно: некоторые окончания восходят к местоимениям, этимологизирующимся на протосеверокавказском уровне).

Происхождение личных маркеров оптатива (Таблица 2), насколько нам известно, нигде не обсуждалось. Что касается личных клитик (Таблица 1), то по поводу их происхождения чаще всего высказывается одно предположение, на наш взгляд, маловероятное, а именно: предлагается возводить все личные клитики к местоимению 'я', которое, как и клитики, расходуется по диалектам. Как правило, в тех диалектах, где представлены личные клитики *-ra* и *-ri*, местоимение 'я' выглядит как *ni*, а там, где клитики *-da* и *-di*, 'я' — *du*. Различиями в облике личного местоимения объясняется различие фонетического облика самих клитик. Эту мысль первым, по-видимому, высказал А. А. Магомедов в (Магомедов 1962); хотя впоследствии (1978) он же высказал о происхождении личных клитик другое предположение (см. ниже), более старое его мнение долгое время оставалось весьма влиятельным (см., например, Хайдаков 1985).

К сожалению, эта гипотеза не кажется удовлетворительной ни в каком отношении. С семантической точки зрения странным кажется развитие клитик второго лица из местоимения 'я'. С другой стороны, *n* в местоимении и *r* в клитиках вряд ли могут иметь общий источник (по крайней мере, с точки зрения реконструкции в Nikolayev, Starostin 1994). Наконец, диалектные соответствия *ni* ~ *-ra/-ri* и *du* ~ *-da/-di* не так последовательны, как этого хотелось бы авторам гипотезы (например, в урахинском и губденском диалектах, принадлежащих к северной ветви, есть личные показатели как с согласным *r*, так и с *d*; Магомедов 1962).

Еще одна гипотеза о происхождении личных клитик возводит их к каким-то неизвестным глаголам или связкам. Эта гипотеза, высказанная А. А. Магомедовым в работе (Магомедов 1978), кажется более приемлемой. Аналогичная идея высказывается в работе Helmbrecht 1996 по отношению к лакскому.

В частности, аргументом в пользу «глагольной» гипотезы может быть позиция отрицательных префиксов в кубачинском и аштынском диалектах. В даргинском повсеместно используется отрицательный префикс, который выглядит как *a-*, *ħa-*, *ħe-* или *ʔa-* и занимает позицию перед глагольной основой, например (амухский диалект, с. Худуц): *b=elč'-un* (аорист) 'прочитал', *ħa-b=elč'-un* 'не прочитал', *d=uč'-un* (имперфект) 'читал', *ħa-d=uč'-un* 'не читал' и т.д. Однако в кубачинском и близкородственном ему аштынском диалектах обнаруживаются случаи, когда этот показатель (в данном случае просто *a-*) модифицирует личную клитику:

АШТЫНСКИЙ ГОВОР (полевые данные)

- (14) *j=at-ul-da* / *j=at-ul-a-da*
 F-оставлять:IPF-PRES-1 F-оставлять:IPF-PRES-NEG-1
 'Я ее оставляю.' / 'Я ее не оставляю.'

КУБАЧИНСКИЙ ДИАЛЕКТ (Магомедов 1963: 224—233)

- (15) а. *u insan a-de*
 ты человек NEG-2
 'Ты не человек.'
- б. *id insan a-sa=w*
 этот человек NEG-COP-M
 'Он не человек.'

Следовательно, можно предположить, что на более ранней стадии развития языка клитики действительно функционировали как самостоятельные словоформы и занимали при этом позицию предиката.

Однако предположение о глагольном происхождении личных клитик, сколь бы разумным оно ни казалось, аргументировано пока очень слабо. Вероятнее всего, это были вспомогательные глаголы или клитики, функционирование которых как-то коррелировало с присутствием локутора в предложении. К сожалению, мы не можем внести ясность в этот вопрос, однако рискнем высказать некоторые дополнительные соображения.

Во-первых, на наш взгляд, можно предположить общий источник для даргинских и лакских личных клитик. Напомним, что лакская клитика первого/второго лица *-ra* совпадает с клитикой северных диалектов даргинского (как раз соседствующих с лакцами), имеющей несколько другое употребление (включая первое лицо множественного числа, но исключая второе лицо единственного числа), а в прочих даргинских диалектах ей соответствует клитика *-da*. Соответствие *d* и *r* с диахронической точки зрения возможно (Nikolayev, Starostin 1994: 44). В реконструкции С. Л. Николаева и С. А. Старостина восстанавливается переход прасеверокавказского **r* в *r* в лакском и в *d* в начале слова и в *r* в прочих позициях в даргинском. Если принять предлагаемую реконструкцию, то для даргинского это будет означать, что в одних диалектах (северных) клитика перестала быть самостоятельной словоформой и попала в конец фонетического слова еще до перехода **r > d-*, а в других — после. В результате в северных диалектах в составе клитики мы имеем начальный звук *r*, а в прочих — *d*. Рассмотренная выше ситуация в кубачинском/аштынском хорошо укладывается в рамки этого предположения: личная клитика здесь до сих пор присоединяет к себе отрицательный префикс, а значит, еще сравнительно недавно находилась в начале самостоятельной словоформы.

Во-вторых, можно высказать предположения по поводу возникновения в даргинском языке особого внимания ко второму лицу и, в частности, числовой оппозиции во втором лице.

Выделение второго лица связано либо с социальной ориентацией высказывания (вежливость, обращенная на собеседника), либо, что кажется нам более вероятным, с «перформативностью» высказываний, проще говоря, с влиянием императивов — побуждений, наиболее обычным адресатом которых является собеседник, а также близких к ним по иллокутивной силе оптативов.

Характерно, что хотя источник появления согласовательных клитик и суффиксов, употребляемых в формах оптатива (Таблицы 1 и 2), в даргинском языке неизвестен, эти два ряда показателей структурно параллельны. Более того, как уже упоминалось, в ряде видо-временных парадигм в даргинских диалектах встречается отдельный показатель *-a* для множественного числа второго лица (и, реже, *-i* для единственного), который сочетается с личными суффиксами «ирреального» набора. В результате мы имеем несколько рядов внешне параллельных форм второго лица, в которых формы единственного числа имеют огласовку *i*, а формы множественного числа — *a*:

Таблица 6.

Параллелизм форм второго лица в ицаринском диалекте

(<i>b=uc-</i> 'поймать')	2SG	2PL	ПОКАЗАТЕЛЬ ЛИЦА
АОРИСТ	<i>bucib-di</i>	<i>bucib-da</i>	Личная клитика
ОПТАТИВ (СВ)	<i>bucab-i</i>	<i>bucab-a(-ja)</i>	Суффикс оптативного набора
ХАБИТУАЛИС (прош.вр.)	<i>burca-t-i</i>	<i>burca-t-a</i>	Суффикс ирреального набора

Элементы *i* и *a* во всех трех строчках имеют на синхронном уровне разную морфологическую природу: в формах аориста это не самостоятельные морфемы, а просто часть личной клитики; в оптативе — личные суффиксы; в хабитуалисе — показатели числа. Однако внеш-

няя аналогия несомненно присутствует. Не исключено, что один из этих рядов форм как-то влиял на другие или же все три ряда подвергались влиянию некоторого общего фактора.

Еще одна возможная параллель, хотя на этот раз не такая точная, — параллель личных показателей и форм императива. В даргинском имеется только императив второго лица с противопоставлением единственного и множественного числа адресата. В единственном числе показателей больше одного¹⁶, однако большинство непереходных глаголов имеют окончание *i* (или, в зависимости от диалекта, *e*), так что значительная часть форм императива внешне параллельна формам, приведенным выше:

Таблица 7.

Параллелизм форм императива и оптатива в ицаринском и тантынском диалекте

	Ицаринский (=ix- 'спать')		Тантынский (=urc- 'ловить')	
	2SG	2PL	2SG	2PL
ИМПЕРАТИВ	<i>w=iš:-i</i>	<i>d=iš:-aja</i>	<i>urc-e</i>	<i>urc-a(-ja)</i>
ОПТАТИВ	<i>w=ix:-ab-i</i>	<i>d=ix:-ab-aja</i>	<i>urc-ab-e</i>	<i>urc-ab-a(-ja)</i>

Во множественном числе императива присутствует суффикс *-ja*, который в большинстве случаев интерпретируется как показатель множественного числа второго лица. Этот показатель идентифицируется во многих диалектах, причем различается как его фонетический облик (*-ja*, иногда *-j*, иногда удлинение предшествующей гласной *a*), так и дистрибуция. Везде, насколько это известно, данный показатель используется в формах императива и оптатива (в последнем случае может оказаться факультативным), но в ряде диалектов имеет более широкую сочетаемость (например, в цудахарском, акушинском, урахинском и губденском он присутствует также в формах презенса).

Однако для наших исторических предположений, возможно, более значимы факты обнаруженные в диалекте с. Танты. Знакомый показатель *-ja* обнаруживается здесь в несколько иной функции и, вероятно, в более архаичном состоянии. Как и в других диалектах, *-ja* в тантынском появляется чаще всего в императивных, прохибитивных и оптативных высказываниях.

ТАНТЫНСКИЙ ДИАЛЕКТ (полевые данные)

- (16) *d=uč-iž* *ka-d=ig-are,* *niq-be* *ic-a-ja*
 1/2PL-есть:PF-INF PV-1/2PL-садиться:PF-прежде рука-PL мыть:IPF-IMP.PL-PL.ADR
 'Прежде чем сядете за стол, вымойте руки!'
- (17) *čet:i-ma-d=irk-u-t-a-ja!*
 PV-ПРОН-1/2PL-выиграть-ТН-2-ПРОН-PL.ADR
 'Не выигрывайте!'
- (18) *ʒix:a arale* *d=at-ab-a-ja!*
 вы здоровый 1/2PL-оставлять:PF-OPT-2PL-PL.ADR
 'Будьте здоровы!'

Однако легко заметить, что в рассматриваемом диалекте *-ja* является не суффиксом, а клистикой и маркирует не множественность форм второго лица, а множественность

¹⁶ Распределение показателей различается по диалектам.

адресата — независимо от того, является ли адресат одним из аргументов основного предиката данного высказывания:

- (19) *du učitel-da-ja*
я учитель-1-PL.ADR
'Я учитель' (при обращении к нескольким собеседникам).
- (20) *čaj čič d=ik:-ul-da-ja?*
чай кто:DAT 1/2PL-хотеть-PRES-2PL-PL.ADR
'Кто хочет чаю?' (при обращении к нескольким собеседникам)
- (21) *mašina či-la le=b-a? / le=b-a-ja?*
машина кто-GEN существовать-N-Q / существовать-N-Q-PL.ADR
'У кого есть машина?' (при обращении к одному собеседнику/к нескольким собеседникам)

Показатели, маркирующие грамматические признаки адресата речевого акта, представлены, в частности, в баскском языке¹⁷; в баскологии их принято называть аллокутивными (Адаскина 2008; Адаскина, Гусев 2008). На наш взгляд, клитика с подобными функциями является наиболее вероятным источником числового противопоставления во втором лице. Такая клитика практически обязательна в императивных и прохибитивных формах, а также весьма частотна в оптативах, — иначе говоря, в норме эта клитика встречается в формах, где предикат стоит во втором лице. На этой, сравнительно архаичной ступени развития, она находится в диалекте с. Танты. В процессе грамматикализации аллокутивная клитика превращается в показатель множественности второго лица. Именно в этой функции мы застаем ее в большинстве современных диалектов, где и сейчас сфера функционирования бывшей аллокутивной частицы ограничивается формами, присоединяющими личные окончания оптативного ряда. Однако в ряде диалектов можно наблюдать ее экспансию и присоединение к формам с другими типами личных показателей, в том числе клитик. Например, в литературном языке (базирующемся на акушинском диалекте) показатель *-ja* используется в парадигме будущего времени (смешанной, включающей клитики и суффиксы ирреального набора), и — факультативно — видимо, во всех видо-временных парадигмах, присоединяющих личные клитики (van den Berg 2001).

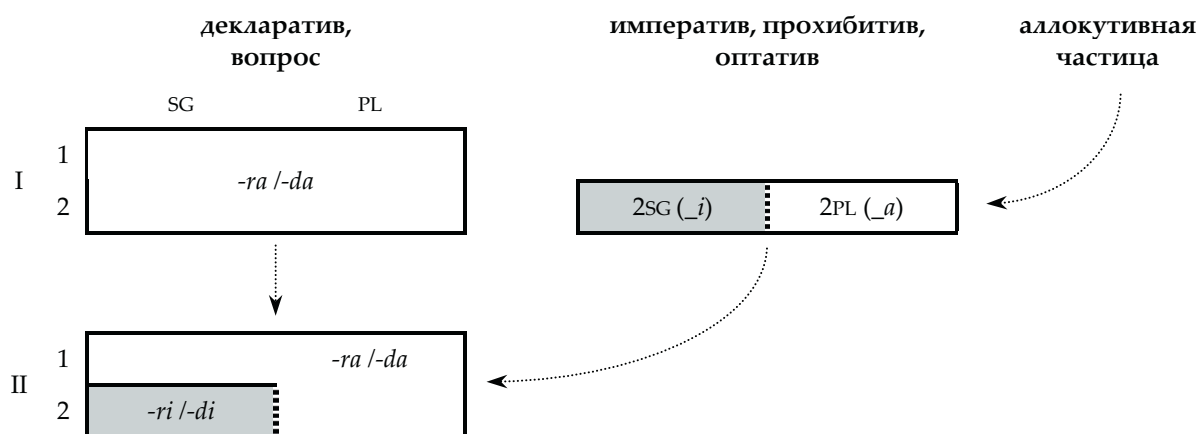
По-видимому, противопоставление по числу во втором лице возникло аналогичным образом¹⁸. Числовая оппозиция во втором лице возникла в результате грамматикализации аллокутивной клитики и распространилась на все формы с оптативными окончаниями, а затем и с клитиками, создав тем самым необычную и типологически редкую личную парадигму даргинского типа (Cysouw 2003: 129). Таблица, в которой в первом и втором лице присутствовал один и тот же показатель, превращается в таблицу с «вырезанной» клеткой для второго лица единственного числа, как показано в Таблице 9. Однако откуда взялись общие показатели первого/второго лица, нам по-прежнему неясно.

¹⁷ По данным Я. Г. Тестельца, аллокутивный показатель имеется также в аварском языке. Формы с этим показателем имеют оптативное значение и образуются от императива присоединением суффикса *-aja-*, за которым следует показатель классного согласования, причем выбор классного показателя зависит от класса адресата, ср.: *dur k'al buq'a-ja=w* 'Твой рот пусть зашьют!' (говорится мужчине, I кл.), *dur k'al buq'a-ja=j* (говорится женщине, II кл.) (Я. Г. Тестелец, личное сообщение; примеры также принадлежат Я. Г. Тестельцу).

¹⁸ Мы не утверждаем (хотя и допускаем), что в основе современной оппозиции типа *-ri ~ -ra* во втором лице лежит в точности та же единица, к которой восходит тантынский аллокутивный показатель. Мы предполагаем, что источником этой оппозиции мог быть показатель с аналогичной функцией.

Таблица 8.

Появление личной оппозиции в даргинском языке

Сокращения

1, 2, 3 — показатели лица; ABS — абсолютив; AOR — аорист; COP — связка; DAT — датив; DECL — декларатив; ERG — эргатив; F — женский согласовательный класс; INTERROG — интеррогатив; IPF — несовершенный вид; M — мужской согласовательный класс; N — неличный согласовательный класс; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; OPT — оптатив; PART — причастие; PAST — прошедшее время; PF — совершенный вид; PL — множественное число; PL.ADR — показатель множественности адресата; PRES — презенс; PRET — претерит; PRON — прохибитив; PV — преверб; Q — вопросительная частица; SG — единственное число; TH — тематический элемент; знаком ‘=’ отделяется показатель именного класса.

В примерах 1, 3, 4, и 5 сохраняются сокращения, использованные в работе (Кибрик 2003): NOM — номинатив (абсолютив); римскими цифрами обозначены номера именных классов.

Литература

- АБДУЛЛАЕВ С. Н. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала.
- АДАСКИНА Ю. В. 2008. Аллокутивные формы баскского глагола. *Вопросы языкознания*. 2008. №5. С. 84—103.
- АДАСКИНА Ю. В., ГУСЕВ В. Ю. 2008. Согласование глагола с неаргументом: аллокутив. В кн.: *Грамматические категории в дискурсе. [Исследования по теории грамматики. 4]*. Под ред В. Ю. Гусева, В. А. Плунояна, А. Ю. Урманчиевой. М.: Гнозис. С. 467—483.
- АРСАХАНОВ И. А. 1969. *Чеченская диалектология*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во.
- БАБАЕВ К. В. 2008. *Происхождение индоевропейских показателей лица*. М.—Калуга: «Эйдос».
- БУРЧУЛАДЗЕ Г. Т. 1979. Вопросы становления личного спряжения в лакском языке. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*. Т. VIII. С. 176—246.
- БЫХОВСКАЯ С. Л. 1940. Пережитки *inclusiv*-а и *exclusiv*-а в даргинских диалектах. В кн.: *Язык и мышление*. М.—Л.
- ЖИРКОВ Л. И. 1955. *Лакский язык. Фонетика и морфология*. М.: Изд-во АН СССР.
- ИСАКОВ И. А. 1980. Элемент классно-личного спряжения в курсурском диалекте аварского языка. В кн.: *Глагол в языках Дагестана*. Махачкала: ДагНИИЯЛИ. С. 1—19.
- КАЗЕНИН К. И. 1997. *Синтаксические ограничения и пути их объяснения*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- КАЗЕНИН К. И. 1999. Личное согласование в лакском языке: маркированность и нейтрализация. В кн.: Я. Г. ТЕСТЕЛЕЦ, Е. В. РАХИЛИНА (ред.), *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. М. С. 383—399.
- КИБРИК А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Лакский язык. В кн.: КИБРИК А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб: Алетейя. С. 464—481 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1979).

- КИБРИК А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Даргинский язык (чирагский диалект). В кн.: КИБРИК А. Е. *Константы и переменные языка*. Спб: Алетейя. С. 482—504 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1979).
- КИБРИК А. Е. 2003. Материалы к типологии эргативности. Ахвахский язык. В кн.: КИБРИК А. Е. *Константы и переменные языка*. Спб: Алетейя. С. 669—678 (впервые опубликовано в изд.: *Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР*. Вып. 27. М., 1980).
- КИБРИК А. Е., СЕЛЕЗНЕВ М. Г. 1982. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке. В кн.: *Табасаранские этюды* (под ред. А. Е. Кибрика). М.: МГУ, С. 17—33.
- КОЗИНСКИЙ И. Ш. 1980. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений. В кн.: И. Ф. ВАРДУЛЬ (ред.), *Теория и типология местоимений*. М.: Наука. С. 50 — 63.
- КОРЯКОВ Ю. Б. 2006. *Атлас кавказских языков*. М.: Пилигрим.
- МАГОМЕДБЕКОВА З. М. 1967. *Ахвахский язык: Грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1962. Личное спряжение в даргинском языке сравнительно со спряжением в табасаранском и лакском языках. *Иберийско-кавказское языкознание XIII*: 313—342.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1963. *Кубачинский язык*. Тбилиси: АН Грузинской ССР.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1976. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания III*. С. 203—218.
- МАГОМЕТОВ А. А. 1978. Вспомогательные глаголы *саби* «есть» и *леб* «имеется, находится» в даргинском языке. *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания V*. С. 224—283.
- МАХМУДОВ А. Р. 1940. *Закатальский диалект аварского языка*. Дисс. ... канд. филол. наук.
- МУРКЕЛИНСКИЙ Г. Б. 1971. *Грамматика лакского языка*. Махачкала.
- САИДОВА П. А. 1980. К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка. В кн.: *Глагол в языках Дагестана*. Махачкала, ДагНИИЯЛИ. С. 4—11.
- САИДОВА П. А. 2007. *Закатальский диалект аварского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- СУМБАТОВА Н. Р. 2010. Лицо и личные иерархии в нахско-дагестанских языках. В кн.: *Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В.П. Недялкова*. М., Знак. С. 319—354.
- СУМБАТОВА Н. Р. 2008. Личное согласование и личные иерархии в нахско-дагестанских языках. КАЗАНСКИЙ Н. Н. (ред.) *Исследования по типологии и грамматике. Материалы Пятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (6—8 ноября 2008 г.)*. *Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. Т. 4, Ч. 2. Спб.: Наука.
- УСЛАР П. К. 1892. *Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык*. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа.
- ХАЙДАКОВ С. М. 1985. *Даргинский и мегебский языки*. М.: Наука.
- VAN DEN BERG, Helma. 1999. Gender and person agreement in Aqusha Dargi. *Folia linguistica XXXIII/1*: 153—168.
- VAN DEN BERG, Helma. 2001. *Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar*. Leiden: CNWS.
- CREISSELS, Denis. 2008a. Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and emergence from an uncommon pattern. *Language typology and universals*. Vol. 61. No. 4. P. 309—325.
- CREISSELS, Denis. 2008b. Remarks on so-called “conjunct-disjunct” systems. *Paper presented at “Syntax of the World’s Languages”*, Berlin, 25—28 September 2008.
- CYSOUW, Michael. 2003. *The Paradigmatic Structure of Person Marking*. Oxford/N.Y.: Oxford University Press.
- GIVÓN, Talmy. 1976. Topic, pronoun, and grammatical agreement. In: Charles LI (ed), *Subject and Topic*. New York: Academic Press. 149—188.
- HALE, A. 1980. Person markers: finite conjunct and disjunct forms in Newari. In: TRAIL R. (ed.), *Papers in Southeast Asian Linguistics 7*. Canberra: Pacific Linguistics, 95—106.
- HARRIS, Alice. 2002. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- HELMBRECHT, Johannes. 1996. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung 49*: 127—148.
- HOLISKY, D. A. 1987. The case of the intransitive subject in Tsova-Tush (Batsbi). In: R. M. W. DIXON (ed.), *Studies in ergativity*. Amsterdam: North Holland, 103 — 132.

- HOLISKY, D. A., and Rusudan GAGUA. 1994. Tsova-Tush (Batsbi). In: Rieks SMEETS (ed.). *The Indigenous languages of the Caucasus, vol. 4: The North-East Caucasian languages, part 2*, pp. 147 – 212. Delmar/New York: Caravan Books.
- KOJIMA, Yasuhiro. 2008. Person agreement and cliticization of personal pronouns in Batsbi. Paper presented at: *Morphological Variation and Change in Languages of the Caucasus. Workshop at the 13th International Morphology Meeting, February 2008, Vienna, Austria* (<http://www.let.uu.nl/~nino.amiridze/personal/papers/MVCLC/Kojima.pdf>).
- LEHMANN, Christian. 1988. On the function of agreement. In: M. BARLOW and Ch. A. FERGUSON (eds.), *Agreement in Natural Languages. Approaches, Theories, Descriptions*. Stanford: CSLI. 55–65.
- LEHMANN, Christian. 1995. *Thoughts on Grammaticalization*. (Lincom Studies in Theoretical Linguistics, 1). Unterschleissheim: Lincom Europa.
- NIKOLAYEV, S. L. and STAROSTIN, S. A. 1994. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- SCHULZE, Wolfgang. 2007. *The Lak language*. Ms. (<http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/Lak.htm>).
- SCHULZE, Wolfgang. 2004. Review of Alice C. HARRIS. 'Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax'. *Studies in Language* 28: 419 – 441.
- SCHULZE, Wolfgang. 2001. *An Online Grammar of Udi* (http://wolfgangschulze.in-devir.com/index.php?option=com_content&task=view&id=21&Itemid=48).
- SCHULZE, Wolfgang. *Personal flexion in den Ostkaukasischen Sprachen*. 1998 (2007). Ms. (<http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/agroks.pdf>).
- SIEWIERSKA, Anna. 2004. *Person*. Cambridge: Cambridge University Press.
- SILVERSTEIN, Michael. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In: R.M.W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra. P. 112–171.
- SUMBATOVA, N. R. In print. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems. To be published in: AUTHIER, Gilles & Timur MAISAK (eds.), *Tense, Aspect, Modality and Finiteness in Daghestanian*. Bochum: Brockmeyer, 2010. (Diversitas Linguarum)
- SUMBATOVA, N. R., and R. O. MUTALOV. 2003. *A Grammar of Icaric Dargwa*. (Languages of the Worlds/Materials 92.) München: LINCOM Europa.
- TROUBETZKOY, N. S. 1929. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchénolesghiennes (caucasiennes-orientales). *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. 29 fasc.3 (No.88): 153–171.

Lak and Dargwa, unlike most other languages of the Nakh-Daghestanian language family, are characterized by relatively complex systems of personal agreement with several heterogeneous sets of person markers. A part of these markers developed out of personal pronouns (Troubetzkoy 1929; Nikolayev and Starostin 1994), which are known as the most typical source of person agreement cross-linguistically. However, the origin of most person markers in Lak and Dargwa is still unknown.

This paper treats some grammatical properties of personal agreement in different dialects of Dargwa, including the morphology of person marking, the type of personal opposition observed in each dialect, the rules of agreement control and the type of personal hierarchy realized in each dialect. In Dargwa, two basic tendencies of person ranking are observed: some dialects (especially those located in the North of the Dargwa-speaking area) invariably place the first and second person on the same hierarchy level; other dialects (especially those located in the South and South-West) give preference to the second person.

The synchronic properties of personal agreement in Dargwa help to arrive at a suggestion concerning the origin of the highly untypical personal opposition observed in most TAM paradigms of Dargwa where the second person singular forms are opposed to the forms covering the first person (singular and plural) and the second person plural (2SG vs. 1SG & 1PL & 2PL). This hypothesis explains this paradigm structure as a result of the grammaticalization of an allocutive clitic marking the plural addressee.

Keywords: Nakh-Daghestanian (East-Caucasian) languages, Dargwa (Dargi), person agreement, agreement control, person hierarchy, allocutive marker.

Søren Wichmann
Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology & Leiden University

Eric W. Holman
University of California, Los Angeles

Dietrich Stauffer
University of Cologne

Cecil H. Brown
Northern Illinois University

Similarities among languages of the Americas: An exploration of the WALS evidence

An exploration of WALS (i.e. the *World Atlas of Language Structures*, edited by Haspelmath et al., 2005) has brought out a number of linguistic features that are significantly better represented in the New World than anywhere else. 24 such features remain when features that are restricted to certain subareas of the Americas are excluded. Two possible explanations are consistent with the available data. The features in question may be inherited from some language ancestral to all or most of the languages of the Americas. Alternatively, the features may be diffused across distances much greater than typically encountered in language areas. More data will be necessary to decide between these explanations.

Keywords: Native American languages, linguistic typology, language traits, genetic relationship, areal diffusion.

Methods and results

As a source for comparing languages of the Americas, we have been using the *World Atlas of Language Structures* (Haspelmath et al. eds., 2005, henceforth WALS). It contains data from 2560 languages and shows the distribution of various structural language traits pertaining to domains such as phonology, morphology, and syntax, which are plotted on approximately 140 world maps.

Initially we made a statistical test on the totality of the data in WALS to determine whether there was a significant difference between Native American languages and languages of the rest of the world with respect to typological features. Using a randomization technique we were able to determine that the languages of the Americas indeed do stand out, and that the probability that this could be due to chance is less than 0.0001. We next looked at the individual traits in New World languages, mostly grammatical in nature, contributing to the total difference. We uncovered a number of traits that are significantly more widespread in Americas as opposed to the rest of the world. When adding the criterion that these traits must not be found in only one part of the Americas or in adjacent parts only, the number of traits was reduced to 24. All of these 24 traits are more-or-less uniformly distributed through all regions of the Western Hemisphere. The list of traits is given in Table 1 (here “f” stands for ‘feature’ and “v” for ‘value number’ in WALS).

Having ruled out chance as the origin of the New World/Old World difference, two viable explanations remained. The first of these we call the founder-effect model. According to this

Table 1. 24 traits that are significantly better represented in the New World than elsewhere. OW = % occurrence in Old World sample; NW: % occurrence in New World sample; V: % variance explained

Trait	OW	NW	V
Intensifiers and reflexive pronouns are differentiated f(47), v(2)	16	81	40.8
Initial interrogative phrase f(93), v(1)	9	64	31.2
Conjunctions and universal quantifiers are formally different f(56), v(1)	30	88	22.6
Non-reduction in relativization on subjects f(122), v(2)	9	48	17.4
Epistemic possibility realized by affixes on verbs f(75), v(2)	27	67	14.1
No dominant order of object, oblique, and verb f(84), v(6)	10	45	11.9
Reciprocal construction identical to reflexive f(106), v(4)	14	46	10.8
Verb-subject order f(82), v(2)	3	29	10.0
Contrast between nasalized and non-nasalized vowels f(10), v(1)	9	37	9.2
Verbal encoding of predicative adjectives f(118), v(1)	28	59	9.1
Small vowel quality inventory f(2), v(1)	8	34	8.2
No overlap between situational and epistemic modal marking f(76), v(3)	43	72	6.8
Pronominal subjects expressed as affixes on verbs f(101), v(2) ¹	42	69	5.9
The verb “give” involves a secondary object construction f(105), v(3)	12	35	5.6
No voicing contrast in plosives and fricatives f(4), v(1)	27	53	5.5
Nominal plurality encoded by plural word f(33), v(7)	3	21	5.1
Case expressed by postpositional clitics f(51), v(6)	6	25	5.0
Coding of evidentiality by separate particle f(78), v(4)	5	23	4.4
Subject clitics on variable host f(101), v(3) ¹	0	12	4.3
No front rounded vowels f(11), v(1)	86	98	4.3
Polar questions involve interrogative verb morphology f(116), v(2)	15	36	4.1
Only inclusive distinction in verbal inflection f(40), v(4)	0	10	3.7
Prohibitive expressed by imperative plus declarative negation f(71), v(1)	12	30	3.6
N-M pronouns, paradigmatic f(137), v(2)	3	17	3.6

model the higher frequency of occurrence of certain structural traits in New World languages compared to Old World languages is due to the inheritance of those traits from a founder language or from a very small number of structurally similar founder languages ancestral to all contemporary languages of the Americas. Such a model is also becoming increasingly better supported from genetics. Recent studies show support for a single wave of migration into the New World (e.g., Stone and Stoneking 1998, Silva et al. 2002, Zegura et al. 2004). So while geneticists are increasingly moving away from the Greenbergian tripartite model they are now supporting an even more radical hypothesis entailing a single origin of all Native Americans.

¹ Two of the traits refer to the same feature: values 2 (subject affixes) and 3 (subject clitics) for feature 101. Cliticization may be interpreted as the original state and affixation simply as a further development.

The second explanation is the diffusional model. Old and New World trait frequency differences may be explained by borrowing. For example, at some point in the past a single language trait may have occurred at approximately the same frequency in both Old and New World languages. For whatever reason, in the Americas the trait could have been widely borrowed by languages lacking it from languages possessing it. If such a diffusion event did not also occur for languages of the Old World, then a situation would develop in which the percentage of New World languages in which the trait is present would become substantially greater than the percentage of Old World languages that possess it.

Diffusion is rarely studied quantitatively, so there is no available yardstick to tell us exactly how many traits it takes which are generally shared in an area and are infrequent elsewhere to argue that some common ancestor is involved. What we did, then, was to make binary comparisons involving groups of languages of several different world regions in order to look at the behavior of other areas where language families are known or at least believed not to be related. It turned out that when we compared any particular group of languages of our WALS sample that were geographically conjunctive, e.g., languages of Asia or languages of Europe, with any other group of geographically conjunctive languages, total-data randomization tests almost always showed a statistically significant difference in the percentage of occurrence of structural traits between groups. This was true of groups of languages of both small and large geographic regions. For instance, Europe turned out to have more traits that are significantly better represented in this region than elsewhere than do the Americas. So it became apparent to us that the New World versus Old World finding was hardly exceptional, but, rather, more like the norm.

This result clearly indicates that structural traits readily diffuse across geographically conjunctive languages, even if the geographic areas are enormous regions such as the whole Western Hemisphere. Thus, we could not rule out the possibility that significant differences between Old and New Worlds in the occurrence of structural traits of language are due to diffusion of different sets of traits across the two respective gigantic regions of the world rather than to a New World founder effect.

Given the ubiquity of diffusion, the next question is whether quantitative study might produce a baseline for diffusion against which a founder effect might be discerned. In order to address this question we introduce the strategy of analyzing spatial autocorrelations (Holman et al. 2007). Spatial autocorrelation refers to a systematic decrease in the similarity among the members of a set of entities as the geographical distance increases. It is a phenomenon well known in many branches of science, including genetics (e. g., Wright 1943) and geography (e. g., Tobler 1970). Nevertheless, within linguistics at large the phenomenon has previously been studied only in dialects (e. g., Séguy 1971, Nerbonne and Kleiweg 2007) and a few closely related languages (Cavalli-Sforza and Wang 1986). In order to acquire an understanding of the factors that have an effect on the spatial autocorrelation of languages we have employed computer simulations where we varied parameters such as the rate of internal language change, the amount of diffusion, the speed of migration, and the amount of language shift. The simulations indicate that at relatively large distances, the only relevant parameter that can substantially affect the curve for spatial autocorrelation is descent from a common ancestor vs. non-relatedness. In the WALS data, empirical spatial autocorrelation curves show much more similarity among related languages (in the same family) than among unrelated languages (in different families) at all distances. The simulations combined with the empirical results lead to the prediction that if the languages in different New World families are descended from a common founder, then their curve should show more similarity at large distances than the curve for different Old World families. A difference in the predicted direction does indeed appear in the WALS data, but it is not statistically significant.

This inconclusive result raises the question whether the WALS features are stable enough through time to preserve ancestral information since the peopling of the Americas. Our investigations of stability (Wichmann and Holman 2009) suggest that only the most stable features have much chance of retaining the same value for as long as 12,000 years. This finding implies two further predictions about New World languages from the hypothesis of common ancestry. First, the most stable features should show greater similarity between languages in different families than do the other features. A difference in the predicted direction is again observed, and again it is not statistically significant. Second, Table 1 should contain a disproportionate share of very stable features. In fact, the distribution of stability in Table 1 is practically the same as in WALS as a whole.

Conclusions

Although the present results do not allow a decision about whether the similarities among New World languages reflect ancestry or diffusion, they do suggest that the question may be decidable given enough data. The computer simulations show that ancestry can be disentangled from other parameters under the right conditions. The stability data show further that the relevant time depths may be within reach of the most stable features.

In any case, the features in Table 1 are worthy of attention. If the languages of the New World share a common ancestor, then the features give the best available typological description of this ancestor. Otherwise, the features are evidence for a language area spanning two continents.

Perhaps even more important is the progress that we believe we have made towards understanding how to deal with the distribution of typological features. Various attempts to build actual phylogenetic trees cutting across the established language families of the Americas using WALS data have been inconclusive. We believe that this is mainly due to the scarcity of data. The WALS database is very heterogeneous and only around 100 languages have been investigated for all or nearly all features. This means that the sample of Native American languages for which any sensible comparisons can be made is very small. Adding more data is crucial if we are to make further progress. Geneticists operate with a concept called ‘total evidence’, that is an approach that draws upon all available data, whether morphological or molecular. The ‘total evidence’ approach is generally considered preferable. Similarly, in comparative linguistics we should use all the evidence we have, combining lexical and typological comparisons.

Doing this in a systematic may eventually help us to unravel the mystery that the Americas are supposed to have been settled in one or just a few migrations yet they are home to more language families than any other region in the world.

Literature

- CAVALLI-SFORZA, Luigi Luca, William S.-Y. WANG. 1986. Spatial distance of lexical replacement. *Language* 62: 38–55.
- HASPELMATH, Martin, Matthew DRYER, David GIL, and Bernard COMRIE (eds.). 2005. *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press.
- HOLMAN, Eric W., Christian SCHULZE, Dietrich STAUFFER, and Søren WICHMANN. 2007. On the relation between structural diversity and geographical distance among languages: observations and computer simulations. *Linguistic Typology* 11.2: 395–423.
- NERBONNE, John and Peter KLEIWEG. 2007. Toward a dialectological yardstick. *Journal of Quantitative Linguistics* 14: 148–167.

- SÉGUY, Jean. 1971. La relation entre la distance spatiale et la distance lexicale. *Revue de linguistique romane* 35: 335–357.
- SILVA Jr., Wilson A., Sandro L. BONATTO, Adriano J. HOLANDA, Andrea K. RIBEIRO-DOS-SANTOS, Beatriz M. PAIXÃO, Gustavo H. GOLDMAN, Kiyoko ABE-SANDES, Luis RODRIGUEZ-DELFIN, Marcela BARBOSA, Maria Luiza PAÇÓ-LARSON, Maria Luiza PETZL-ERLER, Valeria VALENTE, Sidney E. B. SANTOS, and Marco A. ZAGO. 2002. Mitochondrial genome diversity of Native Americans supports a single early entry of founder populations into America. *American Journal of Human Genetics* 71: 187–192.
- STONE, Anne C. and Mark STONEKING. 1998. mtDNA analysis of a prehistoric Oneota population: implications for the peopling of the New World. *The American Journal of Human Genetics* 62: 1152–1170.
- TOBLER, Waldo. 1970. A computer movie simulating urban growth in the Detroit region. *Economic Geography* 46: 234–240.
- WICHMANN, Søren and Eric W. HOLMAN. 2009. *Assessing Temporal Stability for Linguistic Typological Features*. München: LINCOM Europa.
- WRIGHT, Sewall. 1943. Isolation by distance. *Genetics* 28: 114–138.
- ZEGURA, Stephen L., Tatiana M. KARAFET, Lev A. ZHIVOTOVSKY, and Michael F. HAMMER. 2004. High-resolution SNPs and microsatellite haplotypes point to a single, recent entry of Native American Y chromosomes into the Americas. *Molecular Biology and Evolution* 21: 164–175.

Анализ Всемирного атласа языковых структур (*World Atlas of Language Structures*, под редакцией М. Хаспельмата и др., 2005) позволяет выявить набор лингвистических признаков, в гораздо большей степени характерных для языков Нового Света, чем для каких-либо других ареалов. Исключив признаки, локализованные лишь в отдельных микроареалах Америки, упомянутый набор можно свести к 24 элементам. Интерпретировать полученные данные можно двумя разными способами. Во-первых, эти признаки могли быть унаследованы от общего языка-предка всех (или большинства) языков Америки. Во-вторых, они могли появиться в этих языках вследствие ареальной диффузии, хотя радиус такой диффузии был бы значительно больше, чем это обычно бывает в такого рода ситуациях. Для того, чтобы отдать явное предпочтение одному из этих объяснений, необходимы новые данные.

Ключевые слова: языки американских индейцев, лингвистическая типология, языковые особенности, языковое родство, ареальное распространение.

Arnaud Fournet
La Garenne Colombes, France

Allan R. Bomhard
Charleston, South Carolina

Response to Alexei Kassian's review of *The Indo-European Elements in Hurrian*

First, the authors would like to express their appreciation to Alexei Kassian for his efforts in reviewing their joint monograph *The Indo-European Elements in Hurrian*. In addition, the review is valuable for providing new lexical material, which can be harnessed to consolidate the initial thesis. However, the authors would also like to state that, in their opinion, the review is biased and definitely cannot be considered an objective assessment of their work. The bias comes from the fact that the reviewer supports a counter-position that clearly prejudices him against alternative proposals from the outset. The counter-position, which he states at the end of the review, is his belief (p. 205) that “it is very likely that HU is an extinct member of the Sino-Caucasian macrofamily.” The authors would very much like to see the evidence for this claim.

The present paper comprises two parts: (1) a direct response to Kassian's review and (2) a number of new elements supporting the original claims, especially lexical items.

1. The review

The original purpose of F&B's monograph can be summarized as follows: it provides a presentation of the Hurrian language, a discussion of the theories describing Hurrian phonology, a grammatical description of Hurrian with parallel comparison with Proto-Indo-European, a vocabulary of Hurrian, a list of potential cognates between Hurrian and Proto-Indo-European, and, finally, a number of considerations about the proto-language which preceded Hurrian and Proto-Indo-European. This is not even addressed by Kassian in his review.

On the whole, two points are correct: (1) the monograph does not deal with Urartian, the closest sister-language of Hurrian, when it may or should do so; (2) it does not refer to some recent works, to which we have not been lucky enough to gain access. For the rest, the review is egregious for its general tendency to avoid describing or discussing the real contents of the monograph, to focus on miscellaneous insignificant details, which seem to have little purpose other than to provide the reviewer with opportunities to insert the phrase “(more) correct” when asserting his own point of view, and to deal with his personal interpretations, and quite

often his interpretations of what is not actually stated. A typical case is (p. 199): “F&B do not articulate it explicitly, but they probably imply that Hurrian is a member of the Nostratic macrofamily and, within this macrofamily, Hurrian is closer to IE than, e.g., Proto-Uralic.” In other words, the review deals with what the authors “do not articulate explicitly” and what they “probably imply”, but, at the same time, it fails to mention that the authors thoroughly discuss and examine the issue of what is the most accurate phonology for Hurrian. But it would appear that this issue just does not exist for the reviewer. In the opinion of the authors, the review is so severely tendentious that it does not enable its readers to figure out what is actually written in the monograph. Even the parts of the work that systematically describe Hurrian and then compares it with Proto-Indo-European seem to have been a source of problems and discomfort to the reviewer.

Throughout the review, Kassian uses phrases such as “seems improbable” and “seems more correct”, without going into detail why. The authors have extensively consulted and cited the classic works, as well as several modern works, on Hurrian. In such cases, the reviewer needs to explain why something seems improbable or more correct, citing references to back up his statements. Otherwise, he is merely offering his own, unsupported interpretations. The reviewer is correct in pointing out a number of recent works that should have been consulted as well. Unfortunately some of these works are not easily accessible, and this situation, which the reviewer dismisses as “unjustified”, is at least justified by their practical inavailability in any of France’s libraries, the country where one of the authors resides.

Moreover, some of his criticisms do not hold up under close examination. For example, the claim that the plural marker is *-na* instead of *-nna* is simply wrong. Otherwise, how can we explain numerous cases like (sg.) *ebri*, (pl.) *ebri-nna*? Likewise, the reviewer makes the following observation concerning the Hurrian acc. sg. formant *-an* (p. 201): “... I have no idea how the author [sic] came by this enigmatic Hurrian case exponent.” Strange — Speiser devotes nine pages in his 1941 book *Introduction to Hurrian* to a discussion of this formant, and the monograph brings new elements to this unresolved issue that Speiser left open. True enough, in its latest stage of development, Hurrian clearly displays characteristics of an ergative-absolutive morphological structure, but it also has remnants of earlier stages of development, and these earlier stages are discussed in detail by the authors. Indeed, one of the primary goals of the book is to explore and elucidate what those earlier stages of development may have been like, and this important aspect of the book seems either to have been misunderstood or purposely ignored by the reviewer. The failure of the reviewer to grasp the full significance of this goal means that his interpretation of the views of the authors on several key issues actually misrepresents their true views and greatly diminishes the validity of his comments and criticisms. It can be added that the frequently encountered description of Hurrian as being ergative is more or less explicitly rooted in the unproved prejudice that Hurro-Urartian is a kind of para-Caucasic language, and, consequently, the grammar must be formatted so as to fit the ergative pattern, but the language does not naturally and obviously fit that procrustean mold.

In the main body of the review, Kassian takes issue with the methodologies used and the conclusions reached. The beginning of §3 deals with the criteria that substantiate genetic relationship. Two main types are described by the reviewer: (1) grammatical criteria and (2) lexical criteria. The reviewer favors the second type as the main conclusive argumentation. He then goes on to propose that a 50-item Hurrian wordlist compiled by him be used as the basis for comparison. This point raises several issues. First of all, nothing is to be gained by using controversial methodologies and arbitrary criteria as a means to judge the validity of competing proposals or to suggest alternatives. More effective is the use of proven methodolo-

gies such as the Comparative Method and Internal Reconstruction. Their efficacy has been shown over and over again for the past two centuries. The authors have endeavored throughout to adhere strictly to these universally-accepted, time-tested methodologies. The monograph under review provides a huge body of evidence according to these methodologies, which must be addressed. Next, the reviewer must be reminded that methodologies such as glottochronology / lexicostatistics (plus a so-called Stability Index) in establishing genetic relationship remain controversial to say the least. Swadesh, himself, discusses the use and the limitations of glottochronology on pp. 271–284 of his 1971 book *The Origin and Diversification of Language*. The inconclusive results that could be achieved through this methodology have long ago led the majority of historical linguists to abandon glottochronology / lexicostatistics as a meaningful, let alone conclusive, research tool. Recent attempts to refine the methodology have also met with little acceptance. In some cases, the criticism has been quite harsh. Finally, concerning the 50-item wordlist which the reviewer arbitrarily sets up as a standard, he claims (p. 204) that “[o]nly six items on this list are etymologized by F&B.” Were the same test applied to, say, English and Bengali, the outcome would be even worse, and, yet, both are related Indo-European languages. He further adds: “Not a single entry on the Hurrian 50-item wordlist has a direct semantic match with the corresponding entry for Proto-IE. Therefore, I conclude that the Hurrian-IE root comparison also fails.” Not only is this a misuse of glottochronology / lexicostatistics, and not only is this wordlist a sort of arbitrary selection, which cannot be considered legitimate from a theoretical point of view, but the major problem from a practical point of view is that the claim made by the reviewer that not a single entry matches is nothing short of outrageously false as will be shown in the next part of this article.

The statement by the reviewer (p. 201) that “[a]n enigmatic ‘Hittite enclitic particle *-t/da*’ ‘towards’ is quoted, which does not exist” is curious. It is found in: Hittite *anda* ‘in, into; within; in addition’, *andan* ‘in, within, inside’; Cuneiform Luwian *anta*, *anda* ‘in, into’, *andan* ‘inside’; Hieroglyphic Luwian *anta* ‘in, within, into’, *antan* ‘into’; Lycian *ñte* ‘inside’. These formations have exact equivalents in Old Latin *endo* (*en+do*) ‘in, into’, Greek *ἐνδον* ‘in, within’, and Old English *intō* ‘into’. Perhaps it is better called an “allative particle”.

2. The Basic Vocabulary of Hurrian as Surveyed by the 50-Item Wordlist

As stated above, we do not accept the theoretical legitimacy of such a wordlist, but out of fairness to the reviewer, we will show that his 50-item list actually supports the claim that PIE and Hurrian are related.

1. (SI=38) Hurrian *šalmi* ‘ashes’. A clear cognate of PIE **sal-* ‘gray’: Old Ind. *sāra*, *sāla-* ‘gray’; OE *sōl* ‘dirty, dark’; Dutch *saul* id.; Old Ir. *sal*, *sa(i)le* f. ‘dirt’, *salach* ‘dirty’; Old Breton *haloc*; Welsh *halog* id. PIE **sal-uo-*: OHG *salo* ‘murky, dirty gray’; OE *salu* id. The original may be a verb **sel-* ‘to burn’ — cf. Hurrian *šal-mulušt-* ‘to burn’. The derivational suffix *-mi* is well-attested: cf. Hurrian *āl(a)mi* ‘oath’, *halmi* ‘song’, *ulmi* ‘weapon’, etc. Cf. Hurrian *šulli* ‘charcoal’.
2. (SI=33) Hurrian *eradi* ‘bird’. A clear cognate of PIE **H₁er-* ‘(large) bird’: Gk. *ὄρνις*, *-ἴθος*, Dor. *-ἴχος* ‘bird; rooster, cock, hen’, *ὄρνειον* ‘bird’; Old Ir. *irar* (Middle Ir. also *ilar*); Welsh *eryr*; Middle Bret. *erer*; Goth. *ara*; Old Ice. *ari*, *qrn* (< **arnuz*); OE *earn*, OHG *aro*, *aru* ‘eagle’; MHG. *adelar* ‘noble eagle’; NHG *Adler*; Proto-Gmc. **aran-*; Lith. *erēlis*, (dial.) *arēlis*; Old Pruss. *arelie*; Latv. *ērglis* (< **ērdlis*) ‘eagle’; Lith. *ėras*, *āras* ‘eagle’; OCS

- orǝlb* (**arila-*) ‘eagle’; Russ. *orël*, (gen.) *orlá*. Hurrian *eradi* may be dissimilated from **er-ardi*, with the collective suffix *-ardi*.
3. (SI=48) Hurrian *timere* ‘black’. A clear cognate of PIE **dhem-* ‘dark’: Old Ice. *dimmr* ‘dim, dark’, *dimma* ‘to make dark, to darken’; OE *dim* ‘dark’; OHG *timber* ‘dark, gloomy’, (*be*)*timberēn* ‘to become dark’, *petimberen* ‘to darken’, *timber-* ‘darkness’; Old Ir. *deim* ‘black, dark’. NB: the <i> of *timere* must have originally been **e* (otherwise the initial #*t-* should be spirant #š-).
 4. (SI=20) Hurrian *zurgi* ‘blood’. A clear cognate of PIE *H₁es-* ‘blood’: Old Ind. *ásṛk*, *ásṛt*, (gen.) *asnáḥ* ‘blood’; Arm. *ariun* ‘blood’ (<**esṛ-*); Gk. (poet.) *ἔαο*, *εἶαο* (Hes. *ῆαο*) ‘blood’; Old Lat. *aser* (*asser*), *assy* ‘blood’, *assarātum* ‘drink from the mixed wine and blood’; Latv. *asins* ‘blood’ (<**esen*), (pl.) *asinis*; Toch. A *ysār*; Hitt. *e-eš-ḫar*, (gen.) *ešḫanaš*. Old Ind. *ásṛk* and Hurrian *zurgi* have the same suffix *-rk(w)-*. The initial #*z-* of Hurrian is probably a reflex of the sequence **Hs-*. This new etymology is an improvement of our initial proposal in Fournet—Bomhard (2010:143).
 5. (SI=34) ‘bone’ unknown.
 6. (SI=13) Hurrian *ull-ul-* ‘to die’; *ull-* ‘to destroy’, *ulmi* ‘weapon’. A clear cognate of PIE **wel-H₂-* ‘to strike, to wound’: Hittite *wa-al-aḫ-zi*, *wa-al-ḫa-an-na-i* ‘to strike, to attack’; Luwian *u(wa)lant-* ‘death’, *u(wa)lantal(li)-* ‘mortal’; Hieroglyphic Luwian *wal(a)-* ‘death’, *walatali-* ‘mortal’; Latin *vulnus* (*volnus*) ‘wound’, *vulnerō* (*volnerō*) ‘to wound, to injure’; Old Ir. *fuil* ‘blood’; Welsh *gweli* ‘wound’; Old Ice. *valr* ‘the slain’; OE *wæl* ‘slaughter, carnage, field of battle’, *wōl* ‘pestilence, mortality, disease’; OS *wōlian* ‘to kill, to slaughter’, *wal* ‘battlefield’; OHG *wal* ‘battlefield’, *wuol* ‘defeat, ruin’; Lith. *vėli* ‘the soul of a dead person, ghost’, *vėlnias* ‘devil’, *velys* ‘death’; Toch. A *wäl-*, *wal-* ‘to die’, B *wäl-* ‘to strike, to break’.
 7. (SI=16) Hurrian *erbi*, *erwi* ‘dog’. This looks like a loanword of Indo-Iranian origin: Skt. *lopāśa* ‘fox, jackal’; Av. *urupi* ‘a kind of dog’, etc. < PIE **wlp*. Cf. Uralic **repä* ‘fox’, most probably a loanword from the same source as well. We originally suggested in Fournet—Bomhard (2010: 34) to segment *er-bi* with a suffix *-bh-*, but this does not seem the most adequate approach for this word.
 8. (SI=15) ‘to drink’ unknown.
 9. (SI=24) Hurrian *šib-* ‘dry’, attested in *šiba* ‘dried up, dried out’. A possible cognate of PIE **sei-b-* ‘to flow, to drip’: OE *sīpian*; MLG *sīpen* ‘drip, trickle’; MHG *sīfen* (st. V.) id.; Swe. (dial.) *sipa* ‘slow flow, seep, drip’; MLG *sīp* ‘brook’. Most probably a suffixal variant of **seik^w-*. The apparently paradoxical semantic derivation ‘to flow’ > ‘dry’ is attested in Latin *siccus* or Av. *hiku* ‘dry’ < **seik^w-* ‘to flow’ as well.
 10. (SI=32) Hurrian *nui* ‘ear’. A possible cognate of PIE **neu-* attested as **neus-* and **neuks-*: Goth. *bi-niuhsjan* ‘to spy out’; Old Ice. *nýsa* ‘to pry, to peer’, *njósn* ‘spying, scouting, looking out’, *njóсна* ‘to spy, to seek, to find out’; OE *nēosan*, *nēosian* ‘to investigate, to inspect’; OS *niusian*, *niusōn* ‘to investigate’; OHG *niusen* ‘to try, to probe, to discern’; Russ. *njúxat’* ‘to smell’. This tentative etymology would suggest that the original meaning of **neu-* was ‘to perceive’, hence ‘to see, to hear’.
 11. (SI=25) Hurrian *ul-* ‘to eat’. A clear cognate of PIE **H₂el-* ‘to nourish’: Lat. *alō*, *-ere* ‘to nourish, to support, to rear, to feed, to bring up’, *alimentum* ‘food, nourishment’; Osc. *altinúm* ‘food, provisions, aliment’; Old Ir. *alim* ‘I am nourishing’, *altram* ‘food’; Old Ice. *ala* ‘to nourish, to produce’; Gk. *ἄν-αλτος* ‘insatiable, gluttonous’.
 12. (SI=47) ‘egg’ unknown.
 13. (SI=4) Hurrian *ši* ‘eye’. A clear cognate of PIE **dheiH-* ‘to see’: Old Ind. *ádīdhēt* ‘he looked’; Av. *dā(y)-* ‘to see’, *daēman-* (n.) ‘eye, eyeball, look’; Gk. *σῆμα*, Dor. *σᾶμα*

- 'mark, token, sign' (< **dhiā-mṇ*). Normally, PIE **dh-* corresponds to Hurrian *t-* word-initially, but several potential cognates suggest that this phoneme #*t-* evolved into *š-* when followed by a closed vowel **i* or **u*. This sound law is supported by #13 **dhiH-* > *ši* 'eye' and #46 **dwini* > *šini* 'two', and more dubiously by #21 **duk-* (anomic variant of **deik-* 'finger') > *šukku* 'one'. The apparent exceptions like *tuw-* 'clean' or *tuwal-* 'to strike' result from assimilated **tew-* > *tuw-*. This assimilation does not happen in *tiwe* 'word' because there was a laryngeal **dheH₁-w-*. Other words with graphic *i* like *timere*, etc. may just reflect the unreliability of cuneiform to make a clear distinction between **e* and **i*. Other possible examples are *šeri* 'day' < **diH-r-* (cf. Eng. *time*, *tide*), *šešwi* 'kid' < **dhwes-* (cf. Albanian *dash* 'ram, lamb'; Gmc. **tius* 'beast' and, possibly, Lat. *bēstia*) and *šiduri* 'young woman' < **dhiH₁-* (cf. Latin *filia*). In addition, it can be noted that the pronoun 'you (Pl.)' *šši/ššu* can originate from **t-* if this sound law is accepted.
14. (SI=7) Hurrian *tari* 'fire'. A possible cognate of PIE **ters-* 'dry': Lat. *torreō* 'to burn, to dry, to roast'. In that case, the meaning 'dry' is derived from that of 'fire'. Cf. Hurrian *tarite* 'cooking-pot'.
 15. (S=43) Hurrian *uri* (variant *ugri*) 'foot'. A possible cognate of PIE **H₂er-* 'to assemble' → 'joint': Gk. ἄρ-θρον 'limb, member, joint (wrist, ankle)'; Lat. *artus*, *-ūs* 'the joints; (poet.) limbs'; Old Ind. *īrmá-h* 'arm, shoulder'; Av. *arəma-* 'arm'; Osset. *ärm* 'cupped hand', *ālm-ārīn*, *ärm-ārīn* 'elbow'; Lat. *armus* 'shoulder' or 'shoulder-blade'; Old Pruss. *irno* (f.) 'arm'.
 16. (SI=27) 'hair' unknown.
 17. (SI=11) Hurrian *šun-i* (variant *summi*) 'hand'. No clear match. The connection with PIE **dhen-* '(flat) hand': Gk. θένναρ n. 'palm, sole'; OHG (m.) *tenar*, (f.) *tenra* (< **denar-*); MHG (m.) *tener* 'flat hand' is difficult as there is no trace of **u* or **w*. Other words show that Hurrian *u* reflecting zero-grade does not cause the fricativization of dental stops. A better connection is Gmc. **θūma* 'thumb' < **teu-*, but Germanic is isolated. Cf. Sumerian SU 'hand'. Hence, possibly a loanword.
 18. (SI=49) Hurrian *pahi* 'head'. No clear match. A possibility is PIE **per-* 'front, first' with a simplification of the initial cluster **prah-* > *pah-*.
 19. (SI=45) Hurrian *haš-* 'to hear'. No clear match. A possibility is Latin *sentio* 'to feel, to perceive', if the word reflects **Hs-ent-* (cf. **Hd-ent-* 'tooth').
 20. (SI=14) Hurrian *tiša* 'heart'. No match. The initial sequence #*ti-* and the unusual final vowel *a* instead of *i* suggest that this item is a loanword of unknown origin. Sumerian ŠA(G) 'heart' is a possible origin, cf. Hatti *šagi* 'heart'. Note that this supposedly stable word is a loanword.
 21. (SI=44) 'horn' unknown.
 22. (SI=3) Hurrian *ište* (abs.), *išaš* (erg.) 'I, me, P1Sg'. We have proposed to analyze Hurrian *iš-t-* as being a suffixed form of **H₁e-*, which is evidenced in PIE **H₁e-ĝ(h)-oH* 'I' with a different suffix. This base **H₁e-* > Hurrian *i-* 'P1Sg' is also evidenced in 'we' ('P1Pl') *šattilla* (abs.), which can be analyzed as being *šatt-* 'together' plus *-i-lla*, a pluralization of 'P1Sg.' following Speiser (1943: 28 and 68). The comparanda proposed by the reviewer: North Caucasian **zō*, (erg.) **?ez(V)*, (gen.) **?iz(V)*, (obl.) **zā-*, Yenisseean **a₃*, Burushaski **a₃* 'P1Sg', do not refute the connection between PIE and Hurrian. In addition, Cf. Hebrew 'an-ī 'P1Sg' and Akkadian *-ni*, Ugaritic *-n*, Hebrew *-nī*, Syriac *-n*, Arabic *-nī*, Geez *-nī*, etc. 'P1Pl'.
 23. (SI=42) (A) Hurrian *šur-* 'to kill (a small animal)'. A possible cognate of PIE **ser(-gh)-*: Hitt. (3rd sg. pres.) *šar-ra-i* 'to separate, to divide, to break'; Ice. *sarga* 'to hack (with a blunt instrument)'; Swe. *sarga* 'to wound, to graze, to tear'; Russ. *sražát'*, *sraž'it'* 'to

- slay, to strike down, to smite'. (B) Hurrian *had-* 'to kill'. A possible cognate of PIE **H₂ed-*: Armenian *hatanem* 'to cut', *hat* 'piece, cut, slice'; Hitt. (P3 sg. pres.) *ḫa-at-zi*, *ḫa-at-ta-i*, *ḫa-at-ta-a-i*, *ḫa-ad-da-i*; *ḫa-az-zi-zi*, *ḫa-az-zi-az-zi* 'to make a hole (in), to pierce, to prick, to stab, to slash, to perforate, to penetrate, to stick (as a means of killing), to hit (a target), to strike (especially a musical instrument), to engrave (a tablet)', (nom.-acc.sg.) *ḫa-at-ta-ra-a[n]* 'prick,awl', (P1 sg. pres.) *ḫa-at-ta-ra-a-mi* 'to prick, to incise, to engrave, to inscribe', (nom.-acc. sg.) *ḫa-at-tal-la-an* 'club, mace'. (C) Hurrian *ub-* 'to kill, slaughter (a big animal)'. A possible cognate of Germanic **wepnam* 'weapon'.
24. (SI=41) 'leaf' unknown.
 25. (SI=17) Hurrian *aphe* 'louse'. No match. It is unclear what kind of connection may exist between *aphe* 'louse' and *pahi* 'head'. Cf. Sumerian EH 'insect, head louse'. The reviewer suggests a connection with Caucasian **amkV* 'some kind of insect or vermin' (p. 205). But 'louse' is either NC **nēmz-* or **qān?V*. None of the Caucasian languages supports the claim that **amkV* ever was 'louse'. According to the reviewer, "the comparison seems very likely" [sic], even though it matches neither semantically nor phonetically. It can be noted that this word may have a more general meaning: 'vermin' and translates Akkadian *kalmatu*.
 26. (SI=46) Hurrian *uzi* 'meat'. It is possible that this word is linked with Hurrian *zurgi* 'blood' and may thus represent another cognate of PIE **H₁es-* 'blood'. But it can be noted that Sumerian UZU means 'flesh'. Hence, probably a loanword.
 27. (SI=18) Hurrian *Kušuh* 'Moon-god'. This theonym cannot be taken to mean 'moon' with certainty. The writing of *Kušuh* in Ugaritic is unstable, [kdḡ] and [kzḡ], which can be interpreted as a sign that this name may be a loanword; cf. the multiple writings of *kešhi* 'throne' (< Sumerian) in Ugaritic: initial [k-], [g-], [ḡ-]. A possibility exists with PIE **kwen-* 'holy': **kwn-sH-* > *Kuš(u)h-* 'the one who makes holy (?)'. Cf. Gmc. **hunslam* > Eng. *housel*.
 28. (SI=31) Hurrian *baši* 'mouth'. The initial is proved by alternations between *paši* and *waši* (cf. Laroche 1980:197 & 295). A clear cognate of PIE **bheH₂-* 'to speak'.
 29. (SI=29) 'nail' unknown.
 30. (SI=10) 'name' unknown. Note that Hurrian *tiwe* < **dheH₁-* 'to say' means 'word'.
 31. (SI=23) Hurrian *šuhe* 'new'. No match.
 32. (SI=50) Hurrian *hurri* 'night' (?). A clear cognate of **H₂ew-* 'to spend the night, sleep' (IEW 72): Gk. *ιάύω* 'to sleep', *ἄωρος* (Sappho), *ῶρος* (Kallimachos) = *ύπνος* 'sleep'; Armenian *aganim* 'to spend the night', *aut* 'overnight rest'.
 33. (SI=29) Hurrian *punhi* 'nose'. A clear cognate of PIE **pneu-* 'to breathe': Gk. *πνέω* (*πνεύσαι*) 'to blow, to pant, to gasp, to breathe, to smell'; Gmc. **fniw-* in OE *fnēosan* 'to sneeze', MHG *pfnūsen* 'to pant, to sniff, to snort, to sneeze'; variant form Gmc. **fnēs-*, **fnōs-*, **fnas-* in OE *gefnesan* 'to sneeze', MHG *pfnāsen* 'to pant, to sniff, to snort', *pfnāst* m. 'snort', OHG *fnāsteōn* 'to pant', Old Ice. *fnōsa* 'to pant, to sniff, to snort'.
 34. (SI=30) (A) Hurrian *-w-* / *-bur-* 'not'. A possible cognate of PIE **bhe(H)* 'without': Old Ind. *bahīḥ* (m. abl.) 'outdoors, outward, outside from'; Old Pruss. *bhe* 'without' (preposition m. acc.); Lith. *bè* 'without' (preposition m. gen., and nominal prefix); Latv. *bez* 'without' (preposition m. gen., and nominal prefix); OCS *bez* etc. (dial. also *be*) 'without' (preposition m. gen., and nominal prefix). (B) Hurrian *-kk-* 'not'. This form is not attested in Urartian. It may originate in a reinforcement of *-w-/b-* by some particle.
 35. (SI=21) Hurrian *šukku* 'one'. Assuming another vowel than *-i-* in **d(e)ik-* 'finger' or *-a-* in Greek *δάκτυλος*, then *šukku* can be accounted for as being < **duk-*. Note that Gmc. 'toe' is from **doikūā-*. Another instance of **oi* > **u* that supports the development of

- *doiku-* into **dukku* > *šukku* is *šuhni* 'wall' < **dhoigh-* 'to knead or paste clay' (IEW 244). A possible cognate.
36. (SI=39) Hurrian *išena* 'rain'. No clear match. A connection with PIE **H₁eis-* 'ice, frost' is interesting, assuming some semantic shift. The final *-a* is nevertheless suspect. Cf. Akkadian *zunnu* 'rain' and *zanānu* 'to rain, fall as due'. A probable loanword. Hurrian seems to reflect a feminine word in *-at(u)*.
 37. (SI=36) Hurrian *hiuri* 'smoke'. No clear match. A connection with PIE **H₁eus-* 'to burn' is nevertheless possible if final *-s-* is dealt with as a suffix. In addition note that Hurrian *hummi* 'hearth, altar' can be another derivative of the same root.
 38. (SI=40) 'star' unknown.
 39. (SI=9) 'stone' unknown.
 40. (SI=35) Hurrian *šimigi* 'Sun-god'. As with *Kušuh* 'Moon-god', this theonym cannot be considered to mean 'sun'. This word looks somewhat like a Semitic loanword — cf. Akk. *šamaš* 'sun'. Another possibility would be PIE **dyew-magh-i* > **š_i-migi* 'Master of daylight', a variant of **dyew-pH₂ter*. The assimilation of **-a-* to *-i-* or *-e-* is supported by graphies like *š_i-me-gi*. A possible cognate.
 41. (SI=26) 'tail' unknown.
 42. (SI=5) Hurrian *-w-* / *-b* 'P2Sg, thou'. A clear cognate of PIE **t-ū* 'P2Sg, thou'. What Hurrian shows is that PIE **t-ū* is to be segmented into **t-*, represented by Hurrian *-šš-* 'P2Pl, you' (with regular spirantization because of pronominal endings *-i*, *-u*) and **-ū* 'P2Sg, thou'. Cf. PIE (gen.) **tewe*, (dat.) **toi*, **tebhi*, (acc.) **te*. The alternation evidenced in the Hurrian graphics is reflected in the Indo-European forms as well. As is the case for P1Sg, the North Caucasian forms **uō* 'thou' (the direct stem); Yenisseean **ʔaw* (*/*ʔu*) 'thou'; Burushaski **u-n* 'thou' do not refute the connection between Hurrian and PIE.
 43. (SI=8) Hurrian *irde* 'tongue'. A possible cognate of PIE **HreH-dh-* 'to articulate, to speak': Goth. *raþjō* 'number, bill, account'; OS *rethia* 'account'; OHG *radja*, *reda* 'account, conversation, story'; Old Fris. *birethia* 'to accuse'; OS *rethiōn*; OHG *red(i)ōn* 'to talk'. This semantic change is parallel to **bheH₂-(s)* > *baši* 'mouth'.
 44. (SI=22) Hurrian *šini* 'tooth'. This word cannot be derived from PIE **Hd-(e)nt-*. It looks like a Semitic loanword — cf. Akkadian *šinnu* 'tooth'. Probably a loanword.
 45. (SI=37) Hurrian *tali* 'tree'. A clear cognate of PIE **dhal-* 'to bloom; to be leafy, lush': Arm. *dalar* 'green, fresh'; Gk. *θάλλω* 'to bloom, to abound, to be luxuriant (of fruit-trees)', *θαλερός* 'fresh, blooming', *θαλλός* 'a young shoot, a young branch'; Welsh *dail* 'foliage'; Old Corn. *delen* 'leaf'.
 46. (SI=2) Hurrian *šini* 'two'. A clear cognate of PIE **dw-ol-i* 'two': Lat. *bīnī* 'every two' (distributive) and 'two' (collective) from **d_{uis}-no-*; Gmc. **twiz-na-* in OHG *zwināl*, *zwenel* 'born together, twin-born, twin-', (m.) *zwiniling*; MHG *zwinilīn* n. 'twin'; **twai-na-* in OS *twēne* 'two'; OHG *zwēne* 'two', *zwein-zug*; OS *twēn-tig*; OE *twēn-tig* '20'.
 47. (SI=28) Hurrian *šīwe*, *šīye* 'water'. A clear cognate of PIE **seu-*: Gk. *ῥεῖ* 'to rain', *ῥετός* 'rain'; Toch. B *su-* 'to rain', *swese* 'rain'; Old Pruss. *soye* 'rain'; Old Ice. *söggr* 'dank, wet'; OE *sēaw* 'juice, liquid'.
 48. (SI=1) Hurrian *šatt-i-lla* [abs.], *šie(=š=)* [erg.], *ša(=š=)* [obl.] 'P1Pl, we'. This form is related to **H₁e-s-* 'P1Sg' or maybe to PIE **_{ns-}* 'P1Pl', but there is no other case to identify what initial **_{ns-}* may become in Hurrian (cf. *Kušuh*).
 49. (SI=12) 'what?' unknown. Note that Hurrian *iya* 'which' can be compared to PIE **yo-*.
 50. (SI=6) Hurrian *abi*, *awi* 'who?'. A possible cognate of PIE **H₂ew-* 'that, other, etc.' (IEW 73–75): Gothic *-u* 'Fragepartikel'. The semantic field attested in IE languages indicates that the original meaning must have been of deictic and pronominal nature.

The different items can be assigned to the following categories:

- clear cognates: 2, 3, 4, 6, 11, 13, 22, 28, 32, 33, 42, 43, 45, 46, 47, 48;
- possible cognates: 1, 9, 10, 14, 15, 23, 34, 35, 50;
- unclear status: 18, 19, 25, 31, 37;
- unknown words: 5, 8, 12, 16, 21, 24, 27, 29, 30, 38, 39, 40, 41, 49;
- clear or probable loanwords: 7, 17, 20, 26, 36, 44.

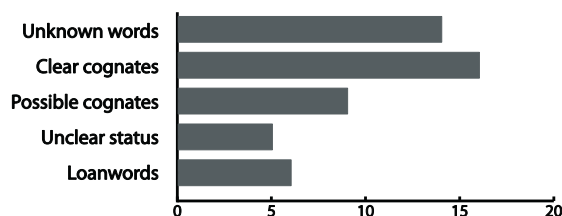

Fig. 1. Situation of Hurrian according to the 50-item word list of the reviewer

According to the reviewer, Greek and Sanskrit score 23 matches on 50, but Proto-Uralic and PIE score between between 12 to 14 matches. This can be compared with Hurrian scoring 16 clear cognates and 25 clear and possible cognates on an incomplete list of only 35 items. Even though the authors do not endorse the method followed or proposed by the reviewer, it is glaringly obvious that it actually supports their theory and completely refutes his own claim that “it should be clear to everybody who is familiar with Hurro-Urartian and IE languages that these two families are genetically unrelated.” (p. 204)

Though the authors reject nearly all of the conclusions reached and criticisms articulated in the review, they are grateful for the reviewer’s time and additional data. They also share his concerns that Hurro-Urartian reconstruction should be carried out and that an up-to-date thesaurus should be made available for further research on these languages.

Alexei Kassian

Russian State University for the Humanities (Moscow)

More about the theoretical foundations of lexicostatistics

0. Since A. Fournet and A. R. Bomhard have presented a reply to my recent unfavorable review of their monograph *The Indo-European Elements in Hurrian* (see Fournet & Bomhard 2010 and Kassian 2010) that has been accepted by the *JLR* editorial board, I am obliged to compile some kind of a “reply to reply”. My text will, however, be shorter than the one by F&B, because this time I will not be touching upon specific Hurrian data and instead confine myself to methodological matters only.

1. As I have previously pointed out (1010: 200 ff.), any pair of languages which are conventionally assumed to be genetically related at a reasonable time depth possesses a significant number of etymological matches with coinciding meanings between the basic vocabularies of these languages, most importantly, between *core* vocabulary, summarized as the 50-item wordlist. One is free to accept lexicostatistics as a working method (like, for instance, the present author) or reject “the theoretical legitimacy of such a wordlist” (as do,

for instance, the authors of the book under review), but the fact is that neither I myself, nor any of my colleagues from the Moscow school are aware of *even a single* reliable exception from the phenomenological rule stated above.¹ On account of this, I consider the presence of etymological matches with coinciding semantics between 50-item wordlists of two languages (or proto-languages) to be a *necessary condition* of recognizing genetic relationship between languages.²

I must emphasize more explicitly that a pair of etymological cognates whose meanings are different

¹ One possible exception could be, e.g., the Na-Dene affiliation of the Haida language. E. Sapir's hypothesis that Haida is genetically related to Athapaskan is not generally acknowledged, but has penetrated into certain basic linguistic *compendia*, e.g., Lewis 2009 (where Haida is classified as a separate branch of the Na-Dene family). As a matter of fact, the 50-item wordlist for Haida demonstrates a factual absence of plausible etymological matches with Na-Dene data (leading me to accept the hypothesis that numerous Haida–Na-Dene isoglosses have contact origin).

In an attempt to challenge this empirical rule, F&B in their reply claim that there are no or almost no matches between Modern English and Bengali 50-wordlists (although both languages belong to the IE family). This is not true. One can count sixteen Modern English–Bengali isoglosses with direct semantic correspondences:

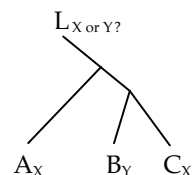
- Eng. *nail* ~ Beng. *nokh* 'id.'
- Eng. *foot* ~ Beng. *pa* 'id.'
- Eng. *horn* ~ Beng. *šing* 'id.'
- Eng. *I* ~ Beng. *ami* 'id.'
- Eng. *name* ~ Beng. *nam* 'id.'
- Eng. *new* ~ Beng. *nob* 'id.'
- Eng. *nose* ~ Beng. *nak* 'id.'
- Eng. *not* ~ Beng. *na* 'id.'
- Eng. *one* ~ Beng. *ek* 'id.'
- Eng. *star* ~ Beng. *tara* 'id.'
- Eng. *tongue* ~ Beng. *jib* 'id.'
- Eng. *tooth* ~ Beng. *dāt* 'id.'
- Eng. *two* ~ Beng. *dui* 'id.'
- Eng. *us* (obl. stem) ~ Beng. *amra* 'we' (dir. & obl. stem)
- Eng. *what* ~ Beng. *ki* 'id.'
- Eng. *who* ~ Beng. *ke* 'id.'

Of course, this list contains a number of phonetically non-transparent cognations, which we can reveal only using our knowledge of Germanic and Indo-Aryan historical phonology. But in fact, a "blind" test of Modern English–Indo-Aryan relationship also yields positive results; see Baxter & Manaster Ramer 2000 on an automated comparison algorithm for 33-item Hindi–English wordlists.

² The Moscow school does not, by any means, regard lexicostatistics as a method that is in any way alternative or opposed to the comparative method and/or internal reconstruction, as F&B state in their reply. Lexicostatistics is complementary to these procedures, and one of the major advantages it offers is that it can work as a safeguard against any possible abusing of the comparative method, which, given enough leeway and freedom of assumption on the part of the researcher, can easily lead to dubious or even absurd results.

between two compared languages constitutes positive evidence for *etymostatistics*, a very different and, at such time depths, much less reliable procedure, but not for *lexicostatistics*. For the latter only *direct* phonetic and semantic correspondences are taken into account. Thus, Lat. *nox* 'night' ~ Grk. *νύξ* 'night' is a positive lexicostatistical pair, whereas Lat. *nox* 'night' ~ Hitt. *neguz* 'evening, nightfall' is not.

A related problem, which I must additionally mention here, is how we reconstruct the basic vocabulary of the *proto-language*. Or, more precisely: in which case and for what reason we assume that the given meaning must have been expressed by the given particular reconstructed root/stem and not by another one in the *proto-language*. This question is not so trivial, and the problem is regularly omitted in various handbooks of historical linguistics.³ However, there are a number of reliable criteria, some of them internal (e. g., a transparent synchronic level derivation of the word for 'eye' from the verb 'to see' should point that such a term for 'eye' is innovative and should not be projected onto the *proto-language* level) and some external. Of the latter, the strongest criterion is the distributional one. Let us suppose the following genealogical tree where *L* is a *proto-language* and *A*, *B*, *C* are its daughter languages.

A certain word in *A* means 'X', its etymological cognate in *B* has a different meaning 'Y', whereas its cognate in *C* also means 'X'. In the absence of additional evidence, the most likely solution is that in *L* this word denoted 'X', not 'Y', since, according to general scientific principles, we should prefer the most economic scenario (one semantic shift 'X' > 'Y' in *B* vs. two independent shifts 'Y' > 'X' in *A* and *C*).

Let us illustrate this with an actual example. The best and obvious candidate for the Proto-IE word for 'bird (in general)' from the distributive viewpoint is **(a)u(e)i-*, because its proto-status is proven by independent attestations in various IE branches (OInd. *vi-*,

³ The only formal approach to semasiological reconstruction known to me is a method of semasiological tables (or semasiological grids) applied by Дыбо А. 1996 to Turkic and Iranian somatic terms of the shoulder girdle. The aforementioned method is somewhat of an elaboration on the concept definition mapping method. Unfortunately, this work by A. Dybo is available only in Russian.

Arm. *haw*, Lat. *avi-s*, all meaning ‘bird (in general)’). In other branches various independently non-matching formations for ‘bird’ are observed. E.g., in Slav. there is an etymologically obscure form **pŭt-*. On the contrary, Grk. (Hom.) ὄρνις ‘bird (in general)’ clearly originates from a specific term for ‘eagle’, since the semantics ‘eagle’ (or at least ‘a specific kind of big predatory bird’) for IE **Hor-Vn-* / **Hor-Vl-* is independently proven by data of various IE branches, according to the same distributional principle (Anatolian, Germ., Celtic, Balto-Slavic, all meaning ‘eagle’; also maybe here Arm. ‘raven’ and ‘gull’). It is curious that Proto-Greek rearranged the old IE terms for ‘bird’ and ‘eagle’, cf. αἰετός ‘eagle’, which probably originates from IE **(a)u(e)i-*. Of course, one could also assume that the Greek situation is primary, i.e. **Hor-Vn-* meant ‘bird (in general)’, whereas **(a)u(e)i-* had the meaning ‘eagle’ in Proto-IE, but such a scenario has no advantages over the traditional one, on the contrary, it requires an assumption of a much greater number of independent semantic shifts in various IE dialects.

2. In their reply, F&B propose new IE etymologies for a significant number of Hurrian words and roots from the 50-wordlist (missing from their original monograph), which allow them to claim, thereby, that Hurrian has passed the lexicostatistical test and there are no formal arguments against the Hurrian-IE theory.

Let us now look at these newly proposed etymologies.

2.1. Hurrian ~ Proto-IE.

I have counted only *four* etymologies in F&B’s reply in which the Hurrian meaning coincides with the semantics of its IE correlate, reconstructed with the proper convincing force.

- 1) Hurr. *zur(=)gi* ‘blood’ ~ IE **esHr*, obl. **esHn-* ‘blood’ (its ancestral forms are the default words for ‘blood’ in Anatolian, Tokh., OInd., Arm., Balt. & Lat.; default words for ‘blood’ in Iran., Greek, Alb., Slav. & Germ. do not match each other, representing transparent innovations).
- 2) Hurr. *iš=* [abs., erg.], *šo= / šu=* [obl.] ‘I’ ~ IE **eǵ^(h)-* ‘I’.
- 3) Hurr. *fe=* ‘thou’ ~ IE **tu* [obl.] ‘thou’.
- 4) *šin(i)* ‘2’ ~ IE *d̥u-* ‘2’.

Two of them (pronouns ‘I’ & ‘thou’) are totally unconvincing, because, in order to defend their theory, F&B are forced to arbitrarily segment IE stems into monosyllabic and monovocalic *nuclei* plus “extensions”, i. e. IE **e-ǵ^(h)-* and **t-u*. In the first case IE **e* is compared with Hurr. *i* in *iš=* (the segmentation of the Hur-

rian stem is likewise *ad hoc*). In the second case IE **u* is compared with Hurr. *ulf*. It is empirically clear, however, that using such make-shift segmentations and monosyllabic comparisons, it is easy to provide a solid list of semantically perfect and phonetically trivial etymologies between any two languages among the word. In addition I must note that, as regards IE ‘thou’, its Proto-Indo-Hittite paradigm was **ti* [direct], **tu* [obl.], see Kassian 2009: 172 f. w. prev. lit., so *-u* cannot be the main meaningful element here.

The proposed etymological solution for the word for ‘blood’ is not any more apt. The reduction of a hypothetical Proto-Hurrian-IE initial vowel is unclear. The correspondence Hurr. *ts* (graphical *z*) ~ IE **s* is unique according to F&B themselves.

The same concerns ‘2’, specially for which a new non-trivial correspondence Hurr. *si* (graphical *šī*) ~ IE **d̥u* is postulated by F&B in their reply.

2.2. Hurrian ~ Ancient Greek.

In F&B’s reply there are four Hurr.-Grk. comparisons, where the Hurrian meaning matches the Grk. semantics.

- 1) Hurr. *eradi* ‘bird’ ~ Grk. (Hom.) ὄρνις, gen. ὄρνι-θος ‘bird’.
- 2) Hurr. *iš=* [abs., erg.], *šo= / šu=* [obl.] ‘I’ ~ Grk. ἐγώ ‘I’.
- 3) Hurr. *fe=* ‘thou’ ~ Grk. σύ ‘thou’.
- 4) *šin(i)* ‘2’ ~ Grk. δύο ‘2’.

No. 2–4 are unconvincing (see the previous section for the criticism). No. 1 could be hypothetically acceptable, but note that the Grk. meaning is innovative (see section 1 above for detail).

2.3. Hurrian ~ Old Indian.

F&B’s Hurr.-OInd. comparisons with coinciding meanings are the exact same four that have already been listed in the Hurr.-IE section above.

3. Summing up, the Hurrian-IE theory does not pass the “lexicostatistical test” again. So I must repeat here the conclusion from my first review:

Fournet and Bomhard have not managed to demonstrate the relationship between Hurrian and IE. I suppose that it should be clear to everybody who is familiar with Hurro-Urartian and IE languages that these two families are genetically unrelated.

4. Taking the opportunity, I would like to update my Hurrian 50-word list from Kassian 2010. The Hurr. word for ‘what?’ has been recently revealed by Wegner 2010: Hurr. *aw=* (abs. *au=nni*).

Literature

- Baxter & Manaster Ramer 2000 — W. BAXTER, A. MANASTER-RAMER. Beyond lumping and splitting: Probabilistic issues in historical linguistics // *Time Depth in Historical Linguistics*. McDonald Institute for Archaeological Research, Oxford Publishing Press. P. 167–188.
- Fournet & Bomhard 2010 — A. FOURNET & A. R. BOMHARD. *The Indo-European Elements in Hurrian*. La Garenne Colombes / Charleston, 2010.
- IEW — J. POKORNY. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.
- Kassian 2009 — A. KASSIAN. Anatolian lexical isolates and their external Nostratic cognates // *Аспекты компаративистики 4* [*Aspects of comparative linguistics 4*] (*Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности, вып. XXVIII*). М., 2009. С. 152–186.
- Kassian 2010 — A. KASSIAN. Review of: *The Indo-European Elements in Hurrian*, by Arnaud Fournet & Allan R. Bomhard (2010) // *Journal of Language Relationship*, No. 4 (2010). P. 199–206.
- Lewis 2009 — M. P. LEWIS (ed.). *Ethnologue: Languages of the World*, 16th edition. Dallas, Tex.: SIL International, 2009. Online version: <http://www.ethnologue.com/>.
- Wegner 2010 — I. WEGNER. Das hurritische Fragepronomen *aunni* (*a-ú-u(n)-ni*) = hethitisch *kuit* // J. C. FINCKE (ed.). *Festschrift für Gernot Wilhelm anlässlich seines 65. Geburtstages am 28 Januar 2010*. ISLET, 2010. P. 403–410.
- Дыбо А. 1996 — А. В. ДЫБО. *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс)*. М., 1996.

Announcements / АНОНСЫ

Kirill Babaev

Institute of Linguistics for the Russian Academy of Sciences (Moscow)

The Niger-Congo Reconstruction Project and the Perspectives of Niger-Congo Comparative Studies

The international project “Towards Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction”¹ was initiated in 2010 by a group of scholars from Western Europe, Russia, and the United States, who gathered together as the Organising Committee with an ambitious task to present the first ever detailed and reliable comparative analysis of the largest language phylum of the world. The objective of the project is to publish a two-volume collective paper containing both the reconstructions of proto-languages for mid-range families within Niger-Congo (NC), and an attempt at the summary reconstruction of the NC proto-language.

The publication will be preceded by the Niger-Congo International Congress, to be hosted by the Center for African Linguistics, Languages and Cultures (LLACAN) in Paris in September, 2012. For this event, teams of scholars working on various families will gather together to present preliminary results of the accomplished work, and to elaborate a common understanding of what Proto-NC might have actually looked like.

The first volume of the collective paper is expected to be published in 2013 and to contain the analysis of the present-day state of the art in the comparison of the mid-level language families within NC, with the attempt to conduct respective proto-language reconstructions. This endeavour has gathered researchers from all over the planet, to cover approximately fifteen chapters of the projected volume. Derek Nurse (University of Newfoundland) and Koen Bostoen (Africa Museum, Tervuren) will organise the Bantu team. Jean-Marie Hombert (CNRS) and Larry Hyman (University of California, Berkeley) are coordinating the Bantoid-Cross section, to include input from such specialists as Bruce Connell, Jeff Good, John Watters and others. The Kru reconstruction is spearheaded by Ly-

nell Zogbo (ex-Marchese; United Bible Societies), who has already performed outstanding comparative research in this field. Yves Moñino (CNRS) is in charge of the Ubangi-Gbaya chapter. For the Dogon chapter, Jeffrey Heath (University of Michigan) and Kirill Prokhorov (Museum of Anthropology and Ethnography, St.-Petersburg) have been invited to summarise the latest extensive results of the descriptive analysis of this family. Bruce Connell (York University) is heading the research in the Ijoid field. The Mande team is coordinated by Valentin Vydrin (CNRS — INALCO, Paris/Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg) and is to include such researchers as Tatiana Nikitina, Dmitry Idiatov and the author of the present announcement. Konstantin Pozdniakov and Guillaume Segerer (CNRS) are sharing the responsibility for the various branches of what is usually called Atlantic. The Kordofanian issue will be taken up by Gerrit Dimmendaal (University of Köln), Nicolas Quint (CNRS) and others. Finally, the NC isolates deserve a separate chapter, to be provided by a team that is also led by Jean-Marie Hombert.

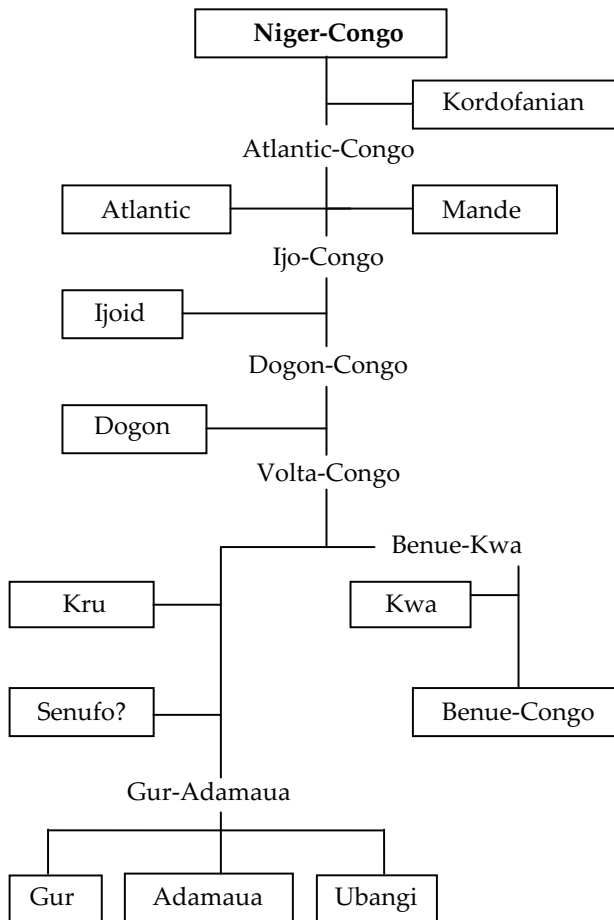
This first volume will be followed by the second one, with an analysis of Proto-NC proper; its publication is currently envisaged for no earlier than 2014.

It is, indeed, high time that such an effort be put forth. The projected publication is supposed to see the light precisely half a century after Joseph Greenberg's (1963) formal presentation of his hypothesis of a genetic relationship between ten language families of Sub-Saharan Africa (Atlantic, Mande, Gur, Kru, Adamaua, Ubangian, Dogon, Kwa, Benue-Congo, and Kordofanian) which he defined as NC (or Niger-Kordofanian). Ever since his work went into print, there has been no systematic attempt to either confirm or reject his conclusions. The author himself did not use the traditional comparative method as a tool for his pan-African linguistic theories (it was hardly possible at the time, when only a handful of Sub-Saharan

¹ The official Website for the project is located at <http://www.nigercongo.com>.

languages were even supplied with proper descriptions), but, instead, employed his well-known method of mass comparison that only allowed to draw a general sketch of the genetic classification. For nearly fifty years, Greenberg's ideas have been waiting for a re-examination by means of the strict comparative method.

Diagram 1. Niger-Congo languages (source: Segerer 2008)

Today, all of the instruments for such an analysis seem to be finally available. Within the last decades, the number of African languages discovered, studied and described has increased drastically. The level of scholarly interest for the particular families within NC varies greatly, but such phyla as Bantu, Bantoid, Kwa, Mande, and Dogon have seen a recent surge in publications, most of them being the result of extensive field work. The Mande family, for instance, does not have more than a dozen languages, out of about 70, that do not have at least a brief grammatical description. Unfortunately, the amount of reliable data on Kordofanian, Adamaua, some Benue-Congo (e.g., Kainji and Platoid) or Gur (particularly Senufo) languages remains rather scarce.

The quality of descriptive data has also improved. Fifty years ago, a great majority of papers examining

NC languages did not mark tones at all, which makes them barely usable for the purposes of studies in comparative morphophonology and morphology. Many grammatical descriptions were composed according to blueprints of classical European grammars, which led to misinterpretation of language facts for those African lects whose structure is sometimes as distant from that of European tongues as they themselves are from Europe. Nowadays, African linguistics worldwide can boast dozens of quality papers that provide detailed descriptions of phonology, tonology, and morphosyntax of languages south of the Sahara. These are not only limited to Bantu – by far the most popular subject for grammar descriptions in Africa – but also the rest of Benue-Congo (e.g., Kana (Ikoro 1996), Oko (Atoyebi 2010), etc.), Dogon (e.g., Nanga (Heath 2008)), Atlantic (e.g., Kisi (Childs 1995)) and other families.

Much of the gathered data have been studied from the typological point of view, and some of it are ready for further historical analysis. The results of the endeavour undertaken by Guillaume Segerer (2002–2010, online) to create a huge database on personal pronouns in NC and beyond are freely accessible on the Web, inspiring plenty of exciting comparative hypotheses. Research on the typology of African morphosyntax boosted by the pioneer work by Welmers (1973) has, since then, received additional important contributions from by Creissels (1991), Heine & Nurse (2000; 2008), Güldemann (2008) and others.

Comparative studies on “mid-range” families of NC have not, however, advanced to the same level as descriptive and typological scholarship. The farthest point was, without a doubt, reached by the Bantu school, which has demonstrated impressive results on both the reconstruction of Proto-Bantu and – to a slightly lesser extent – the internal classification of this largest subfamily within NC. While Guthrie's (1967–1971) classification is regarded more as a reference tool than a truly genetic grouping, some successful attempts on establishing the latter have also been made, most recently in (Nurse & Philippson 2003). Lexical, phonological and morphological reconstruction of Proto-Bantu has been a true success, despite the overwhelming amount of data to be taken into account.

For other “mid-range” families, such levels of success are still waiting to be achieved. Some progress is evident: comparative work done in Ubangian (Moñino 1985), Atlantic (Pozdniakov & Segerer 2004), Gur (Manessy 1975; Mieke 2004) and Mande (Kastenholz 1996; Выдрин 2006) has led to impressive results in the reconstruction of the respective proto-languages. In the Kru domain, it is the works by Lynell Zogbo (e.g., (Marchese 1979)) that are the most promising, and ma-

major steps forward in the reconstruction of Proto-Ijoid have also been done by Kay Williamson (ms.).

Group-level comparisons (e.g., Boyd (1974) for Adamaua, Shimizu (1971–1980) for Jukunoid, Capo (1991) for Gbe, etc.) also constitute important “intermediate” work. Nevertheless, we still lack almost any comparative research on such families and sub-families as Dogon, Kwa, some Benue-Congo, Kordofanian, and Adamaua.

Moving further up to Proto-NC *per se*, very little has been done so far. An attempt made by Hans Mukarovsky (1976–1977) to reconstruct what he called “Proto-Western Nigritic” can hardly be accepted as a contemporary approach. John Stewart’s effort (1976; 2002) produces a significantly more solid impression, even though he only used Bantu and Kwa data for his model of reconstructing Proto-NC. Kay Williamson (Williamson & Shimizu 1968; Williamson 1973) gathered extensive Benue-Congo lexical data for comparison, but, unfortunately, did not have enough time to turn it into an analysis that could probably have been the most successful individual effort in this field. Unfortunately, some recent attempts by Roger Blench to make far-reaching conclusions on NC (and even beyond) out of a few dozens of lexical roots (Blench, ms.) rather seem to be discrediting the idea of NC reconstruction than supporting it.

It is important to mention two collective volumes that effectively summarized the achievements of NC classification and description of the preceding decades, namely, (Sebeok 1971) and (Bendor-Samuel 1989). The latter publication was the last attempt to bring together most of the comparative linguists working on Sub-Saharan, and even today it still remains arguably the most cited book on NC ever since its publication. However, it only discusses issues of mid-range family reconstructions very briefly, and almost never touches on Proto-NC proper.

For over twenty years after that publication saw the light of day, no collective effort of such kind was made, and it is regrettable that the comparative study of African languages has lost much of its former stance. There are probably no more than a few dozens of scholars scattered across the planet that are now actively working on mid-range and long-range comparison of the NC languages. This lack of attention has occasionally generated thoughts that NC *cannot* be reconstructed in principle. Such skepticism is usually based on the following two arguments:

a) until we have duly reconstructed the protolanguages for *all* of Greenberg’s primary ten offshoots (and, possibly, most of the protolanguages for lower level groups as well), we cannot move on to Proto-NC — however, for at least

some of them the protolanguage does not seem to be reconstructible;

b) even if Proto-NC once existed, it is too remote from us chronologically to have a chance to be recovered.

Indeed, at least a few of Greenberg’s families are not, on any obvious level, connected with a well-shaped protolanguage. The Adamaua-Ubangian unity has been under serious question, and most specialists now agree they should be considered separately. The relationship between Benue-Congo and Kwa as branches of the NC dendrogram has been redefined several times, and their ancestral language should probably be reconstructed in common as Proto-Benue-Kwa. Within Benue-Congo itself, even more questions arise, because proposed chronological nodes such as West/East Benue-Congo, Central Nigerian, and Bantoid have not been properly proven. There is a serious problem with the Senufo languages and their status within (or beyond?) Gur, and a similar one with the Gbaya group *vs.* Ubangian. The term “Atlantic” seems to encompass at least three independent language families (Pozdniakov, p.c.), and this could also be the case with Kordofanian.

However, this does not, as some may suppose, automatically prevent the possibility of a protolanguage reconstruction for NC. It would certainly be of advantage if we had access to extensive grammars and dictionaries for all of the 1,500 languages of the NC macrofamily. Yet this is not a *conditio sine qua non* for the reconstruction of Proto-NC. The amount of language data at hand is much more demonstrative and in-depth than the one used two centuries ago to reconstruct Proto-Indo-European. Neither Schlegel or Bopp in the early 19th century, nor even the Neogrammarians half a century later possessed information about all the Indo-European languages, and it was not necessary for them to reconstruct Proto-Slavic, Proto-Iranian, or Proto-Italic in order to ultimately approach the protolanguage for the whole family. The first comparativists built a foundation based on their knowledge of four language groups within Indo-European, and their followers have contributed more data to it, one language group after another, that modified the reconstruction without completely reshaping it.

It is exactly this kind of attempt to construct a basic foundation for the NC reconstruction that is the aim of the project, mentioned at the top of this announcement.

The fact that at least some of the elements of Proto-NC can be reconstructed is much more evident today than it was at the time of Greenberg’s suggestions. This is evident both from the side of the basic lexicon, which provides quite a few reliable Proto-NC roots,

and of comparative morphosyntax. The best example of cognate morphology between families that are quite distant from each other (e.g. Bantu, Atlantic, and Kordofanian) is arguably the system of noun classes. The discovery of noun class relics in Mande has strengthened the idea of its affiliation within NC. The paradigm of personal pronouns seems to be one of the clearest proofs of genetic relationship, even though it has not, so far, been analysed in rigorous detail.

Going deeper than these first (and rather obvious) traces of kinship will by no means be an easy task. The NC macrofamily is chronologically deeper than Indo-European or Semitic, and possibly even deeper than the (generally more controversial) Nostratic. It is comparable in size with Austronesian, but far more diverse in both lexicon and language structure. Languages of West and Central Africa have been in contact and migration for thousands of years, with high degrees of convergence seriously complicating the task of differentiation between inherited data and borrowings. Finally, there is almost no historical background for the languages of Africa, with nothing like a Vedic tradition or a bunch of freshly discovered Pylos tablets to help trace diachronic language change.

What we have to deal with is a vast pile of wordlists, contemporary morphological evidence and typological surveys. Apart from the classical comparative method, any research dealing with such time depths should be armed by numerous auxiliary tools, such as diachronic typology and ways of integrating linguistic results with ethnological, anthropological, and genetic data. Taking into account the huge number of languages under discussion, it will be also important to apply a variety of statistical tests, including glottochronology; concerning the latter, the application of new, improved versions of M. Swadesh's original method actually looks quite promising (e.g., for Mande (Vydrin 2009)).

Whether all of this will be sufficient will become evident in the process; for now, it is necessary to initiate its first steps. It is, in any case, of tremendous importance for the entire field to present a serious summarization (and update) of the recent comparative work on various NC families, to produce, where possible, family reconstructions based on rigorous application of the comparative method, and then, combining data from both the reconstructions and the contemporary languages, to try to answer the most important questions: is there a Niger-Congo macrofamily? And if yes, what would its protolanguage look like?

We sincerely hope that the 50th anniversary of Greenberg's remarkable hypothesis will finally deliver these answers.

Literature

- ATOYEBI, J. D. 2010. *A Reference Grammar of Oko. A West Benue-Congo Language of North-Central Nigeria*. Köln: Rüdiger Köppe.
- BENDOR-SAMUEL, J. (ed.). 1989. *The Niger-Congo languages*. Lanham — New York — London: University Press of America.
- BLENCH, R. *The Niger-Saharan Macrophyllum*. Manuscript. [http://www.rogerblench.info/Language data/Nilo-Saharan/General/Niger-Saharan book.pdf](http://www.rogerblench.info/Language%20data/Nilo-Saharan/General/Niger-Saharan%20book.pdf)
- BOYD, R. 1974. *Etude comparative dans le groupe Adamaua*. Paris: SELAF.
- CAPO, H. 1991. A Comparative Phonology of Gbe // *Publications in African Languages and Linguistics*, 14. Berlin — NY: Foris.
- CHILDS, T. 1995. *A Grammar of Kisi, a Southern Atlantic Language*. Berlin — NY: Mouton.
- CREISSELS, D. 1991. *Description des langues négro-africaines et théorie syntaxique*. Grenoble: Université de Grenoble.
- GREENBERG, J. 1963. *The Languages of Africa*. The Hague: Mouton; IJAL 29.1, Bloomington: Indiana University Press.
- GÜLDEMANN, T. 2008. The Macro-Sudan belt: Towards identifying a linguistic area in northern sub-Saharan Africa // HEINE, B; NURSE, D. *A Linguistic Geography of Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 151–183.
- GUTHRIE, M. 1967–1971. *Comparative Bantu. An Introduction to the Comparative Linguistics and Pehisotry of the Bantu Languages*. Vols 1–4. Farnborough: Gregg International.
- HEATH, J. 2008. *A Grammar of Nanga*. Manuscript.
- HEINE, B. & D. NURSE. 2000. *African Languages: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- HEINE, B. & D. NURSE. 2008. *A Linguistic Geography of Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- IKORO, S.M. 1996. *The Kana language*. Leiden: CNWS.
- KASTENHOLZ, Raimund. 1996. *Sprachgeschichte in West-Mande. Methoden und Rekonstruktionen*. Köln: Rüdiger Köppe.
- MARCHESE, L. 1986. *Tense/aspect and the development of auxiliaries in Kru languages*. Dallas: Summer Institute of Linguistics; Arlington: University of Texas.
- MANESSY, G. 1975. *Les langues Oti-Volta. Classification généalogique d'un groupe de langues voltaïques*. Paris : SELAF.
- MIEHE, G. 2004. Les pronoms personnelles dans les langues gur // IBRISZIMOW, D. & SEGERER, G. (eds.) *Systèmes de marques personnelles en Afrique*. Collection "Afrique et Langage", 8, p. 151–162. Louvain — Paris: Peeters.

- MOÑINO, Y. 1995. *Le Proto-Gbaya: Essai de linguistique comparative historique sur vingt-et-une langues d'Afrique centrale*. Louvain-Paris: Peeters.
- MUKAROVSKY, H. 1976–1977. *A Study of Western Nigritic*. Vols 1–2. Vienna: Institut für Aegyptologie und Afrikanistik.
- NURSE, D. & G. PHILIPPSON (eds.). 2003. *The Bantu Languages*. London & New York: Routledge.
- POZDNIAKOV, K. & G. SEGERER. 2004. Reconstruction des pronoms atlantiques et typologie des systèmes pronominaux // IBRISZIMOW, D. & SEGERER, G. (eds.) *Systèmes de marques personnelles en Afrique*. Collection "Afrique et Langage", 8, p. 151–162. Louvain – Paris: Peeters.
- SEBEOK, T. (ed.). 1971. *Linguistics in Sub-Saharan Africa*. The Hague – Paris: Mouton.
- SEGERER, G. 2002–2010. *Les marques personnelles dans les langues africaines* [base de données en ligne]. <http://sumale.vjf.cnrs.fr/pronoms>.
- SEGERER, G. 2008. Les langues Niger-Congo. Chart // ЖЕЛТОВ А. Ю. [ZHELTOV, A. Y.] 2008. *Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология*. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- SHIMIZU, K. 1971–1980. *Comparative Jukunoid*, vols 1–3. Vienna: Afro-Pub.
- STEWART, J. 1976. *Towards Volta-Congo reconstructions*. Inaugural lecture. Leiden: Leiden University Press.
- STEWART, J. 2002. The potential of Proto-Potou-Akanic-Bantu as a pilot Proto-Niger-Congo, and the reconstructions updated // *Journal of African Languages and Linguistics*, 23. Pp. 197–224.
- ВЫДРИН В. Ф. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Труды Института лингвистических исследований*. Т. II, ч. 2. СПб., 2006. с. 9–252. [VYDRIN, Valentin. 2006. On the Reconstruction of the Phonological Type and Nominal Morphology of Proto-Mande // *Works of the Institute of Linguistic Research*, vol. 2, no. 2. Pp. 9–252. St. Petersburg: Nauka.]
- VYDRIN, V. 2009. On the Problem of the Proto-Mande Homeland // *Journal of Language Relationship*, vol. 1. Pp. 107–142.
- WELMERS, W. 1973. *African Language Structures*. Berkeley – Los Angeles – London: University of California.
- WILLIAMSON, K. 1973. *Benue-Congo Comparative Wordlist*, vol. 2. Ibadan: West African Linguistic Society.
- WILLIAMSON, K. *Proto-Ijoid Reconstructions*. Manuscript.
- WILLIAMSON, K. & K. SHIMIZU. 1968. *Benue-Congo Comparative Wordlist*, vol. 1. Ibadan: West African Linguistic Society.

The Journal of Indo-European Studies.
Vol. 37, 2009

Номер начинается дискуссией о методах перевода «Ригведы». Поводом служит объемная и довольно провокативная статья Карен Томсон, посвященная критике традиционных переводов «Ригведы» (Karen Thomson. *A still undeciphered text*, pp. 1—47). К. Томсон пишет о том, что для современной индологии характерен фатализм в отношении перспектив дальнейшего понимания ведийских гимнов, и корень этого безнадежного фатализма в том, что принятые методы давно исчерпали себя. В течение многих веков «Ригведа» была загадкой для профанов, и толковать ее могли лишь наследники брахманской традиции. Современная наука склоняет голову перед авторитетом комментаторов индийской традиции, что приводит к воспроизведению старых ошибок, а в конечном счете к неверной интерпретации всего текста. В то же время, сравнительно-исторические данные и, прежде всего, вытекающее из ближайшего контекста толкование могли бы дать куда больше. Карен приводит несколько примеров, иллюстрирующих ее точку зрения. Так, слово *svadhā*, традиционно переводимое как ‘жертвенный напиток’, было истолковано еще Теодором Бенфи, а позже Максом Мюллером в абстрактном значении ‘привычка, собственная природа’. Однако в современных переводах это значение, подтвержденное этимологией и подходящее ко многим контекстам, учитывается меньше, чем следовало бы. Аналогична ситуация с формой *āsā*, которую Дж. Бриттон переводит буквально — ‘ртом’, тогда как еще М. Майрхофер дал куда более уместное адвербиальное толкование ‘перед лицом, очевидно’. Затем автор разбирает несколько случаев, проанализированных ею самой более подробно в других работах. Слово *puroḷās* ведийские комментаторы понимают как ‘жертвенный рисовый шарик’, в то же время в одном из контекстов оно явно обозначает козу, что приходится понимать метафорически. Сомнение усугубляется

тем, что собственно слово *vṛhi* ‘рис’ впервые появляется только в поздневедийских текстах, и *puroḷās* служит единственным аргументом в пользу наличия в обществе Ригведы одомашненного риса. Если же, как делает К. Томсон, прибегнуть к этимологии этой ригведийской формы позднейшего *puroḷāśa*, станет ясно, что более всего уместно значение ‘первый дар’. Следующий пример — *vakṣānā*, в существующих переводах ‘утроба, живот’. Происхождение слова *vakṣānā* от корня *vakṣ* ‘расти’ в сочетании с анализом контекста позволяет перевести его как ‘плодородное место’. *Grāvan* ‘камень для выдавливания сомы’ описывается гимнами как «достойный хвалы поэт», «вдохновенный», «с громким голосом», «дружественный», но ни в коем случае не как тяжелый или легкий, большой или маленький, блестящий или шершавый. Все это наводит на мысль о том, что на самом деле слово обозначает певца и происходит от корня *gr* ‘петь’. Композит *tirōhnyam* принято считать прилагательным и переводить его как ‘вчерашний’. Однако предположение о том, что это — наречие со значением ‘целый день’, значительно проясняет «темные места», в которых раньше требовалось достраивать определяемое к предполагаемому прилагательному. *Āndhas* имеет принятые значения ‘темнота’ и ‘растение, сома, сок сомы’, однако ко многим контекстам не подходит ни одно из них. Затем Карен Томсон переходит к критике толкований, по которым принято восстанавливать природную и культурную среду ариев «Ригведы». Под сомнением оказываются *armakā* ‘руины’, *kapāla* ‘черепок’ (р. 28), *samudrā* ‘море’ и предположение о том, что река Сарасвати впадала в море (pp. 29—31). Кроме того, К. Томсон сомневается в военном предназначении колесниц (*rātha*), а также полагает, что лошади (*āśva*) занимали меньшее место в культуре «Ригведы», чем принято считать. Автор также высказывает гипотезу о том, что «Ригведа» — значительно

более древний текст, чем обычно предполагается (р. 13), что подобный обширный пересмотр переводов мог бы сильно повлиять на наши представления о культуре и природном ландшафте, окружавших авторов «Ригведы», и, возможно, позволил бы даже связать их с культурой Мохенджо-Даро (рр. 38–39). Хотя в целом претензии Карен Томсон к индологической традиции представляются нам вполне обоснованными, для столь далеко идущих выводов оснований в статье нет.

Следующая статья — ответ Петера-Арнольда Мумма из Мюнхенского университета на статью К. Томсон (Peter-Arnold Mumm. Comment on «A still undeciphered text», pp. 49–52). Мумм отдает должное фундаментальности преобразований, которые предлагает Томсон, однако возражает против полемического тона ее статьи. Он не считает возможным отказываться от «неправильного» комментаторского подхода в пользу «правильного» этимологического и контекстного, справедливо замечая, что без помощи индийской традиции текст «Ригведы» оказался бы не только непонят, но и полностью потерян для нас. Мумм предполагает возможность семантического перехода между ранним и поздним значениями слова *svadhā*, критикует Карен за то, что она, отвергая традиционные переводы слова *āndhas*, не предлагает лучшей альтернативы, и высказывает ряд других замечаний.

Ответ Стефана Циммера, в силу его невовлеченности в ведийские исследования, гораздо короче и обобщенней (Stefan Zimmer. Nic Rhodus! A brief comment on Karen Thomson, a still undeciphered text: how the scientific approach to the Rigveda would open up Indo-European studies, pp. 53–54). Он выражает удивление по поводу того, что в статье Томсон не учтены перевод и комментарий Витцеля и Гото (2007), и предлагает ей представить научному сообществу перевод хотя бы одного гимна по ее методике ради демонстрации предрекаемых радикальных перемен в толковании текста.

Третий и самый содержательный ответ представляет заметка Аско Парпола (Asko Parpola. Interpreting the Rigveda: Comments on Karen Thomson's approach, pp. 55–58). Он замечает, что *grāvan* в значении 'камень для выдавливания сомы' имеет параллель в кельтских языках, и эту точку зрения поддерживает в том числе Манфред Майрхофер. То, что *grāvan* не имеет никаких характеристик камня, по его мнению, неверно, так как стих 1.28.1 гласит: «где *grāvan* с широким основанием поднят вверх для выдавливания...», и приводит еще несколько контекстов (3.42.2, 1.15.7, 1.162.5, 10.76), аргументирующих его точку зрения. Затем он пере-

числяет примеры использования слова *rātha* в военном контексте, и добавляет, что, впрочем, основными контекстами, действительно, являются сватовство и колесничные соревнования, которые связаны с погребальным обрядом. Эта последняя связь дает возможность говорить о сходстве с греческой и балтийской культурой. В то же время у нас нет никаких достоверных свидетельств использования лошадей в цивилизации долины Инда. Нет изображения лошади, тогда как имеется множество изображений других животных, а немногочисленные костные останки можно с той же вероятностью счесть останками дикого осла. Более важным, по мнению автора, является использование в «Ригведе» слов индоевропейского происхождения *vah* ('везти') и *sakra* ('колесо'). Свидетельством о миграции ригведийских ариев из Афганистана в Пенджаб могут служить гимны 6.61, 1.40.7, 1.131.5, 1.165.8, 2.21.5, 10.49.9, 10.104.8.

В своем ответе (Karen Thomson. A still undeciphered text, continued: the reply to my critics, pp. 59–88) Карен Томсон выражает сожаление, что ее оппоненты не знакомы с предыдущими ее публикациями, где она подробнее останавливается на каждом случае переинтерпретации. Те контексты, которые, по их мнению, работают в пользу традиционного толкования, сами нередко требуют повторного анализа. Так, в гимне 1.28 неясным представляется значение слова *camī*, переведенного 'дощечка для выдавливания сомы' (рр. 62–63). В работе К. Томсон, посвященной слову *grāvan*, разбираются все случаи употребления этого слова в «Ригведе», и такие ученые, как Винфред Леманн и Манфред Майрхофер, одобрительно отзывались о ее выводах (р. 63). К сожалению, в реферируемой статье К. Томсон не дает этого разбора даже вкратце. Далее автор приводит анализ употребления еще нескольких слов, среди которых *rih* 'лизать' (р. 71), *usrā* 'рыжий' (рр. 72–75) и *purōhita* 'домашний жрец' (р. 77), а завершает статью двумя приложениями. Первое из них — список слов «Ригведы», требующих переинтерпретации в первую очередь, второе — ответ на аргументы Парпола о роли колесниц (*rātha*) в культуре ариев «Ригведы» и о свидетельствах их постепенной миграции из Афганистана.

Статья Дугласа Аль-Майни анализирует связь гомеровского гимна Деметре с этикой раннего полиса (Dr. Douglas Al-Maini. The political cosmology of the Homeric Hymn to Demeter, pp. 89–114). Гимн рассказывает о тяжбе Деметры с Аидом по поводу похищения ее дочери, Персефоны. При том, что почитание Деметры — весьма древний культ, соб-

ственно гимн датируется полисным периодом, поэтому естественно было бы встретить в нем полисную систему ценностей. Автор отмечает, что Зевс не выступает как авторитарная фигура, он вынужден удовлетворить требования Деметры, хотя сам отдал Персефону Аиду из политических соображений (из желания объединить верхний и нижний миры). Деметра, не самый влиятельный член общества богов (одинокая немолодая женщина), тем не менее, имеет возможность защитить свои интересы, как любой из граждан полиса.

Рональд Хикс (Ronald Hicks. *Cosmography in Tochmarc Étaíne*. 115—129) анализирует ирландскую повесть IX века «Сватовство к Этайн», связывая ее топонимику с мегалитическими сооружениями на территории Ирландии и сведениями об астрономических и календарных представлениях кельтов. Этайн, главная героиня, оказывается воплощением луны, а ее приключения — изменением положения луны в течение 19-летнего и 29,5-дневного циклов. Сказочная повесть в этой интерпретации предстает как мнемоническая уловка унаследованной от друидов астрономической традиции.

Мартин Хульд (Martin E. Huld. *Proto-Indo-Europeans and the squirrel, sciurus vulgaris*, pp. 130—140) пытается выяснить происхождение разнообразных индоевропейских форм со значением ‘белка’. Корень **wer-* сопровождается редупликацией, однако природа этой редупликации неясна. В одних интерпретациях она включает конечный согласный, в других нет, гласный первого слога варьируется от *i* до *ā*. Латинское *vīverra* ‘хорек’ говорит о том, что ПИЕ слово могло относиться не только к белке, но и к обширной группе мелких лесных млекопитающих. Само латинское слово, по-видимому, кельтского происхождения, что подтверждается его сходством с уэльским *gwīwer* ‘белка’ и бретонским *gwiber*. Обратное заимствование маловероятно, так как кельты, обитатели лесной местности, были, очевидно, лучше римлян знакомы с белками. Древнеангл. *āc-weorna* и древневерхненем. *eihhirno* указывают на композит прагерм. **wernan* с корнем, обозначающим ‘дуб’. Это снова наводит на мысль о том, что германцы были знакомы как с дубовыми *wernan* (белками, питающимися желудями) так и с другими мелкими лесными млекопитающими, также называемыми словом *wernan*. Древнеисл. *ikorni* ‘белка’ может быть средневековым заимствованием из континентального германского с преобразованием дифтонга *ei* в исландский долгий гласный. В балтийских языках вариативность форм особенно велика. Часть форм позволяют восстановить в первом слоге дифтонг, часть —

ā, а часть — *ē*. Славянские формы также указывают на дифтонг. Рассмотрев все многообразие форм, автор делает предположение о начальном ларингале, который вокализовался в греческом и дал *ā* в балтийских формах, а в прочих языках был утерян (р. 133). Гипотетическое субстантивированное прилагательное **A₁wér-o-* должно происходить от корня **A₁wér*, указанного у Покорного как *wer-*. Значение корня — ‘становиться вертикально, вставать, повисать’, что автор довольно смело связывает с характерной для белок привычкой внезапно вставать на задние лапки (р. 135). Изобилие рефлексов он объясняет табуизацией, что не может не вызвать недоумения — белка не является ни ценной добычей, ни опасным животным. Однако, по мнению М. Хульда, рыжий цвет беличьего меха, резкое стрекотание и любовь к дубам (дереву громовержца) могли способствовать ассоциации этого животного с громовержцем и его сакрализации (pp. 137—138). Нам, впрочем, кажется, что для того, чтобы объяснить вариативность форм для обозначения мелкого, обыденного и незначительного животного, необязательно прибегать к гипотезе о табуизации.

Статья Леонида Куликова (Leonid Kulikov. *Vedic piśá- and Atharvaveda-Saunakīya 19.49.4 = Atharvaveda-Paipalāda 14.8.4: a note on Indo-European bestiary*, pp. 141—154) также посвящена животному миру, но одновременно возвращает нас к дискуссии о «Ригведе» в начале журнала. Ведийское *piśá-* (встречающееся два раза), следуя комментарию Саяны, переводят как ‘вид оленя или антилопы’, исходное его значение — ‘пятнистый, пестрый, украшенный’, а его параллели в других языках позволяют увидеть связь этого корня с определенной частью цветовой гаммы между красным, коричневым и желтым. Два контекста, в которых встречается *piśá-* в «Ригведе» (1.64.8) и «Атхарваведе» (19.49.4 версии Шаунакия, 14.8.4 версии Пайпалада), перечисляют его в одном ряду со львом, тигром и леопардом, что не очень соответствует гипотезе о пятнистой антилопе. Естественнее связать слово *piśá-* с наименованием еще одной крупной кошки, вероятно, гепарда, тем более, что в ведийском словаре термина для этого животного нет. Интересно, что санскритское обозначение гепарда, *citraka*, буквально значит ‘пестрый, пятнистый’. Такое понимание *piśá-* дает возможность объяснить древнеиранское название леопарда **pisa-*. Быстрота гепарда и его известное дружелюбие по отношению к человеку делают очень уместным сравнение Марутов с гепардами в гимне «Ригведы» 1.64. Кроме того, если вспомнить производные от этого же

корня в других ИЕ языках, как, например, славянское *pbs-* ‘собака’ и *pbstrb* ‘пестрый’, а также использование гепардов на охоте, можно провести и определенные аналогии вне ИЕ языков. Затем, пользуясь новым толкованием, автор проясняет перевод стиха из «Атхарваеды» 19.49.4 (pp. 147–150), чем демонстрирует нам пример использования того самого метода, о непопулярности которого сожалеет Карен Томсон в своей статье.

Армен Петросян (Armen Pertosyan. *Forefather Hayk in the light of comparative Mythology*, pp. 155–163) проводит параллели между мифом о предке армян Хайке и мифологией других индоевропейских народов. Хайк предстает эпической фигурой, включающей черты индоевропейского бога-творца, патриарха богов, громовержца и бога войны. Кроме того, его образ подвергся влиянию ближневосточной мифологии.

Хуан Антонио Альварес-Педроса (Juan Antonio Álvarez-Pedrosa. *Krakow’s foundation myth: An Indo-European theme through the eyes of medieval erudition*, pp. 164–177) анализирует легенду об основании Кракова, приведенную в «*Chronica Polonorum siue originale regum et principum Poloniae*» Винченца Краковского, пытаясь вычленив в ней как элементы устной западнославянской традиции, так и заимствования из классических текстов, с которыми, без сомнения, был знаком Винцент.

В статье Стефана Циммера (Stefan Zimmer. ‘Sacrifice’ in *Proto-Indo-European*, pp. 178–190) на основании данных лексической реконструкции восстанавливается праиндоевропейский обряд жертвоприношения. В жертвоприношении участвуют две стороны: смертные (**mr̥tó-*) земные (**d^hǵ^hmóniō-*) люди и бессмертные (**ǵ^h-mr̥to-*) небесные (**deiwós*) боги. Процесс жертвоприношения обозначался корнями **H₁ǵ^h-* ‘почитание, жертвоприношение’, **ad-b^her-* ‘приносить, приносить в жертву’, а страх людей перед богами — корнем **sak-*. Жертвоприношение понималось как совместный пир богов и людей, обмен дарами, закрепляющий их договор. Богов почтительно призывают к себе (**ní-ǵ^huH-to-*) люди, усаживают на сиденья из сухой травы, угощают лучшими кусками вареного или печеного жирного мяса и лучшими напитками — водой или молоком (p. 183). В ответ на это боги дарят им такие блага, как славу, победу, дождь, сыновей, скот, богатство и процветание. Поэтические формулы дают понять, что люди обращаются к богам «стоя прямо», «простирая руки», называя их «собственными именами», то есть не как к господам, но как к своим могучим союзникам. Важнейшими элементами организации жертвоприношения, как и лю-

бого пира, являются вода (**h₂ep-/h₂ek^w-eh₂* и **ud-r/ced-nes/udōr/ud-nes*) и огонь (**ǵ^higni-* и *puH₂er-/n-*). Оба они служат средством очищения, символизируют чистоту и правду. Огонь, кроме того, является переносщим жертвы наверх посредником между людьми и богами. Он добывается архаичным способом, с помощью трения друг об друга сухих кусков дерева. В жертву приносятся домашние животные — свиньи, овцы, козы, а в особых случаях — крупный рогатый скот. Маловероятно жертвоприношение ста коров одновременно, скорее можно предположить, что обладание сотней коров обозначало большое богатство, этим и объясняется сохранение сочетания «сто коров» в индоевропейских языках (p. 186). Жертвоприношение лошади, по мнению автора, также является позднейшим явлением древнеиндийской культуры — аналогичный кельтский обряд, описанный Джеральдом Уэльским, он считает фантазией, связанной с антиирландским настроением историка и с его незнанием ирландского языка (p. 187). Кроме того, основываясь на греческих и индийских данных, можно предположить, что умершим предкам приносились такие дары, как мясные шарики, пирожки, молоко или вино (p. 187). Календарные даты, астрономические явления, важнейшие события жизни человека, политические и военные события также, по всей вероятности, сопровождались ритуалами, включавшими в себя жертвоприношения. Автор надеется на то, что уточнение картины древнеиндийского и древнегреческого ритуала поможет воссоздать праиндоевропейскую ситуацию более подробно.

Роберт Бикс (Robert Beekes. *Pre-Greek Names*, pp. 191–197) делает предположения о фонетике догреческого языка-субстрата, исходя из диалектных вариантов слов, предположительно заимствованных из догреческого неиндоевропейского языка. Главным предметом его исследования становится фонема, в греческом отраженная как *ττ/σσ/ξ/γχ*, и представленная на примере следующих слов:

θάλασσα / θάλαττα / δαλάγχα ‘море’

Παρνασσός ‘Парнас’

Ὀδυσ(σ)εύς / Ὀλυ(σ)εύς / Ὀλυτ(τ)εύς / Ὀλισεύς / Ulixēs ‘Одиссей’

ἰξάλη / ἰσσέλα / ἰσάλη / ἰτθέλα / ἰσθλή ‘овечья шкура’.

Автор интерпретирует гипотетическую догреческую фонему как палатализованный велярный *kʷ*.

Статья Михеля де Вана (Michiel de Vaan. *The derivational history of Greek ἵππος and ἵππεύς*, pp. 198–213) посвящена очередному индоевропей-

скому зоониму, корню $*h_1ku-/*h_1ekuo-$ ‘лошадь’. Праанатолийский корень $*^2ek-u-$ позволяет предположить, что позднеиндоевропейский $*h_1ekuo-$ — результат тематизации, которая могла произойти по аналогии с $*h_1ku-ós$, формой генитива единственного числа от раннеиндоевропейского $*h_1éku-s$ (pp. 199–201). ι в первом слоге греческого ἵππος, вероятно, появилось внутри кластера $h_1k\upsilon$, примеры такого вставного ι в греческом известны (p. 201). Слово ἵππεύς ‘наездник’ могло произойти от локатива единственного числа $*h_1kéu$ ‘на лошади, верхом’, а позже суффикс $-ew-$ распространился в греческом на другие имена деятеля (p. 207).

Заключается сборник статьей Э. Б. Уэст (Married Hero/Single Princess: Homer’s Nausicaa and the Indic Citrāṅgadā, pp. 214–224) о двух эпизодах древнегреческого и древнеиндийского эпоса — встрече Одиссея и Навсикаи в «Одиссее» и Арджуны и Читрангады в «Махабхарате». Хотя встреча мужчины с женщиной — не самый редкий сюжетный ход, при сопоставлении данных эпизодов выявляется ряд сходных элементов:

- 1) Герой путешествует в разлуке с женой.
- 2) Он встречается с царевной возле устья реки.

3) Герой посещает город.

4) Царевна свободно ходит по городу, это объясняется тем, что:

5) В результате непростой ситуации с наследованием царского престола царевна (а в «Одиссее» прежде всего царица Арета) обладает почти «мужским» статусом. После смерти царя феаков Рексенора у него не осталось мужского потомства. На его единственной дочери Арете женился Алкиной, младший брат Рексенора, таким образом унаследовав престол. У царя Читраваханы также не было сыновей, поэтому его сыном должен был считаться первенец его дочери Читрангады.

6) В обоих эпизодах используются сходные эпитеты богов: в «Махабхарате» Umāratīḥ «супруг Умы, Шива», в «Одиссее» — *posis Hērēs* «супруг Геры, Зевс».

7) Отец царевны предлагает герою на ней жениться. В «Одиссее» герой отвергает это предложение, в «Махабхарате» соглашается.

Автор предполагает, что эти эпизоды могут восходить к одному и тому же сюжету праиндоевропейского эпоса.